

74(2Р0С)
№ 341

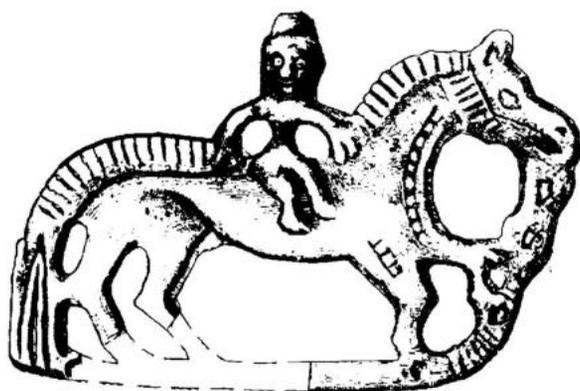

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

ЧАСТЬ I

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ПЕРМЬ
2010

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**"ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ"**
Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

В 2 ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ I

Н.Б. КРЫЛАСОВА, Ю.А. ПОДОСЁНОВА

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

*Издание 2-е, стереотипное
Учебное пособие*

Пермь
2010

УДК 903.2
ББК Т4.49 (2РОС36)

М 34

Рецензенты:

*доктор исторических наук, профессор СПбГУ Д.Г. Савинов,
кандидат исторических наук Н.В. Федорова*

М 34 МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА средневекового Предуралья. В 2 ч. — Крыласова, Н.Б. Часть I. Культура жизнеобеспечения: учебное пособие / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосёнова; Перм. гос. пед. ун-т. — 2-е изд., стер.— Пермь, 2008.— 183 с.: ил.

ISBN 978-5-85218-393-4

В учебном пособии рассматриваются вопросы истории материальной культуры средневекового населения Пермского Предуралья, а именно её значимой части - культуры жизнеобеспечения: одежда, пища, утварь, жилище. Это важнейшие составляющие культуры повседневности, во многом определяющие общий уровень развития населения.

Предназначено для студентов исторического факультета, изучающих специальный курс “История материальной культуры” в рамках специальности 050401-история.

Ил. 100. Библиогр. 118 назв.

УДК 903.2
ББК Т4.49 (2РОС36)

Рекомендовано к печати
редакционно-издательским советом
Пермского государственного педагогического университета

ISBN 978-5-85218-393-4

© Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А., 2010
© Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А., 2008
© ПГПУ, 2010

ТЕМА 1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ КАК ПОДСИСТЕМА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

§ 1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ, ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Культура в целом - это огромный и всеобъемлющий комплекс внебиологически выработанных средств деятельности, разные компоненты которого тесно взаимосвязаны между собой. Она подразделяется на *материальную* и *духовную*, причем материальная культура в теоретико-понятийном плане противопоставляется культуре духовной. Если материальная культура охватывает материально воплощенные предметы культуры, то духовная — систему знаний, представлений и общественных норм.

Предмет изучения данного курса - *материальная культура*. Познавательная **цель** изучения *материальной культуры* – выявить основные закономерности развития материальной культуры отдельных этносов и их межэтническое сопоставление, проследить пути развития форм культуры и определить движущие силы этих процессов.

В наиболее широком смысле **понятие** "*материальная культура*" объединяет *совокупность всех созданных человеческим трудом материальных предметов конкретного общества в их функциональной взаимосвязи*. Понятие "*материальная культура*" возникло в европейской науке в XIX в., и широко используется этнологами, страноведами и историками (названия этого раздела культуры в разных направлениях исторической науки отличаются, что не меняет сущности предмета).

Как и любая другая подсистема культуры, материальная культура представляет собой механизм адаптации общества к условиям природной и социальной среды, поэтому в ней находят отражение *природно-географическая среда обитания, уровень общественно-экономического развития, политическая структура, окружение* и другие конкретные исторические условия. Кроме того, материальное всегда отражает и *нравственное состояние общества*, и его *религиозные и эстетические взгляды*, и его *социально-экономический строй*. В связи с этим изучение материальной культуры, включая и социально-психологический аспект, является весьма важным и интересным. [Материальная культура, 1989, с.6]. Материальное, выраженное в вещном предмете, является основным предметом исследования археологии и этнографии.

Такие явления, как предметы обихода, утварь, одежда, жилище, пища, орудия труда, оружие, средства транспорта и пр. лишь формально являются исходными **объектами** исследования *материальной культуры*. Их всесторонний анализ является наиболее **узкой исследовательской задачей**. Но исследователя вещи интересуют не сами по себе, а в их отношении к человеку. По существу, усилия исследователей направлены, прежде всего, на изучение обстоятельств изготовления предметов обихода и их функций, добычи и приготовления пищи, постройки хозяйственных сооружений и жилищ, социальных обстоятельств и закономерностей их использования, т.е. на познание отношений между предметами и деятельностью человека, ее локальной и этнической специфики. Т. о., **основной задачей** изучения *материальной культуры* является исследование не только материально объективированных явлений культуры в сфере производства и потребления, но и связанных с ними форм человеческой деятельности.

Основными группами *источников* для изучения материальной культуры являются: 1) предметные (вещественные) источники (музейные коллекции, материалы археологических раскопок, предметы *in situ* и т.д.); 2) изобразительные источники (художественные, инженерно-технические, научные); 3) письменные источники (этнографические и не этнографические заметки, литература различных жанров, юридические документы, сообщения лиц, принадлежащих к исследуемой группе и т.д.); 4) источники, полученные изустно или визуально при обследовании этнической территории (экспедиции, интервью, наблюдения). Источниковедческие данные служат как для хронологической и пространственной фиксации, так и для этнической и социально-экономической атрибуции полученных материалов.

Среди используемых *методов* значительную роль играет *типологизация*, которая является незаменимым вспомогательным средством при изучении материальной культуры. Но при использовании этого метода наилучшие результаты получаются только тогда, когда формальная типология увязывается с функциональной. Важным инструментом исследователя является *картографирование*, которое подвергает учету явления материальной культуры и позволяет проследить структуру распространения тех или иных явлений, сигнализирует о процессах передвижения людей (миграции), в географическом соседстве отражает историческую последовательность. Для выяснения историко-этнографических и социально-экономических связей используется *историко-сравнительный метод*. Хронологическая атрибуция может быть осуществлена с помощью *естественнонаучных методов датировки* (радиоуглеродный анализ, анализ цветочной пыльцы, дендрохронология).

§2. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Этнографы характеристику материальной культуры зачастую ограничивают описанием компонентов культуры жизнеобеспечения. Во введении к своду этнографических понятий и терминов "Материальная культура" указывается, что в наиболее узком, но традиционно чаще всего употребляемом смысле, материальная культура понимается как *"материальные формы культуры, направленные на непосредственное удовлетворение витальных потребностей, т.е. на жизнеобеспечение"* [Материальная культура, 1989, с.6]. *Понятие культуры жизнеобеспечения* включает такие элементы, как *жилища и поселения, утварь, пища, одежда* и пр., которые производятся в процессе экологической адаптации общества к природной среде [Арутюнов, 1989, с.204]. А оружие, орудия труда и средства транспорта, выделяемые в особые подсистемы культуры, в исследование не включаются.

В археологии, где материальная культура является объектом изучения и концентрирует в себе все направления и результаты деятельности человека и общества, изучение культуры жизнеобеспечения остается, как правило, за кадром. Но если учесть, что повседневность охватывает всю жизненную среду человека, сферу непосредственного потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей, связанные с этим обычаи, ритуалы, формы поведения, представления, привычки, то они не могут не представлять интерес и для археологов. За решением глобальных проблем, с одной стороны, а с другой — вещественноведческими разработками, мы не очень часто выходим на уровень реконструкции социально-психологической действительности.

Если рассматривать культуру жизнеобеспечения только как часть материальной культуры, то ее составляющим будут присущи исключительно функции освоения природно-экологического пространства, защиты и физического поддержания человеческих коллективов, хотя в реальности они выполняют и социорегулирующие функции. Но элементы

культуры жизнеобеспечения помимо удовлетворения потребности людей в чисто физическом обеспечении жизни, призваны удовлетворять и иные, как бы надстраивающиеся над ними социальные потребности. Очень важное место среди них занимают престижно-символические, коммуникативные и эстетические потребности. Жизнедеятельность в своей самой элементарной биологической форме служит неременным условием для любой другой человеческой деятельности. В соответствии с этим в культуре, прежде всего, должен быть заложен механизм производства средств существования и создания с помощью этих средств достаточно комфортных условий для нормальной человеческой жизнедеятельности. Поскольку культура жизнеобеспечения составляет ту часть культуры, которая непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей, то эта система функционирует, прежде всего, в сфере потребления. Но она включает в себя и отдельные моменты производства и распределения. Поэтому, относясь в целом к области материальной культуры, культура жизнеобеспечения отражает и выражает разнообразные аспекты социальной жизни и духовной культуры, как-то: соционормативные, престижные, эстетические, ритуально-культовые и т.д. В силу этих свойств *культура жизнеобеспечения выступает в качестве того звена в огромном массиве культуры этноса, с которого удобнее всего начинать его исследование в целом* [Арутюнов, 1989, с.201]. Среди специалистов разных стран в последнее время все большее распространение получают такие современные направления исторической науки, такие, как "история ментальности", социальная история, "психологическая история", "история повседневности" и пр., объединенные общим термином "новая историческая наука". Развитие подобных направлений вполне оправданно, поскольку они уводят от изучения исключительно государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов к повседневной жизни обыкновенных людей [Оболенская, 1990]. Основные положения "новых направлений" в исторической науке следующие: во-первых, связь элементов материальной культуры (в том числе, одежды, жилища, пищи, бытовых вещей и т.д.) с эстетическими и бытовыми идеалами, когда историк пытается объять материал категориями социально-психологического характера; во-вторых, изучение "материального бытия" и повседневности как специфической сферы общественной жизни, отражающей нечто целостное и живое, присущее только этому конкретному времени.

Все подразделения культуры взаимосвязаны, и, в частности, культура жизнеобеспечения соотносится со средствами первичного производства (культуры производства), нормативами социальной организации (включая нормы и традиции семейного уклада), художественно-эстетическими воззрениями (включая все виды народного творчества), этическими и идеологическими представлениями (включая религиозные верования) и т.д. К примеру, культура жизнеобеспечения частично включает в себя и производство (строительство дома, приготовление пищи, одежды и т.д.), и некоторые функции распределения (распределение жилой площади, порядок снабжения одеждой и т.д.). Рассматривая культуру жизнеобеспечения как систему удовлетворения потребностей общественного человека, мы должны постоянно иметь в виду, что эти потребности не являются чисто физиологическими, они в большой степени социально обусловлены, что накладывает свою специфику на изучение культуры жизнеобеспечения. С.А. Арутюнов приводит в качестве примера, что, например, изучая жилище, поселение, одежду и пищу, мы порой не столько концентрируем свое внимание на чисто витальных функциях, сколько на том, как в них отразились художественно-эстетические, престижно-знаковые, этические и идеологические установки данного общества, входящие в его соционормативную и гуманитарную культуру [Арутюнов, 1989, с.201–203].

Между отдельными подсистемами культуры жизнеобеспечения, в свою очередь, также существуют пограничные компоненты. Например, очаг является деталью жилища и связан с его функционированием (отопление, освещение), но он же служит для приготовления пищи, выпечки хлеба и тем самым неразрывно связан со сферой пищи [Аругюнов, 1989, с.201].

В качестве *объекта* изучения культуры жизнеобеспечения в археологии выступают остатки животной и растительной пищи, жилищ, очагов и хозяйственных ям, комплексы погребений, содержащие совокупности элементов костюма, и, наконец, набор разнообразных предметов, использовавшихся в быту. При их изучении внимание уделяется не только морфологическому анализу, но и особенностям использования, символическому значению предметов быта, месту в общей системе бытового уклада.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. *Что включает в себя понятие "культура"?*
2. *Назовите и охарактеризуйте основные группы источников для изучения материальной культуры.*
3. *В чем заключается предмет и объект, цели и задачи дисциплины "Материальная культура"?*
4. *Что такое культура жизнеобеспечения? Как соотносятся понятия культуры жизнеобеспечения и материальная культура.*

ТЕМА 2. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ. ТЕРРИТОРИЯ, ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРИОД, ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ

Основное содержание данного пособия ориентировано на изучение культуры жизнеобеспечения населения Пермского края (Пермского Предуралья) в эпоху средневековья. *Главной целью* этого изучения является познание специфики организации быта в указанном сообществе. *Задачами изучения курса* являются: 1) ознакомление с материалами по основным компонентам культуры жизнеобеспечения (пища, жилище, костюм, предметы гигиены); 2) выделение и детальный анализ отдельных категорий бытовых предметов; 3) определение функционального назначения бытовых вещей (включая иррациональное использование), 4) датировка и выяснение особенностей эволюции элементов бытовой культуры; 5) выявление проявлений в разных сторонах быта этнического взаимодействия с родственными культурами Евразии; 6) выяснение специфики бытового уклада, свойственного жителям Пермского Предуралья.

§1. ТЕРРИТОРИЯ, ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА

Пермское Предуралье во все эпохи являлось своеобразной культурно-экологической областью, имеющей достаточно благоприятную для обитания и хозяйствования культурно-природную среду, сочетающую как возможности для обеспечения относительно высокого уровня жизни, так и прочные культурные и экономические традиции населения.

Здесь преобладает *равнинный и низменный рельеф*. Восточная часть — горная, включающая западные склоны южной части Северного и северной части Среднего Урала. С геологической точки зрения территория сложена преимущественно осадочными породами. С Печорской впадиной и северным окончанием Уфимо-Соликамской впадины связаны выходы мощных соляных источников. Территория богата *полезными ископаемыми*: поваренная соль, медные и железные руды, золото, поделочный камень и многое другое. Часть из них была известна людям с древности, и активно ими использовалась.

На территории Пермского Предуралья представлена *разветвленная гидросеть Камского бассейна*, определяющаяся рельефом местности: наличием Уральских гор на востоке, Верхнекамской возвышенности на западе, Северных Увалов на севере и северо-западе, Уфимского плато на юго-востоке региона. Возвышенности являются водосборами и водоразделами. Единственная река региона, пересекающая водоразделы с востока на запад — Чусовая, она берет начало на Среднем Урале, и пересекает Уральский хребет по так называемому "Свердловскому коридору". На западной территории Кама имеет меридиональное направление, и принимает притоки, текущие преимущественно в широтном направлении. Восточные реки, стекающие с лесистых увалов, в основном текут в широтном направлении по равнинной местности. Большая часть рек региона, особенно реки Камского правобережья, имеют спокойный равнинный характер, с развитыми поймами, изобилующими озерами, заболоченными участками, использующимися как сенокосные и выпасные угодья. Речная система в древности составляла основу для перемещения масс населения внутри региона.

По климатическому районированию Б.П. Алисова, Предуралье относится к *зоне умеренных широт* [Алисов, 1936]. Для этого региона типичны умеренное, относительно непродолжительное лето и холодная зима, длящаяся около 5-6 месяцев.

Почвы региона представлены, в основном, подзолисто-таежными и дерново-подзолистыми почвами смешанных лесов с относительно невысоким плодородием, но в Кунгурской лесостепи имеются участки оподзоленных черноземов, богатых гумусом, с высоким естественным плодородием.

Север и северо-запад региона относятся к *среднетаежной пихтово-еловой тайге*, южнее расположена южно-таежные смешанные леса с преобладанием сосны и ели и проявлением кедровой сосны, еще далее к югу, в центральной и южной части современного Пермского края находится зона смешанных лесов, где большую часть леса составляют *широколиственные породы* (липа мелколистная, вяз гладкий и дуб черешчатый, реже ильм, клен платановидный, орешник), присутствуют сосна, ель, кедровая сосна. Юго-восток средней части Пермского Предуралья в междуречье Сылвы и Ирени занят островной Кунгурской лесостепью.

Фауна смешанная: лоси, кабаны, на севере и северо-востоке региона, вплоть до бассейна рек Яйва и Кондас в ягельниках — северные олени, на востоке — сибирская косуля; хищники представлены бурый медведь, волк, лисицей, различными куньими (лесная куница, крупный уральский соболь, горностаи и пр.), по берегам рек — выдра; в лесных массивах — рысь и росомаха, белка, бурундук, заяц. Особенно много в древности было речного бобра, ряд рек Предуралья даже именуются "бобровыми". Множество птиц, в том числе перелетных. Реки в прошлом имели крупные промысловые запасы рыбы (42 вида), в т.ч., в реках печорского бассейна — семга, а в реках камского бассейна - камский лосось и проходной каспийский осетр.

Значительное природное разнообразие, возникшее в результате взаимодействия региональных особенностей климата, геологического строения, рельефа и растительного покрова, делало Пермское Предуралье привлекательным для человека экологическим районом еще с глубокой древности.

§2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

В пособии рассматривается *период средневековья с V по XV век*. На протяжении этого времени в Пермском Предуралье выделяется две археологические культуры: *ломоватовская и родановская*. Ломоватовская культура датируется V-IX вв., в ее рамках Р.Д. Голдиной выделено четыре стадии: харинская (V-VI вв.), агафоновская (к. VI-VII вв.), деменковская (к. VII-VIII вв.) и урынская (к. VIII-IX вв.) [Голдина, 1985, с.123–133, рис. 16]. Родановская культура В.А. Обориным была датирована IX-XV вв., в ней выделены лаврятский (IX — середина XII вв.) и рождественский (вторая половина XII–XV вв.) этапы [Оборин, 1999, с.257, 275].

Новые материалы исследования средневековых памятников Пермского Предуралья, полученные во время раскопок КАЭЭ ПГПУ, все более убедительно свидетельствуют о нецелесообразности проведения границы между двумя основными средневековыми культурами в IX веке. Вероятно, эта граница должна быть перенесена на рубеж XI–XII вв., когда действительно происходят коренные перемены в хозяйстве, культуре и социальных отношениях населения Пермского Предуралья (переход к пашенному земледелию, распространение профессионального ремесла, ориентированного на рынок, уменьшение размеров жилищ, появление новых форм посуды, горизонтального ткацкого станка и множества иных новшеств).

С одной стороны, эти изменения могли быть результатом естественного эволюционного процесса, но, с другой стороны, множество фактов свидетельствуют о притоке в этот период переселенцев с запада.

§3. ИСТОЧНИКИ

Основными *источниками по изучаемой теме* являются археологические материалы: 1) материалы археологических коллекций, хранящихся в фондах кабинета археологии ПГУ, Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГПУ, музеев Пермского края (Пермский краевой музей; Коми-пермяцкий окружной краеведческий музей им. Субботина-Пермяка; Чердынский краеведческий музей; Березниковский художественно-исторический музей им. Коновалова; Соликамский краеведческий музей; Ильинский краеведческий музей; Гайнский краеведческий музей; народный музей с. Майкор; школьный музей с. Рождественск), Свердловском краеведческом музее, Государственном Эрмитаже; 2) материалы отчетов о раскопках средневековых памятников в Пермском Предуралье В.А. Оборина, В.Ф. Генинга, Р.Д. Голдиной, Ю.А. Полякова, В.П. - Бочкаревой, А.М. Белавина, Г.Т. Ленц, А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой и др., записи из Дневника Теплоуховых, материалы о раскопках в Пермской области М.В. Талицкого; 3) публикации в разного рода статьях, монографических исследованиях, каталогах. Эти материалы дополнялись данными других наук — палеозоологии, археоботаники, антропологии, этнографии, фольклористики.

Необходимо отметить, что, не смотря на обширный состав источников, существует проблема неравномерности изученности средневековых памятников, особенно позднего этапа родановской культуры. По этому периоду имеются результаты раскопок ряда городищ, а информации по сельским поселениям крайне мало, в итоге отсутствует возможность объективной оценки масштабности и сущности происходящих в это время перемен в быту.

§4. ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография вопроса долгое время была весьма ограничена, что объясняется объективными факторами: в дореволюционный период источниковая база была еще слишком ограничена, чтобы делать определенные выводы о специфике бытового уклада средневекового населения Пермского Предуралья. В советский период основным направлением исследований было выделение социально-экономических формаций с определением базиса и надстройки, решение глобальных вопросов этногенеза, изучение хозяйства, древних производств, при этом изучение "материального бытия" и повседневности, вероятно, казалось чем-то несущественным, недостойным пристального внимания. Тем не менее, в работах обобщающего характера авторы не могли обойти вниманием организацию быта.

В 1951 г. вышла обобщающая статья М.В. Талицкого "Верхнее Прикамье в X–XIV вв.", основанная, главным образом, на материалах раскопок Роданова и Кылосова (Анюшкар) городищ. По существу, в этой работе выделяется новая средневековая культура Пермского Предуралья — родановская, и дается ее общая характеристика. Автор достаточно подробно описывает выявленные им на Родановом городище жилища, при характеристике основных видов хозяйственной деятельности приводит данные о продуктах, употреблявшихся в пищу, анализируя ремесло, упоминает отдельные виды бытовых предметов, производимых ремесленниками, описывает категории бытовой посуды, дает некоторое представление о родановском костюме [Талицкий, 1951].

Результаты работ Камской археологической экспедиции ПГПУ 40–50-х гг. XX в. обобщены в книге О.Н. Бадера и В.А. Оборина "На заре истории Прикамья" [Бадер, Обороин, 1958]. В главах 43–58, подготовленных В.А. Обориным, дается характеристика

средневековых культур с IV–V вв. по XV век. При написании этих разделов В.А. Оборин опирался на выводы, сделанные в кандидатской диссертации "Коми-пермяки в IX–XV вв.: (Родановская культура) [Оборин, 1957а]. При этом автор останавливается на основных составляющих элементах быта (жилище, пища, утварь, костюм), выделяет их особенности, свойственные каждому этапу, прослеживает тенденции развития. В качестве основных тенденций отмечаются уменьшение размеров жилища, вынос хозяйственной ямы из жилого помещения, усовершенствование отопительного устройства, распространение новых видов культурных растений, появление новых форм посуды и пр. Эти же выводы с некоторыми дополнениями представлены В.А. Обориным и в его последующих обобщающих работах по родановской культуре [Оборин, Балашенко, 1968; Оборин, 1970; Оборин, 1999]. К примеру, в статье "Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья", кроме рассмотрения указанных элементов быта, приводится типология родановской керамики, выделяются характерные типы украшений костюма.

Обобщающий труд по материалам ломоватовской археологической культуры принадлежит Р.Д. Голдиной [Голдина, 1985]. Здесь также дается характеристика жилищ, продуктов питания, типология керамики, украшений костюма.

Основные элементы бытовой материальной культуры достаточно подробно рассматриваются в монографии Р.Д. Голдиной и В.А. Кананина, обобщающей итоги исследования ломоватовских и родановских памятников верховьев р. Камы [Голдина, Кананин, 1989].

Таким образом, в подобного рода работах, дающих целостное представление об особенностях средневековых археологических культур Пермского Предуралья, представлены обобщающие данные только об основных компонентах культуры жизнеобеспечения, отдельные предметы быта или не упоминаются совсем, или приводятся без какой-либо характеристики.

Значительный вклад в изучение отдельных категорий бытовых предметов Пермского Предуралья внесла выдающаяся исследовательница Л.А. Голубева, которая довольно подробно ознакомилась с археологическими фондами кабинета археологии ПГУ, ПОКМ, других музеев Пермской области, прикамскими коллекциями из центральных музеев (ГИМ, Эрмитаж), архивными материалами, и на основании собранных сведений подготовила ряд статей, где характеризуются отдельные группы кресал, игольники, зооморфные гребни, украшения [Голубева, 1964; 1965; 1978; 1979; Голубева, Варенов, 1993], выделяются их особенности, высказывается точка зрения о прикамском происхождении отдельных типов.

В последней четверти XX в. интерес к бытовой культуре несколько возрос. Примером этого может являться диссертационное исследование Е.М. Черных "Жилища племен Прикамья I тыс. до н.э. — первой половины II тыс. н.э." [Черных, 1992], где значительное внимание уделено анализу средневекового жилища Пермского Предуралья, выявлению особенностей, отличающих его от одновременных жилищ соседних территорий. Анализу особенностей средневекового костюма изучаемой территории была посвящена диссертация Н.Б. Крыласовой [Крыласова, 2001]. В 2006 г. эта работа дополнена монографическим исследованием, написанным в соавторстве с В.А. Ивановым, где полученные выводы проверены методом математической статистики, и проведено сравнение костюма лесных оседлых жителей Прикамья и кочевников-степняков. Обращение к такого рода работе было вызвано желанием проверить на практике распространенную точку зрения о том, что истоки многих прикамских украшений, да и в целом состав костюмного комплекса, были заимствованы с юга у кочевых племен. Оказалось,

что в костюме жителей степи и леса не просто мало общего, но и состав его декоративных элементов создавался на основе совершенно разных представлений. Если у степняков костюм был набором социально значимых элементов, то у жителей Пермского Предуралья — комплексом амулетов.

В 2004 г. была защищена диссертация, где дается анализ такой категории бытовых предметов, как копоушки [Салангина, 2004].

Таким образом, существовала относительная изученность отдельных компонентов бытовой материальной культуры (жилище, костюм, ряд категорий бытовых предметов), но, тем не менее, целостного представления о бытовом укладе, об особенностях предметов быта, их функциональном назначении, не было. В 2007 г. было завершено исследование Н.Б. Крыласовой "Материальная культура и быт средневекового населения Пермского Предуралья", на котором основана монография "Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья" [Крыласова, 2007]. Это исследование положено и в основу данного пособия.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. *В чем заключается специфика природно-географической среды территории Пермского Предуралья? Чем, на Ваш взгляд, территория Пермского Предуралья привлекала человека в разные времена?*
2. *Назовите авторов и названия работ, где рассматривались основные составляющие быта на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья.*
3. *Назовите авторов и название работ, где рассматриваются отдельные категории бытовых предметов.*
4. *Какими археологическими культурами представлена эпоха средневековья на территории Пермского Предуралья, как они датируются?*

ТЕМА 3. СИСТЕМА ПИТАНИЯ И УТВАРЬ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ

Одно из ключевых мест в комплексе систем жизнеобеспечения принадлежит *пище*, составляющей самую первую *основную и повседневную витальную потребность человека*. Пища снабжает человека веществами, необходимыми для его нормального физиологического функционирования, дает запас энергоресурсов. И при решении задачи восстановления бытового уклада средневекового населения Пермского Предуралья, в первую очередь, необходимо проследить особенности питания, и на основе имеющихся археологических источников с привлечением этнографических параллелей попытаться реконструировать его систему.

Имеющиеся на сегодняшний день археологические источники позволяют, в определенной степени, установить состав употреблявшихся в пищу продуктов. Сложнее обстоит дело с выяснением кулинарных традиций. Существующие немногочисленные определения костей животных и злаков дают информацию лишь о видовом составе. Более глубокого анализа пищевых отходов, позволяющего судить об особенностях приготовления пищи, пока не проводилось. Косвенные данные о виде приготавливаемых блюд могут быть получены при анализе форм посуды и столовых приборов.

§1. СИСТЕМА ПИТАНИЯ

Человеку присуща всеядность (*зурифагия*). Необходимая калорийность пищи обеспечивается тремя основными компонентами: белками, жирами и углеводами (крахмалом и сахаром). Биологическая специфика человека требует постоянного потребления животного белка и витаминов [Материальная культура, 1989, с.134].

Система питания – это совокупность основных продуктов, употребляемых в пищу, типов блюд, приготавливаемых из них, характерных дополнительных компонентов (*приправ, специй*), способов обработки продуктов и приготовления блюд, пищевых ограничений и предпочтений, правил поведения, связанные с приготовлением и приемом пищи и т.п. В целом эта система отражает этническую и культурную историческую специфичность различных народов [Арутюнов, 1989, с.206–207, 219].

Систему питания любого общества определяет *хозяйственно-культурный тип*. Но питание, которое, естественно, зависит от природных ресурсов, в одних и тех же условиях у различных народов может быть весьма непохожим. Определяющим является хозяйственно-культурный тип, но немалое значение имеют и *этнические стереотипы* в отношении пищи.

Судя по имеющимся археологическим свидетельствам, в Пермском Предуралье в эпоху средневековья *хозяйство* было основано на земледелии в сочетании с разведением крупного и мелкого рогатого скота, с подсобной ролью рыболовства, охоты и собирательства.

Согласно классификации, предложенной С.А. Арутюновым, существует два основных типа, лежащих в основе систем питания, критерием различия которых является способ получения растительного компонента основной массы питания: через собирательство или земледелие. Значение мясной пищи несомненно, она содержит почти в готовом виде все наиболее важные вещества, в которых нуждается организм человека. Но все же, как показывают исследования этнологов, в калорийном балансе не только всех на-

родов, знакомых с земледелием, но и большинства скотоводов и охотников, преобладает доля углеводов растительного происхождения. При переходе к получению растительной пищи через земледелие существенно изменяются качественные показатели этой пищи. Намечается резкое преобладание продуктов одного-двух видов культурных растений, и среди разных компонентов растительной пищи резко возрастает доля крахмального компонента. Что касается мясной пищи, то исследования показали, что способ ее получения через охоту или скотоводство не влияет, как правило, ни на качественный состав получаемого мяса, ни даже на его удельный вес в общей системе питания [Арутюнов, 1989, с.210].

Система питания жителей Пермского Предуралья в эпоху средневековья по данной классификации, несомненно, относится к *земледельческому типу*. Земледелие здесь, возможно, появилось еще в эпоху бронзы. Во всяком случае, на поселениях гаринского и борского времени встречаются каменные наконечники мотыг. Но больше никаких достоверных свидетельств (зерна, зернотерок), не встречено. Тем не менее, наличие мотыжного земледелия предполагать можно, поскольку зачатки его в этих широтах появляются еще в эпоху неолита, земледельческие орудия могли быть, главным образом, деревянными, что доказывается находками в торфяниках Зауралья и этнографическими примерами.

Мотыжное земледелие сохранялось на территории Пермского Предуралья вплоть до рубежа X–XI веков. Со временем оно приобретало все большее значение в системе хозяйства. Во всяком случае, наличие в большинстве наиболее богатых по инвентарю мужских погребений X — начала XI вв. железных наконечников мотыг, жертвенных комплексов с зернотерками и пестами-терочниками, свидетельствует об особом отношении к этому виду хозяйственной деятельности. Данный вид земледелия, судя по всему, был малопродуктивным, и еще не мог в полной мере обеспечить все потребности в растительной пище. На поселениях ломоватовского времени не известно ям-зернохранилищ. Зерно, вероятно, хранили в керамических сосудах. Например, в нижнем слое VIII–IX вв. Лаврятского городища [Оборин, 1956, с.109–110] в постройке у очага и в ям-кладовке найдены сосуды, в одном из которых хранились зерна ячменя.

Зерно перемалывали на каменных плитах-зернотерках с помощью пестов-терочников. При таком примитивном способе переработки, вероятно, невозможно было получить достаточное количество муки для выпечки хлеба или приготовления других мучных изделий. Такой способ, скорее, годился для получения круп, которые использовались при приготовлении похлебок и каш. Несомненно, важным подспорьем в получении растительной пищи оставалось собирательство.

Наиболее ранние орудия *пашенного земледелия*, известные в Пермском Предуралье, относятся к X — началу XI в., но широкое распространение оно получило не ранее второй половины XI – XII веков. В слоях конца XI–XIII вв. значительно увеличивается количество находок зерна. М.В. Талицкий упоминал, что еще Теплоуховым на Кудымкарском городище найдены зерна злаков — пшеницы и ячменя. Большое количество злаков дали раскопки М.В. Талицкого на Родановом городище. На дне ям-кладовок и нередко на полах жилищ возле очагов собрано множество обугленных зерен пшеницы, ячменя, ржи, овса [Талицкий, 1951, с.45]. В.А. Оборин отмечал, что увеличение производства зерна в это время привело к широкому распространению на поселениях ям-кладовок, в которых найдено обугленное зерно (Анюшкар, Лаврятское, Роданово, Рождественское городища, селище Запоселье). В пробах, собранных на городище Анюшкар В.А. Обориным, среди зерновых культур первое место занимал пленчатый ячмень, встречаются зерна полбы, ржи, проса и конопля (определение А.В. Кирьянова и А.Н. Пономаревой).

В пробе из зерновой ямы-кладовки (раскопки Г.Т. Ленц) 92% составляют зерна ржи, 5,1% — гороха посевного, и в незначительных количествах содержатся ячмень обыкновенный, ячмень бутылковидный, пшеница мягкая и овес посевной (определение В.В. Туганаева). Еще М.В. Талицкий отмечал, что жителям Роданова городища был известен горох или какое-то другое растение из семейства бобовых [Талицкий, 1951, с.45]. Горох вместе с зернами полбы-двузернянки обнаружен и в одной из хозяйственных ям городища Шудьякар [Голдина, 1985, с.146]. Четыре пробы с Рождественского городища (раскопки А.М. Белавина) показали, что здесь преобладали ячмень обыкновенный (34,4%), овес посевной (23,6%), полба-двузернянка (22,1%) и мягкая пшеница (18,5%), ржи встречено относительно немного (1,4%) (определение В.В. Туганаева).

Жители Пермского Предуралья с X в. находились в тесном контакте с населением Волжской Болгарии, от которого заимствовали многие явления культуры, в том числе, вероятно, основы пашенного земледелия и некоторые кулинарные традиции. Как показывают исследования специалистов, на территории Волжской Болгарии обнаружено 15 видов культурных растений (пшеница мягкая, просо, полба, пшеница твердая, рожь, овес, горох, гречиха, лен и пр.). Преобладающей была мягкая пшеница. Она, видимо, занимала ведущее положение как наиболее ценная продовольственная культура. Самым ранним фактом возделывания пшеницы в Пермском Предуралье является обнаружение ее зерен в жертвеннике на Урынском могильнике VIII-X веков. Просо, которого раньше в Пермском Предуралье не было, несомненно, появилось здесь с булгарами, как, возможно, горох и конопля [Бадер, Оборин, 1958, с.159, 171, 175]. Специалистами отмечается значительное количество проса на болгарских памятниках, причем его семена присутствуют как в чистом виде, так и среди других культур, по-видимому, в X–XIII вв. оно не только возделывалось, но и засоряло посева. Просо в лесостепных областях издревле возделывается на вновь вспаханных целинных и залежных землях, где оно, благодаря благоприятным условиям произрастания, дает высокие урожаи. Вероятно, именно эта особенность способствовала распространению данной культуры в Прикамье, когда здесь появилось пашенное земледелие, и начали активно осваиваться новые пашни. В большом количестве в Волжской Болгарии встречаются и зерна полбы, которая возделывалась на территории бывшего Булгарского государства в течение многих столетий. Зерна овса в основном принадлежат полбяным овсам, которые сопутствуют посевам полбы, как засорители ее посевов. Смесь овса и полбы использовалась на корм скоту.

Как отмечал В.А. Оборин, наиболее значительной роль пашенного земледелия была в Обвинско-Иньвенском поречье на относительно плодородных почвах. Именно здесь чаще встречаются крупные хозяйственные ямы для хранения зерна, каменные жернова, железные серпы и косы, наиболее разнообразен состав полевых культур, включая такие южные культуры, как просо и мягкая пшеница [Оборин, 1997, с.156]. Со временем производство зерна приобрело даже товарный характер. Вполне вероятно, что древние финно-угры Прикамья вывозили в Волжскую Болгарию отборное зерно, на что указывает сходство термина (тысь), обозначающего "отборное зерно" у финно-угров, и просто "зерно" у болгар. По мнению А.М. Белавина, в Болгарию из Пермского Предуралья могли вывозить ячмень, овес, как рацион для лошадей торговых караванов [Белавин, 2000, с.136].

Интересно, что в преданиях коми неоднократно упоминается о заимствовании хлеба и пашенного земледелия от болгар, но среди возделываемых культур называются исключительно рожь, овес и ячмень [Ожегова, 1971, с.28, 35; Долдина, 1999, с.10]. В одном из преданий о Кудым-Оше рассказывается, что приплыл он однажды в устье Волги, его там стали хлебом угощать: "Ешь, дескать, это нянь, нянь (хлеб)", а он боится, не еда это, дескать. Потом откусил немного и спрашивает: "Чье это мясо, какого зверя?", а ему "Не

мясо это, а нянь, нянь!". И показали ему, как он растет и как получается из зерна. Тогда попросил воевода семян взамен на шубу, ему разрешили взять, сколько надо. Взял он колосьев ржи, так как она была густая и высокая. Взял и овес – очень кустистый он был. Ячмень еще взял. А пшеница плохая была, не взял ее [Ожегова, 1971, с.34]. Упоминается, что выращивали еще горох, а пшеница позже появилась [Ожегова, 1971, с.35]. Любопытно, что во многих преданиях коми говорится о том, что "хлеб шилом жали": "деды рассказывали, что хлеба раньше жали деревянным шилом, по одиночке стебли валили, как деревья нынче сваливают" [Ожегова, 1971, с.39, 48, 50]. Р.Д. Голдина и В.А. Оборин в обобщающих работах по ломоватовской и родановской культурам упоминают, что для уборки урожая широко использовались железные серпы, а на позднем этапе — косы-горбуши [Голдина, 1985, с.146; Бадер, Оборин, 1958, с.191, рис.49/7, с.205, рис.53/6], но это утверждение не обосновано. Эти орудия на средневековых памятниках Пермского Предуралья представлены единичными экземплярами, и относятся к позднему времени, возможно, они появились только с приходом русского населения.

В конце XI – начале XII вв. в связи с увеличением продуктивности земледелия появились примитивные жернова, еще похожие на зернотерки (Лаврятское городище). В слоях XII–XIII вв. количество жерновов значительно увеличивается (Анюшкар, Рождественское, Роданово городище). Вероятно, с этого времени в рационе питания местного населения кроме крупяных блюд появляется хлеб.

В рамках земледельческого типа системы питания С.А. Арутюнов выделяет два подтипа по характеру культурных растений, являющихся основным источником крахмала в пище: зерновые это растения или незерновые (корнеплоды, клубнеплоды). К сожалению, серьезного археоботанического анализа специалистами на памятниках Пермского Предуралья никогда не проводилось. Мы имеем лишь немногочисленные фрагментарные определения зерна из скоплений, визуальными выявленными археологами. Исследование такого зерна, по мнению Е.Ю. Лебедевой, не дает полного представления ни о системе земледелия, ни о полном составе культивируемых растений, поскольку мы имеем дело со специально отобраным для хранения зерном. Редчайшей удачей является обнаружение на археологических памятниках семян корнеплодов и огородных культур. На территории Волжской Булгарии при раскопках Билярского городища найдены семена огурцов и капусты [Йовков, 1978, с.223]. Можно предположить, что население Пермского Предуралья могло заимствовать у болгар и эти культуры. О.Н. Бадер и В.А. Оборин предполагали культивирование корнеплодов в Прикамье еще в ананьинское время [Бадер, Оборин, 1958, с.100], но никаких доказательств этого не существует, кроме данных этнографии о том, что, к примеру, коми-пермяки с давних времен сажают лук, репу и редьку. Поэтому мы можем уверенно утверждать лишь то, что основным источником крахмала в пище являлись зерновые растения.

Вслед за типами и подтипами С.А. Арутюнов выделяет классы систем питания. В рамках зернового подтипа (к которому относится система питания жителей средневекового Прикамья) выделяется два класса в зависимости от характера основного источника мясной пищи. Во всех хозяйственно-культурных типах, основанных на зерновом хозяйстве, либо широко употребляется в пищу мясо домашнего скота, либо основным источником животного белка становятся присваивающие отрасли хозяйства, а среди них, в первую очередь, рыболовство и значительно реже — охота [Арутюнов, 1989, с.211].

В Пермском Предуралье мясная пища занимала важное место в питании, одним из основных видов хозяйства было *животноводство*, ориентированное, преимущественно, на разведение лошадей и крупного рогатого скота. Кроме этого, как показывает анализ остеологических материалов, разводили свиней, овец, коз.

В период ломоватовской культуры преобладающее значение имело коневодство, лошадей использовали не только как ездовое животное и тягловую силу, но и на мясо. Но к концу I тыс. н.э. появилась тенденция к увеличению в стаде доли крупного рогатого скота, который к середине II тыс. н.э. занял первое место. Соотношение крупного рогатого скота с другими видами животных постепенно увеличивалось. На раннем этапе родановской культуры лошадь занимала второе место в стаде, на позднем этапе в связи с сокращением ее забоя на мясо, она отходит на третье место, уступая свинье или мелкому рогатому скоту. Судя по материалам Роданова городища, забивались, в основном, старые лошади, при этом около 85% костей принадлежит жеребцам. На позднем этапе родановской культуры количество лошадей вновь возросло, хотя она по-прежнему занимала второе место в стаде. Исследования, проведенные О.Г. Богаткиной по материалам Рачевского городища XIII–XIV вв., показали, что 40,5 % костей принадлежали лошадям, 51,8 % — крупному рогатому скоту. Значительная часть лошадей была забита в возрасте от 1 до 4,5 лет, но, с другой стороны, немалое количество костей принадлежало особям в возрасте от 7 до 15–18 лет. На основании этого исследовательница сделала вывод о разных направлениях развития коневодства — мясном и хозяйственном (в сочетании с мясным). Увеличение количества лошадей в данный период объясняет развитием пашенного земледелия, при котором лошадь использовалась как основная тягловая сила. Костей мелкого рогатого скота представлено всего 7,7 %. Произведя пересчет особей домашних животных на их живую массу и убойный выход продукции, О.Г. Богаткина выявила, что 63% мяса жители Рачевского городища получали в виде говядины, 36% — в виде конины, и только 1% в виде баранины [Богаткина, 2002, с.204–205].

Большим подспорьем в питании было мясо свиней. Кости свиней встречаются на большинстве поселений, но их количество значительно уступает количеству костей лошадей и коров. Мелкий рогатый скот выращивался, главным образом, не на мясо, а на шерсть. Кости мелкого рогатого скота среди пищевых отходов составляют незначительный процент [Талицкий, 1951, с.46].

Как отмечают этнографы, этногенетические и этноисторические процессы находят отражение в праздничной и обрядовой пище. Интересно, что в обрядовой пище манси существенное место принадлежит конине — продукту, который не может быть характерным для таежных охотников и рыболовов. Причем, лошадь у них — основное жертвенное животное. Это, по мнению Е.Г. Федоровой, лишний раз подтверждает известное положение, согласно которому при сложении предков обских угров немаловажную роль сыграло скотоводческое (коневодческое) население, которое, вероятно, занималось еще и разведением рогатого скота, что также отражается в области жертвоприношений манси [Федорова, 1996, с.111–112]. Так, у обской группы женщины в течение жизни должны принести в жертву 7 овец; чтобы обеспечить удачу в рыбном промысле, манси бросали в реку чучело коровы, на берегу забивали быка или корову так, чтобы кровь стекала в воду [Гемуев, Сагалаев, 1986, с.102]. Принесение в жертву определенного животного, как известно, является реликтом повседневного употребления его мяса. Существование экономической основы для подобного набора жертвенных животных у обских угров не фиксируется. Таким образом, он вполне мог возникнуть в процессе этногенеза, либо когда происходило слияние культур таежных охотников и рыболовов и пришедших с юга кочевников-скотоводов, либо на более ранних этапах этнической истории. Вероятнее всего предположить, что эти традиции берут свое начало с тех времен, когда предки обских угров жили с запада от Урала на территории Пермского Предуралья, где они занимались коневодством и скотоводством.

Использовалось в пищу и *мясо диких животных и птиц*. Но уже с ананьинского времени кости домашних животных количественно преобладают над костями диких. Кроме пушнины, которую добывали в больших количествах для торговли, среди охотничьих трофеев были лось, северный олень, медведь, рябчики, глухари, утки, гуси. Мясо пушных животных в пищу обычно не использовалось, их свежевали непосредственно в лесу, на поселениях же встречаются нижние челюсти пушных зверей, употребившиеся в качестве амулетов. Исключение составляют бобр, заяц и, возможно, белка. Так, арабский путешественник Гарнати (середина XII в.), упоминает, что Вису "едят бобров и беличье мясо" [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с.102–103]. Как считает А.М. Белавин, страна Вису отождествляется с территорией Пермского Предуралья [Белавин, 2000, с.31–33].

Значительная роль в питании принадлежала *рыбе*. Еще М.В. Талицкий отмечал, что на Родановом городище кости рыб обнаружены в большом количестве, рыба чешуя местами лежала целыми пластинами до 5 см толщиной на полах жилищ. Здесь встречены кости белуги, осетра, стерляди, сома, судака, щуки, окуня [Талицкий, 1951, с.48]. На Анюшкаре среди крупных промысловых рыб преобладали осетровые (белуга, стерлядь, русский осетр, севрюга), ловили также щуку, сома, белорыбицу, окуней, судака, леща, язя, плотву, голавля, сазана, синца. На Чердынском городище найдены кости 24 видов рыб, среди которых также преобладали осетровые и судак (27,2%) и щука. Ловили осетров длиной более 2 м, белуг до 3,1 м, щук до 1,8 м, сомов до 3,3 м. Встречаются линь, карась, чехонь, подуст, красноперка, проходной лосось, налим, ерш. Кроме речной, употребляли и немало озерной рыбы [Оборин, 1999, с.281]. Причем ценные породы рыб поставлялись даже на экспорт [Белавин, 2000, с.186]. Судя по тому, что в хозяйстве активно использовались кости рыб, позвонки нанизывались в ожерелья-амулеты, а кожа, вероятно, употреблялась для изготовления промысловой одежды, не оставался без внимания и рыбий жир. По этнографии угорских народов известно, что рыболовы пили и заготавливали впрок рыбий жир, который вытапливали из внутренностей рыбы. Его употребляли с разными продуктами — рыбой, ягодами, мучными изделиями.

Таким образом, не смотря на присутствие значительной доли продуктов присваивающего хозяйства, в прикамской системе питания мы имеем первый класс, который можно назвать *зерново-скотоводческим*.

В рамках этого класса возможно подразделение на два подкласса: *первый — с потреблением в пищу молока и молочных продуктов, и второй — без такового*. Деление это, по мнению С.А. Арутюнова, имеет весьма существенное значение, так как с появлением использования молока, во-первых, развивается особая ценностная и ритуальная система, ориентированная на доение скота и изготовление молочных продуктов, а во-вторых, определяется тенденция к максимальному ограничению убоя скота [Арутюнов, 1989, с.211]. Поскольку на сегодняшний день мы имеем довольно ограниченное количество определений костей животных из средневековых памятников Пермского Предуралья, а подробного всестороннего их анализа пока никем не проводилось, судить о существовании молочного направления в животноводстве довольно сложно. Насколько позволяют судить имеющиеся данные, до X–XI вв. преобладающим было мясное направление. Например, материалы нижних слоев Роданова городища показали, что коров забивали преимущественно в молодом возрасте [Талицкий, 1951, с.46]. Казалось бы, довольно странно то, что, занимаясь разведением крупного рогатого скота, люди отказывались от такого доступного продукта, как молоко. Но, как показывают специальные медико-антропологические исследования, природой в результате эволюции выработался специальный механизм, заставляющий взрослеющих детенышей млекопитающих отказываться от молока: по

мере роста снижается продукция специального фермента, способствующего усвоению цельного молока, что вызывает неприятные ощущения. У человека по мере развития молочного животноводства сформировался специфический вариант гена LAC – аллель LAC*P, который обеспечивает стабильную выработку у взрослых фермента, необходимого для расщепления молочного сахара – лактозы. Однако этот аллель практически отсутствует в большинстве популяций Азии, у коренных северян [Козлов, 2005, с.50-51], и, вполне вероятно, в эпоху средневековья отсутствовал у жителей нашего края, поэтому они и не употребляли молоко. Это, таким образом, еще раз подтверждает мнение о том, что население Пермского Предуралья в эпоху средневековья составляли преимущественно угры, у которых и в наши дни наблюдается отсутствие аллеля LAC*P.

Лишь с XI в., после переселения в Предуралье предков коми и смешанных славяно-финских групп колонистов, начало развиваться мясомолочное направление, коровы стали использоваться и как дойное животное. К примеру, проанализировав кости крупного рогатого скота из раскопок 2006 г. поселения Запоселье, из ямы, датированной XI в., П.А. Косинцев отметил, что основная часть животных забита в возрасте от 4 до 10 лет, и несомненно, что коровы использовались для получения молока. Исследования, проведенные О.Г. Богаткиной по материалам Рачевского городища XIII–XIV вв., показали, что особи крупного рогатого скота имеют довольно широкую возрастную вариативность, что свидетельствует о полифункциональном использовании скота: мясом и молочном производстве. При этом наибольшее количество особей было забито в возрасте 1,5-2,5 лет. Учитывая, что телки могут давать приплод уже в возрасте 16 месяцев, можно предполагать, что в данный период выращивались преимущественно породы двойной (комбинированной) продуктивности в условиях молочно-мясного направления разведения скота [Богаткина, 2002, с.204–205]. На наш взгляд, *переход к широкому употреблению молока состоялся во второй половине XI–XII веках.* Это новшество могло быть привнесено мно-

гочисленными переселенцами, присутствие которых фиксируется по материалам крупных городищ Пермского Предуралья. Вряд ли население, у которого отсутствовал специальный фермент, могло перейти к потреблению молока эволюционным путем.

Что касается вопроса об использовании и переработке молока, то он не совсем ясен. По мнению М.В. Талицкого, в том, что переработка молока была известна, не приходится сомневаться, поскольку при раскопках Роданова городища было найдено несколько сосудов с многочисленными игольными проколами на днищах или с одним отверстием

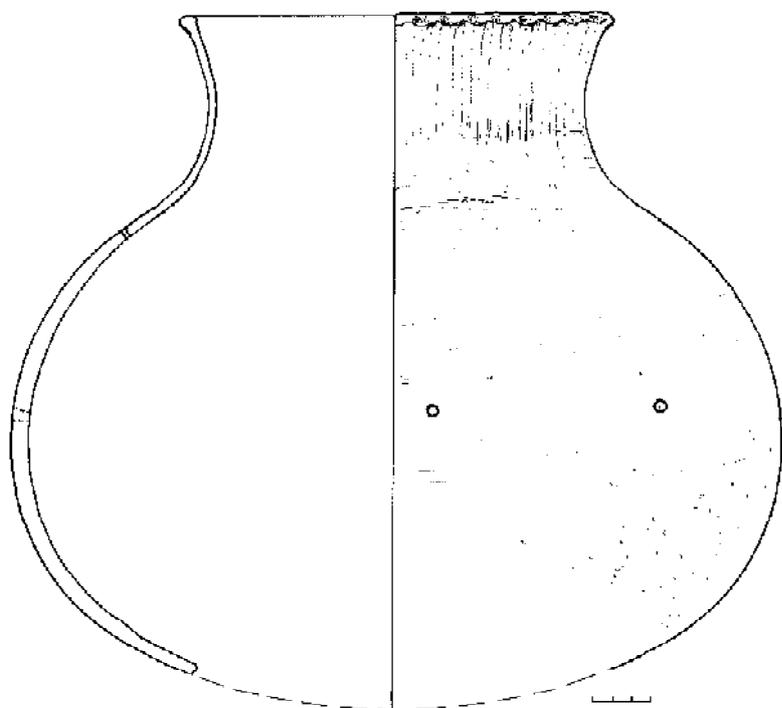

Рис. 1 Сосуд для хранения творога или сыра: поселение Запоселье, XI в.

диаметром около сантиметра в середине дна. Эти сосуды, на его взгляд, использовались для отцеживания сыворотки, и, может быть, приготовления сыра [Галицкий, 1951, с.46]. Подобные сосуды встречены также на Лаврятском городище и Анюшкаре [Оборин, 1999, с.280]. В 2007 г. при разборке заполнения ямы-кладовки на селище Запоселье был обнаружен развал сосуда со сквозными отверстиями вдоль центральной части тулова (рис. 1). Внутренняя поверхность сосуда покрыта трещинами, возможно в результате воздействия какой-то кислой среды. На наш взгляд, данный сосуд мог использоваться для хранения творога или сыра. Косвенным свидетельством расширения употребления молока с XI–XII вв. является значительная доля среди сосудов болгарского производства кувшинов и кринок, которые, как известно, использовались для отстаивания сливок, топления молока, а также кружек, которые, судя по этнографическим данным, использовались, в основном, для употребления сырого молока. В этот же период подобные сосуды (горшки с высокой зауженной горловиной, кружки) появляются и среди лепной посуды местного производства. Таким образом, прикамская система питания относится к первому подклассу, однако мясной аспект скотоводческой продукции сохраняется в ней в полной мере.

В рамках интересующего нас зерново-мясомолочного подкласса выделяются виды, которые включают как доминирование тех или иных форм обработки зерновых продуктов, так и способы приготовления и хранения мяса и наличие различных форм обработки молочных продуктов.

Прежде всего, выделяются *зерновые продукты и основанные на них блюда*, поскольку именно они являются основой традиционного комплекса питания, не только давая существенную часть общего колоража, но и входя в качестве основного или существенного дополнительного компонента в большую часть всевозможных блюд [Арутюнов, 1989, с.212-213].

По технологии изготовления блюда из зерновых продуктов укладываются в определенный эволюционный ряд, отражающий историю становления и развития зернового хозяйства. Древнейшим в этом ряду представляется непосредственное употребление в пищу зерна *в сыром или обжаренном виде*, а затем муки (в тех же видах). Они готовятся всухую или на масле, разбавляются водой, молоком и пр. Например, у коми-пермяков распространенной повседневной пищей была мучная болтушка-повалиха и толокно, разведенное в овсяном квасе [Долдина, 1999, с.15, 238].

Более сложным способом приготовления является различная *варка* приготовленного зерна, муки или кусочков теста. В обрядовой пище, как финнов, так и обских угров центральное место отводится каше, что свидетельствует о древних корнях этого блюда. У народов коми из зерна нового урожая в честь окончания жатвы повсеместно было принято готовить ритуальную еду, кашу из ячменной крупы или толокна на масле. Любопытно, что у обских угров хозяйство базировалось на т. н. "присваивающих" видах деятельности: охоте, рыболовстве, которые сопровождалась собирательством, земледелие не было развито. Но в обрядовой пище важнейшую роль играют блюда из злаков. К примеру, явно с неместными этническими компонентами связана такая праздничная пища, как каша-саломат, которая, по мнению специалистов, ведет происхождение от тюрко- или монголоязычных народов [Шитова, Гаделгареева, 1979, с.95]. То, что хлебная пища не является поздним заимствованием, подтверждает и присутствие темы хлеба в мансийском фольклоре, причем имеется в виду наиболее ранний его пласт, связываемый с процессами этногенеза и ранними этапами этнической истории [Федорова, 1996, с.112]. Это может служить достоверным доказательством того, что в эпоху средневековья предки обских угров жили по западную сторону Уральского хребта (в Пермском

Предуралье), где активно занимались земледелием.

У коми-пермяков кроме каш из самодельных круп, в качестве повседневных и ритуальных блюд варили супы-мешанки и кисели. Причем кисель у них выступал в качестве второго блюда, его варили так густо, что резали ножом на части, и ели как самостоятельное блюдо, так и в смеси с другими продуктами, например, кусками в молоке. Кисель варили овсяный, гороховый, молочный на сусле из ржаного солода, с добавлением самых разных ягод (брусничный, клюквенный, смородиновый, малиновый, рябиновый, вересовый и пр.) [Долдина, 1999, с.186]. Распространены были и похлебки с кусочками подсушенного, печеного или сырого пресного или квашеного теста и с лапшой.

Не известно, когда возникло характерное для коми-пермяков и народов Сибири блюдо — пельняни (в переводе — хлебное ухо), которые отваривали в кипящей воде. Считается, что родиной их являются пермские земли, хотя название хлеба — нянь, встречается не только у коми-пермяков. В основе пельменей находятся хлебные сочни из пресного теста, что и нашло отражение в их названии, начинки могут быть самыми разными — рубленое мясо, репа, редька, квашеная капуста, грибы. А.Г. Долдина предполагает, что поскольку это блюдо с одинаковым названием хорошо известно и коми-зырянам, и коми-пермякам, и удмуртам, и в Сибири, вполне можно предположить его древние корни. Правда, ее сомнение вызывает умение в старину готовить молотое, рубленое мясо [Долдина, 1999, с.25-28]. Но это, вероятно, не является большой проблемой, так как известно, что в Сибири, например, мясо для пельменей нажевывали. Любопытное наблюдение сделала антрополог Н.Г. Брюхова при анализе костных останков из могильников Чазево (VI в.) и Пыштайн (VII, VIII-IX вв.) в коми-округе. У большинства женщин отмечается прижизненная утрата коренных зубов, при этом кариеса не наблюдается, но зато на зубах отмечены многочисленные сколы. На основании этого был сделан вывод о том, что зубы использовались как рабочий инструмент. Но какую работу могли выполнять женщины жевательными зубами? Возможно, это как раз было нажевывание сырого мяса, от попадания в котором жил и костей могла происходить утрата зубов?

Третьим способом обработки зерновых продуктов выступает *печеное тесто* в самых различных типологических вариантах. Варьируют как виды самого теста (пресное, как наиболее архаичное, сдобное и кислое), так и техника выпечки (на углях, на камнях, на специальной утвари и приспособлениях). Наиболее архаичные формы часто продолжают фигурировать как специфическая ритуальная пища [Аругюнов, 1989, с.213]. Сложно предполагать, существовали ли какие-либо виды выпечного хлеба у жителей Пермского Предуралья до X–XI веков. Но с развитием пашенного земледелия хлеб, несомненно, получает распространение. Свидетельством тому является находка в слое XII в. городища Анюшкар обугленного куска пористого хлеба, явно из теста на закваске (раскопки Г.Т. Ленц).

О позднем введении в рацион хлеба свидетельствуют фольклорные и этнографические источники как коми-пермяков [Ожегова, 1971], так и обских угров. К примеру, известно, что если традиции приготовления некоторых блюд из муки и круп имеют у хантов и манси глубокие корни, то хлеб стал широко потребляться сравнительно недавно. Причем манси добавляли в муку оленью кровь, толченые ягоды, черемуху и рыбий жир [Мифы, предания..., 1990, с.10]. Хлеб пекли в хлебной печи на сковородах, а на костре (в тайге) — лепешки [Мифология манси, 2001, с.12]. По мнению специалистов, включение в рацион предков манси хлебной пищи произошло под влиянием народов нетаежного круга, о чем свидетельствуют лингвистические материалы. В мансийском языке в названиях хлебных блюд присутствует компонент "нянь" (хлеб). Слова "нянь", "нон",

"нан" служат для определения различных видов хлеба у ряда народов от Поволжья до Индостана, включая всю территорию Западной Сибири [Федорова, 1996, с.112]. Коми-пермяки хлеб — нянь — вероятно, начинали с малых форм (лепешек, колобков), причем имеются свидетельства того, что даже в недавние времена зерна обычно хватало только на полгода, в остальное время пекли лепешки на основе всяких примесей: льняной шелухи, льняного жмыха, полевого хвоща, сныти, лебеды, пихтовой и рябиновой коры, малины, липы, цветков клевера, к которым добавляли отруби, мякину, рубленую солому [Долдина, 1999, с. 14]. Несомненно, что при мотыжном способе земледелия количество зерна было еще более ограниченным, а такое разнообразие перечисленных примесей к хлебным лепешкам свидетельствует о глубоких традициях из изготовления.

С появлением кислого теста в переработку зерновых продуктов вносится качественно новое начало: к термическим и механическим способам обработки добавляется *ферментационный*. Сущность ферментационного способа состоит в том, что биологическая активность микроорганизмов создает в среде крахмала новую физическую пористую структуру и модифицирует химический состав массы, сообщая ей лучшую усвояемость [Арутюнов, 1989, с.214].

Другой путь ферментации — это проращивание зерна для получения солода. Ответвлением этой инновации является возникновение ряда хлебных солодовых и дрожжевых блюд и напитков [Арутюнов, 1989, с.214]. По сообщению арабского путешественника середины XII в. Абу Хамида ал-Гарнати, представители народа Вису "пьют... ячменный напиток, кислый, как уксус" [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с.102–103]. Совершенно оригинальные напитки подобного рода распространены у коми-пермяков — это овсяный белый квас и солодовое ржаное пиво. Известен и старинный рецепт кваса из пареной репы [Долдина, 1999, с.240]. Вместо дрожжей они ставятся на особой закваске, которая именуется майцв (мел), в основе которого прежде, вероятно, была простокваша, о чем свидетельствует название закваски, соединяющее слова мед и молоко. При приготовлении закваски использовались шишечки хмеля, троелистника, трава семигодника, бражника, пижмы, корень валерьяны [Долдина, 1999, с.21, 24]. Причем квас у пермяков — не только напиток, но и основа для приготовления множества разновидностей холодных и горячих похлебок: всевозможных крошек, кислых щей с крупой и пр. Такое многообразие блюда на основе кваса свидетельствует о его древности и широкой популярности.

По этнографическим материалам обских угров известно, что напитками служили также вода, отвар чаги и другие растительные отвары [Мифы, предания..., 1990, с.10]. У коми-пермяков тоже известно достаточно ягодных и травяных напитков и для холодной зимы и для жаркого лета [Долдина, 1999, с.232].

На втором месте вслед за продуктами земледелия в балансе и рационе питания стоят продукты скотоводства.

Молочные продукты подвергались тем же трем способам обработки, что и зерновые — *термическому, механическому и ферментационному*. Но на первом месте стоит ферментация: спонтанная молочнокислая, культурная молочнокислая и сычужная (простокваша, сметана, сыр, творожные массы). Далее идет механическая сепарация жирового компонента (сливки и масло), а затем уже с помощью термической обработки изготавливают различные творожистые массы [Арутюнов, 1989, с.214]. Большое разнообразие молочных продуктов известно у коми-пермяков. Это цельное молоко разных видов (парное, замороженное, кислое), простокваша, творог, сметана, а также разнообразные супы и кисели на молоке. Из горячих супов распространены молочная лапша, крупяные супы на молоке, щи на сыворотке с пахтой, грибовница, холодные супы зачастую гото-

вятся на кислом молоке с редькой, хлебными крошками. Известны яичницы разных видов на молоке, молоко с творогом, нарезанный кубиками густой молочный кисель в холодном молоке [Долдина, 1999, с.179]. Такое разнообразие молочных блюд может свидетельствовать о давних традициях использования в пищу молочных продуктов, поэтому в очередной раз приходится сомневаться в том, что коми-пермяки связаны с древним населением нашего края.

Среди способов приготовления *мясной пищи* также выделяется несколько основных видов.

По этнографическим данным известно, что существовало *сыроедение*. К примеру, у обских угров рыбу и мясо часто ели сырыми, пили свежую оленью кровь [Мифы, предания..., 1990, с.10]. Коми-пермяки тоже иногда ели сырое мясо [Долдина, 1999, с.21].

В мясных блюдах обычно преобладали те, которые рассчитаны на непосредственное употребление, сравнительно мало способов приготовления мяса длительного хранения. В обработке мясных продуктов выделяются такие основные способы, как жарение на углях, жарение на жировом субстрате, варка [Арутюнов, 1989, с.215]. В Пермском Предуралье, вероятно, использовались преимущественно *жарение на углях и варка*. Конструкция очагов и особенности посуды не позволяют предполагать каких-либо иных способов приготовления мяса. Анализ костей животных, обнаруженных на поселениях, показывает, что кости нижних конечностей и ребра чаще всего встречаются в целом виде, вероятно, ноги и грудинка зажаривались целиком, так как имеющиеся сосуды не настолько велики, чтобы вмещать такие объемные куски мяса. Остальные кости, как правило, разрублены на части, и вполне могли использоваться как компоненты при приготовлении похлебок и иных вареных блюд. В фольклоре коми-пермяков и обских угров обычно упоминаются именно такие способы приготовления мяса. Например, в коми преданиях о Кудым-Оше упоминается, что он тушу целиком на костер бросает и печет [Ожегова, 1971, с.13], для праздничных пиршеств в котлах "варили пахучее оленьё мясо" [Ожегова, 1971, с.19], мясо жарили и парили [Ожегова, 1971, с.22]. Дикую птицу зажаривали целиком [Ожегова, 1971, с.21]. У коми-пермяков сохранились старинные способы приготовления печеной в горячей яме дичи или тушеного зайца без соли в опрокинутом горшке, закрытом соломой. В прежних жилищах с земляным полом такие способы приготовления блюд были обычными [Долдина, 1999, с.20]. С XII в., возможно, появляется и такой способ приготовления блюд, как жарение на жировом субстрате, о чем свидетельствует появление специальных низких и широких керамических сосудов — сковород (Анюшкар, раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц). Хотя, вероятнее всего, такие сосуды использовались как противни для выпечки хлеба или пирогов. Как отмечает А.Г. Долдина, у коми-пермяков нет даже специального слова, обозначающего сковороду, и глагола "жарить", а способ жарения если и применяется, то в результате получается скорее полувареная, пареная, тушеная пища, а не жареная [Долдина, 1999, с.21]. Преобладающей была вареная пища. Коми-пермяки мясо варят крупным куском, а птицу, зайцев, поросят — целиком [Долдина, 1999, с.155]. Характерно, что в качестве ритуальной пищи у многих народов наиболее часто выступает исключительно вареная мясная пища [Арутюнов, 1989, с.215].

Среди наиболее распространенных *способов консервации* известны посол, квашение, сушка, покрытие специальной смесью из пряностей. По этнографии обских угров известно, что мясо и рыбу вялили и коптили. Рыбу и уток засаливали на зиму [Мифы, предания..., 1990, с.10]. В 2007 г. при раскопках ямы-кладовки на селище Запоселье был обнаружен развал большого сосуда, в котором находилось скопление кальцинированных костей лошади. На основании того, что среди этих остатков присутствовали кос-

ти всех отделов скелета, П.А. Косинцев пришел к заключению, что они принадлежат одной особи. Следовательно, в сосуде находилось мясо, заготовленное для длительного хранения. Каким образом оно было законсервировано (тушение, соление, копчение, сушка), сказать определенно нельзя, так как во время пожара, уничтожившего кладовую, кости сильно обгорели. В северных районах Прикамья (окрестностях Чердыни, Соликамска), имеется значительное количество природной соли, которая издревле добывалась местным населением для удовлетворения собственных нужд в этом виде специй. Материалы из раскопок памятников XI–XIII вв. (поселения Рассолы, Городищенского городища), свидетельствуют о промысловом характере добычи соли, которая шла на экспорт в Волжскую Булгарию [Белавин и др., 1989, с.10–11; Белавин, 2000, с.186]. Тем не менее, соль была доступна не всем. У коми-пермяков одним из древнейших видов консервации было квашение — соленое заменяли кислым, квасили рыбу, птицу, капусту, ягоды [Долдина, 1999, с.28-29].

Важнейшими источником витаминов и других биологически необходимых компонентов питания являлись *дикорастущие растения*. Жителями Пермского Предуралья в пищу могли употребляться дикорастущие ягоды, грибы, кедровые орехи. Прямых свидетельств этого нет, но у соседей известно употребление подобных растений. Например, на Билярском городище обнаружены семена плодово-ягодных растений, в том числе семена калины, косточки вишни, семена яблока, малины. В Приобье на Сайгатинском IV могильнике второй половины XIII–XIV вв. в медных котлах обнаружены остатки растительной пищи, среди которых кроме овса посевного, ячменя и множества колосковых чешуй культурных злаков определены: косточки черемухи, семена кедра, черники, голубики, брусники, фрагмент побега хвоща лесного [Корона, Косинцев, Терехова, 2002, с.171]. Побеги хвоща — пистики — и по сей день широко используются в кулинарной традиции коми-пермяков, придавая ей особую специфику. Они употребляются в свежем виде, засаливаются и сушатся на зиму. В прежние времена пистики заготавливали мешками, сушили, толкли на муку, которую добавляли в квашню, фаршировали этой пастой пельмени, а иной раз высушенные целиком пистики замачивали на ночь, рубили, делали пирожки, варили кашу, яичницу. Кроме пистиков в пищу употребляются молодые побеги пиканов (сныть), которые едят горячими и в холодном виде, измельченными и целиком, заготавливают на зиму заквашивая, засаливая, высушивая [Долдина, 1999, с.59, 209-210]. М.В. Талицкий отмечает интересный факт, что на Родановом городище и Гордкушетском могильнике в верховьях Камы найдена скорлупа лесных орехов — лещины, хотя в этих широтах лесные орехи не растут. По его мнению, лесные орехи могли привозиться из Волжской Булгарии, где, по свидетельству Ибн-Фадлана, росли целые леса орешника, а по указанию Мукаддеси, эти орехи вывозились даже в Среднюю Азию, где и в настоящее время еще называются "дзучи болгар" [Талицкий, 1951, с.50]. Вопрос об употреблении в пищу грибов является спорным. Известно, что среди жителей Пермского Предуралья были и угры и финны. У обских угров грибы считались "нечистыми", их не ели [Мифы, предания..., 1990, с.10]. Дикорастущие травы, коренья, плоды, орехи, грибы могли употребляться в пищу непосредственно в сыром виде или после предварительного обжаривания. Многие из них были объектами варки на субстрате для приготовления различных блюд из дикорастущих и в сочетании с различными продуктами производящего хозяйства. Разнообразны были и способы их консервации: сушка, соление, квашение. По данным этнографии народов, которые могут быть генетически связаны со средневековым населением Пермского Предуралья, можно реконструировать некоторые способы приготовления дикорастущих растений. Обские угры ягоды ели сырыми, варили из них варенье. Бруснику и клюкву

замораживали или замачивали [Мифы, предания..., 1990, с.10]. Аналогично заготавливали ягоды и коми-пермяки, но у них известно также хранение брусники и морошки в собственном соку, сушка ягод [Долдина, 1999, с.65–74].

В Прикамье существовало и *бортничество*. По мнению А.М. Белавина, о его наличии свидетельствуют находки разнообразных специализированных инструментов и предметов снаряжения бортника: древолазных шипов, специальных медорезных ножей, инструментов для изготовления бортей - топоров, долот, тесел [Белавин, 2008, с.94-99]. Мед, как известно, является весьма ценным и полезным пищевым продуктом. О том, что представители народа Вису ели мед, упоминает арабский путешественник Гарнати [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с.102–103]. Причем добыча меда и воска в X-XIV вв. имела масштабный характер, и указанные продукты были весьма значимым эквивалентом местного населения с Волжской Булгарией [Белавин, 2000, с.186].

Что касается *огородных культур*, то С.А. Арутюнов отмечает, что там, где огородные культуры были культивированы на месте, а прежде были объектом собирательства, эти культуры занимают важное место в системе питания. Там же, где огородные культуры являются заимствованными, они использовались аналогично использованию травянистых растений [Арутюнов, 1989, с.216]. Прикамье не являлось местом культивирования огородных культур, и здесь они, действительно, употреблялись наподобие дикорастущих растений. Так, известно, что у коми-пермяков репа, которая считалась "вторым хлебом", а также брюква, турнепс, употреблялись как в сыром виде, так и в виде паренок и печенок [Долдина, 1999, с.13].

Из анализа продуктов и возможных блюд, составлявших систему питания средневекового общества Пермского Предуралья, может возникнуть идиллическое представление о богатстве рациона и высоком качестве питания. Но мы прекрасно представляем, что в реальности такого быть не могло. Даже по этнографическим данным хорошо известно, что существовали значительные сезонные колебания в питании, обусловленные особенностями ведения скотоводческо-земледельческого хозяйства. Относительно сытые осень и зима, когда употреблялись основные запасы как растительной, так и животной пищи, сменялись голодной весной, когда запасы кончались, но до нового урожая и приплода было еще далеко, и довольно скудным летом, которое обеспечивало, главным образом, только дикорастущей растительной пищей. Необходимо учитывать и такие факторы, как зависимость скотоводства и земледелия от климатических условий, несовершенство способов хранения продовольствия, и многое другое.

Более объективную картину могли бы дать естественно научные исследования. К примеру, в настоящее время активно практикуется метод исследования нагаров на стенках посуды – остатков пригоревшей в древности пищи. Они предоставляют прямые, а не косвенные данные о характере питания. Интерес представляют исследования уровня минерализации и химического состава костных тканей людей, что позволяет установить, какого рода продукты являлись преобладающими в рационе питания. Это дает весьма интересные результаты, так как помимо общих показателей дает возможность определить дифференциацию питания в различных слоях общества [Матвеева и др., 2005, с.121, 133-141]. Весьма показательным является антропологический анализ патологий. К примеру, такие болезни, как рахит, анемия, прекращение роста в детском возрасте, обычно вызваны плохим питанием, регулярным недоеданием, чрезмерными физическими нагрузками и стрессами. Интересные данные получены Д.И. Ражевым при изучении зубных патологий саргатского населения. Он выяснил, что у женщин зубы более истерты из-за употребления жестких продуктов (растительная пища), а у мужчин на эмали больше микротравм от мясной пищи.

Но пока наша экспедиция только начала сотрудничество с палеозоологами, археоботаниками, антропологами, и, по мере накопления результатов естественно-научных анализов, мы можем надеяться на дальнейшее углубление представлений о питании и образе жизни людей, населявших в древности Пермское Предуралье.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. *Что означает термин "зурифагия"?*
2. *Что включает в себя понятие "система питания"?*
3. *Какие факторы влияют на систему питания того или иного населения? Приведите пример из истории Пермского Предуралья.*
4. *К какому типу относится система питания средневекового населения Пермского Предуралья?*
5. *К какому времени можно отнести появление земледелия на территории Пермского Предуралья? Как изменяется система земледелия на данной территории? С чем связано изменение системы земледелия у жителей Пермского Предуралья эпохи средневековья?*
6. *Какие виды культурных растений использовало в системе питания средневековое население Пермского Предуралья? На основании каких артефактов мы можем делать выводы об использовании культурных растений в рационе средневекового населения Пермского Предуралья?*
7. *Отражаются ли в этнографических и фольклорных преданиях коми-пермяков сведения о хлебе и земледелии?*
8. *Какие заимствования с других территорий в системе питания средневекового жителя Пермского Предуралья можно отметить? С какой стороны в основном идут заимствования?*
9. *Какие артефакты свидетельствуют об использовании мяса в системе питания? Мясо каких животных, птиц и рыб использовали в своём рационе питания средневековые жители на нашей территории?*
10. *Чем может объясняться отсутствие молока в рационе питания населения Пермского края до второй половины XI века, и чем объясняется его популярность после XI века? Что об этом свидетельствует?*
11. *Какие способы обработки зерновых культур Вам известны? Какие источники, кроме археологических, рассказывают нам о том, что средневековому человеку с территории Пермского Предуралья был известен хлеб? Приведите примеры.*
12. *Перечислите возможные способы употребления мяса населением Пермского Предуралья в эпоху средневековья? Что свидетельствует об этих способах?*

§2. УТВАРЬ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ

Утварь – это совокупность предметов домашнего обихода, включающая кухонную и столовую посуду, приспособления для хранения и переноски вещей и продуктов питания и т.д. Состав и особенности утвари зависят от природно-климатических условий, образа жизни населения, специфики его хозяйственных занятий, наличия того или иного сырья. Изучение особенностей утвари помогает выяснить некоторые вопросы, связанные с характером блюд, со способом употребления пищи, определить характер ритуальной

пищи и посуды, т.е., вопросы исторического характера. К примеру, этнографов также пища интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности, а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношения людей в обществе и нормы их поведения, формы поедания, традиционные поведенческие аспекты питания. Для них важно не только то, что именно люди едят, но и как они это делают, как они при этом располагаются, какой утварью и посудой пользуются, как именно используют эту утварь и посуду [Арутюнов, 1989, с.218]. Разумеется, археологические данные не позволяют в полной мере рассмотреть все подобные аспекты, но, тем не менее, совокупность источников дает возможность проанализировать отдельные особенности кулинарной традиции и форм употребления пищи.

Существуют различные *способы классификации утвари*: 1) по функционально-бытовому назначению (для варки, для выпечки хлеба, для молочного хозяйства, для транспортировки пищи и напитков, для собирания грибов, ягод и т.д.); последовательное применение функционального принципа затрудняется вследствие многофункциональности большинства предметов утвари: один и тот же предмет часто использовался и для приготовления пищи, и для хранения и транспортировки, и в качестве измерительной единицы; 2) по материалу и технике изготовления.

Для нас основной задачей является классификация утвари по функциональному назначению, при этом материал, техника изготовления и орнаментальное оформление посуды отодвигаются на второй план. Хотя, как правило, материал, техника изготовления, форма и функциональное назначение предмета взаимообусловлены. Так, например, у народов Европы глиняная посуда использовалась в основном при варке и подаче пищи на стол, а утварь из дерева – главным образом, для хранения и переноски продуктов [Материальная культура, 1989, с.201].

Основным материалом для изготовления посуды в Пермском Предуралье являлась *глина* (с археологической точки зрения). Специального археологического исследования средневекового керамического комплекса керамики с указанной территории пока не проводилось. Общая характеристика керамической посуды приводится в обобщающих работах М.В. Талицкого, В.А. Оборина, Р.Д. Голдиной при выделении этнических и хронологических особенностей ломоватовской и родановской археологических культур [Талицкий, 1951, с.57–59; Оборин, Балашенко, 1968, с.30–31; Оборин, 1970, с.10–14; Голдина, 1985, с.94–98]. Более подробно проведен анализ керамической посуды средневековых памятников верховьев Камы [Голдина, Кананин, 1989, с.44–60].

Одним из факторов, определявших форму посуды, было ее соответствие функциональному назначению и условиям быта. Керамические сосуды с туловом, близким к шару, были удобны для нагревания в печах и варки пищи; вытянутые высокие кувшины с зауженным горлом — для хранения молока, отстаивания сливок; небольшие сосуды с вытянутым горлом — для разливания жидкостей; большие сосуды с узким горлом — для ношения на плече воды (в них вода не плескалась).

Формы посуды и домашней утвари формировались под влиянием особенностей кухонного очага и условий быта. Открытый очаг требовал посуды с округлым или конической формы дном. Появление печи потребовало создания посуды особой формы, приспособленной к печи с плоским дном и к стационарному столу.

Домашняя утварь средневекового населения Пермского Предуралья эволюционировала очень медленно, что, вероятно, обусловлено консервативными этническими стереотипами в отношении формы и орнаментации посуды. Ситуация стала меняться с конца X – начала XI вв., когда на Верхнюю Каму начала проникать болгарская керамика, изго-

товленная на гончарном круге, и различная металлическая посуда. Она способствовала выработке новых форм, подражающих привозной посуде, наряду с сохранением старых традиций. Появляются сосуды местного производства с ручками, иногда сосудам стараются придать плоское или уплощенное дно. И наиболее характерной особенностью XI–XIV вв. является само наличие болгарских сосудов таких же форм, какие известны и из раскопок болгарских городищ, эта посуда заняла важное место в быту местного населения. Посуда болгарского производства выявлена на 44 поселениях и 2 могильниках Пермского Предуралья [Белавин, 2000, с.45]. Следует отметить, что как посуда местного производства нетрадиционных форм, так и посуда болгарского производства, наиболее широко представлены на городищах или крупных ремесленных поселениях открытого типа. Вероятно, население этих центров, находившееся в постоянном контакте с представителями разных этносов — торговцами, ремесленниками, воинами, сопровождавшими торговые караваны, раньше начинало подвергаться внешнему культурному влиянию, и отходить от устоявшихся дедовских традиций. Культура сельских поселений была более консервативной.

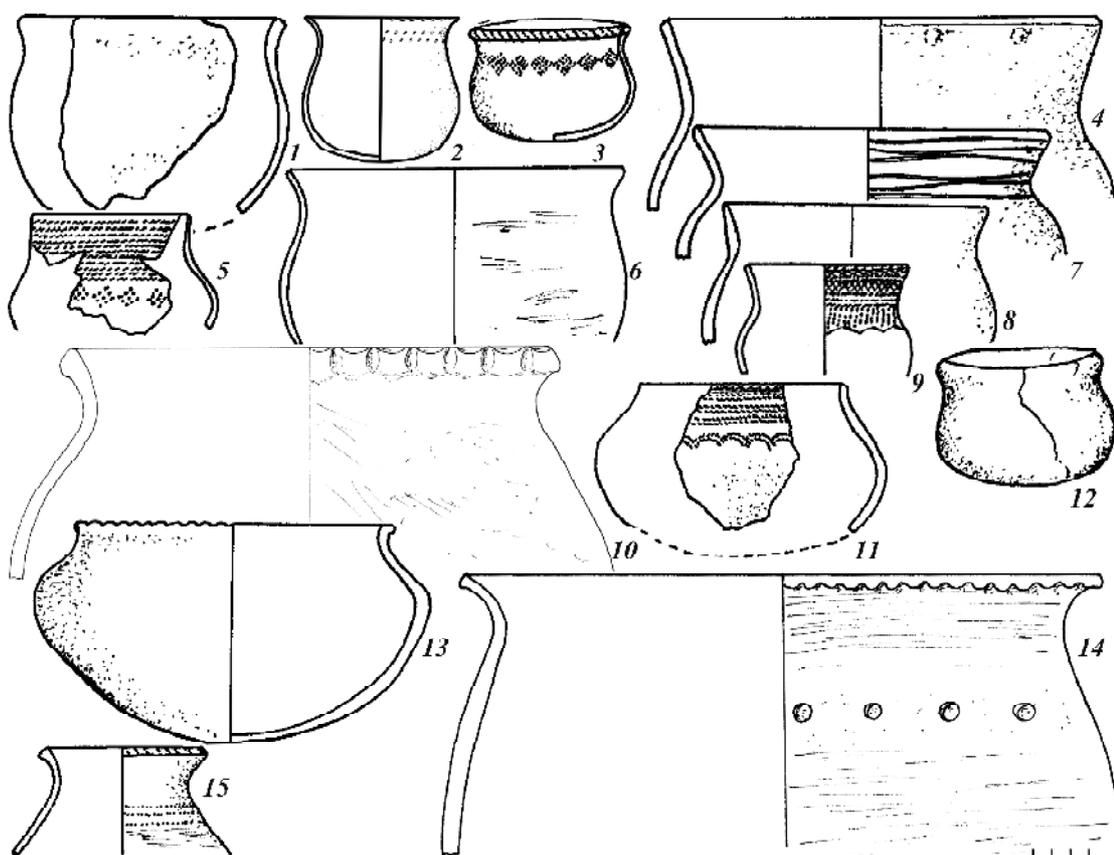

Рис. 2 Кухонные горшки: 1, 11, 13 – Опутятское городище, 2 – селище Володин Камень, 3 – Каневский могильник, 4, 6-9, 15 – Рождественское городище, 5 – Аверинский могильник, 10, 14 – селище Запоселье, 12 – Городищенское городище

Среди посуды для приготовления пищи на средневековых памятниках Пермского Предуралья подавляющее большинство составляет посуда для варки. Как показал анализ пищевых отходов и изучение этнографических материалов финно-угорских народов, варка была главным способом приготовления пищи. Наиболее распространенный вид сосудов для варки у большинства этносов – это разного рода *горшки* (рис. 2).

Толстое тулово горшка способствовало оптимальному обогреву с боков; благодаря сферической форме достигалось максимальное соотношение полезного объема посуды и ее поверхности, а это не только экономило материал, уменьшало вес, но и позволяло долго сохранять пищу горячей; малая площадь горловины уменьшала площадь испарения, и позволяла не только варить пищу, но и тушить ее, парить долгое время, запекать.

Посуда ломоватовского времени сохраняла традиционную прикамскую форму. Преобладали приземистые сосуды с округлым или слегка уплощенным дном, удобным для установки в открытом очаге или в углублении на земляном полу. Эти формы сосудов продолжали широко использоваться и в родановской культуре. Длительное господство круглодонной посуды, по мнению М.В. Талицкого, отражает долго сохраняющуюся примитивность быта, т.е. отсутствие столов, деревянных полов и полок, примитивность устройства очага, так как круглое дно сосуда приспособлено, прежде всего, к открытому костру, разводимому прямо на глиняном или каменном очаге [Талицкий, 1951, с.55]. Среди кухонной посуды выделяются относительно высокие горшки с прямой или несколько отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей в тулово. Эти сосуды обычно крупные, толстостенные. Для них характерен плоский, слегка отогнутый наружу венчик, украшенный по краю защипами, насечками, пальцевыми вдавлениями. Поверхность сосудов обрабатывалась щепой или пучком травы, отчего на стенках сохраняются характерные следы – расчесы. Эта особенность использовалась как элемент оформления: полосы на тулове и шейке располагались в противоположном направлении, что создавало оригинальную декоративную фактуру. Дополнительная орнаментация на таких горшках встречается редко и состоит из простых элементов — крупного гребенчатого зигзага, розеток, пальцевых вдавлений, ямок. Подобные сосуды по функциональному назначению носили универсальный характер, и использовались в хозяйстве в качестве кухонной, столовой посуды, как емкости для хранения запасов продуктов.

Другой разновидностью кухонной посуды являются чаши-горшки средней высоты со значительным расширением в средней части тулова, небольшим, обычно суженным устьем, без четко выраженной или с короткой шейкой, с сильно отогнутым округлым или плоским венчиком. Такие сосуды обычно имеют меньшую толщину стенок, чем у первого типа горшков, поверхность их тщательно заглажена, они чаще бывают орнаментированы по венчику, шейке и реже по стенкам. Среди таких сосудов преобладают средние и мелкие, на многих присутствуют следы нагара, что свидетельствует об их использовании для приготовления и принятия пищи.

Эти формы прикамских горшков-чаш на протяжении всей эпохи средневековья были видом кухонной посуды. Но они не могли существовать так долго абсолютно без изменений. Анализ керамики с городища Шудьякар, проведенный с применением метода математической статистики, показал, что ранние сосуды имели в основном приземистую форму, а поздние — более вытянутые, стройные пропорции [Голдина, Кананин, 1989, с.57]. Эти изменения могут быть связаны с эволюцией конструкции очага. Со временем проявляется также тенденция ко все большему уплощению днищ сосудов, что, очевидно, отражает появление в интерьере плоских поверхностей (столов, печей).

Сравнение посуды с поселений и могильников показало, что в то время, когда бытовые сосуды эволюционировали, в погребальной керамике сохранялись традиционные приземистые сосуды с округлым дном. Это демонстрирует косность этнических стереотипов — невзирая на изменения в интерьере (появление плоских поверхностей), население продолжало считать единственно "правильной" традиционную форму сосудов с округлым дном.

Наиболее ярким свидетельством тому служит появление в X–XI вв. своеобразных

валиков-подставок (рис. 3), предназначенных для установки круглодонной посуды на плоские поверхности. Такие подставки встречены на Рождественском, Родановом, Кудымкарском, Анюшкар городищах, селище Запоселье. Эти предметы представляет собой кольцевидные глиняные валики с широкой подошвой, которая примазывалась к плоской поверхности. Кверху стенки валиков либо равномерно утончаются и переходят в округлый толстый венчик, либо в невысокую цилиндрическую шейку, также завершающуюся толстым округлым венчиком. Диаметр по венчику составляет 10-18 см. Среди указанных предметов выделяется группы. Валики первой группы имеют достаточно плотные стенки серого или темно-коричневого цвета без следов нагара или иных свидетельств пребывания в огне. Оформлены они более изящно, некоторые даже имеют орнаментацию. Эти валики, вероятно, устанавливались на столе. Валики второй группы, сильно прокаленные в огне, с пористой структурой стенок, неравномерного цвета, более массивные, несомненно, служили для установки круглодонной посуды на плоской поверхности печи. Не смотря на то, что первые находки подобных предметов относятся еще к XIX в., они никогда еще не рассматривались как отдельная категория бытовых предметов. Только массовые серии валиков, собранные на Рождественском и Анюшкар городищах, позволили обратить на них внимание. Нигде за пределами Пермского Предуралья валики-подставки пока не известны. Их появление в Пермском Предуралье относится к концу X–XI вв., в этот же период началось массовое использование плоскодонной посуды болгарского ремесленного производства.

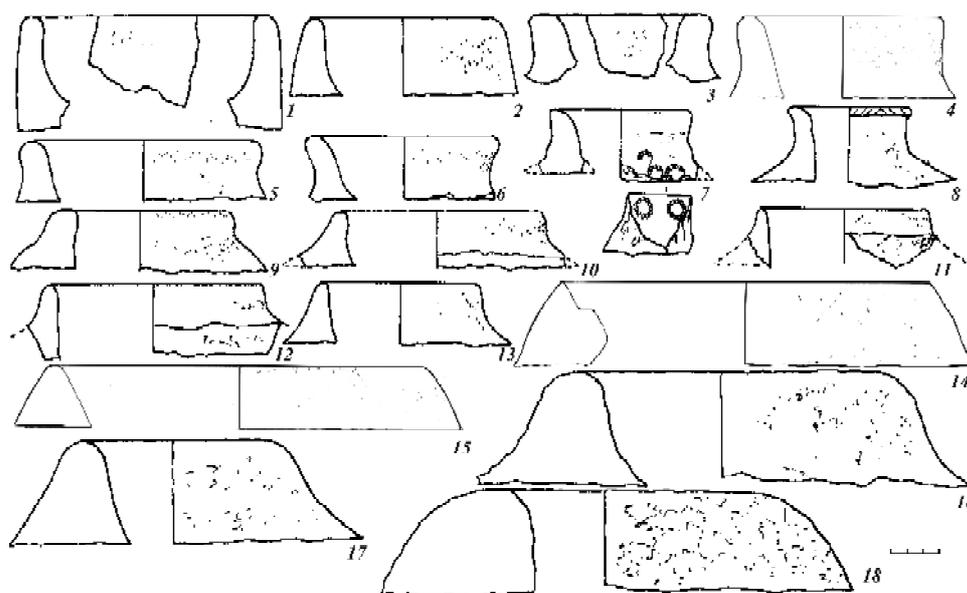

Рис. 3 Керамические валики-подставки: 1, 3 – Роданово городище, 2, 4-5, 9-14, 16, 18 – Рождественское городище, 6, 19 – Анюшкар, 7, 17 – Кудымкарское городище, 15 – селище Запоселье

Кроме традиционных прикамских горшков-чаш, в материалах родановской культуры, особенно происходящих с городищ, на которых проживало пестрое в этническом отношении население, встречаются и иные типы лепных горшков, а также горшки, изготовленные на гончарном круге, являющиеся продукцией болгарских ремесленников (рис. 4). Горшки болгарского производства, как и местные лепные горшки, преимущественно использовались в качестве кухонной посуды для приготовления пищи. Даже миниатюрные горшочки можно отнести как к столовой, так и к кухонной посуде, поскольку на большинстве из них имеются следы воздействия огня [Богданова, Белавин, 2006, с.52].

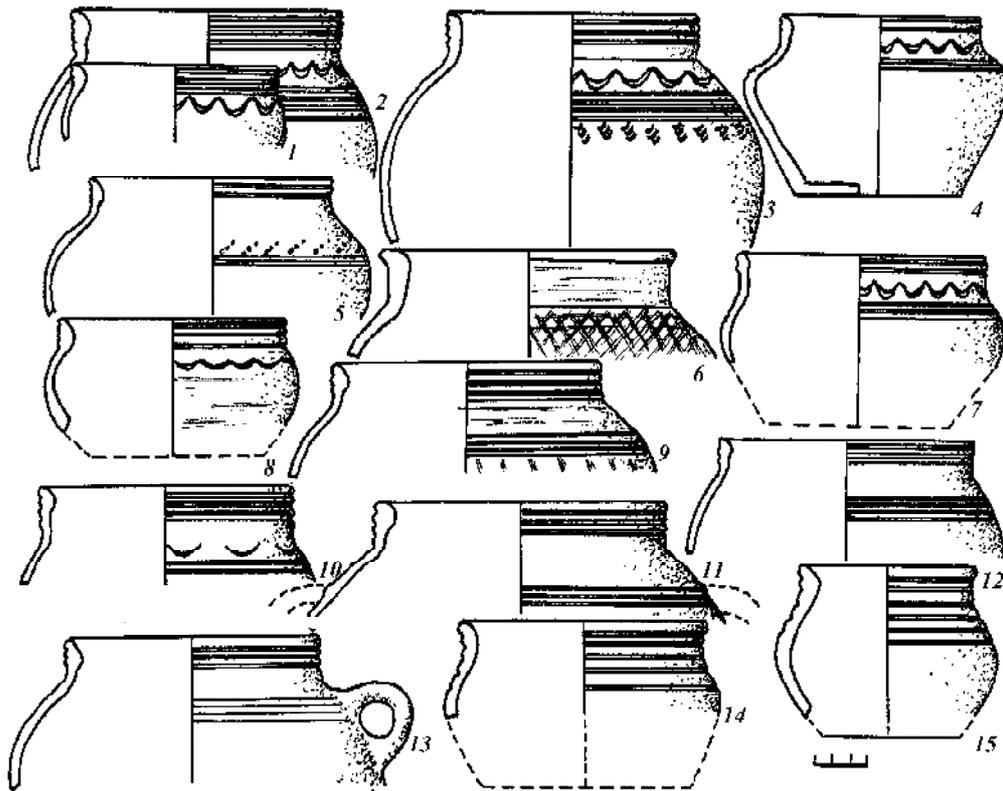

Рис. 4 Кухонные гончарные горшки болгарского производства:
1-15 – Рождественское городище

Среди материалов XI–XII вв. известны лепные *керамические крышки* (рис. 5) в виде толстого диска или блюда, как правило, покрытые густым орнаментом. Крышки для горшков употреблялись с целью лучшего распаривания круп. Как известно по этнографическим материалам, часто использовались и простые деревянные крышки. Поэтому можно предположить, что крышки использовались местным населением и до XI в., а керамические появились под влиянием болгарской посуды. Вероятно, частое наличие маленьких округлых отверстий в верхней части горшков можно объяснить именно использованием крышек, которые плотно привязывались к сосуду для предохранения хранившейся в нем пищи от грызунов и насекомых.

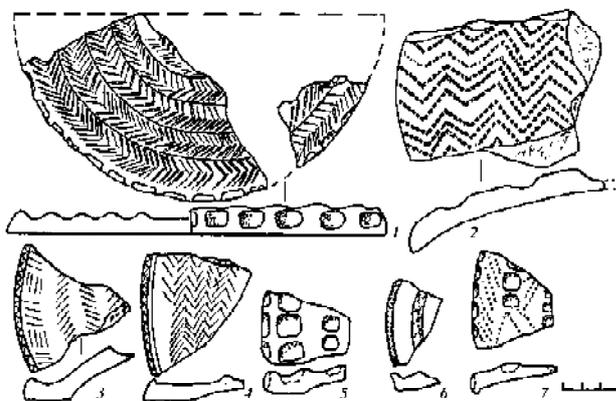

Рис. 5 Фрагменты керамических крышек лепных горшков: 1 – Рождественское городище, 2-7 – Саломатовское городище

Начиная с XII в. на территории Пермского Предуралья начали распространяться *металлические и глиняные котлы*. Металлическая посуда в Волго-Камском регионе в эпоху средневековья была явлением исключительным. Тысячелетние традиции изготовления медно-бронзовых изделий у здешних жителей не распространялись на посуду. Она была глиняной, деревянной, изготавливалась из бересты, луба, кожи, но не из металла. Но если проводить сравнение с предыдущими эпохами, когда редкая привозная металлическая посуда использо-

вალაась как сырье для изготовления украшений или выступала в качестве сокровища, показателя богатства и знатности, в эпоху средневековья, начиная с VIII в. отмечается резкое увеличение доли металлической посуды и несомненное использование ее в быту. Хотя, как отмечает К.А. Руденко, производство этой посуды не могло сравниться по своим объемам с изготовлением, например, ножей или наконечников стрел, тем не менее, масштабы производства ее были немалыми. По крайней мере, находки фрагментов металлической посуды — явление, обычное для средневековых поселений региона [Руденко, 2000, с.4]. В бытовых целях использовался, в основном, такой вид металлической посуды, как котлы. В Пермском Предуралье подобные котлы получили широкое распространение (рис. 6). Наиболее частой находкой являются куски медных пластин разного размера и толщины — фрагменты стенок котлов, а также медные ушки, сделанные из дрота, согнутого дугой. В ушках закреплялись железные дужки, с помощью которых сосуды подвешивались над огнем. Котлы, распространенные в Пермском Предуралье были, в основном, цилиндрической формы, по форме напоминающими современные кастрюли, емкостью от 2 до 12 л. Широкий отогнутый венчик котлов говорит об использовании деревянных крышек, которые удобно было класть на такую поверхность. Датируются котлы данного типа XII — первой половиной XIII века, во второй половине XIII в. их массовое производство прекратилось, хотя отдельные экземпляры подобных сосудов пережиточно бытовали и в XIV веке [Руденко, 2000, с.32].

По мнению К.А. Руденко, широкое распространение медных котлов в финно-угорской среде отнюдь не связано с активизацией ремесленного болгарского импорта в конце X в. (хотя и этот фактор, несомненно, сыграл существенную роль). Корни этого явления

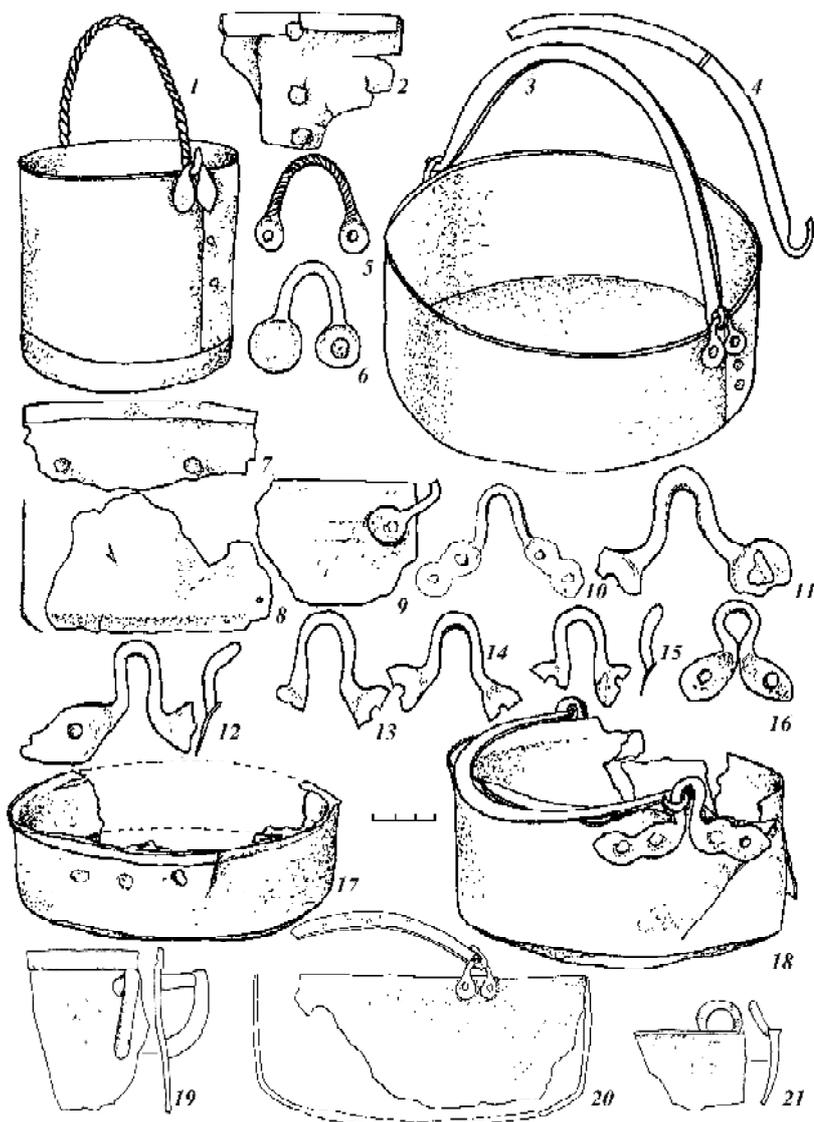

Рис. 6 Металлические котлы, 1-18, 20 — медные, 19, 21 — чугунные: 1, 3 — Аверинский могильник, 2, 7-9, 12-15, 19 — Рождественское городище, 4-6, 11 — городище Шудьякар, 10 — Роданово городище, 16 — с. Михалево, 17 — д. Харина, 18 — могильник Телячий Брод, 20 — Агафоновский могильник, 21 — городище Анюшкар

уходят, очевидно, в идеологические представления, о чем свидетельствуют, например, магические и ритуальные функции металлического котла, а также обилие котлов в погребениях и жертвенных местах [Руденко, 2000, с.56]. На Руси, к примеру, медные котлы по сравнению с финно-угорскими землями имели гораздо меньшее распространение [Руденко, 2000, с.60].

Кроме медных котлов, в материалах Рождественского и Анюшкар городищ имеются фрагменты чугунной и железной посуды, вероятно, котлов. Чугунные котлы встречаются преимущественно на болгарских и чияликских памятниках золотоордынского времени, в большей степени они распространились с первой четверти XIV века [Руденко, 2000, с.37,84]. Причем чугунные изделия на территории Булгарского царства представлены исключительно котлами. Достаточно большой процент таких изделий свидетельствует об их широком распространении в быту. Хотя, судя по письменным источникам, стоимость чугуна, как сырья, была довольно высока [Руденко, 2000, с.26].

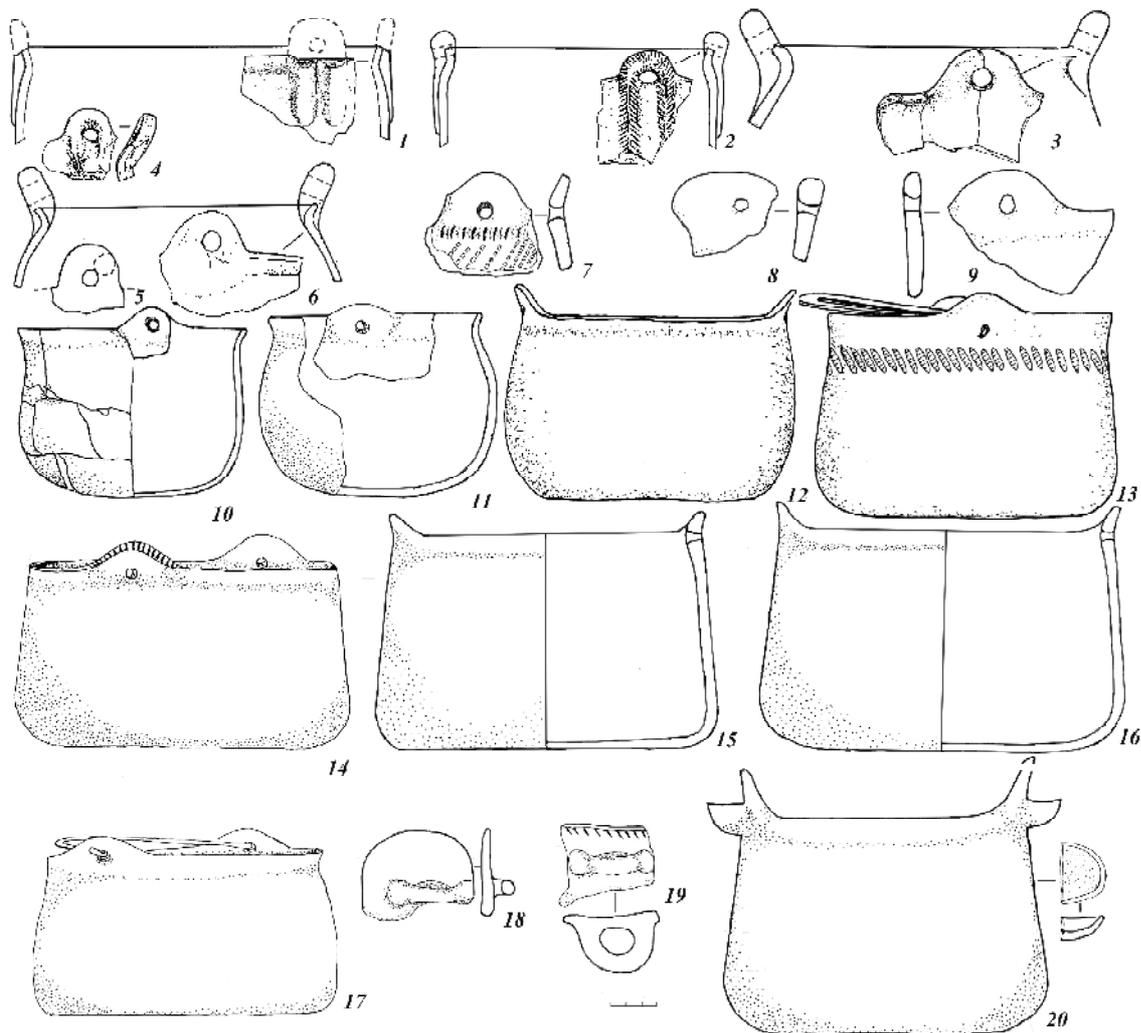

Рис. 7 Керамические лепные котлы: 1-6 – Рождественское городище, 7, 18-19 – Саломатовское городище, 8-9, 15 – селище Телячий Брод, 10-11 – Агафоновский II могильник, 12-14, 17 – могильник Телячий Брод, 16, 20 – Антыбарский могильник

Одновременно на поздних памятниках Пермского Предуралья получили распространение *глиняные котлы* (рис. 7), которые, несомненно, подражают медным. Это объемные "кошелевидные" сосуды с наибольшим расширением в придонной части тулова, со слабо отогнутым или прямым венчиком, плавно переходящим в тулово, иногда со слабо

выраженной шейкой, с уплощенным дном. Это достаточно крупные сосуды с диаметром по венчику 20–30 см, котлы с поселений имели объем около 7 л, из погребений — 4–5 л. Характерная особенность котлов, наличие двух ушков, поднимающимися выше уровня края сосуда. В ушках крепились железные дужки, аналогичные дужкам медных котлов.

На поселениях и могильниках Пермского Предуралья встречено довольно много реконструируемых форм глиняных котлов и их фрагментов — ушков, железных дужек. Полные формы реконструированы по материалам Антыбарского могильника, могильника Телячий Брод, Саломатовского городища, Рождественского городища, Агафоновского II могильника. Фрагменты котлов известны на Родановом, Кудымкарском, Саломатовском, Рождественском, Городищенском городищах, Телячий Брод, Антыбарском, Агафоновском II могильниках.

Посуда для выпечки (жарки?) представлена единично (рис. 8). На городище Шудьякар встречен один сосуд с нагаром на дне, который, вероятно, являлся сковородой с плоским дном. Ее диаметр — 19 см, глубина — 2,9 см. На Рождественском городище обнаружен фрагмент плоского диска диаметром 25 см, край которого отогнут кверху, образуя низкий бортик, и украшен защипами. Фрагмент керамической сковороды с низкими, наклоненными вовнутрь стенками, происходит с городища Анюшкар. В целом сосуды подобной формы для средневекового Пермского Предуралья являются редкостью.

Подобные толстостенные лепные сковородки для выпечки хлеба известны и на раннеславянских памятниках [Розенфельдт, 1997, с.23]. Новосибирские исследователи, рассматривая более поздний комплекс русской керамической посуды, отмечают, что такие сковороды могли применяться для жарения овощей, мяса, рыбы, выпечки блинов, хлеба, пирогов [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, с.181, рис.82]. На наш взгляд, появление на городищах Пермского Предуралья этого нового типа кухонной керамической посуды совпадает со временем перехода к пашенному земледелию, и с появлением в рационе нового блюда — хлеба. Поэтому, вероятно, *керамические сковороды* предназначались именно для выпечки хлеба.

К посуде для приготовления молочных продуктов относятся упомянутые лепные горшки с отверстиями на днище или на тулове, которые известны по материалам городищ Роданова, Лаврятского, Анюшкар и селища Запоселье. Эти сосуды, вероятно, предназ-

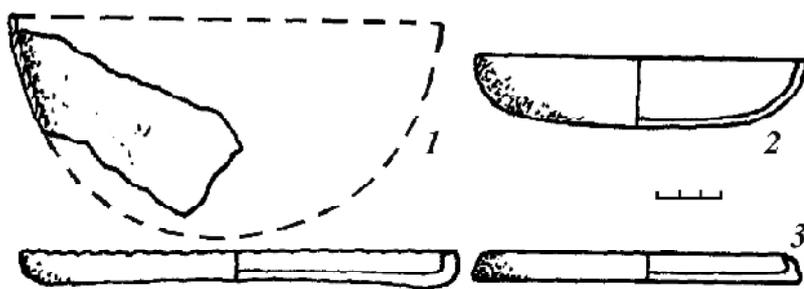

Рис. 8 Лепные сковороды: 1 – Рождественское городище, 2 – Шудьякар, 3 – Анюшкар

начались для процеживания молочной сыворотки. Подобные по назначению "сырницы" — лепные сосуды усеченно-конической формы с отверстиями в нижней части стенок — известны на раннеславянских памятниках [Розенфельдт, 1997, с.23].

Наиболее хорошо известны сосуды для молока среди посуды болгарского ремесленного производства. Для хранения молока и отстаивания сливок и сметаны использовались сосуды с довольно высокими вертикально поставленными горловинами — кувшины и кринки. *Кувшины* — сосуды удлиненных пропорций, имеющие выпуклое тулово и относительно узкую горловину подцилиндрической формы (рис. 9). Диаметр горла меньше половины диаметра тулова. Характерная черта — наличие одной С-образной или Г-образной в профиле ручки, некоторые сосуды имеют слив. На Рождественском городище это

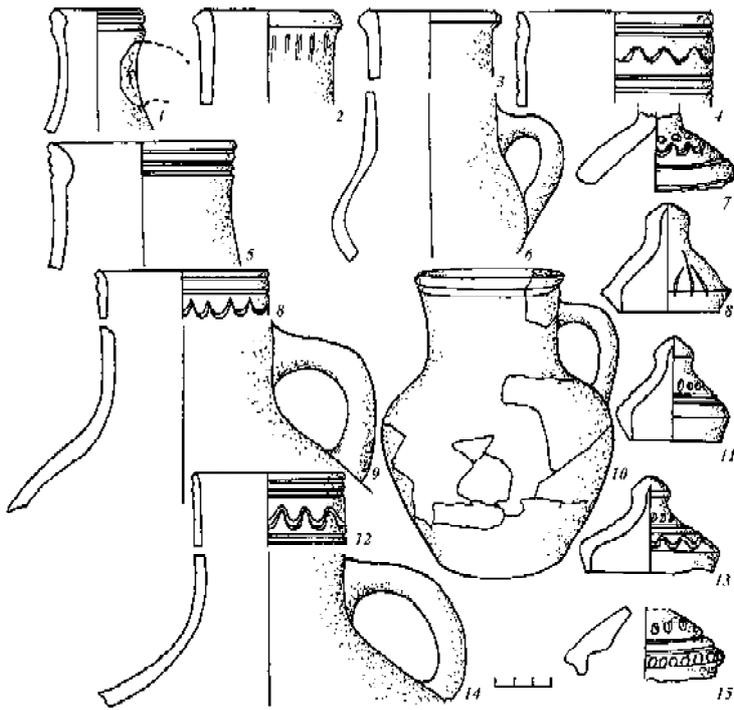

Рис. 9 Кувшины гончарные, крышки кувшинов:
1-9, 11-15 – Рождественское городище, 10 –
Роданово городище

второй по численности тип посуды болгарского производства, кувшины составляют 20,6% от общего количества реконструируемых гончарных сосудов [Богданова, Белавин, 2006, с.46–47]. Среди сосудов данного типа выделяется два подтипа: узкогорлые кувшины с диаметром горла до 10 см (преобладает диаметр 6–8 см) и крупные широкогорлые сосуды с блоковидным горлом диаметром 10–18 см. Кувшины могут относиться и к категории тарной посуды для переноски и хранения воды и иных жидкостей. *Кринки* — сосуды с диаметром горла равным или превышающим половину диаметра тулова (рис. 10). Это стройные закрытые сосуды с более широким, чем у кувшинов, горлом и иногда с одной петлевидной ручкой, прикрепленной в верхней части сосуда но, в основном, данный тип сосудов ручек не имел. В отличие от кувшинов, которые орнаментировались редко и довольно просто, кринки имеют разнообразную и пышную орнаментацию. Их богатая орнаментация свидетельствует о том, что этот тип сосудов чаще использовался в качестве столовой посуды [Богданова, Белавин, 2006, с.52].

Для хранения и переноски продуктов у народов Европы использовалась, главным образом, *утварь из дерева*. Особенности почвы в Пермском Предуралье не способствуют хорошей сохранности органических материалов, и, в частности, древесины. Но анализ инструментов деревообработки показывает, что здесь вполне могло существовать специализированное ремесло, ориентированное на производство деревянной утвари. Например, в комплексе деревообрабатывающих инструментов из материалов Рождественского городища имеются втульчатые тесла, рассчитанные на работу одной рукой, с легким лезвием и небольшой коленчатой рукояткой. Подобные тесла, судя по аналогиям с Биляра, могли использоваться для выдалбливания бортей.

Для хранения и переноски продуктов у народов Европы использовалась, главным образом, *утварь из дерева*. Особенности почвы в Пермском Предуралье не способствуют хорошей сохранности органических материалов, и, в частности, древесины. Но анализ инструментов деревообработки показывает, что здесь вполне могло существовать специализированное ремесло, ориентированное на производство деревянной утвари. Например, в комплексе деревообрабатывающих инструментов из материалов Рождественского городища имеются втульчатые тесла, рассчитанные на работу одной рукой, с легким лезвием и небольшой коленчатой рукояткой. Подобные тесла, судя по аналогиям с Биляра, могли использоваться для выдалбливания бортей.

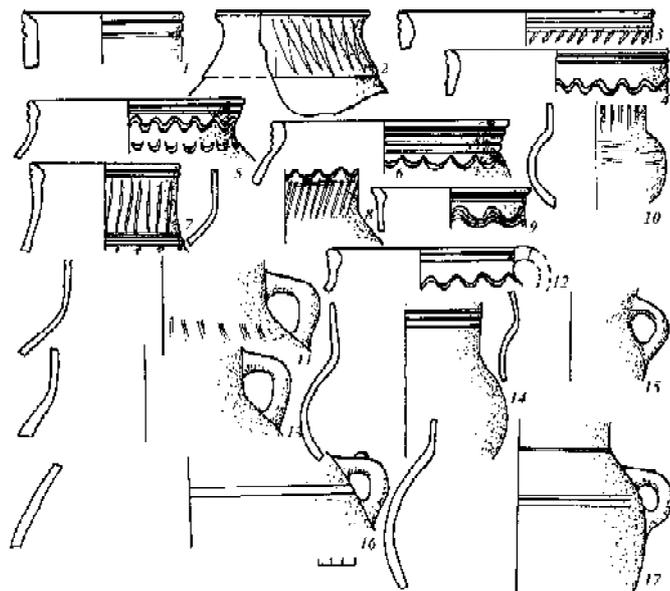

Рис. 10 – Кринки: 1-2 – Чашкинское II селище,
3-17 – Рождественское городище

Здесь же встречены маленькие наструги с лезвием, похожим на прямолинейный скобель с отходящими вверх ручками. Это лезвие вставлялось ручками в деревянную колодку и закреплялось клиньями, фиксируя, таким образом, необходимую толщину стружки. Этим инструментом строгать было гораздо легче, а главное, всегда можно было брать стружку определенной толщины, регулируя железку. Поверхность изделия получалась более гладкой, чем при обработке скобелем. Такие инструменты использовались в бондарном производстве. Довольно широко представлены долота и стамески, предназначенные для вырезания пазов и выемов, разнообразные резцы, в то числе и специализированные резцы-ложкари. Таким образом, в существовании деревянной утвари сомневаться не приходится.

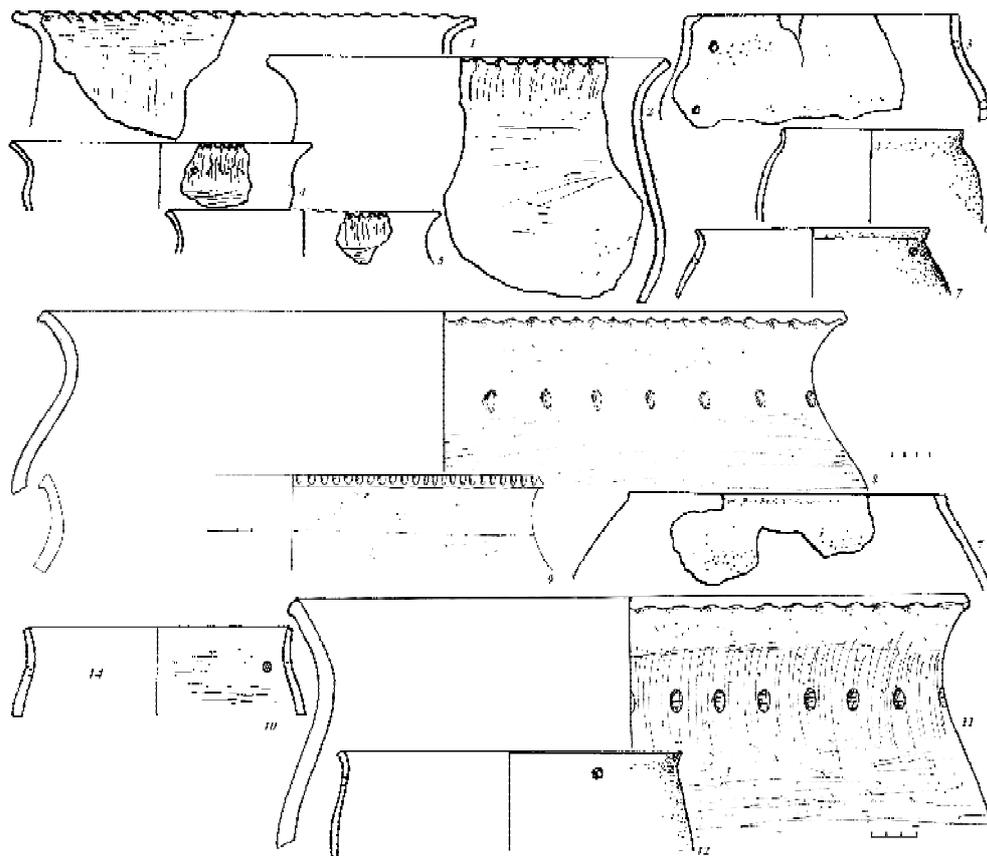

Рис. 11 Тарная лепная посуда: 1-3 – Русиновское селище, 4-5, 8-9, 11 – селище Запоселье, 6-7, 10, 12 – Рождественское городище

Уже было отмечено, что посуда, как правило, носила универсальный характер, и одни и те же формы сосудов могли использоваться и в качестве кухонной, и в качестве столовой, и как тарная посуда. *Лепные горшки* прикамского типа являлись наиболее распространенным типом кухонной посуды, но одновременно могли использоваться и для хранения продуктов. Например, среди керамической лепной посуды известны большие горшки с толстыми стенками (8–12 мм), в большинстве случаев не орнаментированные, с грубо обработанной поверхностью (рис. 11). Они слабо обожжены, на них нет следов нагара, иногда наблюдаются отверстия в стенках, вероятно, предназначенные для вентиляции или для привязывания деревянных крышек для сохранности продуктов от грызунов. Встречаются подобные сосуды чаще всего в ямах-кладовках. Например, ямы-кладовки с толстостенными сосудами для хранения пищи обнаружены в нижнем слое IX–XI вв. Саломатовского I городища. При разборке заполнения ямы-кладовки на селище

Запоселье было обнаружено более 2 десятков развалов больших горшков с диаметром по венчику до 60-64 см, их объем составлял более 20 л.

В качестве тары для перевозки и хранения сыпучих и жидких продуктов могли использоваться гончарные горшки больших объемов, а также корчаги и хумы болгарского производства. *Корчаги и хумы* — это толстостенные сосуды с коротким низким горлом, диаметр которого меньше или равен половине диаметра тулова (рис. 12). Для этих сосудов характерно наличие двух небольших, но массивных ручек, прикрепленных к верхней части тулова. Эти крупные сосуды, превосходящие по своим размерам все иные виды посуды, использовались в качестве тары для хранения и перевозки жидких и сыпучих продуктов [Богданова, Белавин, 2006, с.52]. Нужно отметить, что переход к пашенному земледелию в Пермском Предуралье по времени совпадает с распространением здесь посуды болгарского ремесленного производства. Поэтому для хранения резко увеличившихся запасов зерна наряду с использованием зерновых ям могли приспособить и объемные болгарские корчаги и хумы. Возможно, в корчагах хранили уже переработанные продукты (муку, крупу). Как известно по этнографическим материалам, в корчагах также солили рыбу и капусту, варили пиво. *Кувшинообразные сосуды* болгарского производства могли использоваться для транспортировки жидкостей.

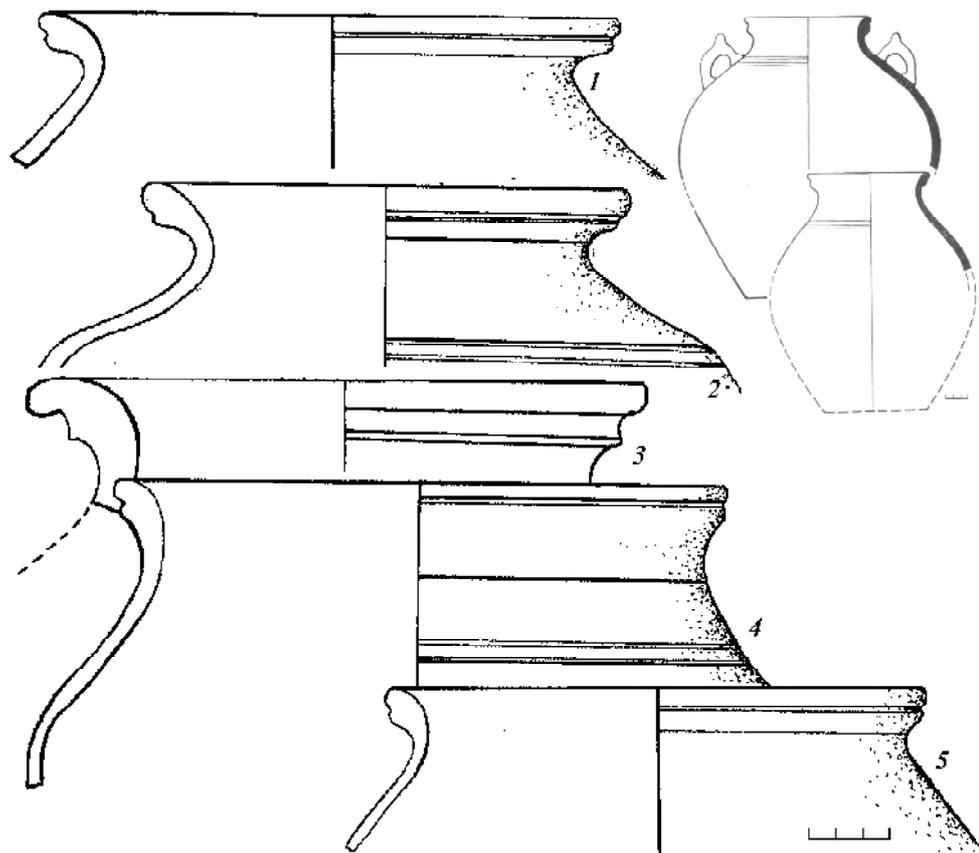

Рис. 12 Корчаги и хумы гончарные: 1-5 - Рождественское городище

По мнению А.М. Белавина, большое количество тарной посуды болгарского производства (корчаг и кувшинов) на памятниках Пермского Предуралья может объясняться не только использованием этих сосудов в быту местным населением, но и поставками каких-либо жидких и сыпучих продуктов [Белавин, 2000, с.53].

Для транспортировки жидкостей могли использоваться *кожаные бурдюки*. Они изготавливались из цельных овечьих шкур или сшитых кожаных емкостей. На Рожде-

стенском городище встречено несколько предметов из кости, которые интерпретируются как детали бурдюков. Это костяные трубки с нарезками на одной стороне, которые использовались как горлышки бурдюков. Найдены и костяные пробки для бурдюков. Вполне вероятно, что существовала и иная утварь для хранения, сшитая из кожи или ткани. Из этнографии известно, что, например, у обских угров в мешках и сумках разных размеров, сшитых из шкур и тканей, хранили одежду и мелкие предметы [Мифы, предания..., 1990, с.10].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Охарактеризуйте понятие "утварь". Зависит ли состав и особенности утвари от природно-климатических условий, образа жизни населения, от специфики его хозяйственных занятий, наличия того или иного зерна? Приведите примеры.
2. Основной материал изготовления утвари на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья?
3. Какие факторы могли определять форму посуды в первую очередь? Приведите примеры.
4. С чем связано появившееся разнообразие домашней утвари с конца X – начала XI вв. на территории Пермского Предуралья?
5. Подумайте: почему посуда, нетрадиционная для Пермского Предуралья эпохи средневековья, в первую очередь появляется на городищах и крупных ремесленных поселениях открытого типа?
6. Охарактеризуйте традиционные для средневекового Пермского Предуралья формы посуды.
7. Чем можно объяснить популярность круглодонной формы горшка на территории Пермского Предуралья на протяжении всего периода средневековья?
8. В чем отличия кухонной и столовой посуды? Могла ли кухонная посуда использоваться в качестве столовой? Приведите примеры.
9. Каковы функции погребальной посуды?
10. Что такое валики-подставки, их функции и многообразие на территории средневекового Пермского Предуралья.
11. Назовите основные факторы распространения котлов на территории Пермского Предуралья с XII века.
12. Какая посуда использовалась средневековым населением Пермского Предуралья для выпечки или жарения? Была ли она здесь широко распространена?
13. Охарактеризуйте особенности посуды для молочной продукции.
14. Исследователи утверждают, что деревянная посуда была распространена в Пермском Предуралье ещё с древности. Что свидетельствует об этом?
15. Характеристика и особенности тарной посуды, пользовавшейся в быту у средневекового населения Пермского Предуралья.
16. К какой посуде относятся корчага и хум? Опишите их. С какими процессами связано появление на территории Пермского Предуралья корчаги и хума?
17. Как мы увидели, посуда на территории Пермского Предуралья изменялась, особенно в период родановской археологической культуры. В результате каких явлений могло происходить это изменение?

§3. СТОЛОВАЯ ПОСУДА

По этнографическим данным хорошо известно, что посуда носила универсальный характер, и один и тот же сосуд мог использоваться для совершенно разных целей, и те типы горшков и чаш, которые отнесены к категории кухонной посуды, в какой-то мере могут относиться и к категории столовой.

Но, в материальной культуре населения Пермского Предуралья как в ломоватовское, так и в родановское время существовали формы посуды, которая использовалась исключительно как столовая.

К индивидуальной посуде для приема пищи относятся низкие открытые чаши и миски. Лепные чаши "прикамского типа" являются одним из наиболее распространенных типов прикамской посуды (рис. 13). По форме венчиков их сложно отличить от горшков, но если фрагмент сосуда достаточно велик, чтобы определить его высоту, чаши выделяются достаточно часто, их характерной особенностью является приземистость тулова. Чаши наравне с горшками широко представлены в погребениях, где можно наблюдать целые формы. Присутствие этого вида сосудов в погребениях свидетельствует о его значимости, как в быту, так и в ритуальной практике. Свидетельством того, что чаши были столовой посудой, является их пышная орнаментация, которая присутствует на больш-

шинстве предметов. Лепные миски местного производства без выраженной шейки были распространены как в ломоватовское, так и в родановское время, хотя среди бытовой посуды на поселениях они немногочисленны (13–15%) (рис. 14). Дно этих сосудов округлое, уплощенное или плоское, стенки, как правило, тонкие. Преобладают сосуды небольшого диаметра (8–10 см). Довольно часто миски бывают орнаментированы. Они не имеют следов нагара и использовались, по мнению В.А. Оборина, для принятия пищи [Оборин, 1970, с. 11]. Но этнографические материалы показывают, что миски могли служить для смеси блюд типа салатов, замеса теста. Русское слово "миска", возможно, происходит от глагола "мешать", "размешивать", и первоначаль-

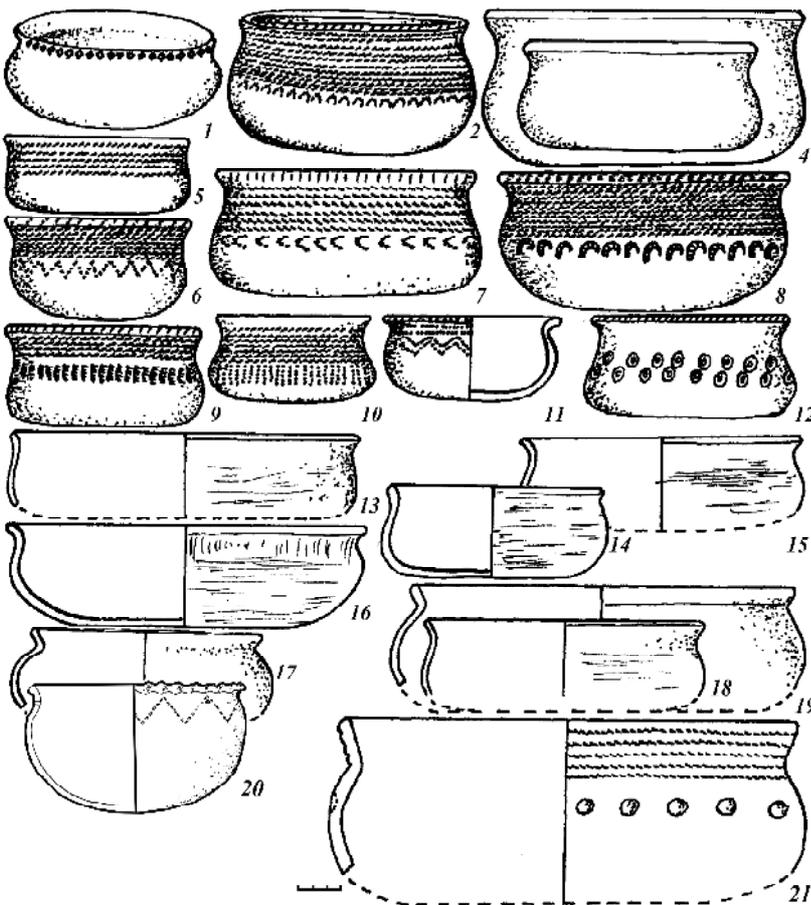

Рис. 13 Лепные чаши: 1 – Деменковский могильник, 2 – Каневский могильник, 3-10, 12 – Аверинский могильник, 11, 14, 16 – Городищенское городище, 15, 17-19, 21 – Рождественское городище, 20 – селище Володин Камень

но оно писалось как "мешка", то есть емкость, где размешивали. Среди керамики, изготовленной на гончарном круге, также выделяются сосуды для индивидуального приема пищи. Гончарные миски представляют собой низкие широкие сосуды с диаметром горла чуть меньше наибольшего диаметра тулова (рис. 15). Многие сосуды имеют небольшие ручки в верхней части. Диаметр горловины 12–18 см, но есть и маленькие мисочки по форме напоминающие плоски. Миски не орнаментировались, но имели тщательное лощение как снаружи, так и изнутри. Использовались они, преимущественно, как столовая посуда [Богданова, Белавин, 2006, с.53]. Гончарные чаши и блюда – это открытые сосуды без горловины, с цилиндрическим верхом, с расширяющимся верхом, с боченкообразным верхом (рис. 16). Более глубокие сосуды определяются как чаши, более мелкие — как блюда. Есть маленькие чашечки диаметром по венчику 7–8 см, есть глубокие чаши, достигающие в диаметре 24 см. Блюда также представлены разных размеров: большие диаметром до 44 см, но наиболее массовые - средние диаметром 19–30 см. В отличие от неорнаментированных мисок, чаши и блюда обычно имеют украшения по бортику, что свидетельствует об их парадном предназначении [Богданова, Белавин 2006, с.53].

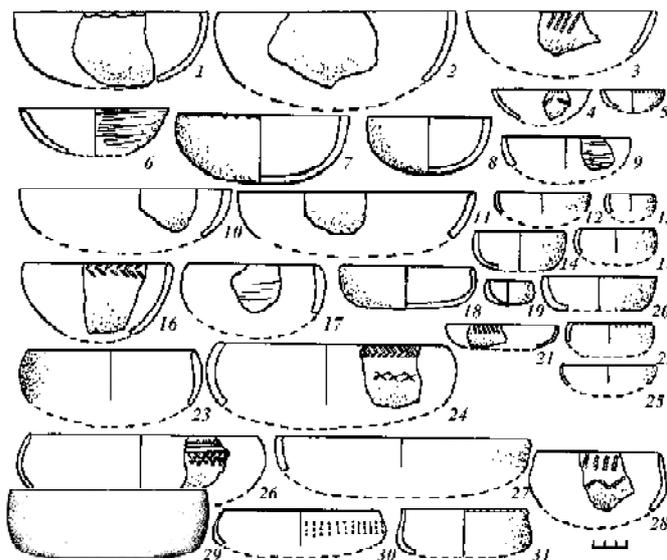

Рис. 14 Лепные миски и плоски: 1-3 – Опутятское городище, 4-6, 22 – селище Запоселье, 7, 10-11, 18, 28 – Шудьякар, 9 – Чашкинское II селище, 12-15, 19-20, 23-24, 26 – Анюшкар, 16 – Деменковский могильник, 17 – городище Ором, 21 – Русиновское II селище, 25, 27, 29-31 – Рождественское городище

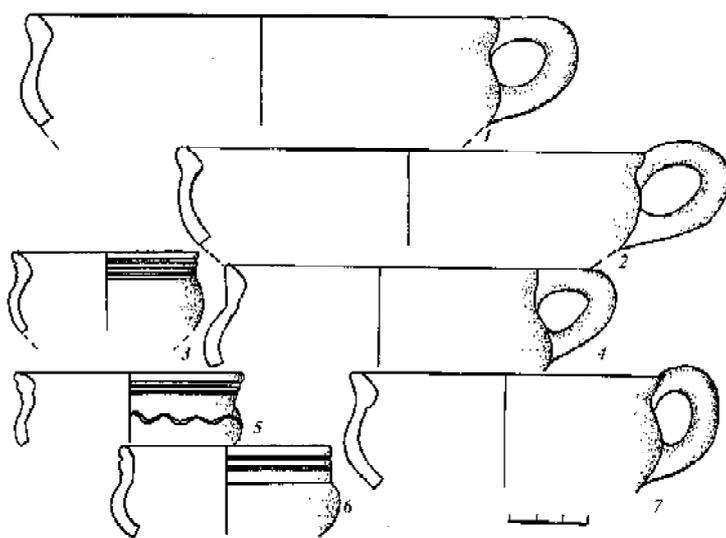

Рис. 15 Миски гончарные: 1-7 – Рождественское городище

Сосуды для питья достаточно разнообразны. К ним относятся *деревянные сосуды* — *ковши, кружки* (рис. 17). Деревянная посуда, судя по всему, возникла значительно раньше керамической. В уральских торфяниках собрано довольно много разнообразных деревянных ковшей, ложек, относящихся еще к эпохе каменного века. Деревянная утварь имела широкое распространение и в этнографическое время. К примеру, у обских угров утварь в прошлом в основном была деревянной и берестяной. Каждая семья имела множество берестяных емкостей разной формы и назначения:

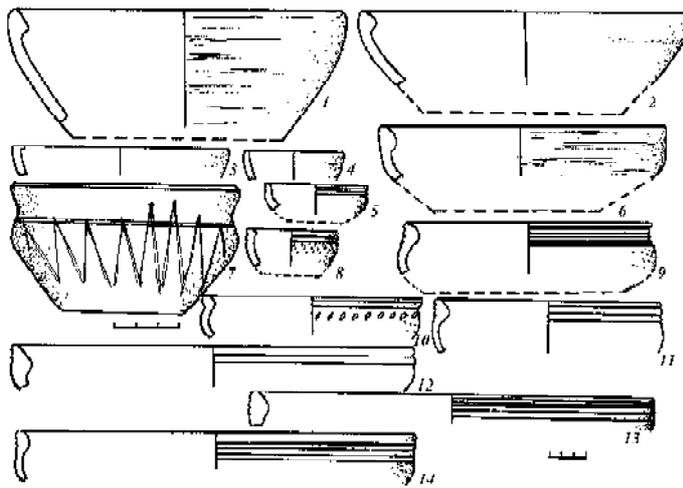

Рис. 16 Чаши и блюда гончарные:
1-14 – Рождественское городище

плоскостонные сосуды, кузова, коробики и т.д. Из дерева мужчины вырезали блюда, ступы, кадушки, черпаки, ложки [Мифы, предания..., 1990, с.10]. Но по причине плохой сохранности органики в средневековых памятниках Пермского Предуралья мы не имеем представления обо всем многообразии деревянной утвари, которая, без сомнения, широко использовалась в быту местным населением. Деревянная посуда, среди которой имеются ковши и кружки с плоской площадкой на ручке-петле, хорошо известна по материалам салтово-

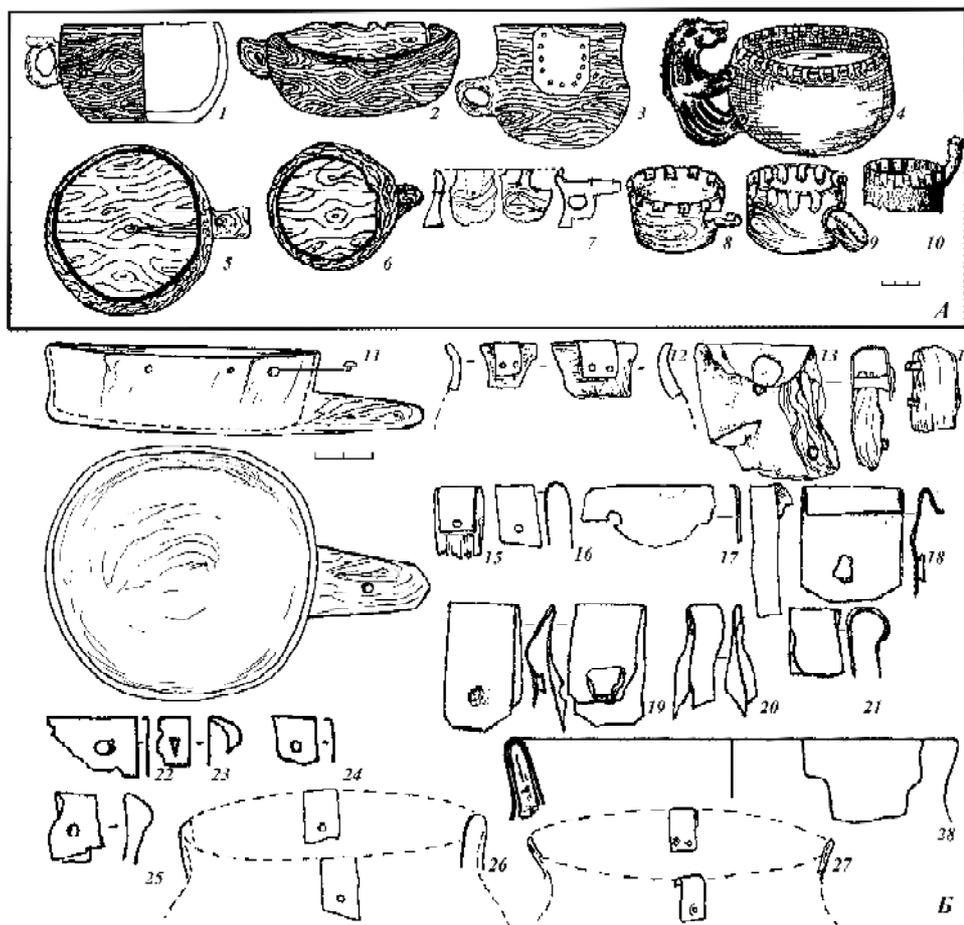

Рис. 17 Деревянные сосуды. Ковши, кружки. А – аналогии, Б- фрагменты сосудов Пермского Предуралья: 1 – Нижнее-Лубянский могильник, 2, 5-6 – могильник Саркела-Белой Вежи II, 3 – Уландьрские курганы, 4 – Веслянский могильник, 7 – Танкеевский могильник, 8-9 – Варнинский могильник, 10 – могильник Мыдлланы-Шай, 11 – Важгорский могильник, 12-21, 26-27 – Рождественский могильник, 22-25, 28 – Огурдинский могильник

маяцкой археологической культуры. Края сосудов для прочности оковывались медными пластинами, которые часто находят в погребениях, где не сохраняется дерево. Без сомнения, именно от салтовцев деревянная посуда для питья с металлическими оковками по краю венчика распространилась и у финно-угров Предуралья (в поломско-чепецкой, ломоватово-родановской, вычегодско-вымской культурах). На ряде могильников Пермского Предуралья (Рождественском, Огурдинском, Мелехинском, Степаново Плотбище и др.), реже на городищах, встречено довольно много серебряных и медных обкладок, которыми оформлялся венчик деревянных сосудов. В отдельных случаях сохранились и остатки древесины. По сохранившимся фрагментам венчиков можно предположить, что деревянные сосуды были, главным образом, небольших размеров, по форме напоминали лепные горшки, толщина стенок составляла 0,4–1 см. Судя по материалам Рождественского могильника, венчик деревянного сосуда обычно оформлялся четырьмя металлическими обоймочками. Серебряные обоймы представляют собой тонкую прямоугольную пластину шириной 0,7–1,5 см, согнутую пополам, и снабженную круглыми или треугольными отверстиями для одного или двух гвоздей. Пластины крепились на стенки деревянного сосуда с помощью небольших медных гвоздиков круглого сечения с округлой или овальной шляпкой. Медные обоймы в ряде случаев аналогичны серебряным, но на Рождественском городище встречаются и обоймы в виде более широких пластин (до 4 см), которые, вероятно, использовались на сосудах больших размеров. Судя по тому, что в материалах погребений встречаются исключительно серебряные, а на городищах медные обоймы, можно предположить, что небольшие

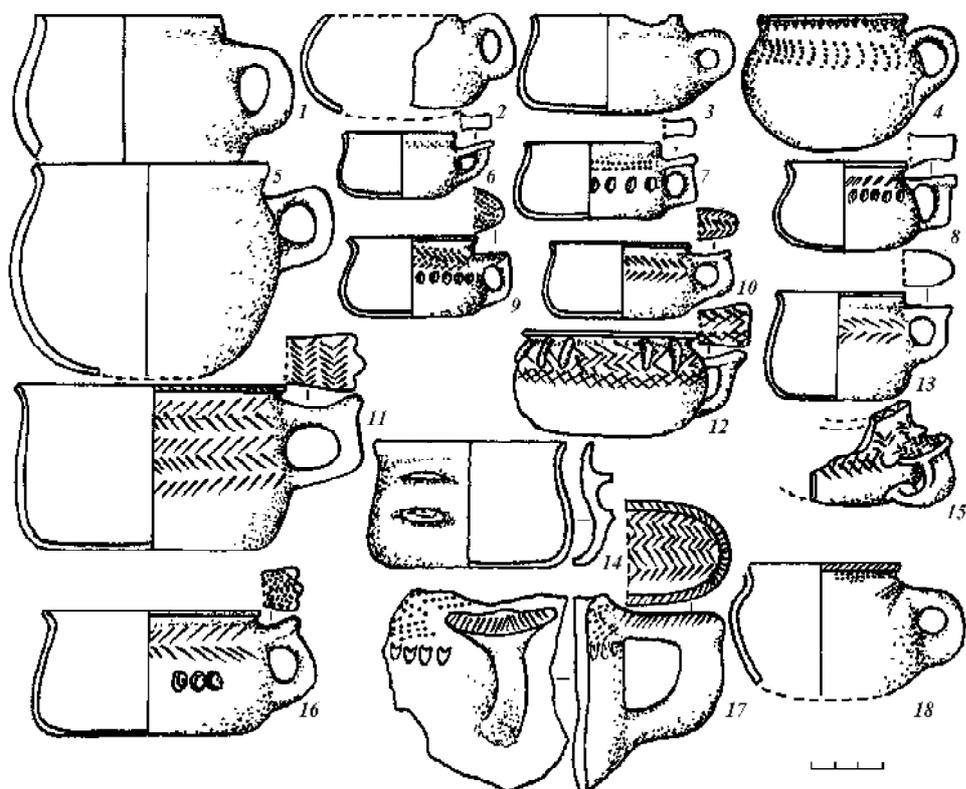

Рис. 18 Лепные кружки: 1- Шудьякар, 2, 5-8, 13 – Рождественское городище, 3 – Аверинский могильник, 4 – Деменковский могильник, 9 – селище Телячий Брод, 10 – Антыбарский могильник, 11, 15-17 – Саломатовское городище, 14 – могильник Телячий Брод, Аверинский могильник, 18 – Анюшкар

сосудики с серебряными обкладками венчика выполняли функцию парадных или ритуальных, а обычная бытовая деревянная посуда разных размеров оформлялась медными обкладками.

В качестве сосудов для питья использовались также керамические плошки и кружки. *Плошки* — миниатюрные сосудики с диаметром по венчику до 10 см. Наиболее часто они напоминают сосуды типа пиалы. Из-за малых размеров сложно представить их использование для принятия пищи. Вероятнее всего, они предназначались для питья (но, возможно, часть из них использовалась как светильники-жирники). Такие сосуды в рав-

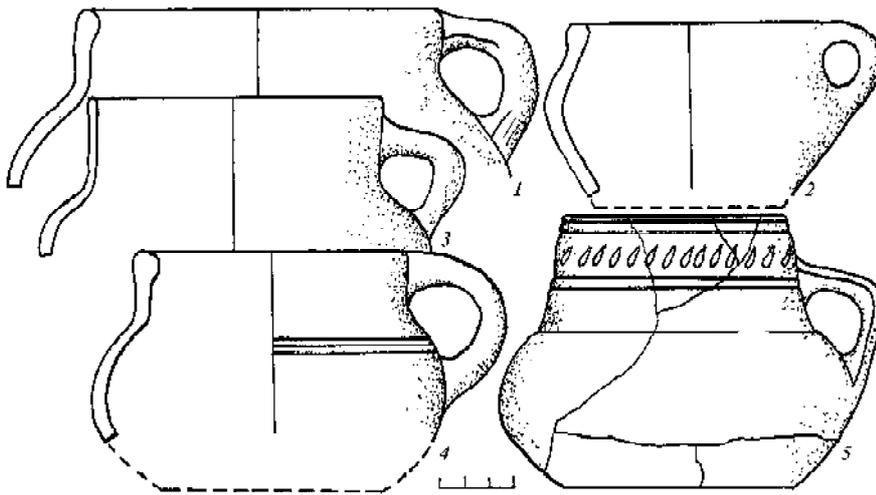

Рис. 19 Гончарные кружки: 1-5 — Рождественское городище

ной степени известны на памятниках как ломоватовского, так и родановского времени. *Лепные кружки* — сосуды средних размеров, хорошо профилированные, со слабо отогнутым наружу венчиком, невысокой шейкой, плавно переходящей в тулово (рис. 18). Характерная особенность кружек — наличие петлеобразной ручки,

которая крепится под венчиком и в придонной части тулова. Ручки встречаются как обычные "С"-видные и скобовидные, так и с упором-площадкой различных конфигураций: подпрямоугольной, овальной формы, в виде листка дуба, "медвежьей лапы" и пр. Кружки обычно богато орнаментированы. На них нет следов нагара, что может свидетельствовать о применении кружек как соловой посуды. Лепные кружки и их фрагменты встречены на городищах Шудьякар, Рождественском, Анюшкар, Кудымкарском, Саломатовском, селище Телячий Брод, могильниках Телячий Брод, Антыбарском, Плотниковском, Аверинском I. Самая ранняя кружка встречена в погребении № 129 Деменковского могильника, которое датируется IX веком. Но наиболее широкое распространение керамические лепные кружки получили с XI—XII веков. Частое присутствие кружек в погребениях XII—XIV вв., обычно принадлежащих мужчинам, свидетельствует о том, что кружки несли какую-то особую смысловую нагрузку. Вполне можно предположить, что кружки использовались для употребления ритуальных напитков. В русской этнографии подобные сосуды известны как сливочники — то есть кружки для сырого молока или сливок. Известны также *гончарные кружки* болгарского производства (рис. 19). Это относительно небольшие сосуды с диаметром горла не более 10 см и с обязательной петлеобразной ручкой в верхней части. У кружек суженное горло, плавно переходящее в слабо выпуклое тулово. Эти сосуды среди всей гончарной посуды отличаются наиболее пышной орнаментацией. Для употребления напитков могли использоваться и открытые чаши в виде широкогорлых сосудов с отогнутым наружу венчиком, слабо раздутым в придонной части туловом, округлым или уплощенным дном, снабженные двумя петлеобразными ручками с площадкой-упором (рис. 20). Сосуды богато орнаментированы. Встречены на Рождественском, Саломатовском городищах, селище Телячий Брод,

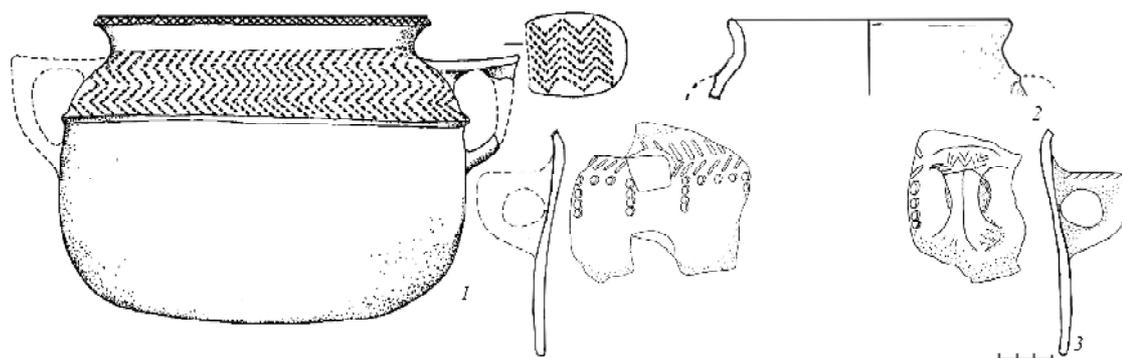

Рис. 20 Чаши с двумя ручками – «братины»: 1-2 – Рождественское городище, 3 – Саломатовское городище

Антыбарском и Плотниковском могильниках. Такие сосуды могли использоваться как парадные, например, в роли *братины* или заздравной чаши.

К сосудам для подачи на стол напитков могут относиться кувшины и кринки изящных пропорций с тщательной отделкой поверхности лощением и с пышной орнаментацией, которые выделяются среди болгарской посуды. Из кувшинов к столовой посуде могут быть отнесены сосуды средних размеров и группа маленьких кувшинчиков. Из кринок к столовой посуде может быть отнесено большинство. Маленькие криночки с ручками могли использоваться как кружки, а большие — для выставления на стол жидких продуктов. Эти сосуды достаточно широко употреблялись в быту населения городищ, о чем свидетельствуют многочисленные находки их обломков [Богданова, Белавин, 2006, с.52].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Что подразумевает понятие "столовая посуда"?
2. Выделите и охарактеризуйте наиболее распространенные типы индивидуальной посуды.
3. Назовите основные отличия чаши и миски.
4. Какие сосуды для питья использовались средневековым населением Пермского Предуралья?
5. Как подавали на стол напитки средневековые женщины своим мужчинам?

§4. СТОЛОВЫЕ ПРИБОРЫ

Длительное время единственным приспособлением, использовавшимся людьми во время еды, был *нож*. В средневековых могильниках Пермского Предуралья универсальные ножи почти обязательно сопровождают в равной мере как мужские, так и женские погребения. Ножи носили на поясе, преимущественно слева. Их, вероятно, использовали в самых разнообразных хозяйственно-бытовых целях, в том числе, и при приеме пищи. Особое значение ножа как весьма значимого предмета подчеркивается обычаем женщин в конце IX — начале XI вв. носить их в нарядных деревянных ножнах, обложенных серебряными или медными пластинами, нередко с украшением зернью.

После появления вареной пищи в обиход вошли *ложки*. На Урале они известны с эпохи неолита. Форму ложкам придавали различную, с одной стороны — в зависимос-

ти от назначения, с другой — обусловленную традицией. Для их изготовления применяли разные материалы: дерево, кость, металл, глину, снабжали их резьбой и росписью. На Руси, например, простой люд пользовался деревянными ложками, металлические принадлежали исключительно знати, на русском Севере в ходу были костяные ложки.

На средневековых памятниках Пермского Предуралья собрано довольно много ложек. Все они выполнены из двух видов материала — металла (бронзы) и кости. Нет сомнения в том, что в обыденной повседневной жизни для употребления пищи пользовались ложками, вырезанными из дерева. Свидетельством тому являются находки специализированных резцов-ложкарей, которые с к. IX–X вв. встречаются как на поселенческих памятниках, так и на могильниках в составе мужского погребального инвентаря. Но особенности почвы и погребального обряда не способствуют хорошей сохранности органики, и среди скудного комплекса обнаруженных на прикамских памятниках фрагментов деревянной утвари ни одной ложки нет.

Бронзовые, а возможно, и костяные ложки имели, главным образом, культовое значение. Металлические ложки использовались в качестве подвесок-амулетов в женском костюме. Их обычно помещали в составе поясных привесок, реже — нагрудных украшений [Крыласова, 2001, рис.46, 49, 62]. Костяные ложки, в большинстве случаев, как и бронзовые, снабженные отверстиями для привешивания, по мнению большинства исследователей, также носили культовый характер. Идею использования различных бытовых предметов (копоушек, туалетных коробочек и пр.) жители Пермского Предуралья могли заимствовать у представителей салтово-маяцкой культуры, от которых были восприняты и многие формы основных категорий украшений, которые в переработанном виде стали типичными украшениями средневекового костюма Пермского Предуралья. В салтовских древностях в составе костюмного убранства известны и металлические туалетные ложечки. По своим размерам ложки-подвески вполне пригодны для употребления при приеме пищи. Бытовые деревянные и костяные ложки, сохранившиеся в могильниках Удмуртского Предуралья, на Выми и в Приобье внутри металлических котлов, аналогичны как по форме, так и по размерам прикамским ложкам-амулетам. Можно

предполагать, что последние могли использоваться и в практических целях, по крайней мере, в исключительных случаях, например, во время ритуальных трапез. Нужно отметить, что и обыденные бытовые ложки нередко снабжены отверстием на рукояти. Это отмечается и среди ложек, найденных на территории Руси, их носили на поясе на шнуре [Розенфельдт, 1997а, с.41].

Традиция использования в качестве амулетов металлических ложек существовала в Пермском Предуралье в период с конца VIII до конца X века. К этому же периоду относятся подвески-ложки, встреченные на соседних территориях — в полемских и неволинских могильниках, курганах Южного Урала, раннебулгарских могильниках, в Зауралье, которые представлены единичны-

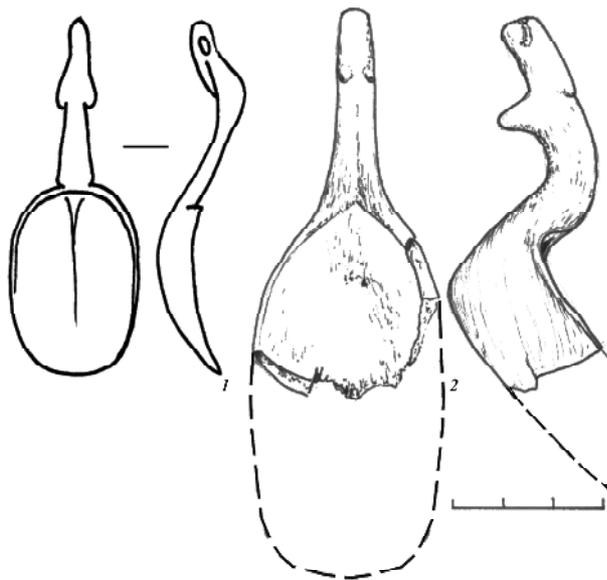

Рис. 21 Ложки со скульптурным изображением головы животного на рукояти:
1 — д. Батуева, бронза, 2 — Рождественское городище, кость

ми экземплярами, и типологически схожи с прикамскими. Это дает возможность предполагать, что проникновение данных предметов за пределы территории Верхнего Прикамья связано с межкультурными контактами, которые, в данном случае, скорее всего, выражались в межэтнических браках, поскольку подвески-ложечки использовались исключительно в женском костюме.

Подвески-амулеты в виде миниатюрных ложечек известны и на Руси, где они являлись символом благосостояния и довольства. Наиболее распространенными были круглые ложечки с гладкой или фигурной в виде плетенки рукояткой, бытовавшие в X — начале XII веков. Вполне возможно, что традиция использования в составе костюмного комплекса ложек-амулетов была воспринята жителями Руси у прикамского населения, которое являлось своеобразным "законодателем моды" на разнообразные магические предметы, такие как зооморфные роговые гребни, кресала с бронзовой рукоятью, копоушки и пр. Исследователи отмечают, что металлические ложки имели своим прототипом деревянные ложки, применявшиеся в обыденной жизни, причем деревянные и металлические изделия существовали синхронно. Аналогичная картина, судя по всему, наблюдалась и в Пермском Предуралье.

Основным хронологическим признаком ложек, распространенных в Пермском Предуралье является длина рукояти.

В VII - первой половине XI вв. были распространены *ложки с укороченной рукоятью*. Они, вероятно, являлись изначальной формой повсеместно. В частности, на территории Руси в X–XI в. также известны подобные ложки, которые Б.А. Колчин отнес к категории дорожных ложек, очевидно, считая, что они наиболее удобны для применения в условиях походной жизни. Однако данная форма является ничем иным, как пережитком классической традиционной формы, существовавшей с каменного века.

В VII-IX вв. они обычно снабжались овальным или овално-подпрямоугольным слабоуглубленным черпаком, вы-

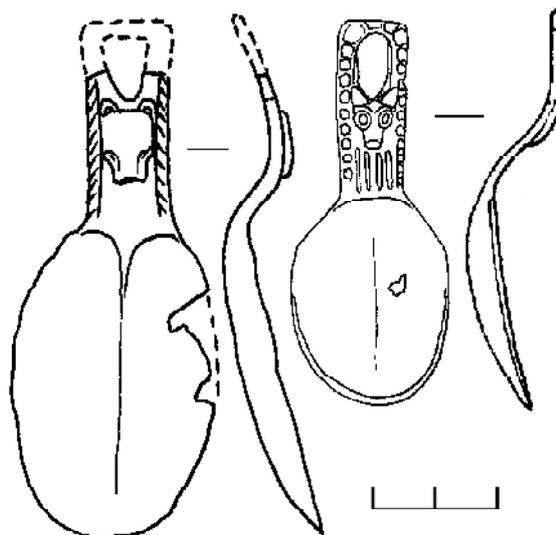

Рис. 22 Ложки второй половины VIII-IX вв. с изображением головы медведя: 1 – д. Чажегова, 2 – Гайнский могильник

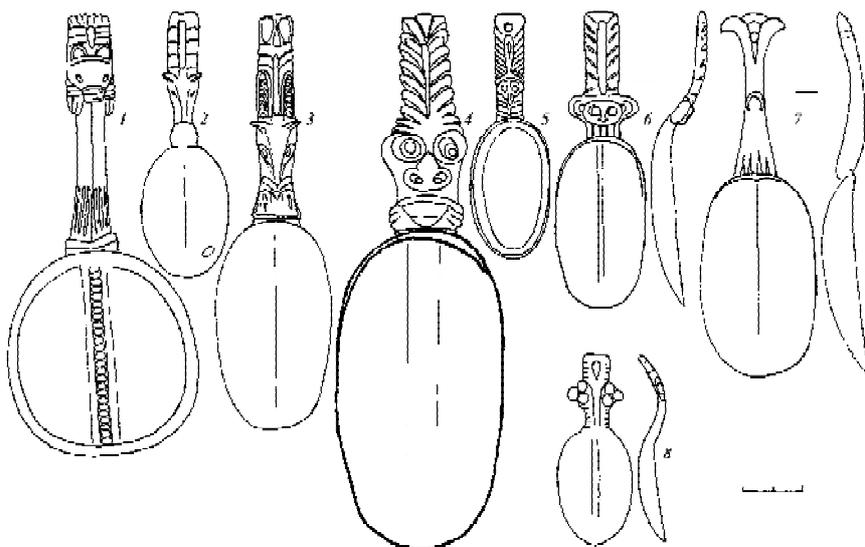

Рис. 23 Ложки с изображением головы медведя, лося, неопределенной личины, с растительным орнаментом: 1-4 – Подчеремский клад, 5 – д. Вижайка, 6 – Плесинский могильник, 7 – Урынский могильник, 8 – Редикарский могильник

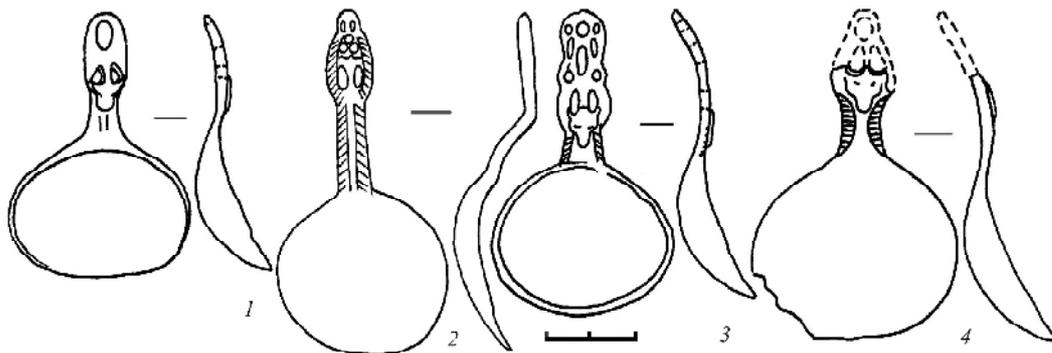

Рис. 24 Ложки конца IX-X вв. с изображением головы медведя. 10, 14 – кость, остальное – бронза: 1 – Русиновский могильник, 2 – Мало-Аниковский могильник, 3 – Рагозы, Буждог, 4 – д. Вакина

тянутым по одной линии с рукоятью. У большинства черпаков по осевой линии наблюдается слабо выраженное ребро. Длина рукояти меньше или примерно равна длине черпака. Особенностью рукояти является характерный коленчатый изгиб при переходе к черпаку. Большинство подобных ложек, известных на территории Пермского Предуралья, отлиты из бронзы, имеют отверстия для привешивания. В 2008 г. на Рождественском городище была найдена первая костяная ложка подобного облика. Наиболее ранними являются относительно миниатюрные ложки длиной 5,5–6 см, с рукоятью округлого сечения, завершающейся сильно стилизованным скульптурным изображением головы животного или птицы, датирующиеся VII-IX веками (рис. 21). Судя по тому, что на неко-

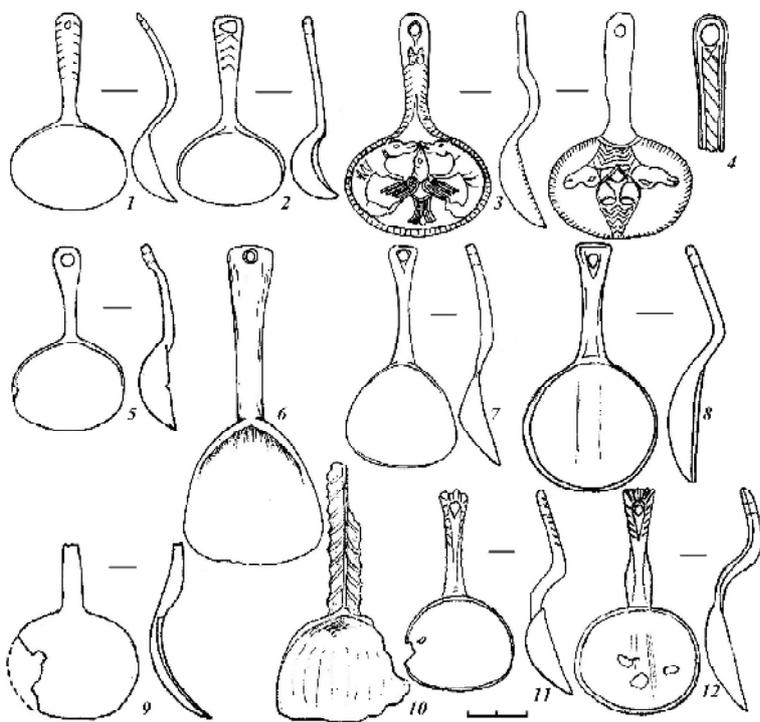

Рис. 25 Ложки конца IX-X вв.: 1 – д. Загарье, Агафоновский, 2 – Рождественский, 3 – Степаново плотбище, 4 – Огурдинский могильники, 5 – д. Назарова, 6 – Рождественское городище, 7 – Пермская губерния, 8 – Губинское городище, 9-10 – Анюшкар, 11 – Агафоновский могильник, 12 – д. Данилова

торых экземплярах вполне отчетливо выделены уши, и учитывая очертания головы, можно предположить, что это изображение головы лосихи или коня.

В период со второй половине VIII до первой половины IX вв. бытовали ложки с уплощенной рукоятью прямоугольной или подтрапециевидной формы. Их рукояти отличаются по оформлению. Известны гладкие рукояти с треугольным отверстием для привешивания, рукояти, украшенные по краям насечками, декоративными выступами. У многих ложек на месте коленчатого перегиба рукояти помещено рельефное изображение личины неопределенного существа, головы коня (лося?) (рис. 23), но чаще всего – головы медведя (рис. 22).

В конце IX-X вв. черпаки приобрели округлую, округло-подтреугольную, в виде овала, вытянутого перпендикулярно рукояти, форму, и стали более глубокими. Длина рукояти примерно равна длине черпака. Отдельные рукояти сохранили коленчатый перегиб, как у более ранних ложек, но в большинстве случаев рукоять более прямая. Среди таких ложек известны бронзовые и костяные. Есть ложки длиной 8,5–10 см с округлым или слегка вытянутым в стороны черпаком, с относительно короткой уплощенной фигурной рукоятью со слабым коленчатым изгибом при переходе к черпаку. На месте изгиба наблюдается сильно стилизованное слабо выпуклое изображение головы медведя, а в верхней части рукояти — овалы прорези, образующие ажурный орнамент, и округлое отверстие для привешивания (рис. 24). Есть ложки с уплощенной, немного расширяющейся кверху рукоятью с округлым отверстием для привешивания, иногда орнаментированной (рис. 25). Наиболее характерными для данного периода стали ложки с шумящими привесками (рис. 26). Они имеют малые размеры (длина 4–5,5 см), черпак округлый или в виде овала, вытянутого перпендикулярно рукояти; их рукояти завершаются петлей для подвешивания и двумя петлями для привесок, которые обычно крепятся с помощью одного звена простой цепочки. Такие ложки, в отличие от остальных, вероятно, полностью превратились в амулеты, и окончательно утратили возможные утилитарные функции. У всех экземпляров ложек-амулетов с сохранившимися привесками в качестве таковых использовались привески в виде лапок водоплавающих птиц, особенностью которых является расположение петли для привешивания в одной плоскости с привеской. Аналогичные привески-лапки получили широкое распространение на памятниках Верхнего Прикамья во второй половине X — первой половине XI века. Они известны, например, на таких памятниках, как Степаново Плотбище, Огурдинский могильник, городище Анюшкар, Саломатовское городище, селище и могильник Телячий Брод, где встречены, в том числе, и в комплексах с монетами. До указанного периода преобладающими являлись привески-лапки, петля которых располагалась перпендикулярно плоскости привески. Шумящие амулеты-ложечки относятся к периоду конца X — первой половины XI веков.

На поселенческих памятниках Пермского Предуралья известны также уплощенные костяные ложки (лопаточки-скребки?) с подтреугольным слабоизогнутым черпаком, плавно переходящим в короткую подпрямоугольную рукоять (рис. 27).

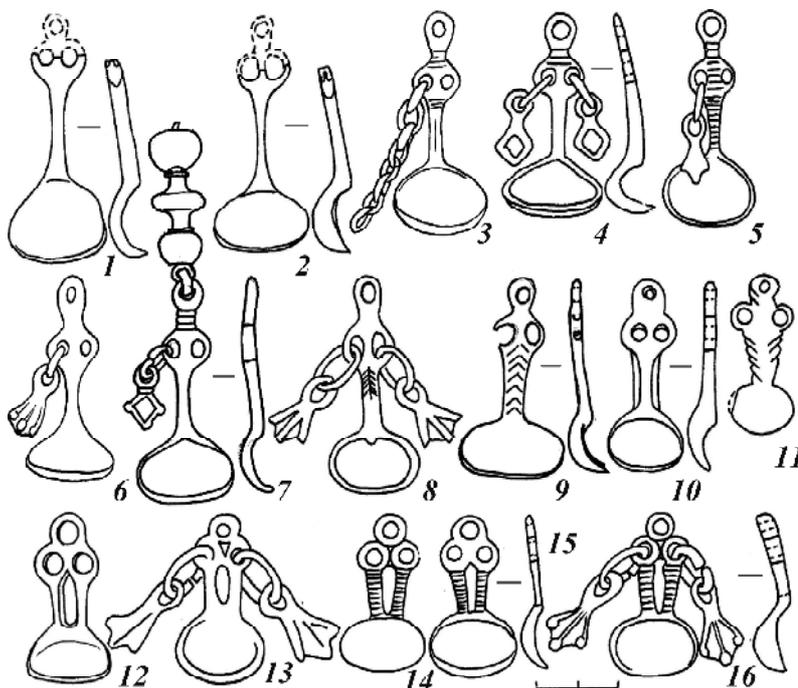

Рис. 26 Ложки-амулеты X — начала XI вв.: 1 — д.Останина, 2 — Пермская губерния, 3, 6-7 — Баяновский могильник, 4 — д. Михалева, 5 — Редикарский клад, 8 — Чашкинское II селище, 9 — д.Зелва, 10, 13 — Кудымкарское городище, 11 — Анюшкар, 12 — Чердынский уезд Пермской губернии, 14 — д. Галинка, 15 — Рождественское городище, 16 — Кудымкарское селище

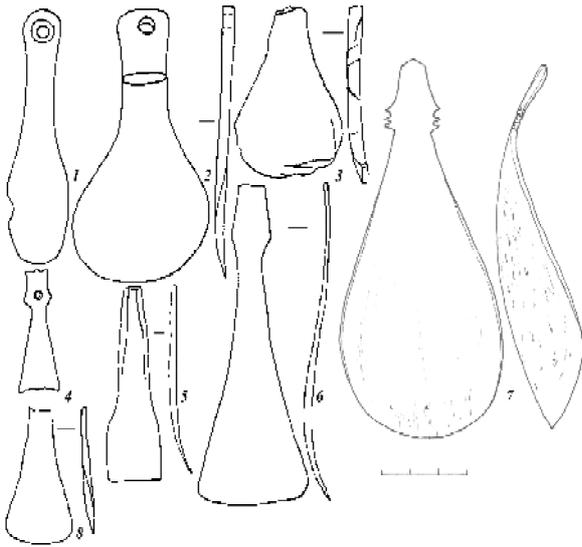

Рис. 27 Костяные ложки-лопаточки: 1 – Роданово городище, 2-3, 5-6, 8 – Анюшкар, 4 – Шудьякар, 7 – Рождественское городище

Аналогичные ложки-скребки известны еще с периода раннего железного века. Они использовались, возможно, как скребки для обработки мягких материалов. Подобные деревянные лопаточки-мант дополняли культовую атрибутику мансийских святилищ, они находились вблизи котла для приготовления пищи и посуды. По мнению манси, лопаточками-мант, а не обычными ложками пользовались на своих трапезах духи. Подобные лопаточки использовали и души умерших. В погребальном сооружении всегда оставляли "окошко", куда опускались и деревянные лопаточки, заменяющие ложки [Мифология манси, 2001, с.86]. Учитывая неизменность формы ложек (лопаточек) на протяжении длительного времени, их точная датировка невозможна.

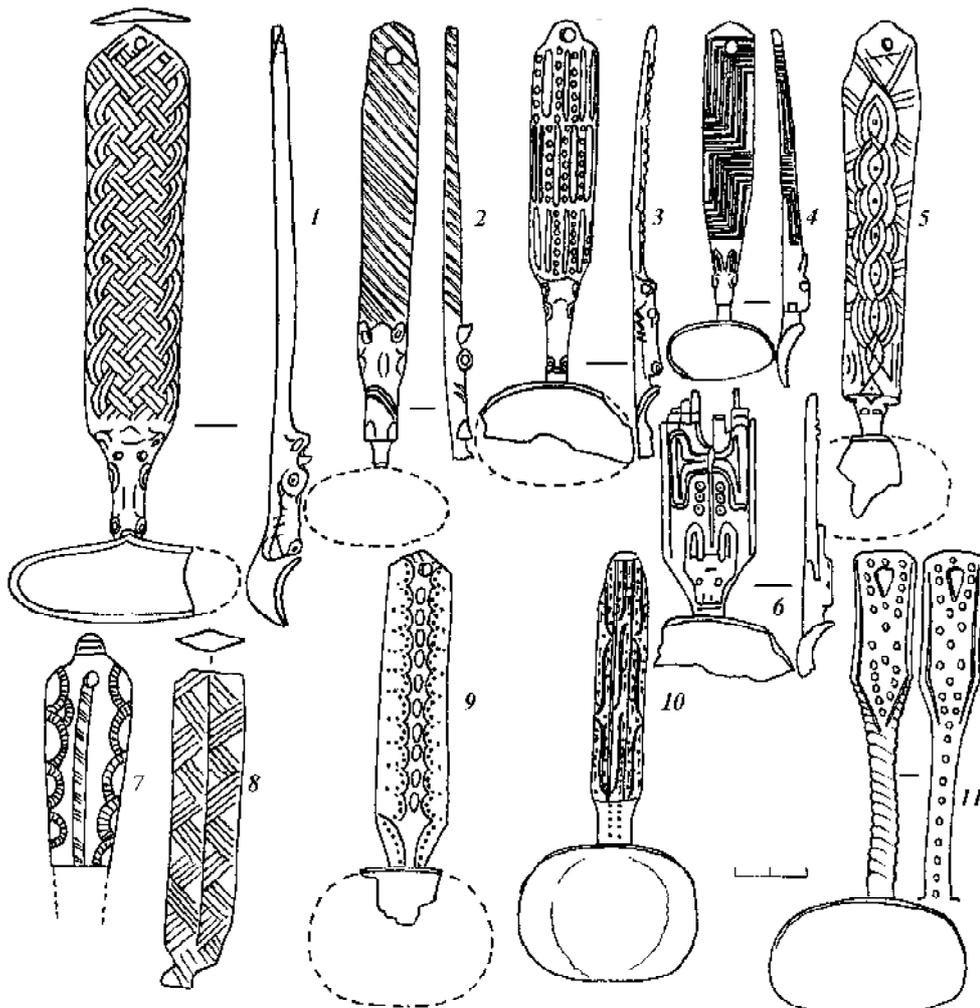

Рис. 28 Костяные ложки к. XI-XIII вв. с изображением «дракона»: 1, 7 – Кудымкарское, 2 – Городищенское, 3-4, 10-11 – Роданово, 5, 8-9 – Анюшкар городища, 6 – Вакинское селище

Ложки с длинными рукоятями получили распространение в к. XI – XIII веках.

Среди них выделяется весьма выразительная группа костяных ложек с овальными относительно неглубокими черпаками, вытянутыми по линии, перпендикулярной рукояти. У части из них уплощенное окончание рукояти выполнено в виде вытянутого относительно широкого прямоугольника. У многих ложек в нижней части рукояти у перехода к черпаку наблюдается скульптурное изображение головы животного, в облике которого можно усматривать коня, лося, зайца, волка и т.п. (рис. 28). Но, судя по наиболее качественно выполненным образцам, это, вероятнее всего, было изображение головы дракона, о чем свидетельствуют острые зубы (ложки из Кудымкарского и Роданова городищ) и небольшие округлые рожки на ложке из Кудымкарского городища. Верхняя приотсреленная часть рукояти снабжена небольшим округлым отверстием для привешивания. Вся плоскость рукоятей покрыта плотным орнаментом, индивидуальным у каждого экземпляра: рельефным орнаментом в виде плетенки, резными наклонными линиями, трехъярусным орнаментом, в котором чередуются попарно выпуклые вертикальные линии — гладкие и с точечным орнаментом, орнаментом из резных ломаных линий, сгруппированных по 7, геометрическим орнаментом из резных линий и точек. Вероятно, распространение в Пермском Предуралье ложек с изображением головы дракона в основании рукояти и с орнаментацией в виде плетенки или ее имитации, произошло не без влияния Северной Руси, где подобные мотивы были широко распространены на костяных и деревянных изделиях. Например, у большинства костяных ложек из Новгорода рукояти украшены прекрасной резьбой, обычно разного вида плетенкой. Такая техника орнаментации костяных изделий не типична для Прикамья. Да и использование образа дракона в декоративно-прикладном искусстве характерно для средневековой Руси. Кроме ложек со скульптурным изображением головы животного, существовали подобные по форме ложки с плоской рукоятью, которая снизу переходит в стержень округлого сечения. Этот стержень бывает короткий, конусовидный, бывает средней длины и длинный, иногда с орнаментом. Плоскость рукояти покрывается разными вариантами прочерченного или резного орнамента, условно имитирующего плетенку.

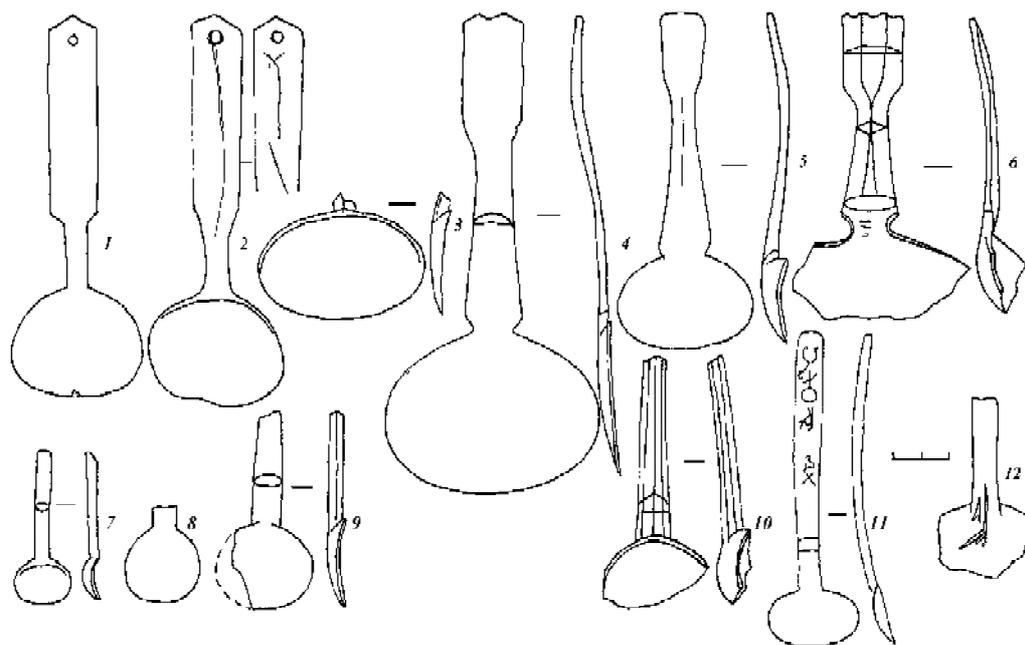

Рис. 29 Костяные ложки: 1 – Кудымкарское городище, 2-7, 9-11 – Анюшкар, 8, 12 – Роданово городище

В этот же период известны миниатюрные, явно нефункциональные ложки с уплощенным или слабоуглубленным маленьким овальным черпаком и относительно длинной стержневидной рукоятью без отверстия для привешивания. Они, вероятно, использовались при каких-то ритуалах.

В XII–XIII вв. бытовали бронзовые и костяные ложки со слабо углубленным черпаком

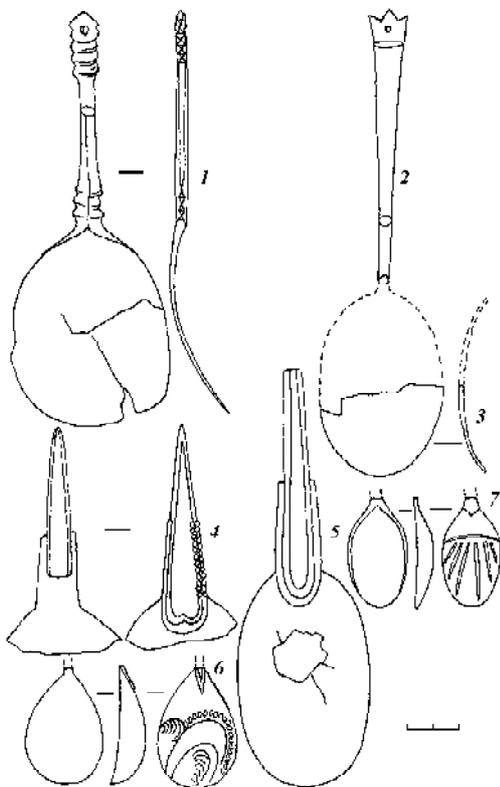

Рис. 30 Ложки, 1-3 – кость, 4-7 – бронза: 1-3, 6 – Анюшкар, 4 – с. Гайны, 5 – д. Вакина, 7 – Рождественское городище

овально-яйцевидной формы. Возможно, такая форма существовала и позднее в деревянных изделиях, костяные ложки после XIII в. не встречаются, как, впрочем, и на Руси, где костяные ложки бытовали с IX до середины XIII века [Розенфельдт, 1997, с.41].

Т.о., до середины XI в. бытовали ложки с укороченной рукоятью, после чего пропорции ложек существенно поменялись. По какой причине произошла замена короткой рукояти, которой ложки снабжались с глубокой древности, на длинную, достоверно неизвестно, однако, судя по дате этого перехода, можно предположить, что это было вызвано влиянием городской культуры (булгарской, древнерусской). Вероятно, удлинение рукояти столовых приборов было вызвано распространением нового, неизвестного ранее предмета интерьера — стола. Если раньше домочадцы устраивались на корточках в непосредственной близости от общего горшка с пищей, то теперь им приходилось тянуться к горшку через стол.

Развитие формы черпака происходило следующим образом: в достаточно ограниченный период второй половины VIII — первой половины IX вв. бытовали ложки с большим черпаком овально-подпрямоугольной формы, вытянутым

по осевой линии. Такая форма ложек известна на Урале еще в эпохи неолита (Шигирский, Горбуновский торфяники), была распространена в эпоху раннего железного века (ананьинская, усть-полуйская культуры), аналогичные деревянные ложки известны на средневековых поломских могильниках. Во второй половине IX в. черпак принимает округлые очертания, эта форма продолжает сохраняться до середины XI в., хотя с конца X в. округлый черпак начинает постепенно вытягиваться в стороны и приобретает очертания овала, перпендикулярного осевой линии ложки, эта форма возобладала к концу XI века. В XII–XIII вв. распространились ложки с длинной тонкой рукоятью и овальным яйцевидным черпаком.

подавляющее большинство ложек, встреченных на территории Пермского Предуралья, имеют уплощенную или слабоуглубленную черпательную часть. По наблюдениям этнографов, уплощенные ложки были предназначены для принятия или приготовления определенных видов пищи, вероятнее всего, каких-то кашеобразных блюд. Интересно, что в п. №13 Кишилькоського могильника на Выми был обнаружен медный котел с двумя деревянными ложками и остатками окислившейся каши. Медный котел с остатками каши встречен и в погр. № 50 могильника Мыдлань-Шай в Удмуртии. Только отдельные экземпляры ложек имеют относительно глубокий черпак, пригодный для упот-

ребления жидкой пищи (супы) или для иных целей, как, например, у народов Южной Сибири, для снятия пенки с молока. Таким образом, анализ ложек не только позволяет проследить эволюцию во времени их формы, но и дает возможность установить кулинарные традиции древнего населения.

Можно с уверенностью утверждать, что для территории Пермского Предуралья характерны довольно специфические формы ложек с особым своеобразным декоративным оформлением. Безусловно, основная форма ложек, распространенных в период VIII–IX вв., является общеуральской. Изготовление ложек из дерева, кости и рога с большими вытянутыми по осевой линии овальными черпаками и относительно короткими зооморфными рукоятями имеют в целом у финно-угорских народов древние корни (находки эпохи камня и раннего металла на торфяниковых стоянках Урала, Прибалтики и Финляндии). Появление подобных ложек в Прикамье и бассейне р. Чепцы связывается с приходом во второй половине VIII — первой половине IX вв. группы угро-самодийского населения, которая принесла с собой эти костяные изделия, а также и косторезное искусство, получившее впоследствии значительное развитие.

Кроме ложек в Пермском Предуралье известны были и *вилки*, что, по своему, является уникальным явлением для периода средневековья. Вилки впервые появились еще в Ассирии и Древнем Египте, но использовались лишь в качестве поварского инструмента. Как столовый прибор они применялись в Древней Греции и Риме, а в период средневековья сохранялись в быту византийской знати. Лишь в XI–XII вв. вилки попали из Византии в Европу, где долгое время применялись весьма ограниченно, а в России широкое употребление вилок началось только со времен Петра I.

В Пермском Предуралье одна вилка найдена в процессе раскопок в культурном слое, остальные, довольно широко представленные в музейных коллекциях Пермского края, были собраны еще в XIX веке. Среди них выделяются двузубые черешковые вилки, изготовленные из железа и бронзы, а также цельнолитые двузубые и трезубые.

Если в отношении железных вилок на основании находки на Городищенском городище сомнения в их принадлежности к позднесредневековому периоду не возникает,

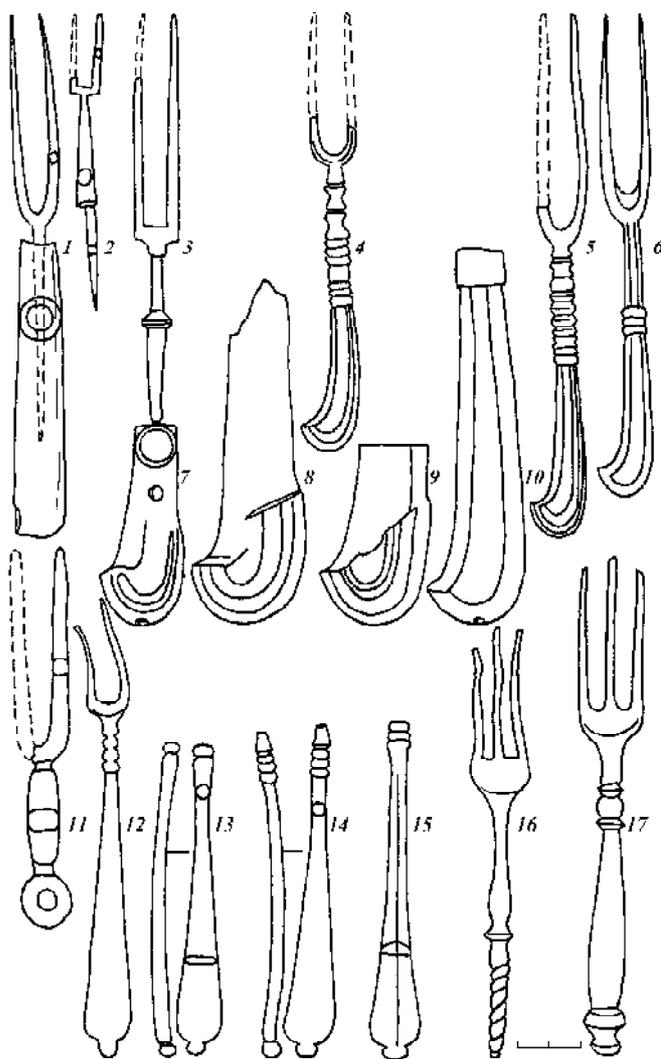

Рис. 31 Вилки: 1 – Городищенское городище, 2, 5, 13-14 – Кудымкарское селище, 3, 10 – Пермская губерния, 4 – д. Загарье, 6, 12, 16 – д. Броды, 7-8 – Кудымкарское городище, 9 – Полютово городище, 11 – д. Вакина, 15 – д. М. Аникова, 17 – д. Мартынова

то аналогичные бронзовые вилки в процессе раскопок не были встречены ни разу. А.А. Спицин на основании того, что данные предметы представлены преимущественно на известных памятниках (Вакинское селище, Кудымкарское городище и селище, Мало-Аниковский, Загарский могильники и пр.) предположительно отнес их к XIII – XIV вв. [Спицин, 1902, с.46]. Однако их принадлежность к периоду средневековья вызывала сомнение как у него, так и у А.Ф. Теплоухова, который в 1893 г. сделал в своем дневнике следующую запись: "Мне попались несколько вилок, совершенно похожих, например, с моей коллекцией с Кудымкарского городища (такие есть и из д. Роговка на Иньве, в Майкоре), но я сомневаюсь, чтобы они были чудские". Таким образом, точная датировка этих предметов остается под вопросом. Любопытно, что на поздних памятниках XVI–XIX вв., которые изучаются Н.Е. Соколовой, П.А. Корчагиным, Г.А. Головчанским, подобные типы вилок также не известны.

Вилки в эпоху средневековья широко употреблялись хакасами (аскизская археологическая культура). Аскизские древности хорошо известны на памятниках Волжской Булгарии, их присутствие отмечается и на ряде крупных городищ Пермского Предуралья (Рождественское, Анюшкар, Купросское и др.), а также на Плотниковском могильнике XIII–XV вв. О том, что в период XIII в. вилки являлись обычным столовым прибором у татар Золотой Орды, имеется письменное свидетельство Вильгельма де Рубрука от 1253 г., который, описывая обычай употребления пищи, отмечал: "они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюдечке вместе с солью и водой — другой приправы они не делают, — а затем острием ножа или вилок, сделанных нарочно для этого, наподобие тех, какими мы обычно едим сваренные в вине груши и яблоки, они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка сообразно с количеством вкушающих". К жителям Предуралья вилки могли попасть как непосредственно от хакасов, которые нанимались охранниками торговых караванов булгар, так и от ордынцев, поскольку, судя по археологическим источникам, связи с Ордой были достаточно активными.

П.А. Корчагин, большой поклонник пельменей, и убежденный сторонник идеи их уральского происхождения, отметил, что такое раннее распространение вилок в среде рядового населения вполне может являться подтверждением того, что в то время пельмени уже существовали, так как есть их ложкой или руками крайне неудобно.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. *Перечислите и охарактеризуйте столовые приборы, использовавшиеся в быту населения эпохи средневековья на территории Пермского Предуралья.*
2. *Как можно отличить ложку культовую, и ложку для употребления пищи в повседневности?*
3. *Опишите хронологические отличия ложек: особенности формы, декора, материала и изображений. Как Вы думаете, какие ложки подверглись большему изменению за период средневековья: культовые или повседневные. Почему?*
4. *К какому времени относят появление вилок на территории Пермского Предуралья? Какие вилки, датированные периодом средневековья, находили на этой территории.*

§5. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ УТВАРИ

Множество археологических данных может быть привлечено как свидетельство особого отношения людей к утвари. Посуда разных типов не только присутствует в большом количестве в заполнении разного рода объектов на поселениях, но и широко использовалась в составе погребального инвентаря, на святилищах. Причем, погребальная посуда отражает наиболее значимые (знаковые) формы сосудов, характерные для того или иного периода. Например, до XI в. в погребениях представлены традиционные формы прикамских горшков и чаш, с характерной шнуру-гребенчатой орнаментацией. В могильниках XII–XIV вв. в наиболее богатых мужских погребениях присутствуют медные котлы, а в погребениях более низкого статуса — керамические котлы или кружки. Ложки, сохранившиеся до наших дней (металлические или костяные), как уже указывалось, представляли собой, главным образом, амулеты, которые женщины носили на поясе.

Семиотический статус утвари обусловлен тем, что она в отличие от других элементов традиционного жилища относительно подвижна внутри него, и может функционировать вне него. Существуют многочисленные запреты и поверья, регламентирующие передачу утвари во временное хранение, обусловленные представлениями о том, что в ней отражаются достаток дома и счастье его обитателей. Для символических функций утвари характерна определенная двойственность: с одной стороны, она используется в качестве оберега от нечистой силы, с другой — может выступать как ее вместилище или атрибут. Но в большинстве культур семантика утвари окрашена положительно. Ритуальные действия и представления, связанные с утварью, имеют много общего у разных народов. Так, например, металлические предметы служили для обороны от нечистой силы, битье посуды знаменовало собой переломные моменты в жизни человека и в ходе календарного года, квашня представлялась местом зарождения новой жизни, просеивание через решето ассоциировалось с дождем. В языке, фольклоре и поверьях элементы посуды отождествляются с частями человеческого тела или животного, более того, утварь персонифицируется и наделяется способностью к самостоятельным действиям. Конструктивным деталям утвари часто придавали антропоморфную, зооморфную или орнитоморфную форму [Материальная культура, 1989, с.201–202].

У народов Урала и Предуралья одним из наиболее знаковых предметов утвари являлся котел. Использование и назначение котлов очень разнообразно. Их основное предназначение — для приготовления пищи, например, для варки пива и мяса. В быту и ритуальных мероприятиях котел еще недавно использовался у удмуртов, у обских угров. Интересно применение котлов, вернее, действий с ними, как меры времени. Например, у монгол и агинских бурят короткие отрезки времени обозначались в первом случае, как "время кипения одного котла чая" (8–10 мин.), а во втором — просто как котел (тогоо), время, необходимое для того, чтобы сварить пищу. Широко применялись котлы в производственном процессе при обработке железа, в ювелирном деле, алхимии, стеклоделении, мыловарении и т.п. [Руденко, 2000, с.69-70, 72].

Котлам нередко придавали сверхъестественные свойства, использовали их в разнообразных ритуалах. В Скандинавии это был волшебный сосуд и погребальная урна, у кельтов он символизировал плодородие и бессмертие. В ряде случаев, например, на Кавказе, котел и цепь для его подвешивания, принимали на себя функции священного домашнего огня (очага). У многих народов Восточной Европы и Сибири перевернутый устьем вниз или разбитый котел символизировал переход в потусторонний мир. Возможно, именно в связи с этими представлениями котлы нередко присутствуют в составе погребального инвентаря в качестве погребальных урн (при обряде кремации), священных

сосудов, или в составе "дорожного набора", которым снабжали умершего, снаряжая его в потусторонний мир.

Поскольку металлические котлы обычно изготавливались из довольно дорогостоящего материала (медь, бронза, чугун, не говоря уже о благородных металлах), то ценность металлической посуды зачастую определялась по весу. Известны факты использования котлов в качестве торгового эквивалента. Например, в Гортине до появления денег исчисление штрафов и денежный счет производились на котлы и треножки. Поэтому не случайно котлы часто являлись признаком богатства и знатности, отражая социальный статус человека. Например, признаком богатства были котлы у кочевников южнорусских степей в средневековье, и у племен Прикамья на раннем этапе их использования. Продолжали цениться даже сломанные котлы, их не выбрасывали, а использовали для других целей, например, для прикрытия огня. В Прикамье и Поветлужье металлические котлы, в большинстве случаев, сопровождают наиболее богатые мужские захоронения. Т.е., в эпоху средневековья котел являлся престижным и социально значимым предметом.

У обских угров в этнографическое время котлы по-прежнему особенно ценились, им придавалось важное сакральное значение. Так, по одной из хантыйских версий о возникновении созвездия Большая Медведица, три человека охотились за лосем и три звездочки – это охотники бегут за лосем, а ковш — это котел, брошенный одним из них, чтобы легче было бежать [Мифы, предания..., 1990, с.41,69]. Манси считали, что лесного духа Менква можно убить стрелой с медным наконечником или медной пулей. Последние изготавливались из металла, который брали из горловины котла. Менквы также боялись котла для варки клея и берестяных масок [Мифология манси, 2001, с.88]. У восточных хантов существовал обряд приношения семи котлов живущей в седьмом слое земли за семью дверями Великой Земли старухе. Мир-Сусне-Хуму при рождении ребенка приносили бескровную жертву в виде сосуда с едой со словами: "О, князь, окруживший всю страну семи князей, страну семи княгинь, да восстанет твой золотой смысл морской воды, обской воды! О, если бы ты показался над отверстием дымящегося горшка, дымящегося котла!" [Мифология манси, 2001, с.89].

Материалы поздних памятников Пермского Предуралья свидетельствуют, что котел (металлический или керамический) постепенно заменяет или становится в один ряд с традиционным прикамским горшком, как основным сосудом для приготовления пищи для патриархальной семьи, и, соответственно, символом домашнего очага и семейных устоев. Не случайно котел начинает вытеснять горшок в погребальной обрядности.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Какой смысл вкладывается в понятие "семантическое значение"?
2. Охарактеризуйте возможное семантическое значение котла у разных народов в разные времена?
3. Можете ли Вы привести примеры из сказок, которые Вы знаете, где котел наделяется сверхъестественными свойствами?

Общий анализ имеющихся в распоряжении средневековых жителей Пермского Предуралья продуктов питания, утвари, столовых приборов, свидетельствует о том, что преобладающим способом приготовления пищи была варка. Именно для варки наилучшим образом приспособлена кухонная посуда — горшки, а в более позднее время и котлы. Судя по тому, что черпак ложек было неглубоким, не удобным для употребления жидкой пищи, можно предположить, что преобладающими были блюда густой консистенции: насыщенные мясные и рыбные похлебки, каши, мучные болтушки. Как отмечает М.В. Козловская, высокая доля термически обработанных продуктов снижает питательную ценность пищи, но увеличивает ее энергетические свойства [Козловская, 2002, с.33]. Это, видимо, вынужденная мера, которая диктовалась холодным климатом. Восполнять недостаток минералов в этом случае требовалось искусственными добавками соли. Недостатка соли в Пермском Предуралье быть не могло. Соль имелась в большом количестве в районе современного Соликамска и Березников, в Чердынском районе, причем ее добыча не составляла особого труда, так как ее выносили на поверхность многочисленные источники. Кроме того, можно предполагать употребление в пищу свежей крови как эффективное средство восполнения минерального баланса.

Горшки и чаши являлись и основным видом столовой посуды, нередко, вероятно, все семейство ело из того же горшка, в котором готовилась пища. Известные в керамических комплексах низкие чаши и миски, без сомнения, могли использоваться как индивидуальная посуда для приема пищи, но их незначительное процентное содержание в общем составе керамики свидетельствует не в пользу этого. Вероятнее всего, это была вспомогательная кухонная посуда для приготовления блюд из сырых овощей, замеса теста и т.п. нужд. В качестве сосудов для питья могли использоваться как маленькие горшочки, так и плошки, напоминающие по форме пиалы, деревянные ковши и кружки, а с XII в. — керамические кружки. Нужно отметить, что в период X–XI вв. значительно расширяется ассортимент видов посуды, как за счет использования продукции болгарских ремесленников, так и за счет возникновения новых форм местной лепной посуды. Этот факт обусловлен укрепившимися связями с Волжской Булгарией, от которой могли быть заимствованы не только новые виды культурных растений, и, возможно, обычай употребления в пищу молока, но и новые способы приготовления блюд из них. А для приготовления и употребления этих блюд потребовалась и более разнообразная посуда.

ТЕМА 4. ЖИЛИЩЕ

Жилище — это убежище человека для защиты от непогоды, различным образом устроенное в соответствии с климатическими условиями, направленное на удовлетворение общих человеческих потребностей в жилье (преимущественно для приготовления и приема пищи, отдыха и сна) [Материальная культура 1989, с.36], это важнейший элемент материальной культуры, представляющий собой искусственно созданное, специфически организованное пространство, изолированное от природной среды, это сложная система, состоящая из отдельных, взаимосвязанных элементов. С археологической точки зрения, жилище выступает как сложный культурно-бытовой комплекс, связанный с различными сторонами деятельности человека.

Жилище — ключевое достижение человеческой культуры, символ обжитого пространства. Для всех народов мира оно имело и имеет священный характер. Это святыня и твердыня, противостоящая враждебному хаосу внешнего мира. Внутри жилища человек чувствует себя в безопасности в окружении своих близких у родного очага. Нет ни одного народа в мире, который не почитал бы за благо свое жилище. Именно жилище и является той самой "природой", в которой человек чувствует себя подлинным "царем", природой созданной им самим, по своему желанию и исходя из своих потребностей.

Конструктивная схема жилища, представленная в виде сложной системы, включает отдельные, самостоятельные подсистемы. К ним относятся: объемно-планировочные элементы, на которые можно расчленить весь объем постройки (напр., части здания между основными, расчленяющими его стенами); конструктивные элементы (фундаменты, стены, перекрытия и т.д.); строительные элементы (детали, из которых состоят конструктивные элементы). Отдельную подсистему составляет интерьер дома, определяющий внутренний статус постройки: характер и расположение отопительных устройств, хозяйственных ям, встроенной мебели, производственных и ритуальных площадок. Имеющиеся в нашем распоряжении археологические источники дают представление, главным образом, об элементах только двух подсистем: конструктивных и деталях интерьера.

§1. КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖИЛИЩА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Конструкция жилища в значительной мере зависит от климатических условий и наличия строительного материала, и, тем не менее, неодинаковые этнические традиции нередко обуславливают различие в характере жилищ разных этносов, живущих на одной территории. Нередко и у одного этноса отмечается большое разнообразие типов жилищ. К примеру, у обских угров известно удивительно много типов жилищ. Одни из них были временными, разборными, другие — постоянными. Постоянными жилищами служили землянки или полуземлянки и наземные постройки из бревен и досок. Особенно интересны полуземлянки с опорными столбами и шатровой крышей, которые в древности имели вход через крышу. Срубные постройки различались по конструкции крыш: плоской, односкатной, двускатной [Мифы, предания... 1990, с.9].

Точно такую же картину мы наблюдаем и на средневековых поселениях Пермского Предуралья. Здесь при преобладании наземных построек постоянного характера, встречаются и полуземлянки, и легкие сезонные постройки, многочисленные столбовые ямки и иные объекты, окружающие жилища, свидетельствуют о существовании навесов,

сараев, амбарчиков и прочих хозяйственных сооружений. Кроме того, Е.М. Черных обращает внимание и на видовое разнообразие прикамского жилища, проявляющееся во внутренней планировке дома — одном из главных признаков исторической типологии жилища [Черных, 1998, с.84].

Жилища Прикамья, в основном, рассматривались исследователями в контексте работ, направленных на обобщение материалов по отдельным археологическим культурам региона. Ранние средневековые жилища описаны Р.Д. Голдиной в труде, обобщающем материалы ломоватовской культуры. Жилища родановской культуры рассматривались М.В. Талицким, В.А. Обориным, В.А. Кананиным [Голдина, 1985, с.86–94; Талицкий, 1951, с.36–42; Оборин, 1970, с.9–10; 1999, с.264–266; Кананин, 1985, с.37–39].

Специальный целостный анализ этой категории материальной культуры местных народов впервые был предпринят Е.М. Черных. Ее исследование отличает подход к жилищу, как к сложному объекту, расчленение его на самостоятельные конструктивные элементы-признаки, и нормированное описание каждого, что позволило смоделировать типы жилищ с учетом совокупности признаков, и рассмотреть внутреннюю организацию группированных множеств, характер связей между отдельными элементами объекта-системы. Результатом исследования явилось построение региональной модели жилища [Черных 1992а, с.19–20].

Обзор материалов по древнепермскому жилищу с территории Прикамья привел Е.М. Черных к выводу, что его генезис и эволюция протекали в русле тенденции "вырастания" из земли и поднятия на поверхность. В Прикамье этот процесс начался в переломный период конца эпохи бронзы — начала эпохи раннего железа, и был уже необратимым. Новое жилище Прикамья предстает в виде построек преимущественно прямоугольного плана со слабоуглубленным основанием. С поднятием жилища на поверхность связан и поиск оптимального решения конструкции стены. На северных таежных памятниках долгое время продолжал существовать своего рода примитивный сруб, бревна в котором удерживались с помощью вертикальных столбов, а в ряде памятников южной области уже можно говорить о первых попытках жесткого крепления стены — рубке "в угол". Одновременно усложняется конструктивное устройство входной части, где фиксируется появление небольшого тамбура, образованного выпуском бревен длинных боковых стен сруба; в условиях сурового климата этот элемент оказался наиболее соответствующим внутренним потребностям и закрепившимся в строительной практике прикамского населения на длительный период. Особенно характерным, по данным Е.М. Черных, он становится для жилищ Пермского Предуралья. По результатам статистического анализа был сделан вывод, что *типичными для Прикамья были жилища, в которых наиболее связана комбинация признаков "глинобитный очаг", "очаг в центре" и "площадь 41–60 кв. м"*. Исследовательница отмечает, что некоторые из этих признаков, довольно редкие в раннее время, постепенно становятся более частыми. Все большее распространение получает очаг из глины и камней. Все более встречаемыми становятся жилища с наземным основанием, хотя жилище со слабоуглубленным основанием, как наиболее апробированное в местных природных условиях, сохраняется еще длительное время. Как альтернативные продолжают существовать признаки наличия или отсутствия хозяйственных ям внутри жилого помещения. В позднейших постройках предпочтение отдается вынесению ямы за пределы дома. На позднем этапе наиболее представительной становится комбинация признаков из очага-каменки на глинобитном основании, неоформленного входа, и площади 21–40 кв. м. Е.М. Черных считает, что упрощение конструкции входа было вызвано общей тенденцией к усложнению конструктивного решения самого жилища в начале II тыс. н.э. — появлению настоящего срубного дома,

к тому же, зачастую имевшего уже дополнительное помещение — пристрой над хозяйственной ямой-кладовкой с противоположной входу торцевой части.

В целом же, при наличии определенных локальных и хронологических отличий, обусловленных спецификой местных климатических условий, хозяйственной деятельности и особенностей внутреннего развития, линия развития древнего прикамского жилища была неотъемлемой частью общего эволюционного процесса в финно-угорском домостроительстве. Истоки этого жилища Е.М. Черных усматривает в жилищах раннего железного века и даже раньше, когда на смену полужемляночным жилищам эпохи бронзы приходят слабоуглубленные и наземные дома ананьинского времени. Это развитие проходило параллельно с совершенствованием легких временных сооружений — сезонных шалашей (жилищ столбовой конструкции, авт.). То есть, оба типа построек развивались одновременно, взаимодополняя друг друга. По мнению Е.М. Черных, эта параллельность, а также длительное сохранение традиционных форм хозяйствования в среде финно-угорских племен Приуралья, предопределили повсеместное сохранение в традиционной культуре построек столбовой конструкции, существовавших наряду с основным типом жилища [Черных, 1992].

Подавляющее большинство жилищных комплексов Пермского Предуралья эпохи средневековья составляют жилища с прямоугольным основанием. Это наземные жилища, построенные без фундамента, иногда незначительно углубленные в грунт (до 0,3 м), что, возможно, связано с вытаптыванием земляного пола в процессе длительной эксплуатации жилища. В большинстве случаев отличительным признаком жилищ является сочетание очагов и хозяйственных ям (за исключением позднего периода, когда яма выносится за пределы жилища). О характере наземной части жилищ, стен и крыш, можно только догадываться на основании плана жилищ.

Размеры жилищ на протяжении довольно длительного времени оставались почти неизменными. Как отмечала Р.Д. Голдина, если для большинства жилищ ананьинской культуры характерна площадь в 130–260 кв. м, то, начиная с гляденовской культуры, площадь жилищ уменьшается до 60–100 кв. м, и такие жилища сохраняются на протяжении ломоватовской и раннего этапа родановской культуры [Голдина, 1985, с.88]. Но на позднем этапе родановской культуры с XII–XIII вв. площадь жилищ сокращается до 16–25 м. Эта тенденция к уменьшению жилищ объясняется исследователями разделением большой патриархальной семьи на малые семьи [Талицкий, 1951, с.41; Оборин, 1999, с.264]. Однако, как отмечает Р.Д. Голдина, в ломоватовское время наряду с крупными встречаются и жилища малого размера площадью в 20–25 кв. м [Голдина, 1985, с.89]. В.А. Оборин, напротив, указывает, что в верхнем слое городища Анюшкар наряду с типичными для позднеродановского времени малыми домами встречаются и большие жилища, свойственные для более раннего времени [Оборин, 1999, с.264].

Как ломоватовские, так и родановские жилища четко делятся на две группы: жилища *срубной и столбовой конструкции*.

Жилища срубной конструкции представлены, в основном, на городищах. Реже они встречаются на селищах, представляющих собой постоянные поселения с мощным культурным слоем.

Общие характерные черты жилищ этой группы таковы: все они прямоугольные, наземные, имеют в основании деревянный сруб, земляной, глиняный или деревянный пол, открытые, чаще всего глинобитные очаги, следы столбов для опоры кровли. Среди срубных построек выделяются *дома с двускатным и односкатным перекрытием*.

У жилищ с *двускатным перекрытием* каркас кровли опирался на столбы, расположенных двумя параллельными рядами в центре постройки. Стропила крыши, по пред-

положению М.В. Талицкого, лежали с одной стороны на вертикальных столбах, с другой — на верхнем венце сруба, или, может быть, упирались концами в дно канавок. Концы столбов, поддерживающих кровлю, вероятно, были соединены по переднему и заднему фасадам поперечными балками, которые были конструктивно необходимы для того, чтобы опорные столбы под тяжестью крыши не завалились внутрь; это также значительно облегчало зашивку фасадов и устройство двери [Талицкий, 1951, с.37]. Труднее всего решить вопрос о материале, применявшемся для застилки крыши. Хотя местным жителям и было известно изготовление колотых досок, получить доски длиной 6 м по длине ската было весьма сложно. Кроме того, учитывая несовершенство конструкции, материал должен был быть не слишком тяжелым; ни земля, ни дерн для этих целей не пригодны. Поэтому исследователи предполагают, что для покрытия, скорее всего, использовалось корье. Благодаря исследованиям В.А. Оборина на Лаврятском и Анюшкар городищах, были получены достоверные доказательства того, что крыша покрывалась крупными листами бересты, сшитыми в несколько слоев, и налегающими рядами друг на друга [Оборин, 1970, с.9]. Фрагменты такого обугленного берестяного перекрытия обнаружены и на Рождественском городище (раскопки А.М. Белавина 1991 г.). Береста для покрытия крыш домов, навесов и временных каркасных жилищ широко применялась у обских угров. Снятую с деревьев бересту, предназначенную для этих целей, укладывали пластами, в несколько слоев под гнет, затем варили и сшивали в 4–5 рядов до трех слоев. Вместе с тем, получены и достоверные свидетельства того, что кровля вполне могла покрываться тесом. Например, в жилище с Чашкинского II селища, частично изученном А.М. Белавиным, вдоль одной из стен сохранились остатки обугленных досок, лежащих перпендикулярно стене, вероятно, часть обрушившейся кровли. Однако покрытие только корой или тесом без земляной засыпки при отсутствии потолка в средневековых жилищах не может дать необходимой теплоизоляции. Для саргатских жилищ, у которых каркас кровли так же, как и у средневековых жилищ Пермского Предуралья, опирался на вертикальные опоры, расположенные двумя рядами по центру жилища, были проведены инженерные расчеты на предмет устойчивости и прочности кровли. Расчеты проводились для вертикальных столбов диаметром 0,2 м (такая же толщина, в среднем, фиксируется и у вертикальных опор в прикамских жилищах). В качестве утеплителя кровли предполагались: накат из жердей (ок. 0,06 м диаметром), перекрытие берестой (в целях паро- и теплоизоляции, толщиной 0,002 м), изолирующий слой травы и грунтовая засыпка (в целом толщина кровли около 30 см). Кроме того, учитывались временные нагрузки — снеговой покров или вес человека. В результате проведенных вычислений получен вывод, что вертикальная стойка выполняла работу с большим запасом (могла выдержать вес в 16 раз больше имеющегося). Кроме того, вертикальные стойки выполняли еще и роль скрепления конструкции, снимая часть нагрузки от кровли со стен, и, тем самым, предупреждая их опрокидывание и обеспечивая лучшую устойчивость постройки [Матвеева и др., 2005, с.109-113].

В поздних родановских жилищах, вероятно, существовала самцовая конструкция кровли.

Как считал В.А. Оборин, в двускатной крыше один скат выступал над другим, и через образованную щель выходил наружу дым из очага, расположенного в центре жилого помещения. Когда позднее очаг стали размещать у задней стенки или в углу, для выхода дыма в стенке могло делаться отверстие, и при таком расположении очага, возможно, щель между скатами крыши была закрыта сверху бревном [Оборин, 1970, с.9].

Для ломоватовского и раннеродановского времени характерны сравнительно большие жилища площадью 40–100 кв. м. Их боковые, а иногда и поперечные стенки ограничи-

ваются канавками. В.А. Оборин предполагал, что в канавки укладывались нижние венцы сруба, М.В. Талицкий считал, что в них упирались стропила крыши, по мнению Е.М. Черных, назначение канав — дренаж почвы, а, кроме того, из них брали землю для оформления завалинки и утепления основания сооружения [Оборин, 1999, с.264; Талицкий, 1951, с.37; Черных, 1990, с.103]. Завалинка имела важное значение в наземных жилищах, так как земляной пол очень холоден, а завалинка позволяет сберечь тепло и защищает от сквозняков. Функцию теплозащиты жилого помещения выполнял и открытый тамбур перед входом, образованный выпусками боковых бревен. Наличие тамбура является своеобразной чертой ломоватовско-родановских жилищ, отличающих их, например, от жилищ полемско-чепецкой культуры.

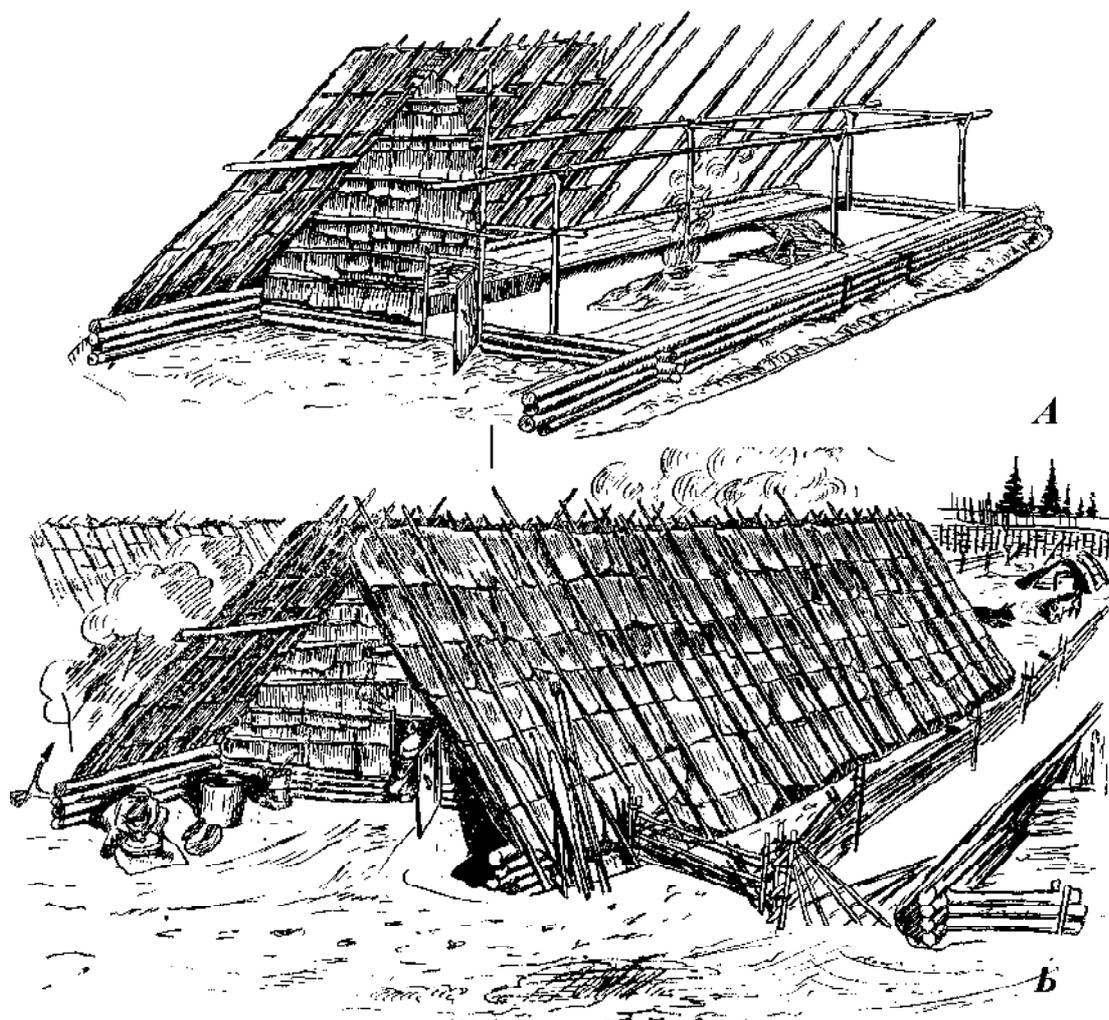

Рис. 32 Жилище примитивной срубной конструкции из нижнего слоя Роданова городища. А – внутреннее устройство, Б – внешний вид.

Реконструкция М.В. Талицкого

Еще М.В. Талицкий тщательным образом проанализировал археологические остатки таких жилищ с Роданова городища, и пришел к выводу, что они являлись сравнительно легкими постройками (рис. 32). Высокие стены являлись излишними, так как скаты крыши при отсутствии потолка давали достаточную высоту внутреннего помещения. С легким типом постройки связано и наличие внутренних опор перекрытия: тяжелый сруб делал бы излишним добавочные внутренние столбы для поддержания кровли, вся тяжесть перекрытия могла быть перенесена на стены. В итоге исследователь пришел к выводу, что стены сооружались из сравнительно тонкого леса, венца в 3–4, при-

чем бревна закреплялись кольями, как в углах, так и в средних частях, так как на длинную стену, по его наблюдениям, употреблялся составной лес [Талицкий, 1951, с.37]. Как считает Е.М. Черных, данные жилища — это еще не настоящий срубный дом, а скорее утепленный шалаш [Черных, 1998, с.84]. Вдоль стенок в ломоватовских и раннеродановских жилищах иногда фиксируются столбовые ямки, группирующиеся попарно — остатки столбов, укрепляющих стены, т.е. срубная техника возведения стен была еще настолько примитивной, что требовались дополнительные подпорки.

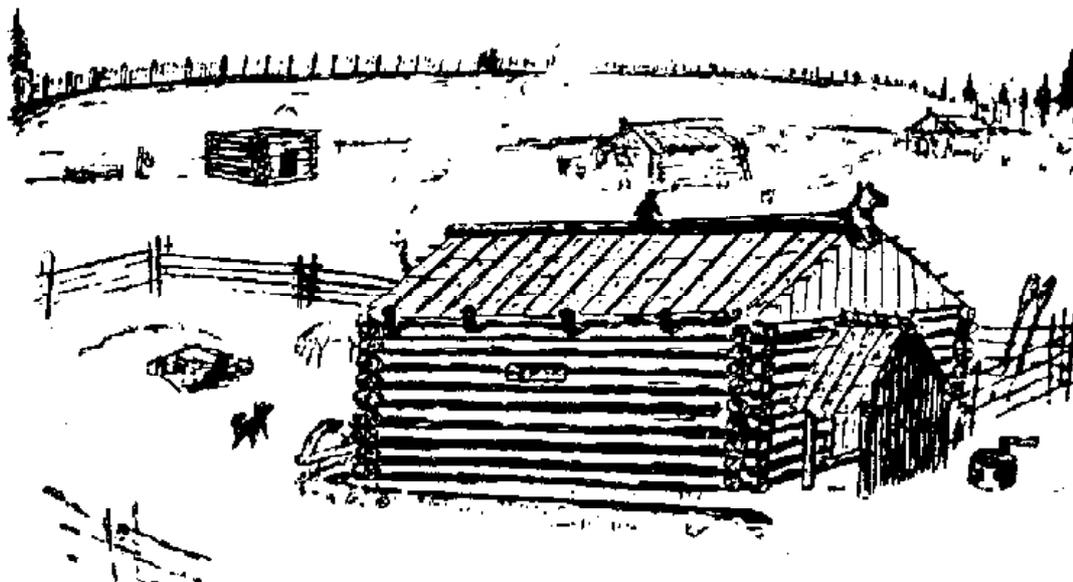

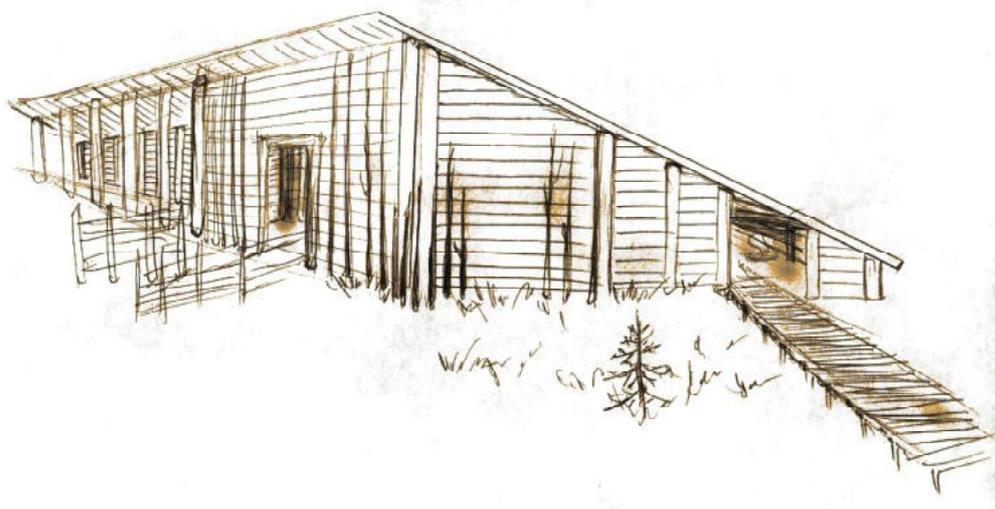
Рис. 33 Жилище срубной конструкции с самцовой кровлей. XII-XIV вв., городище Анюшкар. Реконструкция В.А. Оборина

На позднем этапе родановской культуры в XII–XV вв. распространились жилища (рис. 33), характерными особенностями которых является небольшая площадь до 16–30 кв. м и отсутствие канавок. Они сохраняли выступ тамбура, находящегося под одной крышей с жилым помещением, но тамбур был огражден столбами с плетнем. Такие жилища выявляются по остаткам глинобитных полов толщиной 5–20 см, в зависимости от количества подмазков. По краям глинобитных площадок иногда сохраняются остатки бревен, столбовые ямки. Стены построек этого времени имели в основании более высокий и прочный сруб (не менее 7–8 венцов, как это зафиксировано этнографами. По мнению М.В. Талицкого, косвенным свидетельством появления *настоящего сруба* является все возрастающее количество в верхних слоях городищ кованых гвоздей, а на Рождественском городище обнаружены и скобы для скрепления бревен. Очаг в таких жилищах обычно смещен от центра к стене или в угол, яма-кладовка выносится наружу. Устройство жилищ получает дальнейшее развитие в направлении усложнения внутренней организации жилого пространства. К примеру, в жилищах Анюшкара заметно стремление если не выделить в них две камеры, то, во всяком случае, освободить часть помещения перед входом для иных целей. А в некоторых постройках отчетливо прослеживаются два ряда столбовых ям, пересекающих глинобитную площадку почти посередине. Эти столбы могли составлять основу внутренней стенки, перегородившей внутреннее помещение на две половины. В передней половине, ближе к выходу, находился глинобитный очаг, выполнявший обогревательную функцию, так как рядом с ним не обнаружено ни кухонных остатков, ни бытовых вещей, а в задней (дальней от входа) половине размещался основной очаг, заполненный углем, золой, костями животных и глиняными черепками.

М.В. Талицкий сравнивает жилища с двускатной кровлей, реконструированные им по материалам Роданова городища, с одним из типов жилищ манси, с которым его ознакомил В.Н. Чернецов (по мнению В.Н. Чернецова, это один из древних типов жилищ). Конструктивно оно полностью совпадает с ломоватовским и родановским жилищем вышеописанного типа. Крыша опирается на внутренние столбы опоры. Очень низкий сруб имеет 4–5 венцов. Внутреннее помещение распланировано аналогично прикамскому дому: вдоль стен устроены дощатые нары шириной около 1,5 м. В середине между нарами помещен открытый глинобитный очаг четырехугольной формы, обшитый досками. Для выхода дыма в крыше имеется щель, идущая вдоль всего гребня крыши, так что вся постройка представляет как бы два крутых навеса, составленных открытыми сторонами друг с другом. Внутренние столбы используются для развески хозяйственного и домашнего инвентаря. В такой постройке жила семья из нескольких брачных пар, несмотря на то, что общая площадь жилища не превышала 20 кв. м, количество жителей в ней могло достигать до 10–15 человек [Талицкий, 1951, с.37–38]. Единственным отличием описанного мансийского жилища является отсутствие в помещении ямы-кладовки, однако, судя по размерам мансийского жилища, оно наиболее сопоставимо с позднеродановскими постройками, из которых для экономии жилого пространства ямы выносились за дом.

Срубные жилища с односкатной кровлей встречаются значительно реже. Они, как правило, небольших размеров, иногда очаг и хозяйственная яма выносились за пределы постройки. Подобные жилища известны у манси; их постоянные зимние жилища были срубными, наземными, однокамерными, невысокими, и до второй половины XIX в. для них была характерна конструкция жилища с плоской кровлей [Мифология манси 2001, с. 10]. Исследователи также сравнивают подобные постройки с "кер-чомом" коми-зырян — временным жилищем охотников, устанавливаемом на местах артельного промысла, которое представляло собой трехстенный сруб из тонких бревен, горбуш или колотых плах, передняя стена оставалась открытой. Односкатная крыша опиралась со стороны входа на перекладину, уложенную на два кола с развилками в верхней части. На перекладину укладывались жерди, другой конец которых лежал на задней бревенчатой стенке. На жерди настилали берестяные полотнища. Против входа в крытую часть "чома" вбивали три кола, на них и на перекладину от входа в "чом" укладывали три жерди, центральная из которых служила поперечиной над костром, а на две других вешали для просушки одежду. Аналогичные по устройству трехстенные "шалаша" из плах с односкатной крышей были известны удмуртам, вепсам, обским уграм. Их считают отличительной чертой в промысловой культуре северной таежной зоны Восточной Европы. В древности же, как считает Е.М. Черных, подобный тип построек мог использоваться в качестве сезонного жилища [Черных, 1998, с.89–90]. Эти соображения, безусловно, весьма интересны. Характер хозяйственной деятельности, действительно, требовал сооружения легких временных построек. В период сельскохозяйственных работ, несомненно, большую часть времени люди проводили вне укрепленных поселений; на лесных пашнях и пастбищах, на сенокосах и в охотничье-промысловых угодьях должны были существовать летние сезонные постройки. Однако непонятно, с какой целью такие сезонные постройки были нужны на городищах. Почему бы не взглянуть на эти постройки, как на жилище бобыля, или какое-то сооружение подсобного характера.

У жилищ столбовой конструкции (рис. 34) по периметру сохраняются столбовые ямы, расположенные на расстоянии около 1–2 м друг от друга. Е.М. Черных определяет их как "шалашевидные постройки с легкой конструкцией стен, — своего рода примитивный сруб, бревна в котором удерживались с помощью вертикальных столбов-контр-

*Рис. 34 Жилище столбовой конструкции с односкатной кровлей.
VIII-IX вв., селище Запоселье. Реконструкция Н.Б. Крыласовой*

форсов" [Черных, 1992]. Но группа исследователей, с помощью математических методов рассчитавшая теплоемкость жилищ саргатской культуры аналогичной конструкции, пришла к выводу, что стены жилищ, сооруженные в технике заплота, имели прочную укладку бревен и минимальное количество щелей. Для сплачивания горизонтальных венцов мог выбираться паз в нижней поверхности каждого бревна, либо их подтесывали до ровной поверхности. Пазы или места стыков между бревнами могли прокладывать мхом, стены обмазывать глиной. Все это позволяло сплачивать стены и сокращать потери от выдува [Матвеева и др., 2005, с.109]. Таким образом, столбовая конструкция не уступала срубной в обеспечении необходимой теплоемкости жилищ, поэтому мнение об исключительно сезонном ("легком") характере столбовых жилищ является ошибочным. Столбовая техника возведения стен жилого дома, не менее древняя, чем срубная, вообще характерна для жилищ Восточной Европы, в этнографическое время она была распространена преимущественно в лесной и лесостепной зонах Украины. У западных славян, русских и белорусов, а также у народов Поволжья и Прикамья, столбовую технику с горизонтальной закладкой бревен применяли при строительстве бревенчатых скотных дворов и гумен, и при сооружении различных пристроек к срубам, например, сеней. Столбовая техника была широко распространена у коми народов, поскольку строить так было проще и скорее, и, в силу этих причин она могла предшествовать бревенчатой, срубной.

Новые материалы позволяют иначе расценивать жилища столбовой конструкции. Судя по всему, столбовая конструкция стен не в меньшей степени, чем срубная, обеспечивала теплоемкость жилища, поэтому она широко использовалась не только при сооружении "легких шалашевидных" построек, но и теплых постоянных долговременных жилищ. Вероятно, мы имеем дело с сосуществованием двух строительных техник на одной территории и у родственного населения. Такое явление не является уникальным. Например, у хантов по сей день в равной степени присутствуют обе домостроительные традиции. Свидетельством тому является, к примеру, то, что в этнографическом музее под открытым небом Торум-Маа в Ханты-Мансийске рядом стоят два дома, один из которых срубный, другой сооружен в столбовой технике.

Возможно, столбовая техника была наиболее широко распространена на открытых

селищах, а на городищах преобладала срубная. Однако слабая изученность средневековых селищ Пермского Предуралья не позволяет однозначно утверждать это. К сожалению средневековые жилые сооружения Предуралья не стали объектом архитектурно-строительных расчетов, поэтому все имеющиеся их графические реконструкции являются умозрительными.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. *Что включает в себя понятие "жилище"?*
2. *Дайте характеристику конструктивной схемы жилища.*
3. *Подумайте, от каких факторов, прежде всего, могла зависеть конструкция жилища средневекового человека на территории Пермского Предуралья?*
4. *Какие жилища были распространены на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья?*
5. *Кто из исследователей-археологов рассматривал в своих работах жилища средневекового населения Пермского Предуралья?*
6. *Кратко охарактеризуйте эволюцию жилищ на территории Пермского Предуралья.*
7. *Какие конструктивные элементы прикамского жилища предназначались для сохранения в нем тепла?*
8. *Какими явлениями может быть объяснено изменение жилищ на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья?*
9. *Назовите и опишите две основные группы жилищ ломовато-родановского периода.*
10. *Опишите особенности кровли разных конструкций. Подумайте, какая, на Ваш взгляд, является наиболее практичной.*

§ 2. ДЕТАЛИ ИНТЕРЬЕРА ЖИЛИЩ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Основными элементами интерьера прикамского жилища, наиболее часто фиксируемыми на археологических памятниках, являлись очаг и внутрижилищные ямы. В процессе развития кроме преобразований в конструктивной схеме жилища, различным трансформациям подвергалось и внутреннее устройство жилого помещения. Доминирующим в этом процессе являлось усовершенствование очажного устройства и изменение его месторасположения.

Внутренняя организация древнего жилища Прикамья в течение всего железного века определялась своеобразной *осью "вход-очаг"*. Еще в многоочажных жилищах раннего железного века очаги обычно располагались на одной центральной оси. Появившаяся в интерьере гляденовского времени хозяйственная яма в большинстве случаев также устраивалась на этой оси.

В жилищах I тыс. н.э. также отчетливо проявляется тенденция к устройству одного главного *очага в центре*. Центральный очаг и яма-хранилище рядом с ним, в какой-то степени, символизировали единство и самостоятельность семьи внутри общины. С другой стороны, центральное расположение очага в планировке интерьера является свидетельством рационального использования пространства: очаг в центре позволял более равномерно прогревать окружающую среду. Расположение очага в центре способство-

вало и более быстрому выходу дыма через отверстие в крыше. Иногда в помещениях встречаются дополнительные очаги. Обычно второй очажок устраивался на выходе из жилой камеры в холодные сени, он мог использоваться в ненастные дни для дополнительного нагрева холодного воздуха, поступающего в дом через открытый тамбур. Отклонения от планировки с центральным расположением очага и хозяйственной ямы редки.

Рост производительных сил существенно менял требования к жилищу. Развитие скотоводства потребовало выделения части жилой камеры для содержания зимой молодняка домашних животных. С развитием ремесла появилась необходимость выделения места для мастерской. Не последнюю роль могли сыграть изменения в структуре семьи. Усложнение внутренней планировки жилища вело к постепенному смещению очага в угол или к одной из стен, причем сам очаг неизбежно должен был поменять конструкцию. Место очага в жилищах Пермского Предуралья становилось все более неустойчивым, он то сдвигается к стене в угол, то появляются дополнительные очаги, вытянутые в ряд вдоль продольной оси помещения. Варьировало видовое разнообразие очагов (на уровне пола, в углублении, на глинобитных основаниях, с каменной кладкой или без нее). Этот процесс стал необратимым, и на позднем этапе центральное положение очага встречается редко, зато его конструкция приняла более законченный и однообразный вид. На позднем этапе родановской культуры, хотя еще встречаются жилища с центральным положением глинобитного очага, но в большей части жилищ его местонахождение варьирует.

Наряду с очагом важное место в жилищно-бытовом комплексе занимали *внутрижилищные ямы*, количество которых колеблется от одной до четырех. Часть ям может быть определена как *околоочажные*, часть — как *кладовые*. Наличие таких ям в пределах жилищ представляет особенность жилых сооружений Верхнего Прикамья от гляденовского до родановского времени.

Околоочажные ямы различной формы и размеров заполнены мусором и пищевыми отходами, угольками, золой и комочками обожженной глины из вычищаемых очагов.

Кладовые ямы уже с харинского времени имели правильную прямоугольную или округлую форму, внутрь ставились деревянные рама, укрепленная по углам столбиками. На дне ям часто наблюдаются небольшие прокалы. В поздних родановских жилищах ямы-кладовки изредка еще устраивались внутри дома, но чаще выносились за его пределы, и находилась во дворе, т.к. преобразования внутри жилого помещения, вызванные уменьшением его размеров, вызывали необходимость в большем свободном пространстве. Желание иметь хранилище рядом с домом побуждает строителей сооружать над ним некоторое подобие навеса или легкой пристройки к дому. Впоследствии такой пристройкой вполне мог послужить прообразом клетки, где хранился домашний скарб и продовольственные припасы. Более поздние ямы-кладовки, по-прежнему были, в основном, правильной прямоугольной формы со стенками, укрепленными досками, закрепленными по углам кольями. Дно кладовых ям выстилали корой, берестой, выкладывали камнями, чтобы предотвратить от сырости. Иногда обнаруживаются прогнившие остатки деревянных крышек. На дне некоторых кладовых ям встречаются прокалы и угли — следы окуривания (для уничтожения вредителей и просушки ямы). Наличие в ямах раздавленных сосудов, зерна, костей животных свидетельствует об использовании их для хранения продуктов. Некоторые кладовки имели ступеньки-уступы для удобства спуска в яму. Кроме ям-кладовок известны и погреба — более глубокие (до 2 м) с впущенным в них деревянным срубом, над которыми сооружались навесы, опирающиеся на массивные столбы.

Кроме очага в жилище необходимы и некоторые другие жизненные удобства. Среди

них наибольшее значение имеет *постель*. Как показывают исследования этнографов, очаг и ложе — это повсеместно главные элементы жилища. Древнейшая постель человека состояла из настилаемых на землю толстым слоем свежих веток преимущественно хвойных деревьев. В качестве одеял у большинства народов употребляли шкуры.

В нашем понимании постелью является возвышающееся над полом место, где спит человек. Предшественницами такой постели были насыпи из глины и земли, опоясывающие внутренность дома. Такие земляные *нары* известны во многих местах планеты. Наличие нар фиксируется и в ряде средневековых жилищ Пермского Предуралья. Обычно свободное пространство между стенами и вымосткой пола было занято нарами, крепившимися на столбах. Деревянный настил лежанок подпирала бревенчатая стенка. Нары размещались вдоль длинных стенок, а иногда и у задней стенки жилища (рис. 35). Под нарами иногда устраивались ямы-кладовки.

Температура на нарах была выше, чем на полу, за счет более высокого положения; кроме того подстилки, обладающие теплоизоляционными свойствами, защищали от холода. Земляные возвышения, огороженные досками, или же просто сбитые из досок и бревен топчаны были широко распространены в жилищах самодийцев, угров, кетов, тюркских народов. Нары застилались циновками, шкурами животных, войлоком. Из этнографии известно и использование пологов из шкур или ткани. Полог изолировал семью, а также защищал от холода и комаров. В старинном доме хантов и манси открытые нары разделялись поперечными досками на несколько отделений — спальные места для семей. Новая семейная пара получала отделение с занавесом [Мифы, предания... 1990, с.513]. Полог, изолирующий семью в жилище, обладал весьма важным смыслом. По угорским обычаям, выдавая дочь замуж, родители должны были выполнить любую ее просьбу. Но в приданое девушка не могла брать того, что составляло "голову" родительского дома: черпак, гребень, полог [Мифологическое время 2003, с.55]. Наличие полога или семейных отсеков практически невозможно проследить археологическими методами, но вполне можно допустить их существование.

Пространство между нарами (пол жилища) довольно редко оставалось никак не благоустроенным. Обычный земляной пол слишком холодный и сырой, а в условиях достаточно сурового климата Пермского Предуралья это создавало некомфортную обстановку.

Нужно отметить, что нередко пол жилищ слабоуглублен (до 0,3–0,5 м) и имеет корытообразную форму. Вполне вероятно, что это явление совершенно не связано с намеренным желанием углубить жилище. Как показали исследования на селище Запоселье I, материковый грунт там составлял очень рыхлый рассыпчатый песок, и углубление пола между нарами на 0,5 м вполне могло произойти еще на стадии строительства жилища. Когда убрали строительный мусор со слоем рыхлого песка, пол был покрыт тонкими бревнами, а впоследствии затянулся слоем бытовых отходов, который хорошо уплотнялся и уже не разрушался в такой степени, как материковый слой. Но не следует думать, что обитатели жилищ были грязнулями. Вполне вероятно, что они убирали с пола часть мусора, а в случаях, когда пол был глинобитным, фиксируется его подмазка. В процессе такой уборки пол мог еще в большей степени углубляться.

Нередко в процессе раскопок удается зафиксировать на полу следы деревянного настила из досок или тонких бревен. Настил делал пол более теплым, чем просто грунтовый, как из-за низкой теплопроводности дерева, так и из-за воздушной прослойки между землей и бревенчатым полом. Широко был распространен обычай покрывать пол глиной, которую обжигали, разводя маленькие костерки. Такой пол, несомненно, был более сухим, чем просто грунтовый, и меньше подвергался разрушениям. В жили-

щах верхнего слоя Анюшкара поверх утолщенного (до 20 см) неоднократно подмазываемого глиной пола дополнительно лежали остатки обугленных досок, покрывавших пол. Пол дополнительно мог покрываться шкурами животных или циновками, которые создавали дополнительную теплоизоляцию.

Столы и стулья в первобытном доме были далеко не обязательны. Сидели на циновках и шкурах, на камнях, пнях или просто на полу. У хантов и манси неперменной принадлежностью каждого дома был столик на низких или высоких ножках [Мифы, предания... 1990, с.9]. Наличие столов в жилищах по археологическим материалам проследить невозможно, однако косвенные данные, в частности, появление глиняных подставок-валиков, предназначенных для установки круглодонных сосудов традиционной для Прикамья формы на плоскую поверхность, позволяет предполагать появление в конце X–XI вв. такого элемента интерьера, как стол. Характерно, что подставки-валики встречены только на наиболее крупных городищах Пермского Предуралья (Рождественском, Анюшкаре, Родановом, Кудымкарском), которые выделяются как важные центры торговли и ремесла. Вероятно, за счет постоянных контактов с представителями более цивилизованных культур, население этих городищ приобретало новые представления о культурных ценностях, в результате чего возникла потребность переломить традиционные стереотипы в области обустройства жилища и внести в него новые элементы комфорта. Еще одним косвенным свидетельством появления стола может служить удлинение рукоятей ложек примерно в середине XI в., что было вызвано необходимостью

Рис. 35 План жилища, VIII-IX вв., селище Запоселье. А – внешний контур жилища, Б – опоры нар, В – основания очагов, Г – основание мостков, соединяющих южный вход в жилище с берегом ручья

стью тянуться к общему горшку или миске через стол.

Для хранения домашней утвари и одежды у обских угров устраивали полки и подставки, вбивали в стены деревянные штыри. Каждый предмет находился на отведенном ему месте, мужские и женские вещи хранились отдельно [Мифы, предания..., 1990, с.9]. Вероятно, в средневековых жилищах Пермского Предуралья имелись аналогичные приспособления, но проследить их археологически не реально.

§ 3. ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

Интерьер жилища всегда дополняется всевозможно утварью, к которой относятся и упоминавшиеся уже постельные принадлежности, пологи, разнообразные коврики и циновки, а также сундуки, шкатулки, прочие емкости для хранения имущества и т.п. *Шкатулки* представлены костяными накладками, медными обкладками, ручками, *замками*.

Замки известны наиболее хорошо, так как другие детали сундуков и шкатулок очень фрагментарны и с трудом поддаются интерпретации. Как считают специалисты, замки появились одновременно с частной собственностью. В древнерусском городе и деревне они широко представлены уже в слоях IX–X вв., а позднее — это неотъемлемый атрибут быта горожан.

Средневековые замки, распространенные в Восточной Европе, являлись сложными механизмами: их основной элемент — система расходящихся пружин, которая фиксировала разные положения рабочего элемента замка (дужки либо засова). Подобная конструкция замков была известна в Древнем Китае, Японии, Древнем Риме, в Восточной и Малой Азии. Варьировались и изменялись лишь внешние формы корпуса замка и дужки. Древнерусские ремесленники-замочники, вероятнее всего, заимствовали кое-какие приемы античной техники. Нужно отметить, что в целом изготовление замков предполагало высокий профессионализм и технологическую изощренность [Хорошев 1997, с.14].

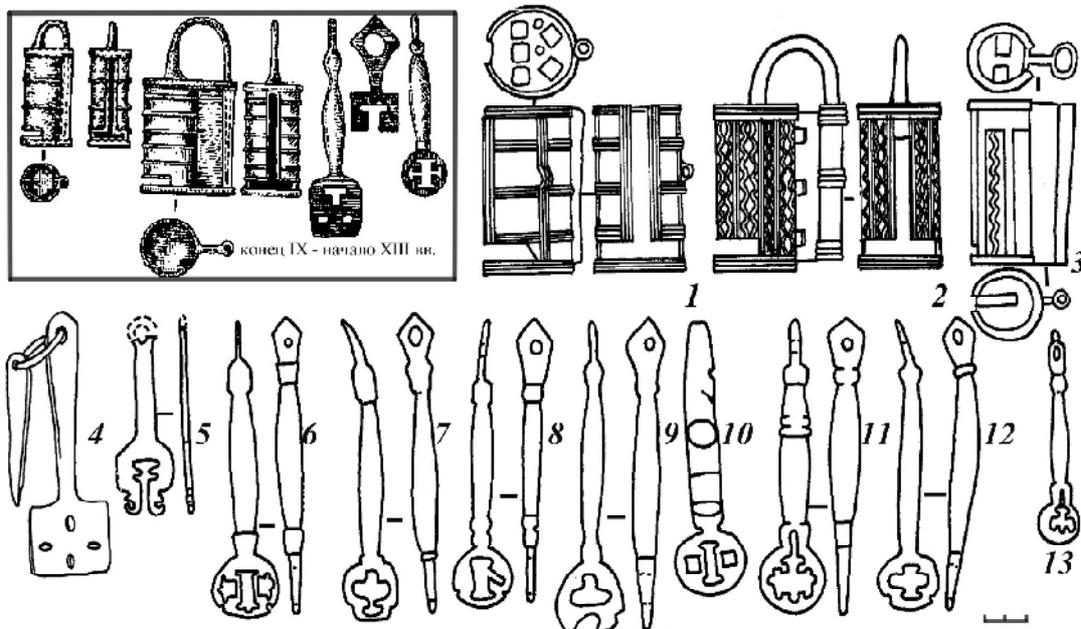

Рис. 36 Вертикальные цилиндрические замки и ключи к. IX – начала XIII вв.: 1 – д. Харина, 2, 7 – д. Данилова, 3 – Шудьякар, 4 – Роданово городище, 5, 8 – Рождественское городище, 6 – Чердынь, 9 – Кудымкарское городище, 10, 12 – Анюшкар, 11 – д. Михалева, 13 – Онское городище

Пружинные замки технологически подразделяются на два класса: навесные и нутряные. Конструкция и тех и других с течение времени изменялась. В Пермском Предуралье были распространены преимущественно навесные замки. Они могли предназначаться для запираения жилых домов, хозяйственных сооружений, сундуков, ларцов и пр. Но, вероятнее всего, жилища в старину, как, впрочем, и сейчас во многих деревнях, не запирались, а замки предназначались исключительно для сохранности особых ценностей, хранящихся в сундуках. Возможно большая их часть, встреченная на городищах, предназначалась для сундуков с товарами, привозившимися купцами.

Конструкцию съемных замков определяли ключ, корпус и дужка — именно эти детали в совокупности характеризуют тип замка. Со временем основные детали совершенствовались: усложнялось запирающее пружинное устройство, а, соответственно, и ключ, повышался уровень надежности корпуса [Хорошев 1997, с.14].

В Пермском Предуралье, так же, как в Волжской Булгарии и на Руси, преобладали вертикальные цилиндрические замки. Цилиндрический замок имеет сложное устройство, включающее два основных элемента — корпус и дужку с пружинным механизмом.

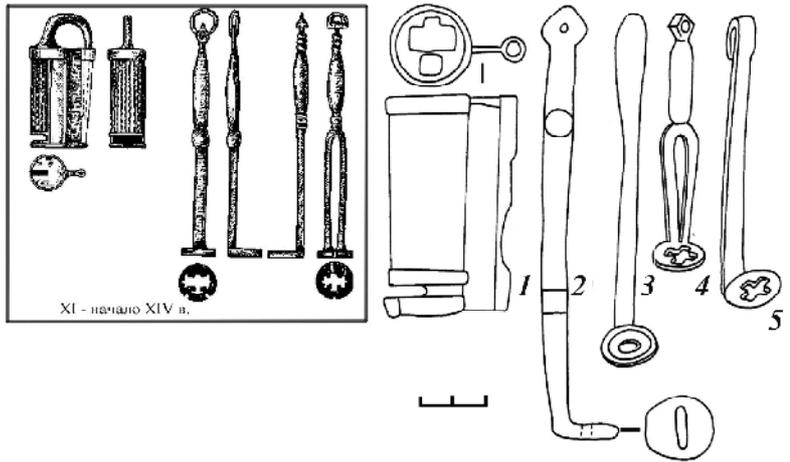

Рис. 37 Вертикальные цилиндрические замки и ключи XI – начала XIV вв.: 1-3 – Кудымкарское городище, 4 – д. Вакина, 5 – Анюшкар

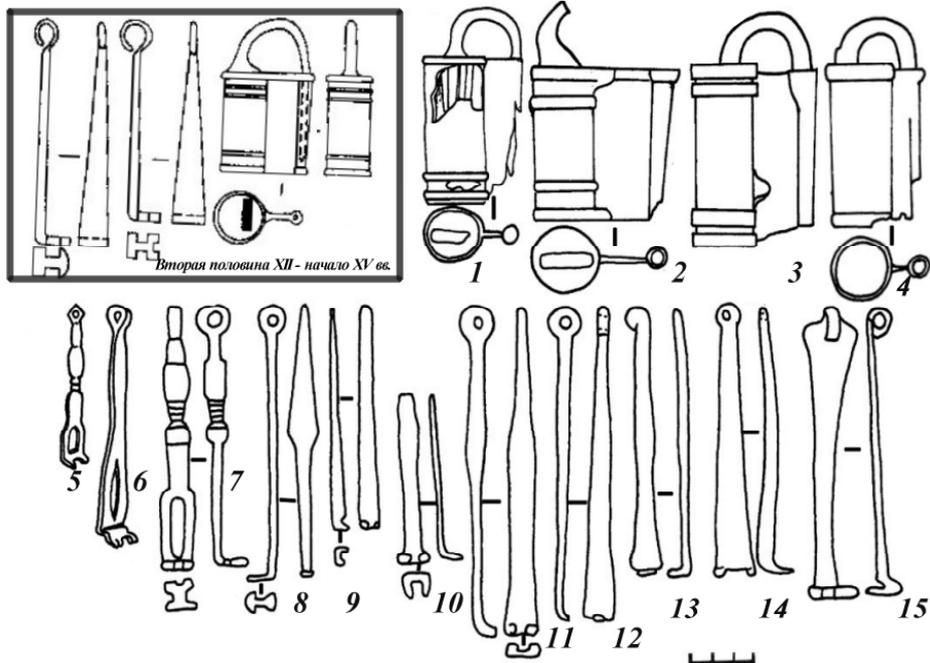

Рис. 38 Вертикальные цилиндрические замки и ключи второй половины XII – начала XV вв.: 1, 5, 7, 9-10, 14 – Рождественское городище, 2 – д. Харина, 3, 8, 15 – Анюшкар, 4, 6, 11 – Кудымкарское городище, 12 – д. Вакина, 13 – селище Телячий Брод

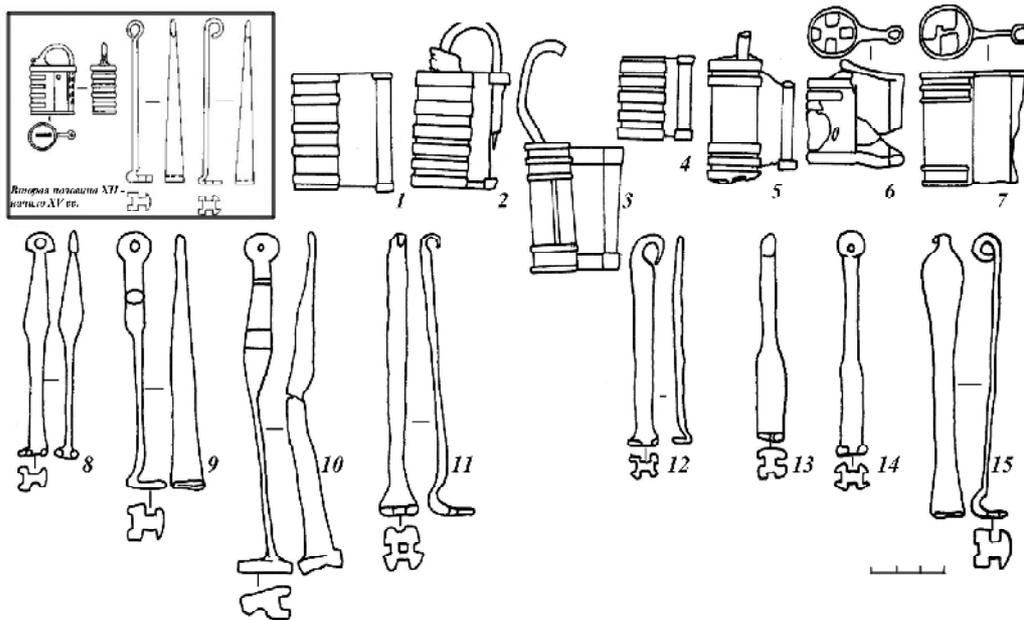

Рис. 39 Вертикальные цилиндрические замки и ключи второй половины XII – начала XV вв. с усложненной конфигурацией ключа в связи с увеличением количества пружин: 1, 6 – селище Телячий Брод, 2, 7 – Кудымкарское городище, 3, 8-12 – Рождественское городище, 4 – Городищенское городище, 5 – Анюшкар, 13-14 – Шудьякар, 15 – д. Вакина

Корпус состоит из двух жестко соединенных между собой цилиндров (отсюда и название — цилиндрический). Большой цилиндр с торцевых сторон закрыт круглыми крышками с отверстиями для ключа и запирающей пружины-дужки. Гладкий конец дужки свободно входил в малый цилиндр, а другой с пружинами — в верхнее донце большого цилиндра. Такие замки различаются по форме ключевой прорези, которая менялась со временем по мере усложнения формы пружин. Наиболее древнему типу цилиндрических съемных замков, известному на Руси уже в IX–X вв., постепенно вышедшему из употребления к середине XIII в., соответствовали своеобразные ключи с прорезной "лопаточкой" на конце (рис. 36). Затем дужка стала более крупной и массивной. Это новшество вызвало необходимость отодвинуть малый цилиндр замка от большого; его стали припаивать к корпусу большого цилиндра посредством промежуточной пластины (рис. 37). Лопатообразная форма ключа была заменена коленчатой [Хорошев 1997, с.14]. Новая

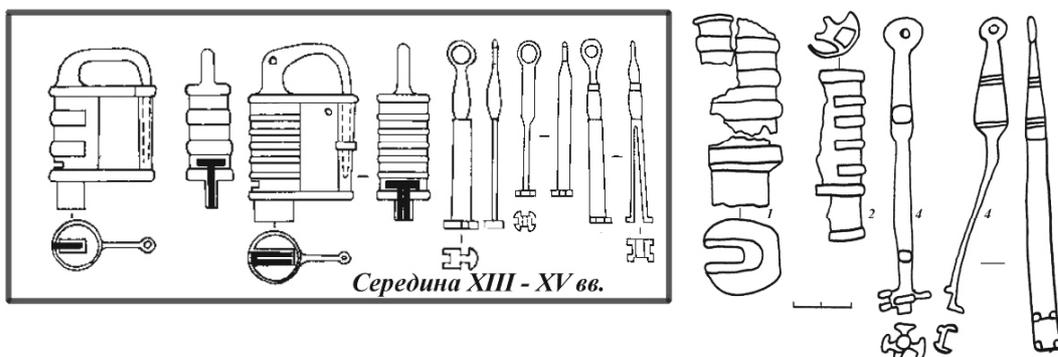

Рис. 40 Вертикальные цилиндрические замки и ключи середины XIII – XV вв.: 1, 3 – селище Телячий Брод, 2, 4 – Кудымкарское городище

конструкция замка появилась в самом начале XII в., быстро вошла в обиход, и к середине XIII в. полностью вытеснила замки прежнего вида. В связи с увеличением количества пружинных стержней на дужке замка постепенно усложнялась конфигурация ключа (рис. 38-40).

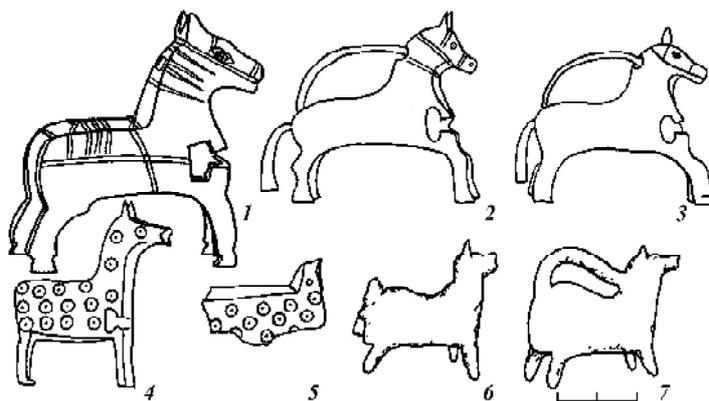

Рис. 41 Зооморфные замочки: 1 – д. Данилова, 2, 7 – Троицкое городище, 3 – Чердынь, 4 – Пермский край, 5 – Рождественское городище

Кроме цилиндрических в Пермском Предуралье известны и зооморфные пружинные замки (рис. 41). Такие замки, в основном бронзовые, реже железные, с корпусом в виде фигурки животного (коня, собачки), бытовали в Волжской Болгарии как в домонгольский, так и в золотоордынский период. Учитывая тесные связи Пермского Предуралья с Волжской Болгарией, не приходится сомневаться, что все они были продукцией болгарских мастеров. Такие замочки служили для запираения сундучков и шкатулок.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Перечислите основные элементы прикамского жилища периода средневековья, которые фиксируются на археологических памятниках.
2. В чем заключается символика и практическое назначение центрального очага в жилище?
3. Чем может объясняться изменение интерьера жилища на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья (например, центрального очага или др. деталей)?
4. Опишите внутрижилищные ямы, их функции и виды.
5. Какой мебелью пользовались средневековые жители Пермского Предуралья? Опишите её. Как Вы думаете, какие предметы мебели могли иметь кроме практического, символическое значение?
7. Как оборудовался пол в средневековом жилище на территории Пермского Предуралья?
8. Опишите, какими замками пользовались средневековые жители Пермского Предуралья. В результате каких процессов на территории Пермского Предуралья появляются замки?

* * *

Содержание понятия "жилище" менялось по мере усложнения хозяйственной структуры общества. Тип жилища как устойчивое сочетание конструктивных элементов, возникает в процессе взаимодействия общества, находящегося на определенной стадии развития, причем на формирование типа жилищ оказывают воздействие самые разнообразные факторы, но, в первую очередь, естественно-природные и социально-политические [Томсинский, 1985, с.51]. Это высказывание вполне применимо и к жилищам Пермского Предуралья.

Процесс становления жилищ на нашей территории был весьма длительным. Основа их конструктивного своеобразия была заложена еще в период раннего железа. Именно тогда распространяются прямоугольные бревенчатые наземные строения, ставшие к эпохе средневековья основным видим жилища. Тогда же возник основной вид обустройства интерьера с центральным расположением очага и хозяйственной ямы.

Не смотря на то, что на разных памятниках Пермского Предуралья встречены жилища самых разных типов и вариантов, наиболее характерными можно считать наземные или слабоуглубленные прямоугольные бревенчатые дома срубной или столбовой конструкции стен, преимущественно с двускатной, реже с односкатной кровлей. Со временем наблюдается тенденция к уменьшению общей площади жилищ, выделению внутри них разнофункциональных зон (комнат), смещению очага в угол или к стене, выносу ям-кладовок за пределы жилища. В связи с этим М.В. Талицкий, основываясь на результатах раскопок Родановского городища, предполагал, что на позднем этапе его существования происходят изменения в структуре семьи — выделяются малые семьи, что было обусловлено все более развивающимся ремесленным производством на сбыт [Талицкий, 1951, с.59]. Разобшению больших семейств в еще большей мере способствовал рост частной собственности и накопление значительного состояния (что фиксируется, в частности, по находимым в Пермском Предуральекладам, по особому богатству погребального инвентаря могильников, сопровождающих крупные городища и по ряду иных факторов). Как отмечал М.В. Талицкий, яркой иллюстрацией роста частной собственности служит распространение с IX–X вв. навесных замков для сундуков, по этому поводу он приводит цитату из В.Н. Берха: "Там, где замки были в большом употреблении, должны также находиться вещи, стоившие быть замкнутыми" [Талицкий, 1951, с.62; Берх, 1921, с.97].

Следует отметить, что такие изменения фиксируются, прежде всего, именно на городищах, где население имело активные контакты с ремесленниками, торговцами и прочим людом, приезжавшим туда нередко из очень отдаленных районов и стран. И вполне вероятно, что разнообразные новшества, отмечающиеся в обустройстве жилища, объясняются не только естественной эволюцией социальных отношений, но и мощным инокультурным воздействием.

Тем не менее, Е.М. Черных отмечает, что социальные процессы, происходившие в родановском обществе, были более сложными и многозначными, чем это кажется на первый взгляд. Факт использования на позднем этапе жилищ разной площади может объясняться не только сменой большой семьи малой моногамной, но и длительным сохранением в нем пережитков материнской родовой организации. Т.о., поселки в Пермском Предуралье носили смешанный характер (с совместным проживанием на одном поселении семей с патрилинейным и матрилинейным счетом родства) [Черных, 1998, с.92].

ТЕМА 5. ОГОНЬ В БЫТУ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Огонь — один из элементарных признаков культуры. С глубокой древности он был основным источником энергии. Обладанию огнем люди придавали большое значение. В их представлении лишь с приобретением огня на земле началась настоящая человеческая жизнь, и в этом с ними солидарны современные антропологи и археологи.

Огонь тесно связан с различными подсистемами культуры жизнеобеспечения. Без огня в период средневековья было невозможно приготовление пищи, в жилище огонь являлся основным источником света и тепла, предметы для добывания огня одновременно являлись могущественными амулетами, которые занимали важное место в костюме мужчин и женщин средневекового Пермского Предуралья. Поэтому рассмотрение основных вопросов, связанных с добыванием и использованием огня, вынесено в отдельный раздел.

§ 1. КУЛЬТОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОГНЯ У ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Для более полного понимания археологических артефактов, связанных с добыванием и использованием в бытовых целях огня, представляется необходимым проанализировать зафиксированные этнографами традиционные представления об огне, в которых, без сомнения, содержатся рудименты представлений, присущих древнему населению.

В пользу получения огня первоначально извне, а не путем искусственного добывания, свидетельствуют народные предания, говорящие о принесении (птицей, зверем, культурным героем). По большинству мифов, огонь, прежде чем попасть к людям, хранился в каком-либо отдаленном месте или у некоего божества. Подвиг похищения огня или его создание обычно приписывается т.н. "культурному герою" — прародителю племени, который мог выступать как в человеческом, так и в животном облике. Так, например, в одной из фратрий северных манси — пор — предком считался медведь, который воспринимался и как культурный герой: именно от него, по преданиям, люди получили огонь [Мифология манси 2001, с.115].

Народные предания о появлении огня сводятся к двум основным категориям: в одних рассказывается, что огонь был добыт из-под земли, по другим он упал с неба. Посредником в этом принесении огня часто выступает птица. Из-под земли огонь мог быть получен только вулканический (это возможно только в вулканических областях), поэтому народные мифы чаще говорят о получении огня с неба [Анучин, 1923, с.6–8]. Вполне вероятно, что ряд изображений на фигурных рукоятках биметаллических кресал, получивших широкое распространение в Пермском Предуралье в X — первой половине XI вв., отражает представления о культурном герое, которому приписывается добывание огня, либо о божественной небесной природе огня.

В представлениях обских угров огонь, различающийся по своей изначальной природе, мог быть "божественным", "громовым", "деревянным", возникшим в результате трения, "каменным" (при высечении огня из кремня), "домашним". К примеру, очаг в традиционной мансийской культуре выступает не только источником тепла, света и приготовления пищи, но и местом обитания обожествленного "домашнего огня". Он согревает, освещает, треском предупреждает об опасности, ест дрова, спит в остываю-

щих углях и бодрствует в разгорающемся пламени. С помощью огня угадывали будущее, на нем клялись, огнем или дымом отпугивали нечистую силу. У огня, как и у человека, предполагалась душа, обитающая в голубой кромке пламени. Если в доме умершего гас "домашний огонь", то родственники оплакивали его, как ушедшего от них навсегда близкого человека [Мифология манси 2001, с.37, 98]. Домашний огонь — символ благополучия семьи и рода. Для коми-пермяков очаг в жилище — это всемогущая сила стихий добра и зла. Восточные ханты избегали переносить огонь из одного дома в другой, боясь, что от этого будут болеть дети и исчезнет удача в промыслах. У гиляков только сородич имел право разводить огонь на очаге сородича, а также выносить огонь из юрты, не докурив своей трубки. В эпических песнях ненцев представитель побежденных, обращался к победителю, моля о пощаде: "Не убивай наши последние вздохи, оставь нас живыми... В нашей земле огонь погаснет". Т.е. гибель рода и смерть родового огня понимались как равнозначные явления. Коми-пермяки при переселении из старого дома в новый как добрый знак будущего благополучия переносили очажный огонь или уголь с золой в новое жилище [Материалы по фольклору хантов 1978, с.185; Штернберг 1904, с.72–73; Куприянова 1965, с.143; Коми-пермяцкий... 2000, с.181].

Огонь домашнего очага играл важную роль и в погребальном обряде. У манси в случае смерти кого-либо из членов семьи в очаге сразу разводили огонь, сохраняемый, насколько это возможно. "Домашний огонь" сопровождал умершего в его последний путь, при этом из очага поджигали трухлявый кусок березового ствола, от которого затем на кладбище разводили костер. Т.о., дух очага находился рядом с человеком от момента его рождения до перехода в мир мертвых [Мифология манси 2001, с.37].

Стихия огня везде связывалась с идеей чистоты и непорочности. Запрещалось бросать в него грязь и отбросы. У населения Сибири считалось большим грехом плевать в огонь, бросать туда мусор и другие "нечистые" предметы. Известна легенда о ленивой остячке, которая бросила мусор в чумал, за что была сожжена вместе с жилищем. У многих сибирских народов присутствуют схожие поверья о том, что те, кто оскорблял огонь (плевал в него, клал в чумал принесенные с улицы обугленные поленья, разрывал уголь острыми предметами), покрывались в наказание язвами и коростами [Косарев, 2003, с.163]. У народов коми также в огонь запрещалось плевать, а тем более мочиться — иначе на губах или гениталиях ослушников появлялась короста. Огонь нельзя было затаптывать ногами, а полагалось заливать водой. Вероятно, подобные представления о домашнем очаге существовали и у жителей Пермского Предуралья эпохи средневековья. Об этом свидетельствует относительная чистота очагов: они постоянно выметались, подмазывались свежей глиной. Пищевые и кухонные отходы и другой мусор бросали в специальные приочажные ямы, а нередко и просто на пол, который обычно покрывался слоем органики вперемешку с битыми черепками, сломанными и брошенными вещами, костями животных, зернами злаков. Нельзя было мешать в очаге ножом или другим острым предметом, чтобы не ранить духа огня. Коми считали, что если раненный дух огня ослепнет, он не сможет отгонять злых духов от жилища [Конаков, 2002].

Дух огня первым получал жертвенные дары. Перед каждым приемом пищи, а тем более, во время ритуальных трапез, его кормили. Например, охотники коми перед приемом пищи обязательно бросали в огонь крошки хлеба [Конаков, 2002]. У коми-пермяков при устройстве домашнего очага обязательно совершался обряд жертвоприношения духу огня [Коми-пермяцкий... 2000, с.181].

Богиней огня обских угров была Най-сянь — "Огня женщина" (манс.), Мать-Огонь Най ими (хант.), сестра верховного бога Торума. Эта своенравная богиня, носящая красные одежды, являлась главным семейным божеством. Жертвы ей приносили часто, даже

в тех случаях, когда жертвоприношения осуществлялись в честь других богов и духов, люди никогда не забывали о Най-сянь. При посещении культового места обязательно ставили у костра пищу и еду. Заботливая хозяйка, бросая в очаг кусочки пищи или оставшиеся при пошиве одежды разноцветные лоскутки, приговаривала: "Хозяйка Огня, это тебе и семерым детям твоим еда и одежда!". Най-сянь поклонялись и мужчин, и женщины. Но все же, представления об огне, как о женщине, были настолько реальными, что у вогул мужчины стеснялись раздеваться в присутствии огня [Мифологическое время 2003, с.87; Мифология манси 2001, с.98].

В археологии мы находим свидетельства несомненного присутствия культа огня в производственной магии, в бытовых предметах, в погребальной обрядности. И зачастую анализ проявлений этого культа приводит исследователей к прямым параллелям с этнографическими материалами.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. *Охарактеризуйте практическое назначение огня для средневекового жителя Пермского Предуралья.*
2. *Как, по преданиям, попадает огонь к человеку? Приведите примеры.*
3. *Охарактеризуйте возможное символическое значение огня у средневековых жителей Пермского Предуралья. Что свидетельствует об этом значении?*
4. *Какие поверья существуют у народов финно-угорской ветви, связанные с добычей, разведением и поддержанием огня?*
5. *С какой целью финно-угры использовали огонь в погребальном обряде? Есть ли археологические подтверждения такого использования огня на средневековых могильниках Пермского Предуралья.*
6. *Огонь, в представлениях обских угров, мог быть "божественным", "громовым", "деревянным", "домашним". Подумайте, какова природа происхождения каждого?*
7. *Какие доказательства можно привести о бережном отношении к огню средневековым населением Пермского Предуралья.*

§ 2. ОРУДИЯ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ

Ознакомившись, так или иначе, с приятными и полезными свойствами огня, — его блеском, светом, способностью согревать и изменять к лучшему растительную и животную пищу, — древнейшие люди должны были позаботиться о том, чтобы сохранить этот важный для них элемент посредством его поддержания, и, таким образом, превратить "дикий" огонь в "домашний". Уже для среднего, а тем более для позднего палеолита, существует множество доказательств использования людьми огня. И вполне вероятно, что уже в это время люди умели его самостоятельно разжигать. Известно множество способов добывания огня. Древнейшими из них являются трение дерева о дерево, сверление, скобление и пр. [Анучин, 1923, с.9-11]. Причем, эти архаичные способы получения огня нередко сохранялись для различных ритуальных целей и в то время, когда широко использовались иные, более прогрессивные способы. К ним прибегали в исключительных случаях. В Европе в случае эпидемий и падежа скота тушили весь огонь в домах и разжигали новый "дикий огонь" архаичным способом сверления. В России "живой",

"деревянный", "лесной" огонь, добытый трением, зажигался в случае эпидемий, падежа скота, в некоторые праздники. Архаичный способ добычи огня трением вплоть до XX в. применялся при разведении ритуальных костров в Сибири [Анучин, 1923, с.27-28; Косарев, 2003, с.164]. В преданиях хантов сохранилась память о том, что в старину их предки добывали огонь вращением палочки в углублении дощечки [Мифы, предания..., 1990. № 36, с.146]. Священное деревянное огниво продолжало использоваться у ряда сибирских народов во время праздников и ритуалов даже в этнографическое время. Иногда если огонь получали кресанием, в него, для придания обрядового значения, прибавляли искру, добытую трением [Косарев, 1984, с.225]. И у коми огонь, полученный с помощью трения, имел особую силу. Еще в начале XX в. крестьяне одной из сысольских деревень, чтобы избавиться от чрезмерно расплодившихся волков, добыли трением огонь, и публично сожгли на нем одного пойманного волка [Конаков, 2002]. Коми-пермяки до недавнего времени считали огонь сильнодействующим лечебным средством при повальных болезнях. Высшую степень положительного воздействия на эпидемию и мор оказывал первобытным способом добытый огонь — дзуртби (скрип-огонь), с помощью которого знахари изгоняли заразу из жилищ и скотных дворов. Дымом такого огня кадили и свежие могилы в тех случаях, когда лов (душа) или орт (двойник умершего) не помогает сородичам, а всячески вредит [Коми-пермяцкий... 2000, с.181].

Но самым распространенным способом добычи огня стало высечение искры при ударах камня о камень. Больше всего для этой цели годились кремни, кварц, горный хрусталь. Наилучших результатов достигали ударом камня по рудным материалам — пириту, халькопириту, марказиту, сфалериту. В этом случае искра получалась гораздо длиннее — от 4 до 10 см. Наиболее широко в природе распространен пирит (серный или железный колчедан — дисульфид железа FeS_2). Он имеет лагунно-желтый цвет и яркий металлический блеск. Если по куску пирита ударить кремнем, от минерала отскакивают разогретые ударом частички, из которых выделяется сера, воспламеняющаяся на воздухе. Отсюда и название минерала (огнедающий камень, лат.). Искры могут поджечь легковоспламеняющиеся вещества, например, трут — сухую губчатую массу растущего на деревьях гриба трутовика. Люди очень рано poznали эти свойства, уже со времен палеолита-мезолита в погребениях Западной Европы среди сопровождающего инвентаря встречаются кремни и куски колчедана, служившие для получения огня. Вероятно, использование двух камней для высечения искры являлось самым распространенным способом получения огня вплоть до появления стали, из которой изготавливались кресала. А греки и римляне, хорошо знакомые с железом, и в дальнейшем продолжали пользоваться пиритом [Анучин, 1923, с.35-36]. В преданиях обских угров также упоминаются только камни для высечения огня, хотя этнографические и археологические материалы показывают широкое распространение стальных кресал.

Изобретение способа высекания огня (или дарование орудия для этой цели) нередко приписывали божествам или культурным героям. У хантов в одном из мифов о сотворении мира повествуется о том, что огонь создал Торум — сын Нум-Торума (в других мифологических сказаниях он известен как Золотой богатырь, За миром наблюдающий человек — Мир-Сусне-Хум и др.): "Увидел камень и приложил руку к этому камню, и пошел жар от камня. Возле него лежал маленький камень. Когда он взял маленький камень и ударил о большой, то большой рассыпался — и из него вышла женщина-огонь. Взял Торум опять камешки и стал друг о друга ударять, и показался огонь. Тогда Торум сделал из березовой коры трут, изрубил дерево, наколот дров и развел огонь" [Мифы, предания... 1990, с.63].

В более позднее время для разжигания огня стали использовать кремень вместе со стальным кресалом, а вместо трута — фитиль, пропитанный для лучшего возгорания раствором селитры — нитрата калия KNO_3 .

Когда и где появились первые стальные кресала, трудно сказать. По мнению Л.А. Голубевой, массовое распространение стальных кресал на территории древнебалтийских и финно-угорских племен начинается с V–VII вв. [Голубева, 1964, с.258]. Принцип получения огня с помощью кремня и железа получил широкое распространение. У многих северных народов в эпоху средневековья кресало и кремень были единственным приспособлением для добывания огня, которое сохранялось у таежных охотников вплоть до начала XX века.

Полный комплекс элементов огнива включал в себя железное или биметаллическое кресало, кремень и (иногда) трубочку для трута.

Кресало — приспособление для добывания огня, представляющее собой стальную пластинку, служившую для удара о кремень при высекании искры. *Кресало* (кресило) — славянское название, происходящее от глагола кресати. В качестве синонима в археологической литературе встречаются термины *огниво* и *биво*. В данной работе термином "*кресало*" обозначается стальная пластина, под *огнивом* подразумевается весь комплекс предметов, необходимых для добывания огня — кресало, кремень, трут.

Кресала — одна из немногих разновидностей бытовых вещей, для изготовления которых использовалась качественная сталь. Ее применение объясняется практической необходимостью, так как эти предметы по техническим качествам должны иметь максимально твердую рабочую часть. При изготовлении кресал основными схемами были цементация и наварка стальной полосы на рабочую часть. Термообработка для этих поковок была практически обязательной операцией. Как предполагает В.И. Завьялов, кузнецами было замечено свойство науглероженного железа искриться при ударе. Любопытно, что удмурты считают, что именно сталь, а не кремень, дает искру, это прослеживается во фрагменте удмуртского заговора: "...Как из булату, из синего укладу камнем огонь выбивают..." [Завьялов, 2005, с.26, 148-149]. Т. о., кресала принадлежат к группе качественных кузнечных изделий, выполненных в сложной технике, доступной лишь высококвалифицированным профессионалам в условиях специализации производства.

На территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья и новое время были широко распространены разнообразные формы кресал. Специалисты отмечают, что лишь незначительная часть из них изготовлена по четкой рациональной технологии, их можно признать импортными изделиями. Основная же масса кресал, изготовленная из неравномерно науглероженной стали — продукция местных кузнецов. На территории Прикамья очень быстро распространились древнерусские формы кресал, хотя для этой категории железных предметов форма не имеет столь существенного значения, как для орудий труда. Здесь имеет место влияние моды в кузнечном ремесле, когда кузнецы ломоватовской и родановской культуры перенимали не только новые, более прогрессивные типы орудий труда, но и новые формы предметов быта.

В музейных коллекциях Пермского Предуралья представлено большое разнообразие кресал. Вероятно, этим предметам придавалось особое значение. Кресала присутствуют в составе погребального инвентаря большинства мужских и значительной части женских средневековых захоронений. В "богатых" мужских комплексах, несомненно, принадлежавших представителям знати, наличие кресала обязательно, причем в период распространения биметаллических кресал в таких погребениях нередко представлены одновременно стальные и с декоративной бронзовой рукоятью.

У разных народов, кочевых и оседлых, зафиксированных этнографически, кресало

носились на поясе в специальном мешочке или футляре, либо просто заворачивались в ткань. В могильниках Пермского Предуралья в погребениях X — первой половины XI вв. элементы огнива нередко сопровождалась поясными сумочками. На ряде кресал обнаружены отпечатки ткани.

Из стальных кресал наиболее широко были распространены т. н. *калачевидные кресала*, снабженные рукоятью в виде двух отогнутых от рабочей части симметричных "крючков". Подобные кресала бытовали чрезвычайно широко. В зависимости от времени и места распространения они имели свои особенности. Общая форма их может напоминать треугольник, овал, прямоугольник, рукояти могут находиться на значительном расстоянии друг от друга или смыкаться, и иметь большую или меньшую степень изогнутости. Иногда концы так изогнуты, что примыкают к основанию, образуя подобие буквы "В".

Большинство исследователей основным признаком для классификации калачевидных кресал считает наличие или отсутствие выступа (язычка) на ударной части лезвия, хотя отмечается, что среди калачевидных кресал можно также выделить группы с пря-

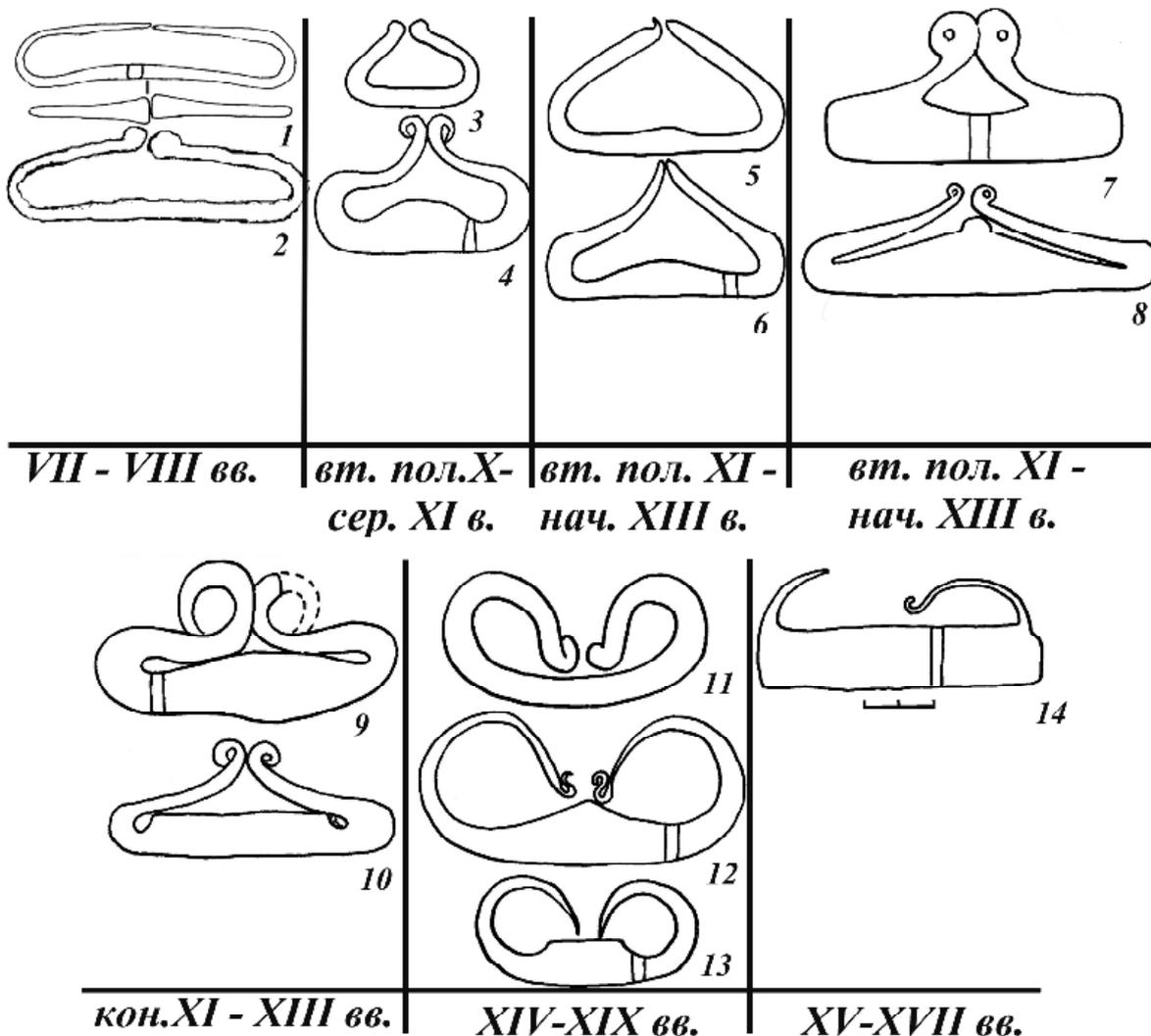

Рис. 42 Стальные калачевидные кресала: 1 – Плесинский, 2 – Агафоновский могильники, 3, 5 – Рождественский могильник, 4, 7 – Анюшкар, 6, 9 – могильник Телячий Брод, 9 – Роданово городище, 10 – Харинское IV селище, 11 – с. Б. Коча, 12 – Вакинское селище, 13 – Пермская губерния, 14 – Кудымкарское городище

мыми концами рукоятей и группы с загнутыми наружу, утолщенными или оформленными завитками концами. Считается, что калачевидные кресала с язычком были широко распространены на территории Центральной, Северной и Восточной Европы и в Азии вплоть до Забайкалья и Приамурья на протяжении длительного времени. В древнерусских памятниках они представлены в основном в слоях X — третьей четверти XII в., хотя в небольшом количестве использовались вплоть до середины XIV в. Калачевидные кресала без язычка распространены почти так же широко, как и кресала с язычком. Первые из них известны еще в VIII–IX вв., пик их бытования приходится на XIII–XIV вв., а на некоторых памятниках они встречаются и в XVI веке. Многие авторы в своих работах опираются на хронологию новгородских древностей, согласно которой калачевидные кресала с язычком бытовали в период с X по конец XII вв., а без язычка — с конца XI до середины XIII вв. [Колчин, 1982, рис. 4]. Однако более глубокое изучение археологических источников Урала убеждает в том, что эволюционно-хронологическая схема кресал Новгорода отнюдь не является универсальной для всей территории Евразии. Некритичное применение этой схемы приводит к неоправданному занижению датировок конкретных памятников.

Для прикамских калачевидных кресал (рис. 42) датирующим признаком является форма концов рукоятей. А язычок на калачевидных кресалах встречается на протяжении всего периода их бытования.

Наиболее ранними являются кресала, представляющие собой свернутый в форме овала дрот округлого сечения, они датируются VII–VIII веками. Позднее распространились калачевидные кресала овально-подтреугольной формы. Большинство из них имеют сравнительно небольшие размеры — от 4,5 до 7,5 см в длину, лишь незначительная часть достигает до 9 см. Характерной особенностью предметов данного типа является то, что концы рукоятей у них имеют легкий S-образный изгиб, украшены завитками или утолщениями. У большинства кресал концы рукояти смыкаются или почти соприкасаются. Эти кресала бывают двух разновидностей: с язычком и без язычка на внутренней части лезвия. И те и другие бытовали в период со второй половины X до середины XI века.

Во второй половине XI — начале XIII веков появились треугольные калачевидные кресала, имеющие почти прямые концы рукояти, узкие, сходящиеся под тупым углом.

К XII–XIII вв. относятся калачевидные кресала подовальной формы с широкой рабочей частью, как правило, дугообразно изогнутой внизу, с широким округлым или округло-подтреугольным язычком. Концы рукояти имеют значительный S-образный изгиб, и в большинстве случаев плотно прижаты к язычку на основании. Иногда концы закручены в крупные кольцевидные завитки. Одновременно в XI — середине XIII в. бытовали калачевидные кресала, основание которых отличается правильной подпрямоугольной формой, изящные концы рукоятей дугообразно вогнуты, завершаются маленькими завитками. Характерной особенностью таких кресал является наличие своеобразных прямоугольных язычков.

В XIV–XVIII вв. (а иногда вплоть до середины XIX в.) бытовали кресала, изогнутые W-образно в форме классического калача — основание округлое, концы рукоятей дугообразно выгнуты, их оконечности с маленькими завитками прижаты к основанию. Такие кресала известны как без язычка, так и с округлым, подтреугольным или прямоугольным язычком.

Параллельно в XV–XVII веках известны кресала, рабочая часть которых была в виде широкого прямоугольника, концы рукояти тонкие, выгнуты дугообразно, окончания прижаты к основанию кресала.

Кроме калачевидных кресал в Пермском Предуралье известны и так называемые

пластинчатые (рис. 43). Среди них наиболее ранними являются однолезвийные с одной рукоятью. Такие кресала представляют собой прямоугольную пластину длиной 5–7 см шириной 1–2 см с рукоятью, раскованной в виде длинного шиловидного стержня, отогнутой крючком, почти равным длине самой пластины. Как отмечает Л.А. Голубева, эти кресала "с длинным крючком удобно просто засовывать за пояс" [Голубева, 1965, с.260]. Вероятная дата кресал этого типа конец VII–IX вв., возможно, они сохранились и в начале X века. В VII–IX вв. существовали и стальные кресала в виде простых прямоугольных пластин. Прямых аналогий им не обнаружено. Но,

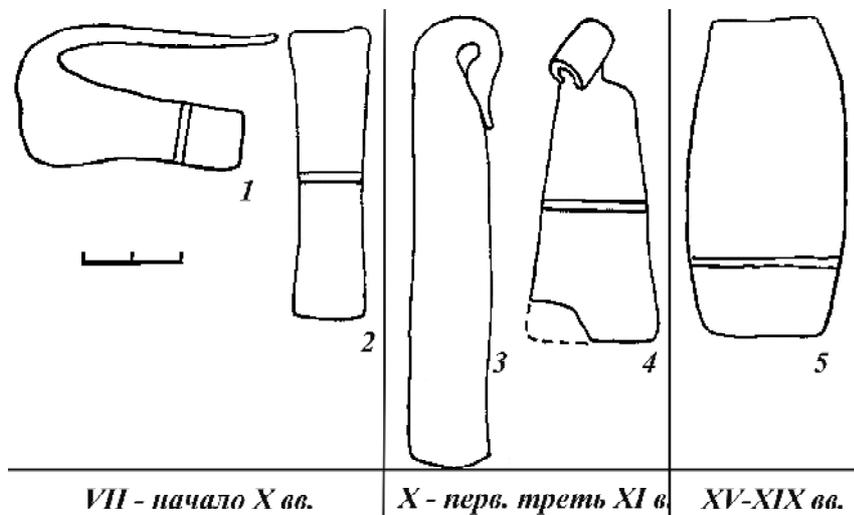

Рис. 43 Стальные пластинчатые однолезвийные кресала: 1-2 – Плесинский могильник, 3 – Роданово городище, 4 – Рождественское городище, 5 – Кудымкарский могильник

как отмечают А.П. Зыков и С.Ф. Кокшаров, в средневековых памятниках Западной Сибири хорошо известны железные бруски непонятного назначения. Металлографические анализы серии таких предметов показали, что они изготовлены из высокоуглеродистой стали, часто обработка завершалась в холодной воде [Зыков, Пархимович, 1988, с.157–158, рис.2], и, по мнению исследователей, эти бруски, возможно, заменяли кремни в кресальном наборе, так как на территории Западно-Сибирской низменности нет выходов кремнистых пород. В Пермском Предуралье такие пластины иногда сочетаются в погребальных комплексах с кресалом и трубицей для трута, и, возможно, также могли заменять кресальный камень. Но в большинстве случаев пластины не сопровождалась кресалами, а на Важгортском могильнике такой предмет найден вместе с четырьмя кресальными кремнями и, несомненно, выступал в качестве кресала.

В X — первой трети XII в. изредка встречались кресала, представляющие собой пластину длиной 8–10 см, с одной стороны загнутую петлей-ушком. В единичных экземплярах известны однолезвийные трапециевидные кресала, представляющие собой пластину трапециевидной формы, верх которой оформлен в виде выступа с петлей. Они относятся к разновидности кресал, изредка встречающихся в IX–X вв. только "в бес-

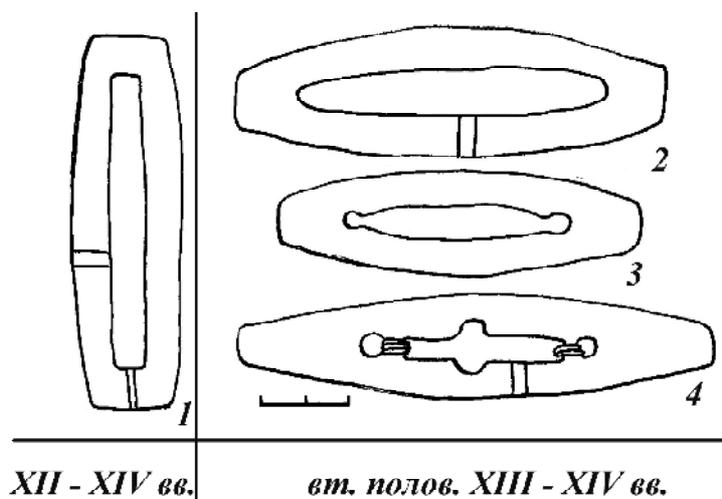

Рис. 44 Стальные двулезвийные кресала: 1 – Антыбарский могильник, 2 – могильник Телячий Брод, 3 – Искор, 4 – Пермская губерния

четырьмя кресальными кремнями и, несомненно, выступал в качестве кресала.

В X — первой трети XII в. изредка встречались кресала, представляющие собой пластину длиной 8–10 см, с одной стороны загнутую петлей-ушком. В единичных экземплярах известны однолезвийные трапециевидные кресала, представляющие собой пластину трапециевидной формы, верх которой оформлен в виде выступа с петлей. Они относятся к разновидности кресал, изредка встречающихся в IX–X вв. только "в бес-

спорных восточнославянских памятниках" [Голубева, 1965, с.258–259].

В XV — начале XIX вв. известны кресала в виде овальной пластины, срезанной по бокам.

Еще одной разновидностью стальных кресал являются т.н. *двулезвийные* (рис. 44). Среди них различаются прямоугольные с подпрямоугольным вырезом в центре, которые бытовали с XII по XIV вв., и овальные, у которых лезвия дугообразно изогнуты, а прорезь в центре овальная, иногда с круглыми отверстиями по краям центральной прорези, распространенные со второй половины XIII по XIV вв.

В IX — первой половине XI вв. получили распространение *биметаллические кресала*. Эти стальные кресала с бронзовой рукоятью представляют собой яркий феномен финно-угорской культуры. Их рабочая часть постепенно переходит по вертикали в бронзовые фигуры животных и птиц. Причем, скульптурные фигурки не были просто декоративным дополнением изделия. Скорее наоборот, кресало с его функциональностью подчинялось пластическому образу анималистического характера. Такого рода древние предметы, сделанные в виде животного или его части, характеризуются исследователями, как изделия повышенной функциональности. Кроме выполнения утилитарного и эстетического назначения, они считались, согласно представлениям первобытного анимизма, живыми помощниками и покровителями их владельцев, т.е. вместе с утилитарной и эстетической выполняли оберегательно-магическую функцию. Исследования, проведенные А.П. Зыковым, показали, что в процессе изготовления биметаллических кресал готовая стальная пластина помещалась в форму для отливки бронзовой рукояти, и отливка совершалась "поверх" стали. В ходе этой операции значительная часть углерода из стали выгорала, в результате кресало становилось непригодным для практического использования. Т.о., получается, что в данном случае предполагавшаяся практическая функциональность отодвигается на последний план, а основной становится функция предмета как амулета. Это объясняет тот, казавшийся странным факт, что во многих погребениях с биметаллическими кресалами одновременно имелись и обычные стальные кресала (как правило, типичные для того времени калачевидные).

На сегодняшний день на территории России известно около 230 биметаллических кресалах (из них 98 экз. (42%) найдено в Пермском Предуралье), около 40 экз. происходит из Западной Европы.

Наиболее выразительными и, вместе с тем, самыми распространенными являются кресала с зооморфными бронзовыми рукоятями. Их рукояти представляют собой литую ажурную, реже сплошную, пластину. Большинство рукоятей отлиты в формах по восковой модели, изображения, выполненные в низком рельефе, одинаково повторяются с обеих сторон пластины. Рукояти, отлитые в жестких формах, обычно не орнаментированные, в значительной степени стилизованные. Стальная пластина чаще всего припаивается к основанию рукояти, реже в основании имеется узкий паз для вставки рабочей части кресала. *По стилю изображения* выделяются кресала с изображением одного животного, двух, композиции из трех и четырех фигур.

Кресала с изображением одного животного распространены на довольно ограниченной территории — в Пермском и Удмуртской Предуралье, в Приобье, Ветлужско-Вятском междуречье. Отдельные экземпляры встречены в Волжской Болгарии и на святилищах арктического побережья. Вероятно, наиболее ранними являются кресала с рукоятями, на которых изображено животное в полный рост в профиль, смотрящее вперед (рис. 45). Среди них различаются такие, у которых рукоять в виде трапециевидной рамки схематически передает статичную фигуру коня (рис. 45/1). Есть кресала, на которых представлен явно фантастический образ, комбинирующий в себе черты, присущие

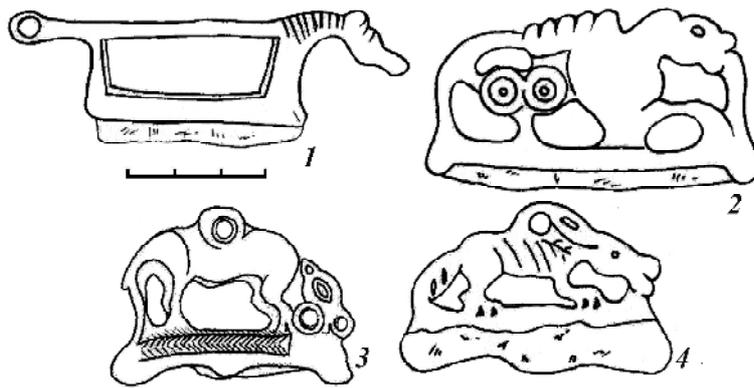

Рис. 45 Биметаллические кресала с изображением одного животного в рост, в профиль, смотрящего вперед: 1 – Кочевская волость Пермской губернии, коллекция Зеликмана, 3 – Пермская губерния, 4 – Рождественский могильник

разным представителям фауны. В целом он может быть определен как дракон — фантастическое существо, представляющееся в виде сочетания элементов разных животных. В зависимости от того, какие животные входят в комбинированный образ, различается множество разновидностей драконоподобных существ. Общие характерные особенности изображения драконов на кресалах: животное всегда изображено лежащим или припавшим на лапы

перед прыжком; морда короткая, с широким носом, смотрит вперед или опущена к основанию рукояти; лапы широкие, когтистые, хвост длинный, опущенный плавной дугой на основание рукояти. Среди различных драконов выделяются крылатые существа, у которых небольшие крылья с перьями, обозначенными насечками, сложены на спине, в задней части туловища — схематичное изображение двух завитков. Образ этого крылатого существа, несомненно, заимствован из иранского искусства, в частности, он мог быть перенесен с сасанидской серебряной посуды, в больших количествах поступавшей на Урал в обмен на пушнину. В большей степени эти изображения находят аналогии в полиморфном образе крылатого коня-змея гиппокампа с головой и передними ногами лошади, с крыльями и закрученным змеиным хвостом. Длинный змеиный хвост этой разновидности дракона извивается, образуя две петли, конец его закинут на спину. На кресалах с крылатым существом два круга или спирали на задней части туловища, несомненно, изображают завитки змеиного хвоста. В целом положение фигуры с вытянутыми вперед ногами, головой на изогнутой шее, во многом аналогичны образу гиппокампа. Но это существо обладало только двумя передними ногами с копытами. А у существ, изображенных на кресалах, имеются как передние, так и задние конечности, в одном случае на передних явно обозначены когти, и, кроме того, морды животных отнюдь не напоминают лошадиные. На некоторых кресалах существа обладают короткой тупой мордой, небольшими ушками, посаженные на короткую толстую шею, короткими крыльями, вытянутыми вперед когтистыми передними лапами (рис. 45/2), они находят много общего в изображениях Сенмурвов — крылатых псов на иранской серебряной посуде. На части рукоятей кресал изображается припавшее на передние лапы бескрылое фантастическое животное, в котором комбинируются отдельные части разных животных уральской фауны — медведя, волка или кошачьего хищника, лося или зайца (рис. 45/3-4). Известно также единичное кресало, на рукояти которого изображена бегущая собака с характерным хвостом, закрученным в колечко.

Среди кресал с изображением одного животного выделяется значительная серия предметов, на которых показано животное, обернувшееся назад, и кусающее свой хвост (рис. 46). Любопытно, что на рукоятях таких кресал изображены животные, не свойственные Пермскому Предуралью, заимствованные с изображений на привозных предметах. Своеобразной является и поза животных, хорошо известная в скифском декоративном искусстве, но не имеющая аналогий в период средневековья. В скифских изображениях

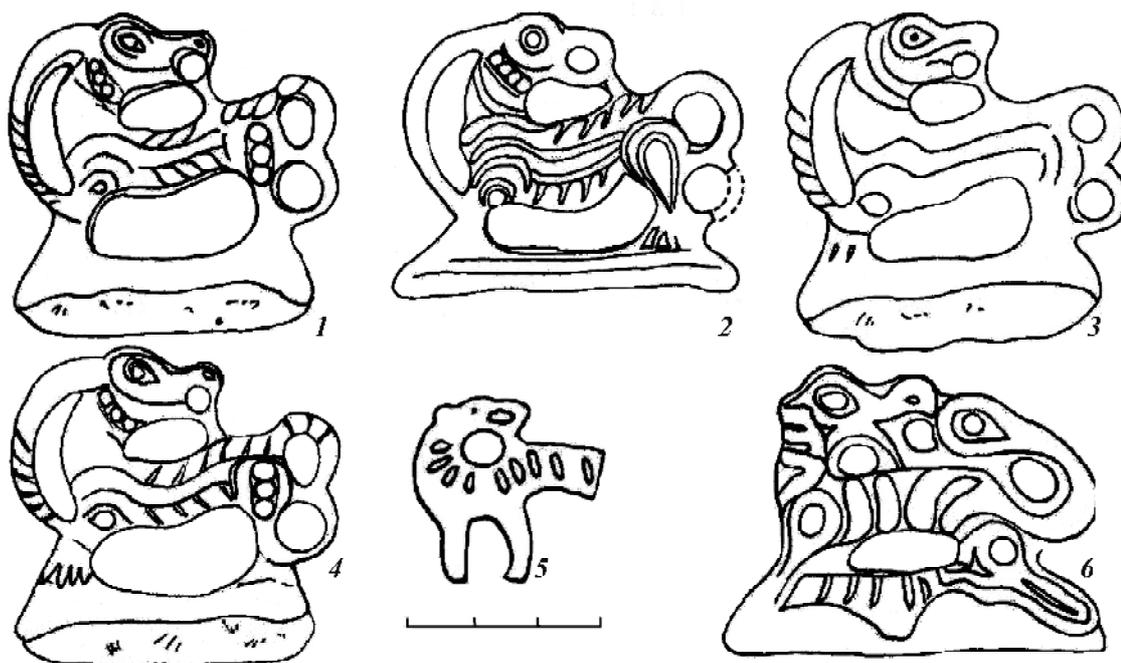

Рис. 46 Биметаллические кресала с изображением животного, обернувшегося назад и кусающего свой хвост: 1 – д. Харина, 2, 4, 6 – М. Аниковский могильник, 5 – Рождественский могильник

такого рода голова и хвост животного уравнивали друг друга с точки зрения композиции, а в тех случаях, когда голова и хвост соприкасались, (как на бронзовых рукоятках средневековых кресал), возможно, выражалась та же идея соединения начала и конца, которая довольно четко представлена в мотиве свернувшегося хищника [Полидович, 2002, с.201]. Среди образов на подобных изображениях известны фигуры рогатого животного (горного козла ?) (рис. 46/1-4). Животные изображены в статичной позе, с запрокинутой на спину головой с округлым носом, миндалевидными глазами, от затылка к передним ногам плавной дугой спускается массивный длинный рог, в большинстве случаев витой. На шее изображено ожерелье в виде полосы с имитацией зерни. Животное двуххвостое (?), один хвост S-образной формы закинут на спину, его конец находится в пасти животного, второй хвост опущен вниз. Таким образом, сзади образуются две округлые петли. Известны рукояти, изображающие кошачьего хищника, обернувшегося назад, и кусающего собственный хвост (рис. 46/5-6). Явно видимые детали на кресалах этой серии — хвост с кисточкой, грива, не оставляют сомнения в том, что это образ льва, который мог проникнуть на Урал с иранской серебряной посуды.

Поза животных, обернувшихся назад и кусающих собственный хвост, известна в скифском декоративно-прикладном искусстве. Но со скифского времени до к. IX — н. X в., когда появляются такие кресала, прошло слишком много времени, пока остается загадкой, откуда проник на Урал этот сюжет, судя по представленным животным явно привнесенный. Любопытно, почему многие животные имеют два хвоста, почему козлы, если представить их без великолепного витого рога, так похожи на львов. Но все это вопросы для отдельного специального исследования.

Кресала с изображением пары животных по принципу зеркального отражения являются наиболее массовыми. Они различаются как по композиции изображения, так и по видам представленных животных. Особую серию представляют кресала, у которых на рукояти животные повернуты головами друг к другу, соприкасаются пастями (сходя-

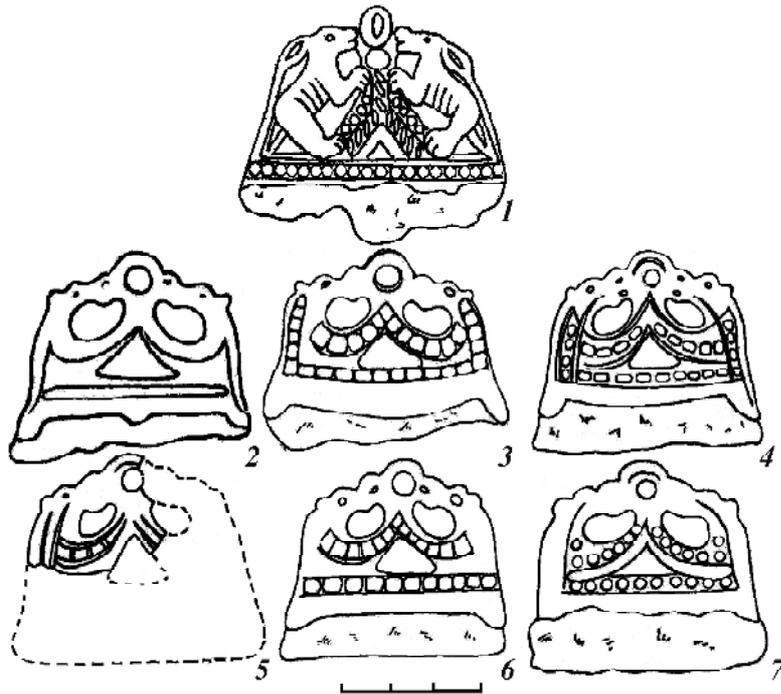

Рис. 47 Биметаллические кресала с изображением пары животных в рост и пары полуфигур медведей: 1, 7 – Рождественский, 2 – Мало-Аниковский, 3 – Мелехинский могильники, 4, 6 – Пермская губерния, 5 – Огурдинский могильник

ловища с поднятыми соединенными лапами (рис. 47/2-7). Ее характерные особенности: головы животных массивные, морда удлинённая, уши маленькие, округлые, глаза обозначены маленьким кружком, вдоль спины, лап, основания рукояти — выпуклые валики. Между мордами животных — большая округлая петля для привешивания кресала. Следующая композиция: изображение двух голов на длинных шеях (протом). Л.А. Голубева, по аналогии, интерпретировала животных на них, как медведей. На наш взгляд, не смотря на значительную стилизацию, ряд особенностей, прослеживающихся в некоторых экземплярах, позволяет расценивать этих животных как коней (рис. 48). Л.И. Липина, сопоставив атрибуты поклонения коню и медведю, выявила много общих черт, и отметила, что некоторая "одинаковость" обрядов в этом почитании подтверждается идентичной трактовкой этих образов в элементах прикамского костюма [Липина, 2006, с.21]. Возможно, что такая близость культов обусловила смешение образов медведя и коня на рукоятях кресал. А.П. Косменко вообще усмотрела в них фантастических существ, не то рептилий, не то сказочных драконовидных животных в виде двух свернутых в кольцо изображений с повернутыми друг к другу головами [Косменко, 1984, с.27]. Общие черты, характерные для данной композиции — длинные изящные шеи животных, с головами, наклоненными друг к другу, обрамляют большие округлые отверстия; в большинстве случаев рты животных раскрыты и соприкасаются верхними и нижними челюстями, образуя округлое, подтреугольное или ромбовидное отверстие для привешивания. В центре основания рукояти в большинстве случаев имеется треугольное, ромбическое или круглое отверстие. По стилю оформления головки животных близки биконьковым подвесками прикамского типа с той лишь разницей, что развернуты они не в разные стороны, а навстречу друг другу.

Другую серию кресал с изображением пары животных по принципу зеркального

щиеся фигуры). В этой серии известна композиция с двумя животными в полный рост в каноническом изображении — на задних лапах, опирающихся на расположенное в центре треугольное основание (рис. 47/1). Между мордами животных — овальная петля для подвешивания кресала. В таком виде на кресалах изображаются пушные зверьки семейства куньих, медведи, бобры и фантастические животные с массивным туловищем, как у медведя, короткими тупыми мордами, длинными заостренными ушами, длинным пушистым хвостом. Другая известная композиция — с двумя фигурами медведей до половины ту-

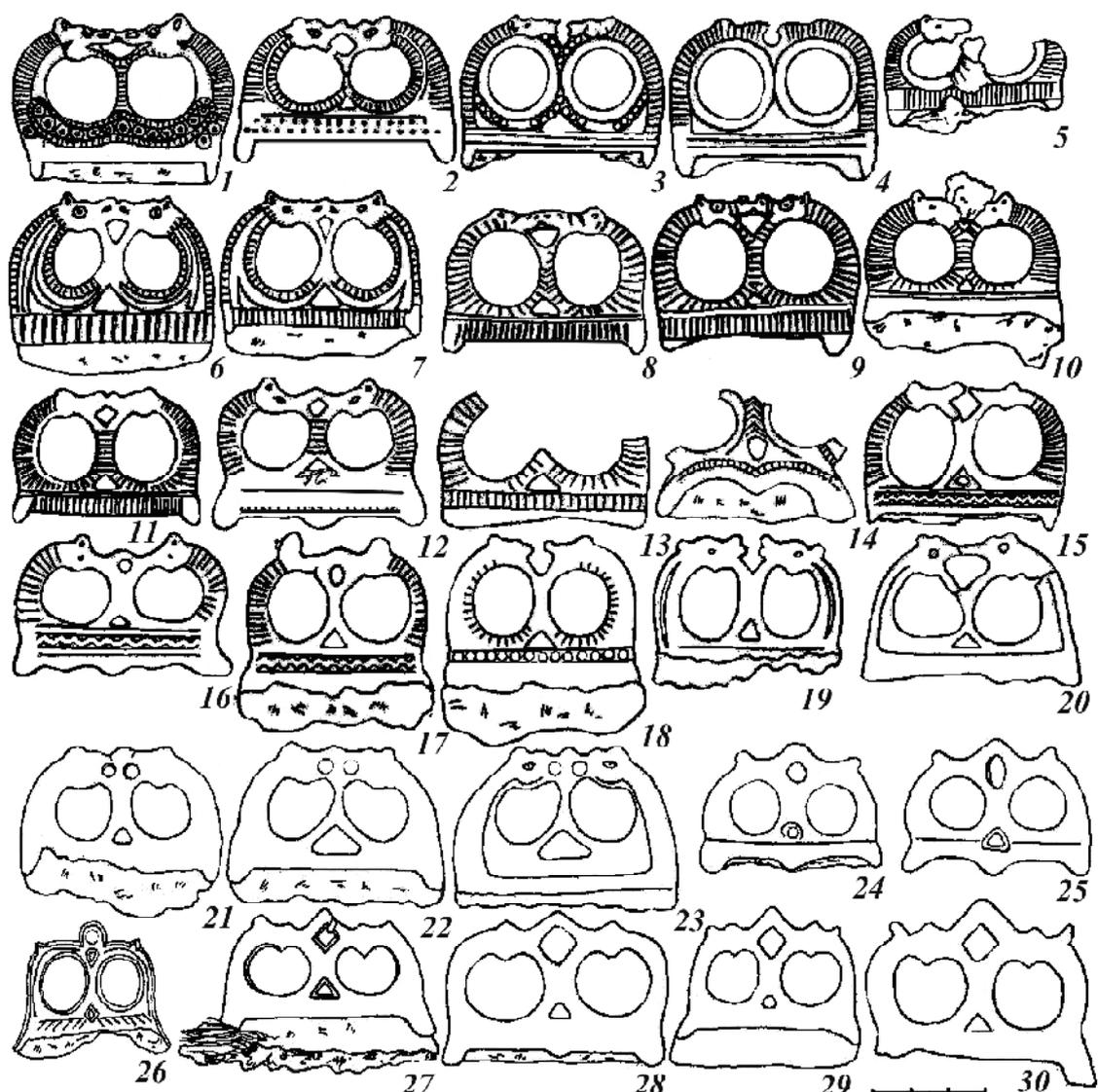

Рис. 48 Биметаллические биконьковые кресала: 1 – с. Н. Мошево, 2, 8, 11, 21-22 – Загарский, 3-4, 12, 16-17 – Степано плотбище, 5, 10, 27 – Баяновский могильники, 6 – д. Федоровщина, 7, 14, 20 – Пермская губерния, 9 – б. Чердынский уезд Пермской губернии, 13 – Анюшкар, 15 – Майкор, 18, 24-26 – Рождественский, 19 – Огурдинский, 23 – Кочергинский могильники, 28 – Редикарский клад, 29 – Пермь, 30 могильник Пыштайн

отражения составляют кресала, на рукоятях которых животные повернуты головами в противоположные стороны (расходящиеся). Среди них известны кресала, рукояти кресал повторяют форму основы шумящих биконьковых подвесок прикамского типа, и кресала с реалистичным изображением двух лебедей, стоящих по бокам от псевдовитого стержня (дерево жизни?), длинные шеи их изящно изогнуты, головы повернуты в противоположные стороны, клювы примыкают к спине.

Среди кресал с изображением на рукояти трех фигур наиболее известны кресала с симметричной композицией — антропоморфная фигура между двумя птицами (рис. 49). Рукояти этих кресал имеют арочную форму, образованную фигурами двух хищных птиц, склонившихся к центральной антропоморфной, антропо-орнитоморфной или зооморфной фигуре; между головами птиц — петля для привешивания, в основании рукояти,

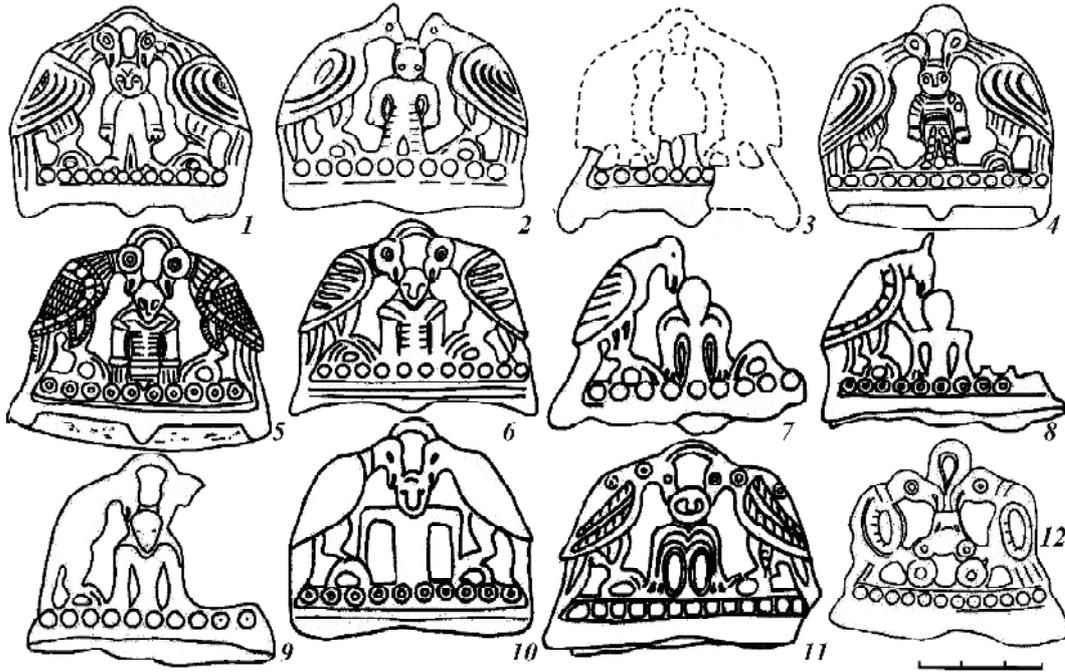

Рис. 49 Биметаллические кресала с антропоморфной фигурой и птицами: 1 - Пермь, 2, 5, 9 - Мало-Аниковский, 3 - Огурдинский могильники, 4 - д. Савина, 6 - Плеховский, 7 - Рождественский могильники, 8 - Пожвинская дача гг. Всеволожских, 10 - Гайнский район Пермского края, 11 - Редикарский могильник, 12 - Чердынский уезд

как правило, — горизонтальный ряд выпуклых концентрических кружков или перлов, в некоторых случаях подчеркнутых снизу 1–2 горизонтальными валиками. Реже встречаются асимметричные композиции из трех фигур. Например, известно кресало из Западной Сибири, у которого на рукояти изображена в центре лосиха (?), которую терзают расположенные по бокам зверь семейства куньих и водоплавающая птица (гусь?).

Композиция из четырех фигур - два всадника - содержит схематичные изображения всадников, скачущих в противоположные стороны (рис. 50). Кресала достаточно стандартны, они имеют подтрапециевидную форму, основание их со стальной пластиной выгнуто дугой, что не наблюдается более ни в одном другом типе биметаллических кресал. Для подвешивания служит петля, повернутая перпендикулярно к пластине рукояти, что также не характерно для биметаллических кресал. Фигуры коней и всадников сильно стилизованы. На более качественных (эталонных) образцах у коней широкая грудь, четко подчеркнуты подбородочный и лобный выступы на голове, ушки заостренные, торчащие; фигуры всадников выделены невысоким рельефом, четко прослеживается линия ног сидящего человека, характерной особенностью

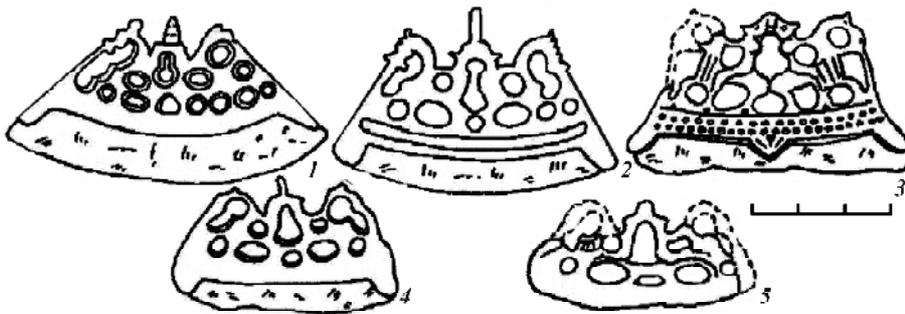

Рис. 50 Биметаллические кресала с всадниками: 1 - д. Савина, 2 - Чердынский уезд, 3 - Кудымкар, 4 - Пермь, 5 - Рождественский могильник

рокая грудь, четко подчеркнуты подбородочный и лобный выступы на голове, ушки заостренные, торчащие; фигуры всадников выделены невысоким рельефом, четко прослеживается линия ног сидящего человека, характерной особенностью

являются длинные заостренные носы всадников. Такие кресала получили наиболее широкое распространение в северо-западной Европе (Норвегии, Швеции, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии, Германии) [Голубева, Варенов, 1993, с.103-104]. В северных районах европейской части России в настоящее время насчитывается 18 кресал с всадниками, из них 5 найдено на территории Пермского края. Лишь немногие образцы могут быть отнесены к стандартным типам, выделяющимся в западной археологии. Большинство предметов представляют собой искаженные отливки, почти утратившие сходство с оригиналом.

К кресалам с зооморфными рукоятями отчасти могут быть отнесены и кресала с *рукоятями арочной формы* (рис. 51/1). Их пока известно всего 4 экземпляра, и лишь на одном в центре изображен вертикальный столб из трех параллельных валиков, по бокам от которого — две птицы (гуси?) с распушенными крыльями.

Реже встречаются кресала с *бронзовыми рукоятями без зооморфных мотивов*.

Среди них наиболее часто встречаются такие, у которых рукоять представляла собой прямоугольную рамку, в верхней части которой помещена горизонтальная трубка-игольник, или, что больше согласуется с назначением кресал — трубка для трута (рис. 51/2). Кроме этого известно пока одно кресало с Рождественского городища с бронзовой рукоятью в виде обоймы (рис. 51/3).

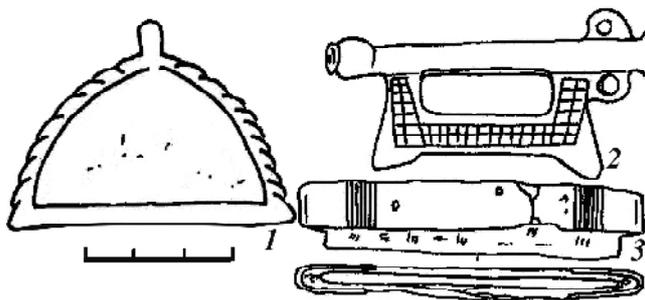

Рис. 51 Биметаллические кресала без зооморфных изображений: 1 – Огурдинский, 2 – Загарский могильник, 3 – Рождественское городище

Биметаллические кресала появились в конце IX в., и в период конца IX — начала XI вв. распространились на обширных территориях от Западной Сибири и Урала до Скандинавии. Вопрос об их происхождении до сих пор не нашел окончательного ответа. Чтобы разобраться в вопросах производства и распространения биметаллических кресал, мы картографировали известные находки этих предметов, и получили весьма интересную картину. На картах отчетливо выделяется несколько основных центров распространения биметаллических кресал. Среди них, прежде всего, выделяются территории Пермского и Удмуртского Предуралья, Западной Сибири (Приобье) и Ветлужско-Вятского междуречья, где массово представлены кресала большинства основных типов. Особое место занимает территория Пермского и Удмуртского Предуралья (Прикамья). Здесь встречены кресала почти всех известных типов. Мнение о том, что первоначальный центр изготовления биметаллических кресал находился именно на этой территории, прочно утвердилось в литературе. Характерной особенностью кресал, встречающихся на территории Пермского Предуралья, являются частые случаи оформления основания рукояти треугольным выступом. На этой территории, безусловно, выделяется ремесленный центр, где производились кресала с особыми характерными чертами — Рождественское городище. Рождественский археологический комплекс отличается как большим разнообразием биметаллических кресал, так и наличием бракованных изделий.

На территории Западной Сибири известны не все виды биметаллических кресал, но, вместе с тем, есть отдельные находки совершенно уникальных кресал, не имеющих аналогов. Большинство встреченных на данной территории биметаллических кресал, с одной стороны, укладываются в общую классификацию, с другой стороны, имеют ряд

отличительных черт – изображения на них более детализированные, четкие, фигуры животных отличаются реалистичностью. Для них характерно изображение глаз в виде крупных концентрических кружков, обязательное выделение ноздрей, четкая проработка ушей, обозначение рельефом мышц. Таким образом, общая стилистика зауральских кресал свидетельствует о наличии особого центра их производства на данной территории. Несомненно, на территории Прикамья и Приобья в период конца IX — первой половины XI вв. жили родственные племена с общими культурными традициями, которые обусловили широкое распространение металлической пластики. К.Г. Карачаров отмечает, что с конца IX в. по обоим склонам Уральских гор, на Нижней и Средней Оби появляются и получают широкое распространение разнообразные бронзовые изделия с зооморфным декором: пряжки, подвески, рукояти, навершия, браслеты и т.д. На указанных территориях набор этих вещей наиболее разнообразен, и складывается впечатление, что место формирования рассматриваемого стиля зооморфной пластики тяготеет к Северному Уралу. Широкое распространение серийных вещей (а также вещей, изготовленных по одной мастер-модели), высокая технологичность отливок свидетельствуют о вероятной немногочисленности производственных центров литья. Сложность выявления этих центров обусловлена тем, что к этому периоду изменилась техника изготовления бронзовых изделий: вместо литья в опоках доминирующим становится литье по выплавляемым (утрачиваемым) моделям [Карачаров, 2002, с.127-128]. Поэтому формы для отливки подобных изделий отсутствуют. Исключение составляют только рукояти кресал с изображением двух стилизованных конских голов, соприкасающихся мордами, которые, по мнению Л.А. Голубевой, отливались в жестких (каменных ?) односторонних формах. Такие формы пока тоже нигде не найдены, но наличие в материалах Рождественского археологического комплекса бракованных отливок рукоятей биметаллических кресал может свидетельствовать о том, что здесь существовал один из центров по изготовлению предметов зооморфной пластики [Голубева, 1964, рис.5].

Находки биметаллических кресал на Крайнем Севере на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте, в лесном Припечорье, святилище на острове Войгач, вероятно, маркируют активное посещение этих мест охотниками из Прикамья и Приобья, а возможно, и поселение отдельных их представителей на северных землях. Это подтверждается наличием многих предметов материальной культуры, типичной как для Прикамья, так и для Западной Сибири, и, в частности, керамической посуды, в которой наблюдается большое сходство с посудой Западной Сибири.

Третий центр, в котором также представлены все основные типы биметаллических кресал — Ветлужско-Вятское междуречье. Вполне вероятно, что значительная часть этих изделий могла поступать сюда по Волжскому торговому пути как из Прикамья, так и с Запада (кресала с всадниками). Но, несомненно и то, что часть предметов производилась на месте. Например, великолепные драконы на кресалах из Дубовского могильника не имеют аналогов за пределами Ветлужско-Вятского междуречья. Но, судя по тому, что иногда в качестве рукоятей кресал здесь приспособлялись основы шумящих коньковых подвесок прикамского производства, можно сделать вывод о престижности (или особой магической силе) изделий именно прикамских бронзолитейщиков.

Следует отметить, что основные места находок биметаллических кресал связаны с Волжским торговым путём. Такие находки известны и в Волжской Болгарии. Е.П. Казаков считает, что, учитывая массовость, стандартность изготовления, наличие незавершенных отливок, можно допустить, что такие кресала изготавливались в самой Волжской Болгарии [Казаков, 1992, с.142]. Но здесь данные предметы представлены только на двух памятниках — в городе Болгаре, и на Танкеевском могильнике, этническая при-

надлежность которого связывается Е.П. Казаковым с урало-прикамским компонентом. Таким образом, логичнее предположить, что население, переселившееся из Пермского Предуралья, принесло эти предметы с собой, или изготовило для собственных потребностей уже на болгарской земле.

Довольно широко биметаллические кресала были распространены в Юго-Восточном Приладожье, но надо отметить, что, в отличие от иных центров, здесь использовались преимущественно кресала с рукоятями, отлитыми в жестких формах, которые могли производиться большими сериями. Среди них — кресала с борющимися медведями в рост, характерные исключительно для веси, и массовые изделия ремесленного производства — плоские "коньковые" рукояти с ромбовидной прорезью между мордами животных.

Совершенно особым центром производства кресал с двумя всадниками является территория Финляндии, откуда данные предметы распространились как в соседние скандинавские страны, так и на восток по Великому Волжскому пути. Одновременно им чуть раньше здесь появились биконьковые кресала, попавшие сюда с восточных земель, и послужившие толчком к созданию собственного оригинального сюжета рукоятей.

Не приходится сомневаться, что кресала с декоративными рукоятями из бронзы возникли у населения Урала. Именно здесь под воздействием иранской мифологии развивается собственная яркая языческая мифология, на основе которой развилось оригинальная духовная, материальная и художественная культура. Здесь любой предмет становился носителем глубокой информации, таинственной магической силы. Вероятно, именно по этим причинам многие изделия прикамских мастеров (зооморфные гребни, копоушки, биконьковые шумящие подвески, биметаллические кресала и т.п.), распространяются далеко на запад вдоль Волжского торгового пути.

Широкой популярности кресал с зооморфными рукоятями способствовал скрытый в них смысл. Расшифровка семантики биметаллических кресал — дело отдельного исследования. Мы попытались расшифровать один из сюжетов — сюжет рукоятей сантропоморфной фигурой и птицами, который прочно закрепился в литературе, как "Один и вороны" [Корзухина, 1977, с.156-162]. Композиция этих рукоятей является иллюстрацией распространенных в Сибири мифов "о разорителях гнезд". Во многих вариантах этих мифов культурный герой спасает птенцов гигантской птицы, и в благодарность она даёт герою оружие для добывания огня [Крыласова, 2006]. Как видим, этот миф гораздо лучше соотносится с самой сущностью кресал, нежели миф об Одине и его ручных воронах.

Что касается иных сюжетов, то, согласно нашему анализу, в них участвуют: кони, медведи, звери семейства куньих, горные козлы, львы, водоплавающие птицы, фантастические драконоподобные существа. Все эти существа (включая медведя, горностаю, водоплавающих птиц) известны как в урало-сибирской, так и в индоиранской мифологии. Все эти образы имеют сложные и многоплановое значение, но между ними есть и нечто общее — они в той или иной степени связаны с космогоническими мифами и культурами плодородия, в них находят отражения представления о всеобщей взаимосвязи мира, объединении миров. *Конь* во многих мифологических системах связан с водой и солнцем [Даркевич, 1976, с.11]. *Медведь* выполняет функцию посредника между миром богов и людей, он — дух земного плодородия и символ мужского начала, он — хозяин того света, олицетворяющий смертность [Лушникова 2004, с.136]. Зачастую медведь выступает как первопредок человеческого рода и культурный герой, одной из заслуг которого, в частности, было принесение людям огня [Мифология манси, 2001, с.115]. *Горный козел* — одна из ипостасей авестийского бога-громовержца Веретрагны, *козлы и дерево* — сим-

вол лунного божества [Даркевич, 1976, с.21]. *Водоплавающие птицы* в мировом фольклоре – символ благополучия, олицетворения семейного счастья и домашнего очага. Птицы, обитающие на "древо всех семян", рассыпают семена над миром [Даркевич, 1976, с.21]. Образ *утки* восходит к древнейшим индоевропейским представлениям о творении мира из водного Хаоса богом-демиургом в облике водоплавающей птицы. В реконструируемом для прауральского уровня космогоническом мифе также повествуется о возникновении земли путем ныряния за ней в воды мирового океана водоплавающей птицы. Н.Д. Конаков отмечает семантическую близость и взаимозаменяемость образов утки и горноста, воплощающих женскую символику и связанных с обозначением демиурга [Конаков, 1996, с.18-20].

Среди фантастических "драконоподобных" образов выделяются *гиппокамп* — крылатый конь-змей, связанный с водной стихией, *Сенмурв* (Симорг) — благожелательное существо, оберегающее от зла, сочетающее в своем облике обитателей всех стихий, — морду собаки, птичьи крылья и рыбий хвост, которое связано с культами плодородия и "мирового древа" [Даркевич, 1976, с.36], из частей различных животных северной фауны создан образ, сопоставимый с "*мамонтом*" — фантастическим существом, известным в мифологии народов Сибири как существо, связанное с водой, которая выступает эквивалентом первобытного хаоса. По поверьям, лось, медведь и щука, достигнув старости, уходят под землю, превращаясь в мамонта, относящегося к категории существ, связанных с водой, которая выступает эквивалентом первобытного хаоса [Мифы народов мира, 1982, т.1, с.233]. При этом лось теряет свои рога и обретает вместо них бивни, которые появляются и у медведя, превращающегося в мамонта; длинные ноги лося, не удобные для подземной жизни, укорачиваются, становясь похожими на медвежьи лапы, и, таким образом, оба этих зверя становятся одинаковыми по виду [Лушников, 2004, с.131–132]. Вероятно, собирательный образ зверя на кресалах с Рождественского могильника, в котором сочетаются туловище медведя, уши лося и длинный пушистый хвост, является ничем иным, как изображением мамонта.

Как видим, большинство образов так или иначе связаны со стихией воды. В верованиях финно-угров, в частности, коми-пермяков, водная стихия во многом тождественна огненной. Вода, в частности, весенний дождь, как и небесный огонь — молния, очищает землю, а вместе с ней и людские души от всякой скверны. Вода, как и огонь, используется в качестве очищающего и оберегающего средства в народной медицине, колдовстве и знахарстве. Причем для пущей уверенности в достижении нужной цели огонь и воду используют одновременно. Например, при обрызгивании водой, в которую бросают горящие угольки, по поверьям легче выводится порча и сглаз [Коми-пермяцкий..., 2000, с.182].

Идеи, изложенные в работе лингвиста А.В. Лушниковой, наводят на мысль, что это вполне могли быть символы созвездий (например: лев, козерог, близнецы — парное изображение коньковых голов), или лунных месяцев, сезонов. Например, Горноста — символ Лета, маркирующий летнее солнцестояние, как наивысшую точку годового пути Солнца, и подчеркивает господствующее положение верховного небесного божества, имевшего изначально женский облик Великой Богини Прародительницы [Лушников, 2004, с.163]. Лев в авестийской космогонии — символ весеннего равноденствия, Нового года; в Сасанидском Иране — зодиакальный знак июля — имел отношение к культу Митры [Даркевич, 1976, с.19, 59]. В календаре древних коми весеннее равноденствие приходится на месяц Медведя [Лушников, 2004, с.154]. Рогатые животные (лось, олень, коза, лань и др.) в мифологических представлениях разных народов мира являются синонимичными образами, наделенными звездно-космической символикой. Причем, зо-

диакальный Козерог, по мнению А.В. Лушниковой, тоже сопоставим с Великой Богиней-Прародительницей [Лушникова, 2004, с.115, 162]. Любопытно, что для индоевропейского языкового ареала характерно функциональное подобие образов рогатых копытных, водоплавающих птиц и зверей семейства куньих (куда относятся горностаи и ласка) [Лушникова, 2004, с.158].

Во всяком случае, совершенно ясно, что на таком важном бытовом предмете, как кресала, не могли помещаться какие-то малозначимые образы. Интересно, что картография находок разных типов биметаллических кресал показывает, что, при безусловном распространении этих вещей исключительно в финно-угорской среде (что отмечалось и ранее), использовались они неодинаково. Так, в землях веси известны только кресала с медведями и "коньками", в Скандинавские страны из Прикамья проник только один тип кресал, а на землях мордвы, мери, коми биметаллические кресала совсем не пользовались популярностью. Не исключено, что это связано как раз со знаковой сущностью данных предметов.

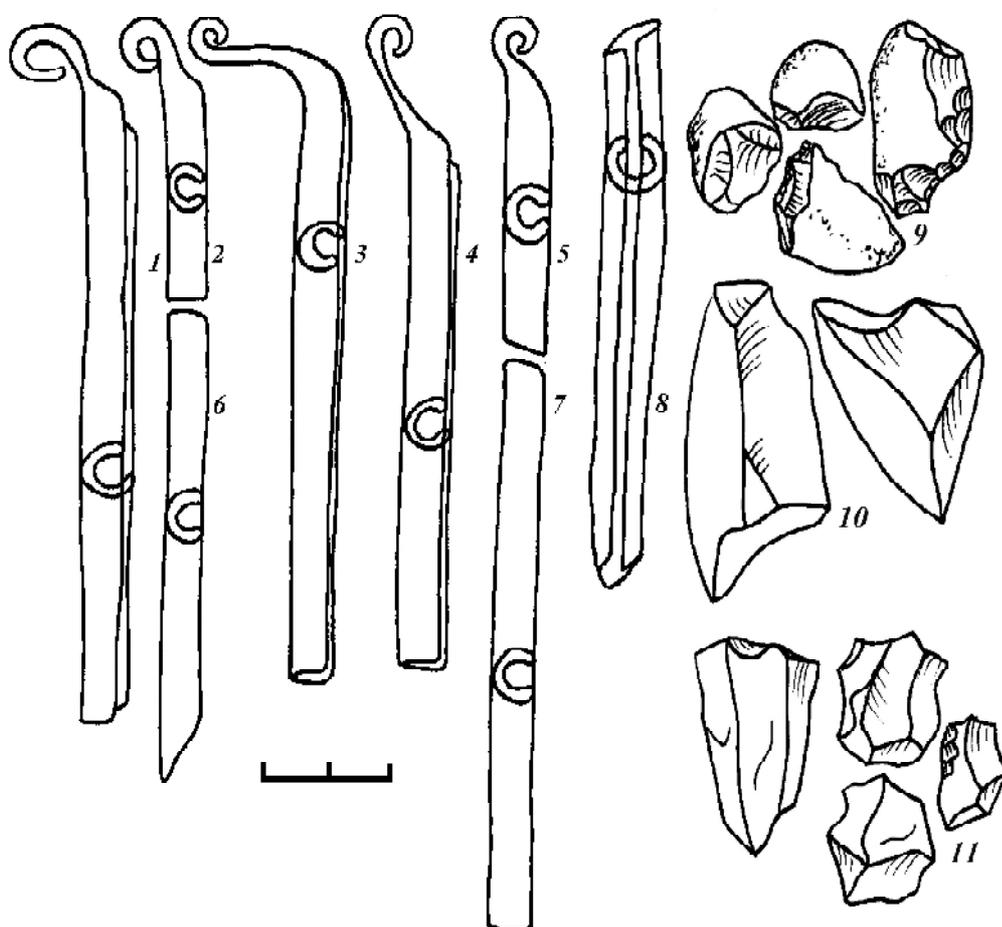

Рис. 52 Трубицы для трута и кресальные кремни: 1-7 – Плесинский, 8-9 – Аверинский, 10 – Рождественский, 11 – Огурдинский могильники

К комплексу элементов огнива относятся также *трубицы для трута*, которые представляют собой металлические пластины, согнутые в трубочку (рис. 52/1-8). Среди них выделяются железные и бронзовые. Среди железных трубиц наиболее выразительными являются длинные (до 10–12 см) тонкие (0,5–0,7 см) трубочки с вертикальным пазом и петлей, закрученной в спираль. На территории Пермского Предуралья они встречены только на Плесинском могильнике. А наиболее распространенными были простые железные и бронзовые трубочки длиной 7–10 см диаметром до 1 см с вертикальным пазом.

Еще один необходимый элемент огнива - *кресальные кремни* (рис. 52/9-11). Кремень — это разновидность минерала кварца скрытокристаллического характера с примесью грубых частиц песка и глины. Кресальные кремни, как правило, имеют подтреугольную или нуклиевидную форму, размеры их в длину 2–5,5 см, в ширину — 2,5–1,3 см. Большинство из них изготовлены из серого кремня, реже они бывают из сердолика. Иногда в погребальном комплексе кремни представлены без кресал, причем их бывает по 2-3. Это дает возможность предполагать, что кроме способа высечения искры ударом камня о сталь, мог существовать и архаичный способ высечения искры ударом камня о камень [Крыласова, 2003, с.90].

Огнива, как в повседневной жизни, так и в погребальной обрядности, наряду с практической функцией наделялись магическими свойствами амулета. Эти представления были широко распространены и у оседлого языческого населения, и у кочевников. О магической силе этих предметов свидетельствуют многочисленные данные этнографии, фольклора, сказки. В эпоху средневековья у многих народов был широко распространен культ огня, и кресало могло выступать как один из атрибутов этого культа, то есть заменителем огня. Чаще всего кресало считалось сильным универсальным оберегом. Например, по поверьям кумандинцев, неправильно захороненные умершие оставались в мире живых, и поздним вечером преследовали в лесу запоздалых путников; считалось, что их можно отпугнуть искрой из огнива. В хантыйских сказках кресальный кремень вместе с гребнем и оселком выступают как магические предметы, обереги. Убегая от погони, герои бросают назад себя эти предметы и возникает преграда для догоняющего; когда бросают кремень — возникает огонь [Мифы, предания..., 1990, с.101-102]. Подобные эпизоды можно встретить и в сказках многих европейских народов, у которых стальные огнива наряду с практическими выполняли и магические функции оберега. Более того, в Скандинавии эпохи викингов и на территории Восточной Европы во второй половине IX–X вв. бытовали миниатюрные серебряные (иногда железные) привески-амулеты, которые копировали форму широко распространенных калачевидных кресал. Они найдены в женских погребениях икладах.

У манси огнива, наряду с топором, ножом, старинной саблей, широко использовались для гадания. Например, при болезни у кондинских манси прорицатель привязывал нож или огниво к одному концу нитки, а второй конец обматывал вокруг кисти руки. Если нож или огниво поворачивались вправо – дело шло к излечению, влево — близилась смерть [Мифология манси, 2001, с.54].

Большое значение огнива, как магического, священного предмета, зафиксировал Л. Штернберг у одного из сибирских народов: "Когда род разделяется, и часть его выселяется в другое место, старший в роде отламывает половину огнива и вручает старейшему из отъезжающих. Этим огнивом переселенцы зажгут на новом очаге огонь на празднике медведя; оно же будет передаваться из рода в род для той же цели. Отсюда выражение "ломать огонь" стало означать расселение рода [Штернберг, 1893, с.6]. Аналогичный обычай отмечен у уличей. Огонь, таким образом, является символом родового единства; с нарушением единства "ломался" огонь [Косарев, 2003, с.163].

Использовались кресала и в погребальной обрядности, причем, это отмечалось еще в недавнем прошлом. К примеру, жители Сибири наряду с другими могильными вещами клали вместе с покойником и "огонь" — обычно в виде огнедобывающего приспособления (огниво, трут и пр.) [Косарев, 2003, с.161]. То есть, в этом случае кресало входит в состав необходимых предметов "дорожного набора", к которому можно отнести основную часть сопроводительного инвентаря в погребениях, равно как и заупокойную пищу, которые помещались в могилу с целью снабдить покойника (душу-тень?)

припасами на период очень опасного и весьма длительного путешествия в нижний мир. В дальнейшем эти вещи могли служить погребенному в стране мертвых так же, как они служили при жизни. Некоторым покойникам клали в могилы подарки для ранее умерших родственников. Однако в тех случаях, когда кресало в погребение клали не в районе пояса этим, вероятно, подчеркивались, прежде всего, его магические свойства. К примеру, в прикамских могильниках кресала, кроме обычного расположения в области пояса, встречаются у груди покойных и в центре могильной ямы. В данном случае кресала, по-видимому, входили в группу инвентаря, предназначенного для того, чтобы оберегать умершего по пути в страну мертвых.

Таким образом, кресала являлись не просто важным бытовым предметом, который находился в обиходе на протяжении почти двенадцати столетий, но и весьма значимым магическим предметом, занимавшим видное место среди ритуальных вещей.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Назовите и опишите древнейшие способы добывания огня.
2. Кратко опишите комплекс элементов огнива.
3. Опишите кресало, его разновидности и истоки его появления на территории Пермского Предуралья.
4. Охарактеризуйте кресала с зооморфными изображениями, бытовавшими на территории Пермского Предуралья.
5. Какие животные изображались на таких предметах? Подумайте, почему именно эти животные?
6. Охарактеризуйте символическое значение биметаллического кресала с изображением антропоморфного существа и хищных птиц.
7. Охарактеризуйте огниво как магический амулет. Попробуйте привести примеры не только из финно-угорских преданий, но и сказок, которые вы знаете.

§ 3. ОЧАГ

В каждом доме есть такое место, где сосредотачивается вся жизнь семьи — *очаг*. Он является неотъемлемой частью понятия "дом", он придает простому убежищу характер жилища, и служит важнейшим признаком присутствия человека. В старых представлениях обских угров жилище, собственно, являлось ничем иным, как костром, огороженным стенами и крышей от дождя и ветра [Мифологическое время, 2003, с.83-87]. Повсеместно очаг служит сакральным центром жилища, обиталищем духов дома и семьи.

С древности для приготовления пищи и обогрева человека служил примитивный костер, а позднее очаг. Причем использование такого простого отопительного устройства фиксируется на протяжении очень длительного времени. Например, у хантов и манси вплоть до XX в. во временных постройках очагом служил костер [Мифы, предания..., 1990, с.9].

В процессе развития прикамского жилища очажное устройство постепенно совершенствовалось. Главным направлением эволюции отопительного устройства был длительный процесс постепенного преобразования простого кострища в очаг открытого, полузакрытого типа и, в конечном итоге, — в печь [Черных, 1998, с.91].

Исследования жилищ саргатской культуры, проведенные группой археологов с при-

менением методов физических наук, позволили определить КПД открытого очага. Согласно их выводам, сооружение в домах открытых очагов дает возможность максимально использовать теплоту, за счет того, что продукты сгорания смешиваются с воздухом помещения, излучение тепла от костра идет во всех направлениях. Но, с другой стороны, и попадание воздуха в открытый очаг выше, что влечет за собой увеличение количества тепла, уходящего с дымом. Поэтому КПД открытого очага составляет всего около 30%. Эксперименты польских исследователей показали, что колебания температур при отоплении жилищ со светодымовым отверстием были очень резкими: пока горел очаг, в жилище было довольно тепло, как только он прогорал, температура резко падала. К тому же тепло от очага распределялось неравномерно — самое теплое место было у костра, а у стен, и особенно у входа значительно холоднее. Т. о., не только временной, но и пространственный перепад температур был довольно существенным. Но это только один из неблагоприятных факторов. Его могли усугублять сквозняки, проникавшие сквозь дверной проем, свето-дымовое отверстие, возможно, окна. Кроме того, при приготовлении пищи неизбежно испарялась часть влаги, что не только приводило к понижению температуры, но и создавало влажность в жилище. Добавляло влажности дыхание обитателей жилища, включая домашнюю скотину, которая в холодный период содержалась в привходовой части. Все это могло отрицательно сказываться на здоровье жителей [Матвеева и др., 2005, с.118–120].

Но население Пермского Предуралья стремилось использовать различные средства для сохранения тепла в помещениях. Одним из них является усовершенствование открытого очага путем использования в его конструкции большого количества глины и камней. Еще М.В. Талицкий недоумевал, с какой целью место очага выкладывалось глиной, ведь при отсутствии деревянного пола можно было разводить костер прямо на земле [Талицкий, 1951, с.39]. Р.Д. Голдина объяснила это особой традицией прикамского населения, по ее наблюдениям, глинобитные основания очагов — типичная черта прикамских жилищ на протяжении длительного периода, они известны еще с раннего железного века (ананьинская культура). В жилищах гладеновской культуры существовали очаги на глиняных подушках, заключенных в деревянную раму или обставленных камнями [Голдина, 1985, с.89]. Постепенный рост глиняной основы очагов привел к распространению многослойных глинобитных очагов, а также и глиняной обмазки всего пола жилого помещения. По мнению Е.М. Черных, утяжеление массы очага за счет использования глины и прослоек из галечника и каменной кладки повлекла за собой необходимость как можно дольше сохранить тепло в очаге [Черных, 1998, с.91]. Жители Пермского Предуралья за счет этого в некоторой степени устраняли один из неблагоприятных факторов использования открытого очага. После его прогорания разогретая глинобитная подушка еще на протяжении определенного времени продолжала обогревать жилище, что исключало резкий перепад температур.

С возрастанием роли пашенного земледелия и скотоводства и, следовательно, с упрочением оседлого образа жизни, увеличивается длительность эксплуатации очагов. Археологические раскопки родановских жилищ наглядно свидетельствуют о неоднократном обновлении очагов, многочисленных подмазках их глиной, в результате чего росла масса глинобитного основания. Как правило, при раскопках очаги представляют собой яркие пятна прокаленной глины. Прожженная и распавшаяся на комья поверхность глины вместе с покрывающим ее слоем золы и углей перекрывалась свежим слоем глины. Такие подмазки повторялись неоднократно, и иногда они образовывали толщину до 70 см, состоящую из чередующихся прослоек золы и прожженной до кирпичного и даже белого цвета глины. Рост высоты родановских очагов происходил постепенно,

начиная с уровня земли. Подобные остатки известны в ломоватовское время, а на городищах родановской культуры такие очаги были распространены уже повсеместно. В более позднее время глинобитный очаг в родановском жилище иногда заключался в деревянную раму — сруб, предохраняющий глину от расползания. Такой высоко поднятый над землей очаг, с одной стороны, был удобнее во время приготовления пищи, с другой стороны, поднятый на уровень нар, как в древних мансийских жилищах, он лучше выполнял отопительную функцию.

Для лучшей аккумуляции тепла в конструкции очагов помимо глины применялся камень. Глиняные очаги с дополнительной обкладкой камнями встречаются в Пермском Предуралье на протяжении всей эпохи средневековья. Например, очаги Опутятского городища харинского времени имели дополнительные наземные конструкции в виде облицовки из камней песчаника. В.Ф. Генинг отмечал часто встречающиеся обожженные камни в засыпи ям, где последние могли оказаться в результате разрушения верхней части очагов [Генинг, 1980, с.99-107]. Устройство очагов с каменной кладкой известно и позднее. На Родановом городище в одном из жилищ верхнего слоя обнаружен очаг, представляющий собой площадку, вымощенную крупным камнем, — как бы отрезок короткой дороги. Камни лежали на глиняной подушке, затем снова перекрывались глиной [Талицкий, 1951, с.41]. Подобное устройство очагов из глины с использованием крупных камней известно на Саломатовском городище X–XIII вв., на селище Телячий Брод XII–XIV вв., вплоть до этнографического времени. Так, у манси в конусообразном жилище очаг был выложен из камней в форме овала [Мифология манси 2001, с.10].

Кроме напольных глинобитных очагов, получивших широкое распространение в жилищах Пермского Предуралья, существовали и очаги, поднятые над землей на помосте. Их наличие довольно сложно зафиксировать археологическими методами, поскольку провал под помостом не образуется, и свидетельством существования подобного очага может быть только скопление кусков обожженной глиняной обмазки. Достоверная информация о существовании такого рода очагов получена при раскопках жилища VIII в. на селище Запоселье I. Здесь в жилой камере жилища находилось две столбовые конструкции, расположенные по центральной оси сооружения. Первая конструкция имела форму прямоугольника размерами 1,8 x 2,35 м, вторая - квадрата конструкция с длиной сторон 1,4 м. На наш взгляд, эти конструкции являются основанием поднятых над полом на помосте очагов или даже печей типа *чувала*. Эта точка зрения основана на том, что в данной части жилища в заполнении встречены многочисленные куски обожженной глиняной обмазки, да и слой заполнения насыщен мелкой ярко-оранжевой керамической крошкой, происходящей от разрушенной печной обмазки. Кроме того, в районе данных сооружений встречено множество крупных неорнаментированных прокаленных фрагментов керамики толщиной до 2 см с очень слабым изгибом стенок. С одной стороны, можно предположить, что это обломки очень большого сосуда. Но, с другой стороны, судя по тому, что нигде на других участках селища подобных фрагментов керамики не встречается, можно интерпретировать их как фрагменты отдельно вылепленного и поставленного на основание свода печи. Полученные данные, вероятно, помогут по-новому взглянуть на материалы исследования ряда средневековых селищ, где, с одной стороны, выделяются крупные сооружения, которые вполне могли являться жилищами, но, с другой стороны, отсутствие в них очагов в привычном для археологов виде не позволяет интерпретировать их как жилые постройки.

Как было упомянуто, поднятые над полом отопительные сооружения запосельского жилища можно интерпретировать и как открытые очаги типа камина (*чувала*). Это предположение основано на том, что столбовые конструкции в них с трех сторон распола-

гаются в две линии, т.е. один ряд столбов мог использоваться как опора помоста для очага, а второй – как жердевой каркас каминной трубы, обмазанной глиной. Россыпи кусков обожженной глины и столбовые конструкции встречаются и на других памятниках Пермского Предуралья, но пока специального всех этих остатков не предпринималось, поэтому сложно судить о том, в какой мере здесь могли быть распространены чувалы пока сложно.

Чувалом, сплетенным из прутьев и обмазанным глиной, отапливались и освещались постоянные жилища хантов и манси [Мифология манси 2001, с.10; Мифы, предания... 1990, с.9]. Его традиционное устройство таково: из длинных жердей, обмазанных глиной, делали трубу диаметром около 80 см. Спереди половину трубы срезали, образуя камин с отверстием в 70–80 см. Чувал устраивали на земляном или дощатом фундаменте. Чувал близок открытому очагу, он также отдает теплоэнергию излучением, но только в одну сторону. Исследования, проведенные группой новосибирских ученых, показали, что КПД камина несколько ниже, чем у открытого очага. Это объясняется тем, что в открытый проем камина попадает в 10–20 раз больше воздуха, чем требуется для горения, воздух забирает часть тепла и уносит его в атмосферу через трубу. Если необходим постоянный обогрев помещения, камин нужно непрерывно топить, а это требует большого количества топлива. В целом КПД камина составляет до 20–25%, т. о., если сравнивать с показателями обычного открытого очага (КПД 30%), то незначительно меньше [Матвеева и др., 2005, с.118–119]. Но, с другой стороны, исследователи не учли такой фактор, как аккумуляция тепла в основании и толсто обмазанных глиной стенках камина-чувала, за счет чего КПД открытого очага и камина могут примерно сравняться.

Дальнейшая эволюция отопительного устройства приводит к появлению *глинобитных печей*. Остатки такой печи выявлены, например, в позднем слое Анюшкара, в виде развала в одном из углов дома [Бадер, Оборин, 1958, с.203]. Судя по тому, что в XI в. появляются керамические валики-подставки для установки круглодонных сосудов на плоскую поверхность, среди которых выявлены и предметы, устанавливавшиеся на печи (возможно, как конфорки), можно полагать, что именно в это время появляются первые печи. Как считает Е.М. Черных, прикамские глинобитные печи — это скорее продукт собственного местного развития, нежели заимствованные от пришлого русского населения [Черных, 1992]. С этим, безусловно, следует согласиться, так как в XI в. контакты с русским населением были еще эпизодическими, а переселение русских в Прикамье началось не ранее XII века. Однако полностью отрицать заимствование глинобитных печей от некоего пришлого населения нельзя, так как множество фактов свидетельствует о притоке в Пермское Предуралье со второй половины XI в. населения финского облика и смешанных славяно-финских групп колонистов с западных территорий. Завершился процесс развития местных глинобитных печей уже с приходом сюда русского населения, принесшего более совершенные технические приемы устройства печей, к восприятию которых местное население было вполне подготовлено.

Возникновение и развитие печи имело особое значение не только для отопления, но и для целого ряда производственных технологий (хлебопечение, обжиг керамики и т.д.). Печь представляет собой закрытое место для огня, которое дает людям возможность использовать его в самых различных интересах. Особую роль играло использование печей для приготовления пищи. От печи произошли устройства для обжига керамических изделий, плавки минералов и металлов. Первоначально опорная поверхность печи была единой, и предназначалась для огня, золы, выпекаемых блюд и сосудов для варки пищи. После затухания яркого пламени тепло печи используется для выпекания хлеба или приготовления блюда внутри нее.

Отопительные и многоцелевые печи, действующие по принципу теплосборника, со

времени средневековья позволяли постоянно или, по крайней мере, временно сохранять тепло без дыма в жилых помещениях. Нагревание помещения без дыма было возможно в том случае, когда печь устанавливалась таким образом, чтобы ее фасад с отверстиями для топки и дыма выходил через стену комнаты в переднюю, куда попадал весь дым, и откуда топилась сама печь. Соединение печи с дымоотводом происходило постепенно, сначала дым просто выводился из жилого помещения через двери, щели в кровле, а в период позднего средневековья появился дымоотвод, выводящий дым через крышу.

Нужно отметить, что этнографический отряд КАЭЭ ПГПУ зафиксировал в ряде районов Пермского края своеобразный тип глинобитной печи. Это прямоугольная печь небольших размеров (1,65 x 1,30 x 1,40 м), установленная на полу или специальном каркасе из столбов или в виде небольшого сруба, установленном на земле, и поднимающем печь до уровня пола. Печь настолько мала, что на ней, в отличие от традиционной русской печи, редко устраивалась лежанка. Шесток, выдвинутый вперед в среднем на 0,45 м, в таких печах остается открытым. Для сбора дыма над ним устраивался железный кожух в виде воронки, соединенный с прямой трубой, выводящей дым на крышу [Крыласова, 1988, с.35-36]. Таким образом, данная печь представляет собой ни что иное, как соединение известной с периода средневековья традиционной прикамской глинобитной печи, которая топилась по-черному, с каминным дымоходом, как у угорского чувала. Такие печи сохранились, в основном, в среде старообрядцев. Не исключено, что, переселившись в Предуралье, старообрядцы заимствовали у коренного населения (а они заняли, главным образом, те земли, где по письменным источникам фиксируется присутствие вогуличей-манси) местный тип печи, и в силу консерватизма бытовой культуры сохранили его вплоть до конца XX века.

Таким образом, мы можем утверждать, что население Пермского Предуралья в эпоху средневековья стремилось использовать различные средства для создания и сохранения тепла в жилых помещениях. В эволюции очага отчетливо прослеживается тенденция увеличения толщи его основания с использованием глины и камней, аккумулирующих тепло, тенденция поднятия очага на уровень нар, что способствовало лучшему обогреву жизненно важного пространства, и, наконец, этот процесс завершился появлением черной глинобитной печи. Появление глинобитной печи относится к периоду не ранее рубежа XI–XII вв., и, вполне возможно, было связано не только с эволюцией местного отопительного устройства, но и с новыми бытовыми традициями, привнесенными пришлым населением. Одновременно существовала и проблема вывода дыма из помещения. Свето-дымовая щель в крыше в условиях сурового климата вызывала излишнюю трату топлива и способствовала быстрому охлаждению помещения. Поэтому уже, возможно, в VII–VIII вв. появились очаги типа камина с прямым дымоходом, а впоследствии, когда появилась глинобитная печь, аналогичный дымоход приспособили и для нее.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. *Охарактеризуйте практическое и символическое значение очага в средневековом жилище на территории Пермского Предуралья.*
2. *Что представлял собой глинобитный очаг в эпоху средневековья на территории Пермского Предуралья?*
3. *Какова конструкция и использование очага на помосте?*
4. *Была ли известна средневековым жителям Пермского Предуралья печь? Если да, то приведите доказательства, и опишите ее предполагаемую конструкцию.*

§4. ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ

У многих народов дневной свет проникал в жилище через окна, двери, дымовые отверстия. В местах с холодным климатом световые отверстия затягивали бычьим пузырем, а зимой в окно вставляли пластинку льда. Так, например, известно, что манси зимой закрывали окна своих срубных жилищ льдиной, а летом затягивали брюшиной оленя [Мифология манси, 2001, с.10]. Тем не менее, большую часть дня внутренность дома оставалась темной. Искусственное освещение жилища с древнейших времен осуществлялось с помощью костра, позднее — очага. В качестве светильников применялись черепки сосудов, в которых поддерживали небольшой огонь.

В эпоху средневековья на территории Восточной Европы известны *осветительные приборы*, которые делятся на три основные группы: масляные светильники-жирники, подсвечники, светцы-лучинодержатели.

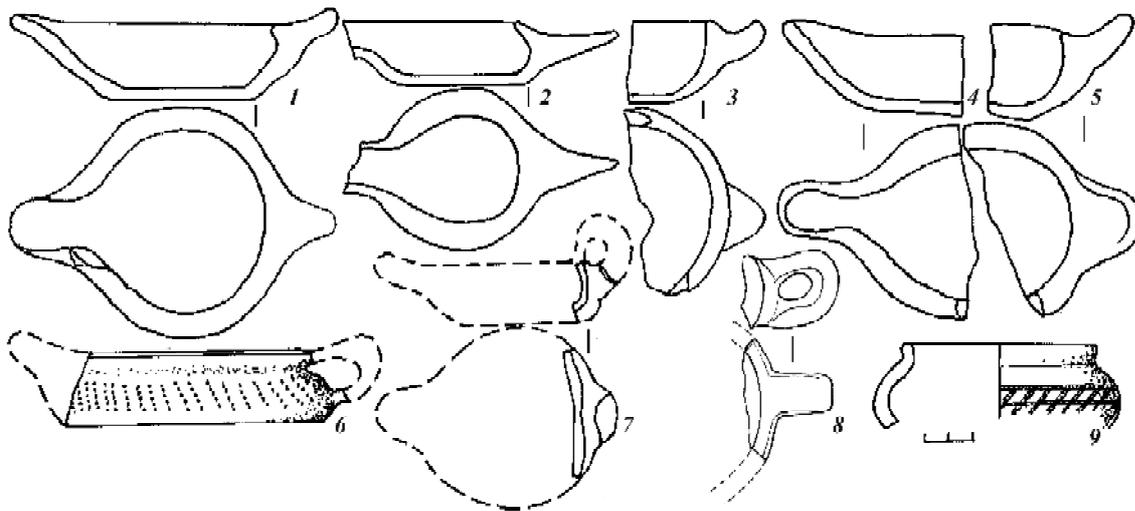

Рис. 53 Керамические светильники-жирники: 1-6, 8-9 – Анюшкар, 7 – Рождественское городище

Масляные светильники (или жирники) известны достаточно давно, на ранних этапах в качестве жирников могли использоваться каменные или деревянные плоски, раковины моллюсков, позднее — черепки керамической посуды. В эпоху раннего железного века уже хорошо известны специальные плоски. В них наливался жир, в котором плавал горящий фитиль из лоскута или мха (например, в саргатской культуре). Такое приспособление сохранялось и в этнографическое время у жителей Сибири. Причем жирник служил не только источником света, но и источником тепла, с его помощью могли обогревать отдельные части жилища – спальные места, комнаты. Судя по этнографическим данным, когда горел жирник, в пологе на спальном месте было настолько тепло, что можно было раздеваться до пояса [Матвеева и др., 2005, с.115].

В Пермском Предуралье в качестве масляных светильников вполне могли использоваться маленькие керамические плоски, которые в небольшом процентном соотношении присутствуют в большинстве керамических комплексов средневековых поселений, начиная с раннего времени. На многих из них имеются следы нагара, свидетельствующие о том, что эти миниатюрные сосудики были предназначены отнюдь не для питья, как можно было бы предположить. Одна из анюшкарских миниатюрных чашечек с нагаром изнутри и снаружи, имеет на стенках следы маслянистой накипи, это может свидетельствовать об использовании и такого рода посуды в качестве светильников-жирников.

Еще в греко-римскую эпоху получили широкое распространение глиняные светильники-жирники с носиком и ручкой. Подобные светильники известны и на Руси, причем, исследователи отмечают, что основная масса их происходит из южных районов, т. е. связь с традицией, идущей из городов Северного Причерноморья, несомненна. Распространенные на Руси масляные светильники отличались большим разнообразием [Розенфельдт, 1997, с.11]. С X в. масляные светильники в виде невысокой глиняной площадки с носиком-желобком и ручкой получили широкое распространение и в Волжской Булгарии. Они характерны, в основном, для домонгольского времени, хотя продолжали использоваться и в золотоордынский период, но были уже не столь массовыми. Традиции изготовления таких светильников, по мнению исследователей, связаны с городскими центрами Средней Азии [Кокорина, 2002, с.71,145]. Подобные светильники в форме низких мисок с загнутым внутрь краем и ручкой в виде длинных выступов или петли известны и на Руси, преимущественно в Киеве, а также в Смоленске, Полоцке, Новгороде, Любече [Розенфельдт 1997, с.11].

На территории Пермского Предуралья довольно представительная коллекция подобных светильников собрана на Анюшкаре и Родановом городище (рис. 53). Все они довольно стандартной формы, что может свидетельствовать об их производстве на месте одним ремесленником — выходцем из Волжской Булгарии, который распространял свою продукцию на незначительной территории. На расположенном неподалеку Рождественском городище в весьма представительной коллекции болгарской керамики имеется только один фрагмент подобного светильника. Преобладающими были светильники с рукоятью в виде уплощенного подтреугольного выступа. Реже встречаются светильники с рукоятью в виде петельки.

Для освещения широко использовались *лучины* и *факелы*. Они требовали надежных подставок, держателей, водяных резервуаров для гашения отлетавших искр и угольков и других приспособлений.

Светцы (рис. 54) являются самым популярным приспособлением для установки лучин. Простейшие светцы представляли собой развилку с двумя-четырьмя рожками из кованого железа на одном конце и с "пятником" — острием — на противоположном конце. Светец втыкали острием в щели бревенчатой стены, а между рожками развилки укрепляли горящую лучину. Этнографические материалы свидетельствуют, что светцы также устанавливали на невысоких деревянных подставках, их можно было переносить, ставить на лавку или стол, что было гораздо удобнее. Лучины, как один из самых доступных источников света, бытовали в деревнях вплоть до начала XX в., хотя уже существовали новые источники освещения. Как свидетельствуют этнографические материалы, заготовленные для лучины смолистые плашки

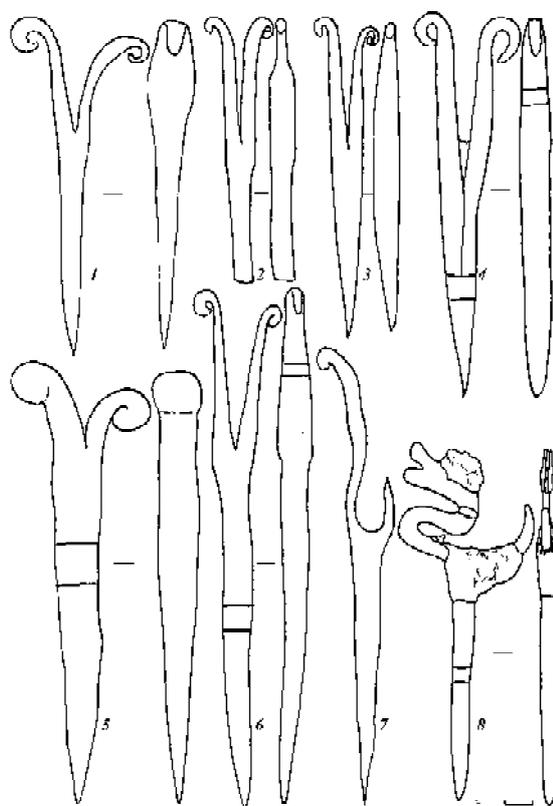

Рис. 54 Светцы: 1 – селище Телячий Брод, 2-3 – Искор, 4, 6 – Редикарское городище, 5 – Эсперово городище, 7-8 – Нижние Чусовские городки

приносили в избу, клали на ночь в печь для просушки, а утром специальным ножом — лучинником — щипали лучину. Гореть лучину было заставить непросто, нужно было держать ее наклонно, горящим концом вниз — иначе погаснет. Поэтому горящую лучину стали закреплять в специальной подставке — светце.

Наиболее ранние светцы появились еще в XI в., но массовое их употребление началось с XIII века. В Пермском Предуралье на археологических памятниках найдено небольшое количество железных светцов для установки лучин. Все они — однолучинные. Среди них наиболее известны вилообразные с завитками на концах планок. Самым ранним из них является светец, обнаруженный на селище Телячий Брод XII–XIV вв., они известны также на Редикарском, Искор, Эсперовом городищах, в Нижних Чусовских городках. Судя по датировке памятников, они датируются XIII–XV веками. В XV в. светцы стали делать с тремя пружинами, сразу для двух лучин, у них держащая часть выковывалась в форме прямого стержня с двумя прижатыми к нему фигурно изогнутыми в виде бутона пластинами. Во всяком случае, в Орле-городке в слое XVI в. обнаружены именно такие светцы [Бадер, Оборин, 1958, рис.58/1]. У одного из светцов, обнаруженного в Нижних Чусовских городках, держатель лучины оформлен в виде фигурки водоплавающей птицы. Подобные светцы встречались в Новгороде в слоях XIV–XV вв.

В Пермском Предуралье обнаружены и детали хоросов (рис. 55). Хоросы — подвесные светильники в виде металлических обручей в 1–3 яруса, предназначенные для установки свечей, использовались с X–XII вв. в храмах, реже в парадных палатах знати. В Волжской Булгарии хоросы использовались как осветительный прибор в мечетях. Наличие его детали на Рождественском городище в сочетании с находками фрагментов муравленой черепицы, применяемой для покрытия крыш мечетей, наличие мусульманского кладбища, явно указывают на возможное нахождение мечети на Рождественском городище. С уверенностью можно говорить о том, что это — самая ранняя мечеть в Пермском Предуралье.

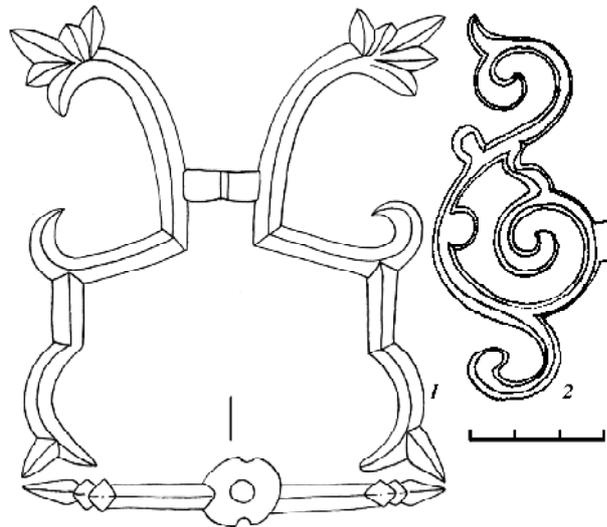

Рис. 55 Детали хороса: 1 – Рождественское городище, 2 – коллекция Теплоуховых

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Какими способами проникал свет в жилище.
2. Опишите масляные светильники (жирники) на разных этапах эпохи средневековья на территории Пермского Предуралья. Объясните принцип их работы. Как их можно отличить от простой керамической посуды.
3. К какому периоду относится появление разных видов светцов на территории Пермского Предуралья, в каких археологических памятниках они встречены?
4. Опишите хорос. С какими этно-культурными явлениями связано появление хоросов на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья.

Подводя итог, следует отметить, что у средневекового населения Пермского Предуралья сложилось особое почтительное отношение к огню. Это подтверждается как явным присутствием культа огня (который прослеживается в погребальном обряде, в производственной магии, в быту), так и наличием особых кресал-амулетов с пластическими бронзовыми рукоятями.

В быту огонь использовался, главным образом, для обогрева и освещения жилища, приготовления пищи. Следует отметить, что в Прикамье уже с ранних времен сформировалась весьма прогрессивная форма домашнего очага открытого типа. Для аккумуляции тепла он устраивался на мощной глинобитной подушке, нередко заключенной в деревянную раму. Еще более получаемый эффект усиливался за счет добавления в очаг камней, которые либо выстилали дно, либо располагались по контуру очага. Отопительные функции такого очага увеличивались и за счет его подъема до уровня нар. Кроме очага открытого типа в пермском Предуралье можно предполагать и наличие отопительного устройства типа камина (чувала), которое фиксируется уже с VIII в., но наиболее распространенным, вероятно, становится в тот период, когда очаг переносится в угол или к одной из стен, в этом случае выход дыма через свето-дымовую щель в кровле жилища становился затруднительным, и камин с трубой мог решить проблему вывода дыма из помещения. В поздних родановских жилищах появляются первые глинобитные печи.

Для освещения жилища кроме очага служили масляные светильники-жировики, на ранних этапах в виде маленьких лепных керамических плошек, а в XI–XIII вв. и в виде специализированных керамических светильников болгарского типа. С XIII в. в обиход вошли железные светцы — лучинодержатели.

Подчеркнем, что разнообразные новшества (печи, светильники, светцы) появляются, в первую очередь, у населения крупных городищ, имевших возможность приобщения к инокультурным традициям, наблюдаемым у пестрого состава разного рода пришельцев и переселенцев (торговцев, ремесленников). "Городское" население, вероятно, было менее консервативным в плане строго соблюдения этнических традиций, и, в силу этого, более склонно к новациям.

ТЕМА 6. КОСТЮМ И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ

§ 1. ФУНКЦИИ КОСТЮМА

Одежда — это один из наиболее важных разделов культуры жизнеобеспечения, она равноценна по значению таким разделам, как пища и жилище. В понятие "*одежда*" традиционно включаются исключительно утилитарные составляющие: собственно покровы тела, головные уборы и обувь. Историков же, главным образом, интересует не столько одежда, сколько костюм древних этносов. В широком смысле "*костюм*" — это все, что надевает на себя человек. Сюда помимо одежды, обуви и головных уборов, входят разнообразные детали и украшения, в том числе, косметика, татуировки и прически. В более узком смысле "*костюм*" — это устойчивые, типичные, общепринятые формы одежды для данного этноса, социальной группы, эпохи. То есть — это конкретный комплекс, состоящий из одежды, обуви, головного убора, украшений и прически, принадлежащий определенному слою людей. Именно в данном смысле костюм представляет для нас особый интерес.

Одежда появилась на ранних этапах человеческой истории. Защищая человека от нежелательного воздействия природной среды - от холода или жары, от снега, дождя, ветра, она обеспечивала в значительной мере его существование. Таким образом, одежда выполняла важную функцию, которую условно можно назвать утилитарной.

Вероятно, одной из самых ранних функций костюма являлась магическая. Есть основания предполагать, что магическую функцию костюм выполнял еще задолго до того, когда получил утилитарное назначение как средство защиты от непогоды. На ранних ступенях истории человек жил только в теплом климате, где не было большой необходимости в одежде как таковой. Потребность защитить себя от воздействия необъяснимых сил природы, от сверхъестественных явлений появилась раньше, чем необходимость защитить себя от холода и ненастья. Тогда и возникли разного рода амулеты, с помощью которых человек стремился слиться с окружающим миром, стать своим среди животных и птиц, обрести поддержку добрых духов и защиту от злых. Человек представлял, что, надев на себя шкуру животного, он обретет качества этого животного. Такое же действие могли оказывать зубы и когти, кости и перья, а также другие части животных, птиц и рыб, в которых стремился перевоплотиться человек. Сама одежда сопоставлялась у людей со звериной шкурой. Этнография народов Сибири, например, фиксирует строгое соответствие деталей одежды человека частям шкуры животного. Головные уборы шились из шкуры с головы оленя, наплечная одежда - из спинной части шкуры, рукавицы из камусов с передних ног, обувь из камусов с задних ног. "Перевоплощение" человека в животное широко использовалось не только охотниками, чтобы незаметно подойти к стаду, но и другими членами общества для различных целей, например, чтобы приобрести быстроту оленя, силу льва, зоркость орла и т.п. Причем магическое использование одежды для приобретения необходимых качеств фиксировалось еще совсем недавно. Например, у удмуртов известны случаи хищения бездетной женщиной рубахи многодетной и надевания ее на себя для того, чтобы перенять детородные способности. Иногда вся одежда человека в целом представлялась оберегом. Например, известен такой факт, что в районе Перми русские не спали голыми в убеждении, что нечистая сила очень падка до голых людей. Когда на первый план вышла утилитарная функция костю-

ма, сохранилось множество элементов, выполняющих магическую функцию. Особенно большое количество магических элементов было в костюме замужних женщин. Некоторые украшения-амулеты должны были усиливать детородные способности женщины, другие защищали плод в утробе матери, третьи предохраняли от болезней и порчи. Были и специальные украшения, которые наделялись способностью огораживать окружающих от неблагоприятного воздействия женщины, так как она считалась у многих этносов существом грязным, связанным с нечистой силой.

В древнем обществе чрезвычайно важно было правильно оценивать человека - враг он, друг или потенциальный брачный партнер и т.д. Поэтому костюм стал выполнять и дифференцирующую функцию. Пока человек жил почти что звериной жизнью, он не чувствовал необходимости в каких-либо отметках на теле. Первые знаки появились как результат, хотя и очень незначительного, расслоения внутри первобытного общества. Уже в древнейшем обществе, на заре человеческой истории, появились отличия в костюме наиболее опытных и удачливых охотников, в костюме старейшин, имевших приоритет при дележе добычи. Постепенно вырабатывались определенные знаки, демонстрирующие принадлежность к данному роду или социальному рангу. Выделился предводитель, разделились общественные функции мужчин и женщин - и эти социальные процессы породили необходимость на теле человека знаков отличий. Костюм и является с момента своего зарождения до самых поздних своих форм - социальным знаком отличия этнических, половозрастных, социальных, профессиональных групп и т. п. Наличие знаковой, дифференцирующей функции костюма отмечают практически все исследователи, занимающиеся этим элементом материальной культуры. По мнению этнографа Н.И. Гаген-Торн, "так называемые "украшения" одежды возникали не из стремления к красоте..., а создавались как знаки, помогающие определить положение человека и его принадлежность к определенной родовой группе... "Украшения", то есть отметка одежды, принимались как связь человека с его родовой группой: с ее видимой, живущей на земле частью, так как по этим знакам можно узнать сородича и защитить его в случае нужды; и невидимой частью рода, предками, так как эти знаки призывают их и послужат защитой от враждебных, чужих, невидимых сил" [Гаген-Торн, 1960, с.3-4]. Н.М. Тарабукин считает, что костюм, с одной стороны, является внешним знаком, обнаруживающим и подчеркивающим дифференциацию общества на группы, сословия, классы, а с другой стороны, поскольку платье объединяет путем внешних признаков в единое целое те или иные социальные слои, костюм является и знаком сплочения общественных индивидов в социальные группы [Тарабукин, 1994, с.14]. "Одежда - социальный знак, метка, обозначающая место данного индивидуума в общественной системе, - отмечал С.А. Токарев, - ... одежда объединяет людей одинакового социального (в том числе и этнического) статуса, она служит интегрирующим фактором внутри данной группы, одновременно противопоставляя эту другим группам" [Токарев, 1970, с.9-10].

Важной причиной формирования знаковой системы одежды стало ограничение в период раннеродовой общины брачно-половых отношений. Л.С. Грибова, например, обращала внимание на то, насколько важную роль играла внешняя символика каждого экзогамного рода при таких отношениях: "...замужняя женщина, придя в новый род, должна была иметь атрибуты собственного рода (в том числе шумящие подвески, предназначавшиеся для предупреждения избегавшихся ею лиц) и получала символы нового рода (мужа) - особый головной убор, который она должна была носить всю жизнь. Головной убор каждого рода отличался тем, что он отражал своеобразие тотемистических начал, то есть включал символику только своего рода". "Бляшки, пронизки и подвески, украшающие одежду людей, являлись отражением социальной структуры общества -

древних тотемистических родов, каждый из которых включал в себя, помимо человеческого рода, еще и фантастических родственников. Бляшки и полые фигурки, являвшиеся собственностью отдельных лиц, выражали родовое, фратриальное и племенное различие их обладателей и служили конкретной цели - точному соблюдению законов древней экзогамии" [Грибова, 1975, с.49, 66].

Порой костюм несет довольно сложную *знаковую систему*, позволяющую различать людей по полу и возрасту, по территориальной, этнической, религиозной, социальной принадлежности. У большинства народов различается одежда мужская и женская, одежда детей и девушек на выданье, молодых женщин и старух, мужчин-воинов, вошедших в зрелый возраст, и стариков, одежда крестьян и горожан, бедных и богатых, социальных низов и верхушки, одежда служителей культа, ритуальная одежда, рабочая одежда, одежда праздничная и будничная. Как правило, всех этих знаков вполне хватало, чтобы, еще не начав разговор, узнать о незнакомце все самое важное. Не даром появилась поговорка: "Встречают по одежке, провожают по уму". У хантов, например, считалось неприличным задавать вопросы человеку. Общение было "немым", то есть через определенные знаки, символы. Встретившись, два незнакомых человека могли по символам прочесть почти все друг о друге. Эти символы содержались в покрое одежды, в орнаменте, в иных деталях. Мужчины на поясе носили необходимые предметы, эти вещи говорили о многом: что человек - охотник, добыл несколько медведей, или оленевод, имеет большое стадо и т. д. [Лапина, 1995, с.141]. Племенные и какие-то другие локальные различия в одежде, головных уборах, украшениях, орнаментации, в той или иной степени сохранились у многих финно-угорских народов. У удмуртов, например, выделяется три территориальных комплекса женской одежды: северный, южный и бесермянский, а помимо этого ярко выражены возрастные различия. До середины XIX в. у удмуртов Казанской губернии существовали различия в цвете одежды молодых и зрелых женщин [Грибова, 1975, с.50]. Четкие различия видны в вышивке, в комплексе украшений, в головных уборах. У бесермян до конца 30-х годов XX в. существовали различные костюмные комплексы девочек, девочек-подростков, девушек, невест, молодых, замужних женщин, старух [Лихачева, 1997, с.48-51].

С течением времени число сообщений, которые можно было донести до окружающих цветом и качеством ткани, орнаментом и формой костюма, наличием или отсутствием некоторых деталей и украшений, увеличивалось в геометрической прогрессии. Но расшифровать, прочесть без усилий все знаки, заложенные в costume, мог лишь тот, кто принадлежал тому же сообществу людей, ибо усваивались они в процессе каждодневного общения. Каждый народ в каждую историческую эпоху вырабатывал свою систему символов, которые с течением веков эволюционировали под влиянием культурных контактов, совершенствования технологии, расширения торговых связей. В настоящее время большинство из этих символов исчезли из традиционных народных костюмов, а смысл тех, которые сохранились, как правило, забыт. Поэтому, главной трудностью при реконструкции древнего костюма является невозможность полностью и абсолютно достоверно расшифровать всю информацию, которая была заложена в costume.

Эстетическая функция костюма возникла одновременно с его появлением. Создание костюма было своеобразным творческим актом. Человек всегда стремился достигнуть совершенства, сделать себя прекрасным с помощью костюма. Костюм является частью художественной культуры человечества. М.Н. Мерцалова, известный специалист по истории костюма, считала costume произведением искусства: "...произведением крайне сложным по своей основе, хотя часто может быть и простым по форме, имеющим свои принципы художественной композиции, изменявшиеся в зависимости от эпохи

со всеми ее, иногда малоизученными, особенностями. Костюм любой эпохи является произведением искусства уже потому, что человек всегда мыслит себя как некий художественный образ, отвечающий его вкусам и представлениям" [Мерцалова, 1972, с. 3]. Нужно отметить, что в научных кругах существуют разные точки зрения на вопрос о происхождении искусства в целом и украшения костюма в частности. Имеется много сторонников теории о том, что искусство, а в том числе и украшение одежды, создается под влиянием чувства прекрасного, якобы прирожденного человеку, и он с первых же шагов своей деятельности создает произведения искусства исключительно ради наслаждения [Иванов, 1963, с. 16]. Но, на наш взгляд, каждый элемент костюма, каждое украшение одновременно выполняли самые различные функции, и, разумеется, их старались сделать красивыми, но это было не самым важным. Н.М. Тарабукин писал: "...мы назвали протокостюм декоративной формой в истории платья, однако эстетическая функция первоначальных форм украшения тела была на втором плане или даже совсем отсутствовала. Определяющим моментом был символический или ритуальный смысл знаков" [Тарабукин, 1994, с. 15]. Как отмечала Н.И. Гаген-Торн, если бы украшения создавались из стремления к красоте, в них с самого начала допускались индивидуальные различия, но нам твердо известно, что индивидуальные узоры - очень поздняя вещь: вначале все члены группы обязаны были носить знаки своей группы, и эта традиция, очень устойчивая, сохраняла орнамент в течение многих столетий [Гаген-Торн, 1960, с.3].

Функции костюма постоянно переплетались, одни и те же детали могли служить и для демонстрации этнической принадлежности, и как показатель социального положения, и как магические элементы. Одновременно детали костюма были наделены также утилитарными и эстетическими функциями. Например, художественно выполненные металлические украшения костюма служили не только символами родовой принадлежности, но и амулетами-оберегами. Можно привести и более наглядные примеры. Например, кресало с бронзовой рукоятью одновременно обладало важным практическим значением (использовалось для высекания огня), эстетическим (носилось у пояса как украшение), магическим (играло роль амулета), этноопределяющим (характерно для финно-угров), являлось знаком социальной принадлежности (встречается только в богатых мужских погребениях).

Традиционный костюм не представляет чего-то статичного, застывшего. Он складывается исторически на протяжении веков, в процессе его развития отражаются как изменения быта, социальной структуры этноса, так и многообразные взаимосвязи и взаимовлияния различных народов - соседних или отдаленных.

Таким образом, костюм - это явление чрезвычайно многогранное, отражающее самые разные стороны человеческого бытия, и его изучение представляет значительный интерес в плане понимания этнических процессов древнего общества, его социальной структуры, мировоззрения, экономического развития, внешних связей и т.д.. "Изобретение одежды и ее дальнейшее развитие было творческим актом и, как всякий творческий акт, оно получало осмысление: человек понимал, зачем и почему он создавал ту или иную форму одежды. В дальнейшем форма одежды канонизировалась и могла существовать уже без понимания первоначального назначения или с его переосмыслением" [Гаген-Торн, 1960, с.3]. Поэтому при изучении костюма для того, чтобы получить как можно больше информации о жизни конкретного населения в интересующий нас период, необходимо по возможности наиболее четко понять назначение каждой отдельной детали, ее место в общем костюмном комплексе, определить наиболее типичные костюмные комплексы для разных категорий населения, выделить территориальные различия.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Охарактеризуйте понятие "костюм". Как соотносятся понятия "костюм" и "одежда". Что входит в костюмный комплекс средневекового населения Пермского Предуралья.
2. Охарактеризуйте функции костюма. Как вы думаете, какая из них играла наиболее важную роль в жизни средневекового человека Пермского Предуралья?
3. Подробно охарактеризуйте дифференцирующую функцию костюма. Что бы вы могли узнать о человеке, встретив его в эпоху средневековья на территории Пермского Предуралья?

§ 2. ОДЕЖДА

Выбор материалов для изготовления одежды обусловлен климатическими условиями и особенностями хозяйственной деятельности жителей Пермского Предуралья. Климат на Урале классифицируется как резко континентальный, для которого свойственны суровые снежные зимы, достаточно жаркое лето и долгие периоды межсезонья. Соответственно набор одежды был довольно разнообразным, о чем свидетельствуют сохранившиеся в погребениях фрагменты одежды в виде кусочков ткани, меха, кожи. Анализ тканей показал, что преобладающими были холщовые ткани, шерстяные ткани встречаются реже (хотя значительный процент костей мелкого рогатого скота на поселениях,

находки ножниц для стрижки овец свидетельствуют о ее широком использовании), относительно много привозной шелковой ткани (тафты). Ткани из растительных волокон употреблялись, главным образом, для шитья нательной одежды, шерстяные шли на верхнюю демисезонную одежду, а шелк использовался для обшивки женских нагрудников и, возможно для оформления иных декоративных деталей. Меха применялись для изготовления верхней зимней одежды, а кожа использовалась на ремни, многочисленные шнурки и петли, для изготовления обуви и, возможно, головных уборов [Крыласова, 2001, с.28–33].

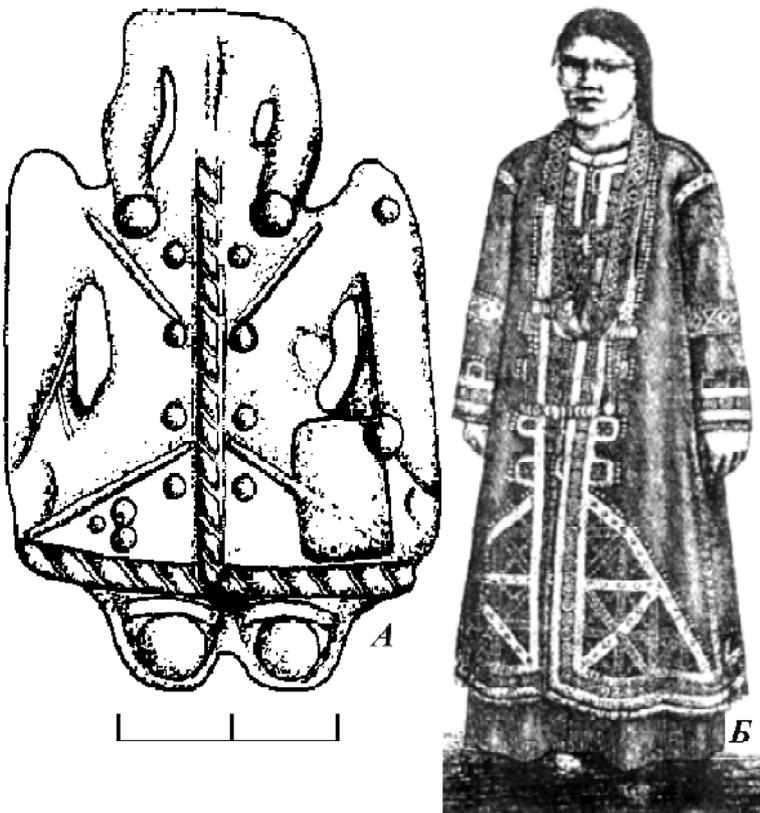

Рис. 56 Параллели в женском костюме: А – бронзовая фигурка, изображающая женщину, городище Анюшкар, X-XIII вв. Б – летняя одежда девушки-остячки (по П.П. Инфантьеву, 1910)

Находки одежды настолько фрагментарны, что реконструировать ее внешний

вид, а тем более покрой — дело чрезвычайно сложное. Тем не менее, анализ сохранившихся изображений в металлической пластике и граффити в совокупности с привлечением этнографических параллелей позволяет предположить, как в целом выглядела одежда.

Основу женского костюма (рис. 56) составляла холщовая рубаха туникообразного покроя длиной до щиколоток. Она могла являться единственным видом одежды, а могла и дополняться легкой верхней одеждой в виде халата, по покрою не отличающегося от рубахи, только с разрезом спереди сверху донизу, иногда с застежками, но чаще либо без них (скреплялся поясом?) либо с завязками. Как показывают изобразительные источники, полы кафтана украшались орнаментом в виде крупных треугольников. К примеру, совершенно уникальным источником, позволяющим представить внешний облик средневековой прикамской женщины является бронзовая фигурка, обнаруженная на городище Анюшкар. Интересно, что костюм, изображенный на этой фигурке, очень близок костюму угорских женщин, зафиксированному этнографами. В качестве зимней верхней одежды использовались шубы мехом вовнутрь. Наиболее распространенным видом головного убора вероятнее всего являлись покрывала, укреплявшиеся с помощью налобной повязки или венчика, или небольшие круглые шапочки, которые в ряде случаев украшали бусами и металлическими привесками. На ногах носили кожаные туфли с металлическими деталями застежек [Крыласова, 2001, с.42–48].

Рис. 57 Средневековые изображения мужского костюма: 1 – бронзовая фигурка мужчины, Осокинский клад, 2 – культовая плакетка с изображением человеко-лося, д. Пешково, 3 – сокольничий, Пермский край

Основу мужского костюма (рис. 57) составляла туникообразная рубаха длиной чуть ниже колен, которая могла дополняться легкой одеждой типа халата или кафтана, а в зимнее время — шубой мехом вовнутрь. Штаны, вероятнее всего, были распространены разъемные — в виде чулок, оставляющих пальцы открытыми. Они крепились к поясу с помощью подвязок. Хотя можно предположить постепенное распространение сшитых штанов под влиянием культуры кочевников. На голове носили конусовидные шапки типа колпака, на ногах — кожаную обувь в виде невысоких башмаков и мягких сапожек [Крыласова, 2001, с.36-42].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. *Какой материал использовали для пошива одежды в эпоху средневековья на территории Пермского Предуралья? Какие источники свидетельствуют об использовании того или иного материала?*
2. *По каким источникам представляется возможным восстановить покрой одежды населения Пермского Предуралья эпохи средневековья.*
3. *Опишите женскую одежду на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья.*
4. *Опишите мужскую одежду на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья.*

§ 3. ДЕКОРАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА

Наибольший интерес представляет знаковая функция костюма, точнее, декоративных элементов его убранства. Комплекс элементов убора отражает этнические традиции, обусловленные идеологическими представлениями, маркирует социальные различия, свидетельствует о межэтнических и экономических связях населения.

В погребениях лучше всего сохраняются украшения и металлические детали костюма. *Именно комплекс украшений наилучшим образом отражает особенности традиционного костюма населения Пермского Предуралья.* Украшения, безусловно, имели важное эстетическое значение, но в древнем обществе гораздо большее значение придавалось смысловой нагрузке, которую они несли. Они выступали в качестве знаков, определяющих этническую, поло-возрастную и социальную принадлежность. Одновременно большинство украшений играло роль амулетов и оберегов, защищающих человека от предполагаемого воздействия нечистой силы, от порчи, которую могли наслать колдуны и злые люди. В древности также считалось, что ношение определенных украшений и талисманов могло придавать людям определенные качества - смелость, удачливость, плодородие, способность распознавать колдунов. Украшения встречаются в большинстве погребений, но особенно много их в погребениях замужних женщин. Это определяется самой женской природой. В тяжелых условиях быта женщины часто были склонны к различного рода заболеваниям. Возникновение болезней, как правило, объяснялось порчей или сглазом. Поэтому всем женщинам предписывалось носить всевозможные обереги, как бы закрывающие, ограждающие тело женщины от проникновения вредоносных сил, дурного глаза. Особую роль украшения и различные детали костюма играли в обрядах перехода - родильном и свадебном, то есть в те моменты жизненного цикла, когда человек наиболее уязвим для злых сил. Беременным женщинам полагалось носить при себе индивидуальные обереги, арсенал которых был довольно богат: это иголки с обломанным ушком, острые металлические предметы, когти и зубы животных, поясок на талии, предотвращающий возможность подмены и порчи ребенка, бусы, платок на голове.

Женские украшения концентрируются в области головы, шеи и груди, вдоль бедер и на руках. Нагрудно-шейные и набедренные украшения были призваны охранять грудь и лоно женщины от сглаза, болезней. Именно эти части тела являлись наиболее уязвимыми по языческим верованиям, и нуждались в охране. Е.В. Перевалова связывает места сосредоточения украшений в женском костюме ханты с местами расположения женских душ, которых по хантыйским поверьям было 4. "Душа-голова (покрытая платком)

и ее продолжение - волосы оформлялись налобной повязкой, накосными украшениями, ложными косам; душа - сердце-плечи закрывалась бисерным воротником с медными отливками, различными нагрудными украшениями; душе-животу соответствовали пояса; душе-ногам - бисерная или орнаментированная обувь... Украшения членили тело женщины, отделяя одну душу от другой, и вместе с тем служили оберегами этих душ, выполняя очистительную функцию (бисер, металл и т.д.)" [Перевалова, 1992, с.90]. Понятие благополучия, защищенности связывалось с понятием красоты. В остяцкой сказке "Унху" дается такое описание красавицы: "...Она была очень красива. Когда она ходила туда-сюда, на ее платье брэнчали разные бусы и колокольчики и блистали бисером вышитые узоры" [Старцев Г., 1928]. Таким образом, физической красоте женщины внимание практически не уделяется, в понятие "красивая женщина" вкладывается смысл красиво одетой женщины, а значит и благополучной, хорошо защищенной. Кроме того, если женщина в красиво сшитом костюме, значит она рукодельница - быстрая, работающая, неболтливая. В девичьих погребениях украшений меньше, чем в погребениях замужних женщин. А мужские погребения отличаются крайней простотой, в них украшения встречаются в единичных экземплярах. Как отмечает Е.В. Перевалова, физической красоте мужчины уделялось еще меньше внимания, чем женской. Не являлась значимой характеристикой в отношении мужчины и одежда, сшитая женщиной. По одежде можно было судить лишь о достатке мужчины. "Едва ли не единственным украшением и в то же время знаком достоинства мужчины был низко повязанный и богато украшенный пояс с многочисленными свисающими металлическими цепочками и подвесками, прикрывающими, очевидно, мужскую душу "сун". Кроме того, пояс делил мужчину на две равноценные, в отличие от женщины, половины - верхнюю и нижнюю [Перевалова Е.В., 1992, с.86, 90].

Магическая сила украшений заключалась как в материале, из которого они были изготовлены, в цвете, так в форме украшения, в изображении, которое оно в себе несло. Большинство металлических украшений, найденных на средневековых памятниках Пермского Предуралья, изготовлено из меди и бронзы, реже из серебра. Предметы из золота встречаются в единичных экземплярах. Такой выбор материалов был не случайным. Медь сама воспринималась у финно-угров как оберег, и ценилась у них вплоть до XX века. Пожилые люди в глухих деревнях никогда не расставались с медными амулетами: кольцами, крестиками, реже просто кусочками меди, так как, по их мнению, это верное средство против козней "дедушки" (лешего). Медь и серебро считались колдовскими металлами. У коми старики верили, что медь (и серебро) потеряться не может. Существует множество рассказов о кладах, принимающих человеческий и животный вид, тяжело вздыхающих и т.д. В металлических амулетах старались выделить наиболее характерные свойства металлов - блеск и звук. Эти свойства в различных амулетах и появившихся позднее украшениях служили главным основанием для их производства [Сидоров, 1928, с.128-129]. Вредные для людей силы и существа должны были страшиться не только человека, вооруженного металлическим оружием, но и человека, имеющего предмет, напоминающий или блеском, или звуком, или каким-либо иным свойством металлическое оружие. Звон и бряцание металлов - наиболее распространенные обереги, действующие на слух злых духов, оглушающие их. Широкое употребление шумящих, нередко массивных по форме украшений - черта, характерная для большинства финно-угорских племен I тыс. н.э. и более позднего времени. Так, о мордовских женщинах в связи с многочисленными украшениями, входившими в состав их костюма, еще недавно говорили: "Мордовку сперва услышишь, потом увидишь" [Косменко, 1984, с.21]. Как отмечал А.С. Сидоров: "При дальнейшем развитии формы и конструкции

амулетов и подвесок, сюда присоединился, конечно, и эстетический момент. Но главным образом, шумящие подвески, получившие такое развитие и широкое применение в финно-угорском мире, основаны, по-видимому, на представлении о магической роли металлического звука... Колдовское значение шумящих подвесок, бубенчиков и так называемых амулетов осложняется еще и другим моментом, именно, способностью их издавать звуки вообще, а не только металлические. Какое реальное значение имеют эти бубенчики, видно из современного быта. Так бубенчики, побрякушки вешаются на шею скоту, чтобы на скотину не напали волки" [Сидоров, 1928, с.129]. Шумящие украшения использовались и в этнографическом костюме многих финно-угорских народов. Шумовой эффект считался одним из основных способов устрашения нечистой силы и у многих народов Сибири, в частности у обских угров. Например, у манси еще в первой половине XX в. к детской одежде пришивали колокольчики, которые, с одной стороны, считались оберегом от злых духов, с другой - позволяли найти ребенка в том случае, если он в данный момент не находится в поле зрения взрослых [Федорова, 1988, с.85].

Магическими свойствами наделялись не только металлы, но и материалы, использовавшиеся для изготовления бус и вставок на украшениях. Красота и редкость цветных камней с древних времен внушала человеку интерес в веру в их магическую силу. Магия сочеталась в разные периоды времени с верой в медицинские свойства камней. Среди каменных бус довольно многочисленными являются сердоликовые и агатовые. Эти камни привозились с Востока, откуда иногда быть заимствована и вера в их необыкновенные свойства. На Востоке сердолик и агат очень почитались. В армянской рукописи XVII в. относительно свойств сердолика говорится: "Он предохраняет от козней врагов и способствует при родах легкому разрешению от бремени". По грузинской рукописи X в., представляющей перевод сочинений Епифания, епископа Кипрского, сердолик "имеет лечебную силу: врачи им лечат опухоли, прыщи и раны. Для этого растирают его в воде, а потом той водой натирают больные места". Подобными же свойствами наделяется агат. Кроме того, по словам доктора Яшвили, ленточный агат служит талисманом против беременности, пользуются им мужчины, когда представляется в том надобность [Чурсин, 1929, с.19-20]. Особыми свойствами наделялись и некоторые виды стеклянных бус, законодателями "моды" на которые в конце I тыс. н.э. выступали средиземноморские центры. С Ближнего Востока через западные перевалы Кавказа и Хазарский каганат в "страну мехов" в междуречье Оки и Цны, в Прикамье и Приуралье бусы поступали в этот период в большом количестве [Валиулина, 1996, с.142], выступая в качестве эквивалента в меховой торговле. Вполне вероятно, что мериллом ценности бус была не только их красота, но и сверхъестественные качества, о которых рассказывали купцы. Таким образом, вместе с разнообразными типами бус жителями Верхнего Прикамья могли быть переняты и представления об их особых свойствах. Бусы, особенно цветные, глазчатые, очень часто рассматривались как имеющие магическое значение - обереги. Причем такие верования были распространены повсеместно от Западной Европы до Индии и Дальнего Востока. Очень популярными были эти верования в Средней Азии. Как талисман, например, выступали глазчатые бусы или черные бусы с белыми опоясывающими полосками, которые должны были отвращать, отражать влияние дурного глаза. Как "охранитель от страха", "оберегатель от демонов" применяли нитку голубых бус; такие бусы надевали и на ручку ребенка. [Чурсин, 1929, с. 22]. Такой же обычай прослеживается у манси - после рождения ребенка мать надевала ему на руку бисерный браслетик, который служил оберегом и часто носился до тех пор, пока ребенок не выросал [Федорова, 1988, с.85].

Особое значение было заложено и в изображении, которое несло в себе украшение.

Например, большинство исследователей считает характерным признаком финно-угорской культуры в целом украшения с зооморфными изображениями, в основе которых лежат культовые языческие представления финно-угров. Разумеется, сейчас, по прошествии целого тысячелетия со времени бытования зооморфных украшений, мы не можем полностью разгадать символику этих изделий. Однако совершенно ясно, что в них причудливо переплетаются и древние космогонические представления, и пережитки тотемизма, и функции маркировки этносоциальной принадлежности, и магические, защитные свойства.

Наиболее распространенным видом головных украшений являются **височные украшения**. Эта категория в Пермском Предуралье представлена тремя основными группами: *височные кольца, подвески и монеты*. Под височными кольцами подразумеваются украшения с кольцевидной основой круглой, овальной или грушевидной формы, дополненной в большинстве случаев разного рода привесками. Иногда они подвешивались на лентах или ремешках, в некоторых случаях втыкались в ленту или ремешок, как бы образуя цепочку; часто кольца укреплялись непосредственно в волосах, а изредка эти украшения продевали в мочку уха, как серьги. Височные кольца усиливали охранительное значение головного убора, так как они, по представлениям древних, препятствовали воздействию на мысли и волю людей со стороны недобрых людей, колдунов, нечистой силы. Вероятно, именно этим объясняется такое широкое распространение височных колец у различных народов Европы в период средневековья.

В Пермском Предуралье височные кольца носили как женщины, так и мужчины. Женщины чаще носили по два кольца с обеих сторон головы, а мужчины – по одному. Нужно отметить, что в тех случаях, когда используется только одно кольцо, то в женских погребениях оно располагается в большинстве случаев слева, а в мужских - справа. У многих народов в древности правая сторона считалась мужской, чистой, а левая - женской, нечистой.

Давно отмечено, что височные кольца выступают в качестве важного этномаркера. Для Пермского Предуралья также характерны совершенно определенные виды височных колец. Во-первых, это кольца с привеской в виде полого шарика. Этот вид украшений, в основе своей заимствованный у салтовцев, в Прикамье претерпел дальнейшее развитие. В ходе эволюции у таких колец присутствовали привески в виде одного полого шарика, двух шариков. А вершиной эволюции стали височные кольца с "грушевидной" привеской, состоящей из усеченного конуса и шарика. Второй разновидностью характерных для Пермского Предуралья височных колец являются кольца с привеской в виде пирамидки из зерни или бипирамидальной грозди. Эти кольца также относятся к салтовским типам. Распространены были и проволочные кольца без привесок. Они имеют несколько разновидностей: круглой, овальной, грушевидной формы, из проволоки круглого, реже многогранного сечения или витой. В IX - XII вв. бытовали калачевидные проволочные височные подвески.

Значительно реже для украшения головного убора использовались разного рода подвески. Они в некоторых случаях заменяли собой височные кольца, но зачастую использовались вместе с ними. Среди них различаются колоколовидные, гирьковидные и шаровидные привески, полые грушевидные привески. Кроме этого в качестве височных украшений мужчинами и женщинами использовались серебряные монеты, напаянные на медную основу с ушком для привешивания, реже бронзовые монетовидные подвески. Характерно, что монеты всегда использовались по одной. В мужских погребениях монета и височное кольцо находились, как правило, с одной стороны, а в женских с одной стороны находилась монета, а с другой - височное кольцо.

Иногда в женских погребениях удается проследить подбородочное украшение, когда височные кольца соединяются низкой бус или цепочкой, проходящей под подбородком.

Прическа, как и комплекс украшений, является одним из элементов костюма. И как любой другой элемент костюма, прическа наделялась своим особым значением. У многих народов поверья, связанные с волосами, уже забыты, хотя традиция бережного отношения к волосам продолжает существовать. Наиболее хорошо до наших времен сохранились поверья сибирских народов. Так, у южно-сибирских народов волосы воплощали непреодолимую силу роста. Волосы являлись и символом красоты, и средоточием душевной силы человека. У многих сибирских народов волосы считались вместилищем "души" человека или одной из "душ". По мнению угров, одна из душ - *lili* - живет на кончиках волос, похожа на птицу и после смерти человека переселяется в новорожденного [Чернецов, 1959, с.137]. Именно поэтому в угорской культуре существовал целый ряд запретов, связанных с волосами. Стрижка волос рассматривалась как потеря души [Клюева, Михайлова, 1988, с.105; Перевалова, 1992, с.87]. Волосы представлялись особенно благоприятной субстанцией для магической передачи как положительного, так и вредоносного начала. По традиционным представлениям народов Сибири, особой сверхъестественной силой обладали волосы женщин в детородный период, что объясняется специфической функцией женщины, производящей на свет детей, ее связью, таким образом, с потусторонним миром. Существовали представления о том, что женские волосы являются вместилищем души не только самой женщины, но и ее будущих детей. Считалось, что через волосы можно передать женщине плодородие с помощью контактной магии: так женщина, у которой много детей, причесывала волосы невесты перед свадьбой. С другой стороны, имея в своем распоряжении лишь один волосок, можно было подвергнуть человека колдовскому воздействию. Поэтому вычесанные волосы обычно прятали, чтобы на них никто не мог наступить, и тем самым причинить вред [Клюева, Михайлова, 1988, с.126-127]. Все эти представления приводили к тому, что не только угорские женщины, но и мужчины носили длинные волосы и тщательно их оберегали, как, избегая стрижки и собирая все выпавшие волоски, так и применяя магические обереги, в качестве которых выступали накосники. Подобное отношение к волосам отмечается у других народов Приуралья. У удмуртов, например, накосники были самым первым украшением девочки. Они вплетались в косу с магической целью (уберечь волосы от сглаза) [Волкова, 1988, с.162]. Женщины коми-пермячки также следили за своими волосами. Лишь когда женщина выходила из детородного возраста, ее забота о волосах ослабевала. Так Н.Сорокин сообщает, что у вогул "только одни старухи не чешут голову и носят волосы в страшном беспорядке" [Сорокин, 1873, с.29].

О прическах мы можем в какой-то мере судить по сохранившимся в погребениях украшениям волос, по древним изображениям, а также по этнографическим данным. Женскую прическу можно реконструировать без особых затруднений. На граффити и бронзовых бляшках женщины изображаются с двумя длинными косами, спускающимися на грудь. Обычай среди замужних женщин носить прическу из длинных волос, заплетенных в две косы, распространен очень широко. У многих народов девушки, в отличие от замужних женщин, заплетали только одну косу. Такой обычай бытовал, например, у славянских и у финно-угорских народов. Для народов Западной Сибири (ненцев, хантов и манси) исследователями фиксируется единая традиция убирания волос: двухкосье для женщин всех возрастов и социальных групп. В северной части Западной Сибири - у ненцев, северных хантов и манси - девушки и женщины, а иногда и девочки носили ложные косы - весьма сложное, громоздкое и очень тяжелое сооружение. Ложные косы использовались для увеличения силы, заложенной в волосах [Клюева,

Михайлова, 1988, с.106-108]. Ложные косы (рис. 58) представляли собой овальную кожаную пластинку, обтянутую красным сукном, украшенную бисером и медными пуговицами. К концам пластинки прикреплялись длинные матерчатые жгуты и красные шерстяные шнуры. Волосы расчесывались на пробор, пластинка укреплялась на затылке, волосы сплетались в косы вместе с матерчатыми жгутами, а затем сверху обматывались шнуром. Ложные косы были гораздо длиннее, чем натуральные, и висели ниже пояса. Накосники, вплетенные в верхней части косы, висели ниже конца косы. В средневековых могильниках Пермского Предуралья накосники также, как правило, располагаются

Рис. 58 Параллели в costume. Накосники молодых девушек: А – самоедская девушка, по рисунку Норденильльда из работы Д.Н.Анучина, 1890 г., Б – хантыйская девушка, 1950-е гг.

очень низко - практически на уровне пояса, а в некоторых случаях и ниже. Таким образом, накосные украшения зрительно удлиняли косы женщин, а ложные косы делали их к тому же более толстыми, тем самым, видимо, увеличивая силу волос. Вероятно, ложные косы использовались только в исключительных случаях, а повседневной прической являлись две косы (или два пучка волос), обмотанные шнурком или тесьмой [Клюева, Михайлова, 1988, с.106, 109, 128]. Косы у обских угров свисали с затылка на спину и соединялись между собой низками бус, цепочками или просто цветными шнурками. Накинутая на голову шаль закрывала их от посторонних глаз.

С мужской прической определиться сложнее. Древние изображения не дают нам представления о ней. У коми-пермяков в XVII - XIX вв. мужчины носили прическу по русскому образцу - волосы, подстриженные в "скобку" или "под горшок", и бородки. Во всяком случае, в этнографических очерках авторы на прическу внимания не обращали, значит она не вызывала интереса своей необычностью. Древнюю традиционную прическу сохранили мужчины манси и ханты. Многие авторы сообщают, что мужчины носили длинные волосы, которые часто заплетали в две косы. Причем, в отличие от женщин, мужчины подгибали косы таким образом, что из нижнего конца плотной обмотки торчит не кончик косы, а округлый пучок волос, а сами косы, таким образом, получаются короткими и заканчиваются на уровне мочек ушей или чуть ниже [Клюева, Михайлова, 1988, с.109]. Волосы у мужчин, также как и у женщин, считались признаком красоты. Не случайно, почти все хантыйские и мансийские божества имеют косы [Перевалова, 1992, с.87]. Ношение кос мужчинами связано с представлениями обских угров о том, что волосы человека связаны с одной из его душ. Человек, лишенный волос, теряет эту, так называемую "маленькую душу". Он становится слабым, робким, теряет мужскую силу. В хантыйской сказке "Покинутые юрты" жены обрезала у мужа волосы, отчего он через несколько дней умер. Таким образом, потеря души, помещенной в волосах, могла привести даже к смерти [Мифы, предания... 1990, с.185, 524]. Ношение кос у мужчин зафиксировано и в остяцком героическом эпосе. *Богатыри* всегда описываются с косами.

Для ухода за волосами в Пермском Предуралье использовались гребни, гребешки и расчески, о них пойдет речь отдельно, в разделе, посвященном предметам гигиены. Но, следует отметить, что почти все гребни имеют на спинке отверстия для привешивания, что свидетельствует о том, что когда гребень не использовался для практических целей, для которых он был предназначен, его носили на ремешке как элемент костюма.

Накосники, как и любые другие украшения, несут в себе целый комплекс функций, часто трудно отделимых друг от друга. Утилитарным назначением накосников было поддерживать прическу в определенном состоянии. Кроме того, накосники должны были украшать человека в соответствии с эстетическими воззрениями этноса. Еще одна их функция - маркирование половой дифференциации и социально-возрастного статуса человека. Но, несомненно, важнейшее место занимала магическая функция накосников. Эта функция напрямую связана с широко распространенными представлениями о сверхъестественных свойствах волос.

Накосники обских угров в этнографическое время представляли собой разного рода кисти из низок бисера или бус с металлическими подвесками-жетонами или монетами на концах или чаще всего кисточки из разноцветных шерстяных ниток. Причем в накосниках использовались и подвески, найденные в земле. Например, известны накосники с использованием колесовидных подвесок, аналогичных тем, которые являлись одним из распространенных видов накосников в Прикамье в период средневековья [Клюева, Михайлова, 1988, с.109, рис.3/а].

Наиболее широко в качестве накосников использовались шумящие подвески опре-

деленных типов, реже - подвески иного рода, разнообразные амулеты. Вполне вероятно, что в описываемый период для украшения кос могли использовать и цветные шерстяные кисти, известные по этнографическим материалам обских угров. Этим можно объяснить не стопроцентную встречаемость накосников в женских погребениях. Подвески крепились на длинных ремешках или на цепочках, причем ремешки нередко унизывались бусами или пронизками. Накосники обычно располагаются в погребениях по обе стороны груди, как правило, на уровне пояса - то есть подвески свисали ниже конца косы. Однотипные парные накосники встречены в 30% женских погребений. В остальных случаях в косы вплетались подвески разных типов.

Встает вопрос о том, каким образом накосники укреплялись в волосах (рис. 59). Во многих женских погребениях накосники, представляющие собой длинный ремешок с бусами или цепочку, с одной стороны завершаются шумящей подвеской, а с другой стороны - бронзовой костыльковой подвеской. Очевидно, с помощью костылька накосник закреплялся в верхней части прически. В тех случаях, когда костыльковые подвески в составе накосника отсутствуют, использовались иные способы крепления, например, с помощью якорьковых подвесок. Накосник мог закрепляться в прическе и с помощью ремешка, на котором находилась подвеска. Например, как у удмуртов, у которых на противоположном конце накосников делалась петля для прикрепления к косе. Кроме того, могли использовать длинный кожаный шнурок, на концах которого прикреплялись подвески, центральную часть этого шнурка помещали на затылке, затем два конца

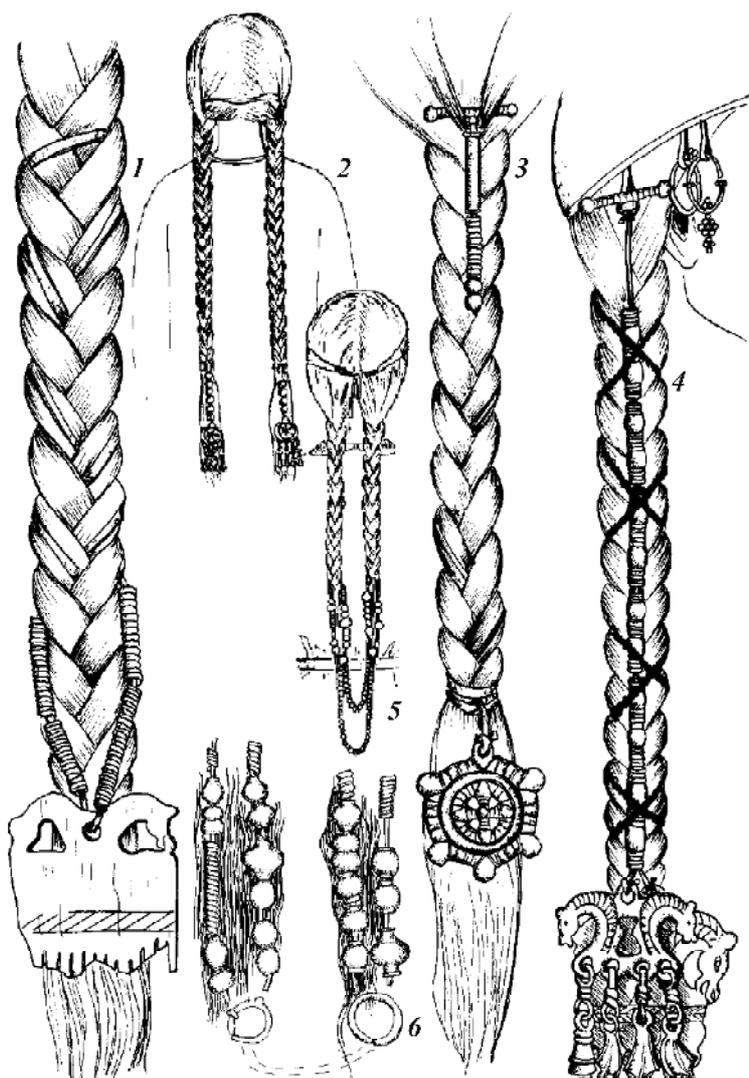

Рис. 59 Возможные способы вплетения накосников:
1-4 – Каневский,
5-6 – Рождественский могильники

вплетали в косы, а сами накосники свисали ниже косы. Такой способ крепления накосников известен у южных хантов. В некоторых случаях, особенно когда в каждую косу было вплетено по две подвески, длинная тесьма могла складываться пополам и вплетаться в косу точно так же, как и в наши дни в косы вплетаются ленты. Длинные ремешки или цепочки накосников могли не только вплетаться в косу, но и спускались вдоль нее. Так, например, у остячек в XVII в. параллельно каждой из двух кос от темени до самого низа спускалась узкая полоска сукна; косы вместе с полосками сукна обматыва-

лись шерстяными шнурками и цепочками, украшенными подвесками, кольцами и металлическими пуговками. Таким образом, волосы являлись как будто заключенными в футляр. У северных удмурток шнуры наконников зачастую пришивались к затылочной части головного убора, и в этом случае шнурок также просто спускался поверх косы [Руденко, 1914, с.51; Волкова, 1988, с.162]. Подобно этому, в Пермском Предуралье в интересующий нас период женщины, возможно, спускали наконник параллельно косе, и обматывали его вместе с косой шнурком, поскольку довольно сложно представить, как тяжелую и малопластичную низку бронзовых бус или пронизок вплетать в волосы. В некоторых наиболее богатых женских погребениях каждая коса украшалась сразу несколькими подвесками, причем одни были вплетены в волосы с помощью кожаных шнурков, а другие на низках бус и пронизок свисали параллельно косе.

У обских угров наконники зачастую соединялись между собой несколькими низками бисера, или цепочками или просто лентами [Клюева, Михайлова, 1988, с.110]. Наконники Верхнего Прикамья были, вероятно, устроены точно так же, но вместо цепочек использовались кожаные шнурки с бусами и пронизками. Хотя и здесь довольно часто встречаются обрывки цепочек, которые вполне возможно являются частью наконников. Но при погребении, так же, как на свадьбе и во время родов, соединяющая косы цепочка снималась. Вот почему в средневековых прикамских могильниках косы у женщин, как правило, были перекинута на грудь, и наконники располагались примерно на уровне пояса по обеим сторонам груди. Лишь для Плесинского могильника характерно, что одна коса, обычно левая, лежала вдоль туловища, а правая была уложена через шею, таким образом, что наконник оказывался у левого виска. В некоторых случаях оба наконни-

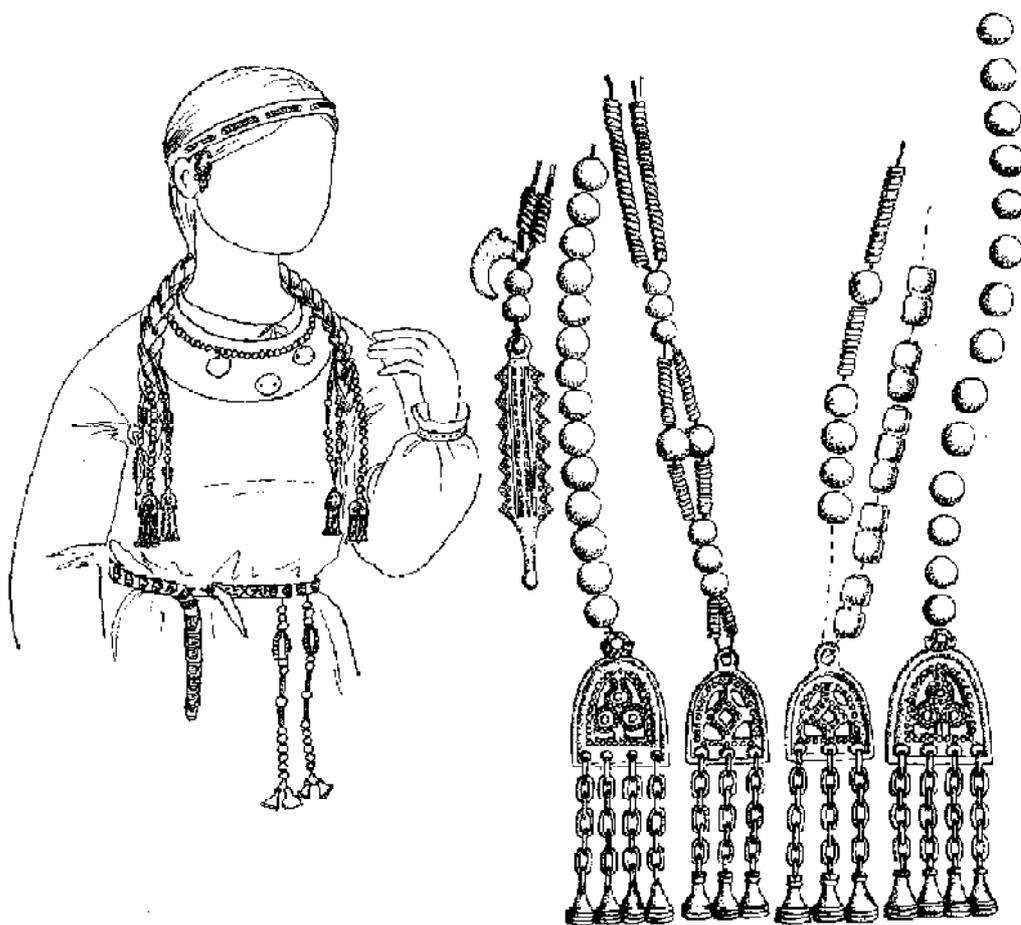

Рис. 60 Арочные подвески-наконники из погр. № 6 Баяновского могильника

ка находились рядом, можно предположить, что косы при погребении так и остались связанными. В ряде погребений Рождественского могильника сохранились низки стеклянных или бронзовых бус, а также цепочки, которыми были соединены косы. Подобная конструкция наконечников отмечается и на Баяновском могильнике. Здесь в одном из погребений вдоль кос располагались длинные низки бронзовых бус, завершающиеся шумящими подвесками, они были соединены между собой в центральной части еще одной низкой из бронзовых и стеклянных бус, на которой были подвешены две дополнительные шумящие подвески.

В качестве *основных видов наконечников* использовались арочные, биконьковые, колесовидные, умбоновидные подвески.

Арочные шумящие подвески довольно часто встречаются на большинстве средневековых могильников Пермского Предуралья. Среди них наиболее распространенными были подвески с *изображением стилизованного ростка на основе* (рис. 60). Привесками к ним служили в более ранний период - утиные лапки, а позднее - гладкие конические колокольчики. Изображение ростка, как известно, связано с идеей зарождения новой жизни, плодородия. С глубокой древности в языческом мировоззрении образ женщины, ожидающей ребенка, переплетался с образом прорастающего в земле зерна. Широко распространены были также арочные подвески с *изображением на основе головы медведя*, лежащей между лап (рис. 61). Это хорошо известное канонизированное изображение "медведя в жертвенной позе" было распространено в Прикамье еще с гляденовского времени. По мнению большинства исследователей, культ медведя наиболее характерен для хантов и манси, народов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Возможно, в Прикамье культ медведя проник вместе с волной угров-переселенцев, где и получил дальнейшее развитие. Присутствие изображения медведя на женских украшениях трудно объяснимо, так как имеется множество фактов, свидетельствующих о том, что женщины, особенно беременные, "избегали" медведя - не ели его мяса, боялись ходить в лес и тому подобное [Грибова, 1975, с.84]. Возможно, медведь, как предположительный предок всех людей, обеспечивал общую защиту тем, кто носил его изображение. Известно, что медведя нередко отождествляли с человеком, считали, что каждый медведь носит душу какого-то предка.

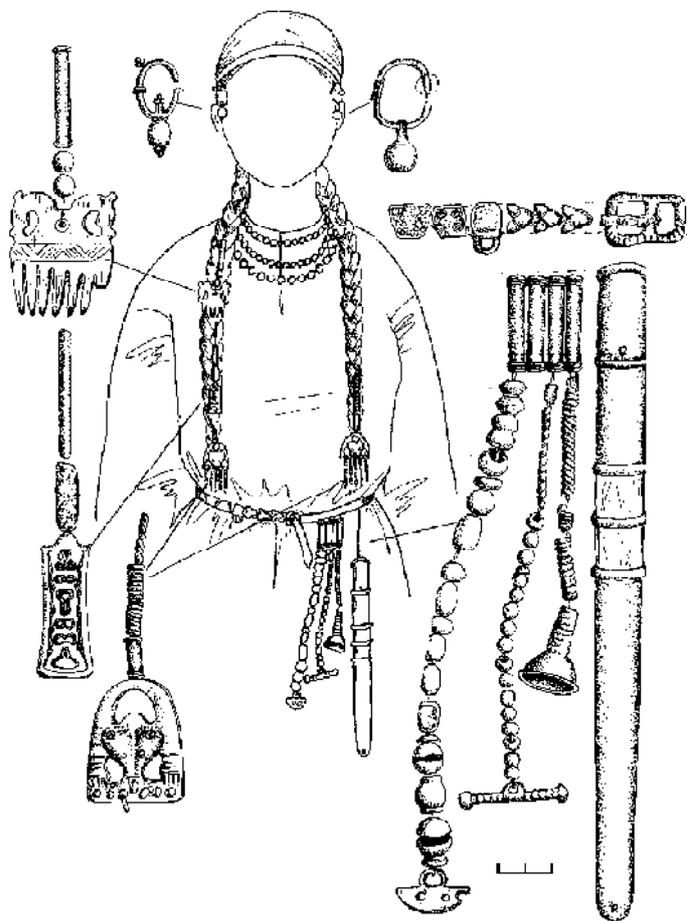

Рис. 61 – Арочные подвески-наконечники с изображением медведя. Костюмный комплекс из погр. № 19 Урьинского могильника

Кроме того, медведь (медведица) выступает как родоначальник одного из мансий-

ких племен. Возможно, именно как медведица, мать-прародительница, это изображение присутствует на женских арочных подвесках, оберегая и приумножая женские детородные способности. Реже встречается подтип арочных подвесок с изображением на основе кружков. Круг - символ солнца - считался оберегом общего значения.

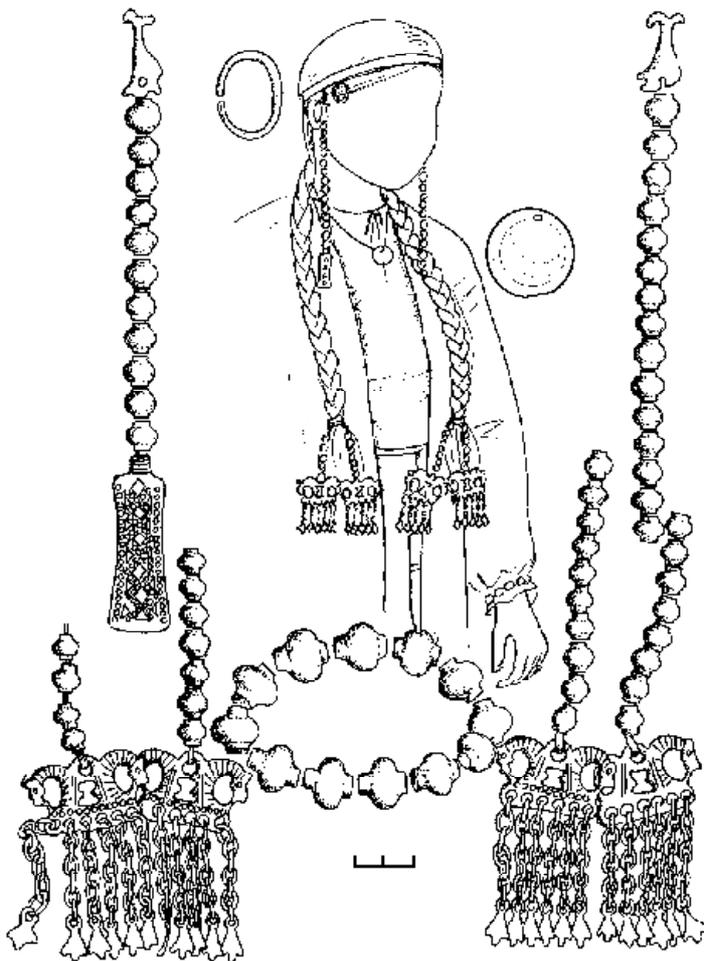

Рис. 62 Биконьковые подвески-накосники. Костюмный комплекс из погр. № 354 Агафоновского могильника

затель наличия тесных этнокультурных контактов. Единичные находки встречаются на западе вплоть до Скандинавии, и маркируют следы пребывания групп прикамского населения.

По мнению большинства современных исследователей, в основе образа с парой конских головок, распространенного в германской, балтийской, славянской, финно-угорской и др. традициях, лежит индоевропейский близнецный миф о братьях Ашвинах, главным символом которых были кони. Ашвины считались "детьми кобылы" и сами представлялись в виде двух коней, они были связаны с солнцем, со сменой дня и ночи, с функцией спасения, а также с плодородием. Последнее объясняет наличие этого образа в женском украшении, коим являлись прикамские биконьковые подвески-накосники. Косы женщины в древности во многих уральских традициях представлялись какместилище душ еще не рожденных детей. Поэтому большинство украшений-накосников связаны с идеей плодородия, а также обладали функцией защиты этого важнейшего женского качества. Со временем образ коня, по мнению большинства исследователей, занял место солярных знаков в costume, а в мифологии - древних космогонических образов лосюла и медведя, он связывается также с культом Матери всего земного - Земли, покро-

Биконьковые подвески (рис. 62) отличаются разными особенностями оформления и размерами, но сближает коньковые подвески Пермского Предуралья реалистичность изображения морд коней, развернутых в противоположные стороны, а также особый смысл этих украшений. К основе коньковых подвесок крепились цепочки с копытцами, колокольчиками или "утиными лапками" на конце. Изображение двух конских голов на шумящих подвесках широко бытовало у финно-угров.

Образ двух противопоставленных головок коней возник еще у ранних подвесок и пронизок коньков харинского этапа IV-VI вв. н.э. Наиболее массово эти подвески представлены на территории Пермского края, но известны также в родственных культурах от Западной Сибири до Поволжья, в салтово-маяцкой культуре, как пока-

вительствующей рождению детей, с культом солнца. Привески в виде лапок водоплавающих птиц (утки, гуся) в представлении древнего населения, очевидно, связаны были с водной стихией и ее животворными свойствами, и со стихией небесной воды - дождя, от которого зависит плодородие полей. Вместе с тем, привески-лапки подчеркивают включение данных украшений в трехчастную вертикально организованную модель вселенной, т.к. в финно-угорской мифологии подземный мир часто ассоциировался с подводным.

Арочные и коньковые подвески, близкие по типу, использовались в качестве наконечников не только прикамскими женщинами. Коньковые подвески, как и иные зооморфные подвески-амулеты, характерны в целом для финно-угорского мира. Но коньковые и арочные подвески т. н. "прикамских типов" наиболее широко распространены на территориях с преобладанием угорского этнического компонента. Данные наконечники входили в женские костюмные комплексы, типичные для кушнаренковско-караякуповских памятников на территории современной Башкирии, которые интерпретируются как протомадьярские. Характерны они и для неволинской культуры в бассейне р. Сылвы, на формирование которой, по мнению многих археологов, оказали влияние переселенцы из степных и лесостепных районов Южного Приуралья и Западной Сибири угорского происхождения. Аналогичные подвески достаточно широко встречаются и в угорских могильниках Западной Сибири. Причем, арочные наконечники сохранились у сибирских женщин и в более позднее время. Арочные и биконьковые подвески-наконечники широко представлены и на мадыарских могильниках с территории Волжской Болгарии. Таким образом, можно считать, что наконечники с арочными и коньковыми подвесками "прикамских типов" являются элементом костюма, характерным для угров.

Колесовидные подвески (рис. 63), за редким исключением, не имеют шумящих привесок. Круги, колеса, кресты, спирали уже с бронзового века повсеместно служили символами солнца. Наиболее отчетливо эти символы выступают в бронзовых украшениях (подвесках, бляхах, височных кольцах), служащих в то же время амулетами-оберегами. Л.А. Голубева отмечает, что вместе с круглыми подвесками - солнечными амулетами, встречаются фигурки коней или коньковые подвески, а конь, как известно, также связан с солнцем. Оба типа амулетов, очевидно, гармонически дополняли друг друга [Голубева, 1978, с.74]. Иногда, например, на правой косе находилась ко-

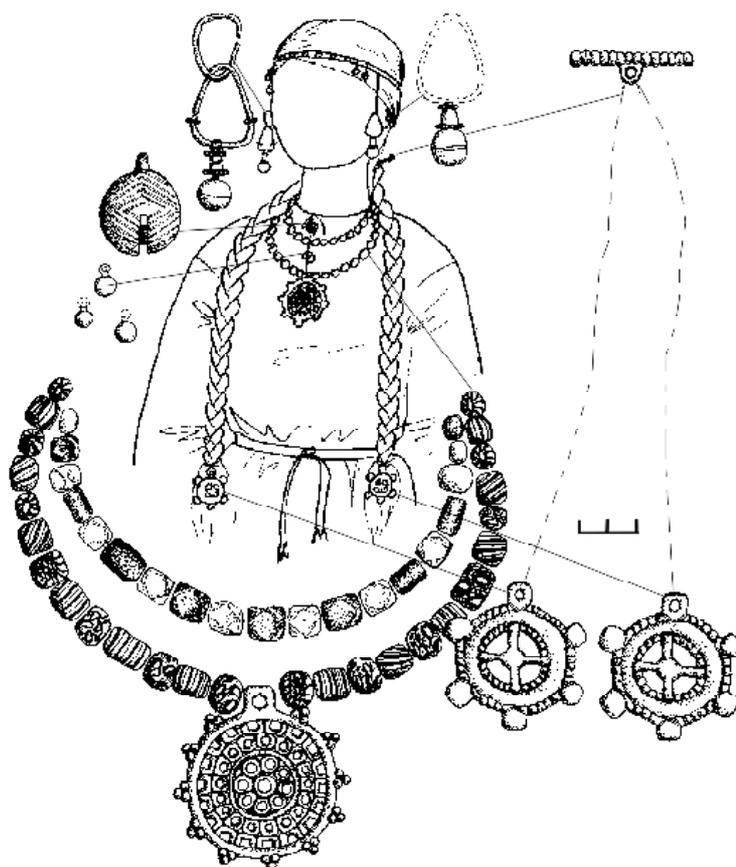

Рис. 63 Колесовидные подвески-наконечники. Костюмный комплекс из погр. № 9 Важгортского могильника

лесовидная подвеска, на левой - коньковая. Характерно, что еще в недавнем прошлом обскими уграми использовались для украшения кос колесовидные подвески, очень напоминающие подобные подвески, происходящие из средневекового Прикамья [Клюева, Михайлова, 1988, рис. 3/а]. Использование в качестве накосников ажурных дисков было характерно для древних венгров. Причем изображения на них несли важную семантическую нагрузку. Среди этих изображений встречаются дерево жизни и лошадь, то есть семантическое значение этих накосников достаточно близко прикамским арочным накосникам с изображением ростка и коньковым подвескам.

Умбоновидные подвески (рис. 64) имеют основу, состоящую из 3-6 небольших умбонов, украшенных спиралевидным орнаментом или концентрическими кругами. В качестве привесок к ним чаще всего использовались утиные лапки.

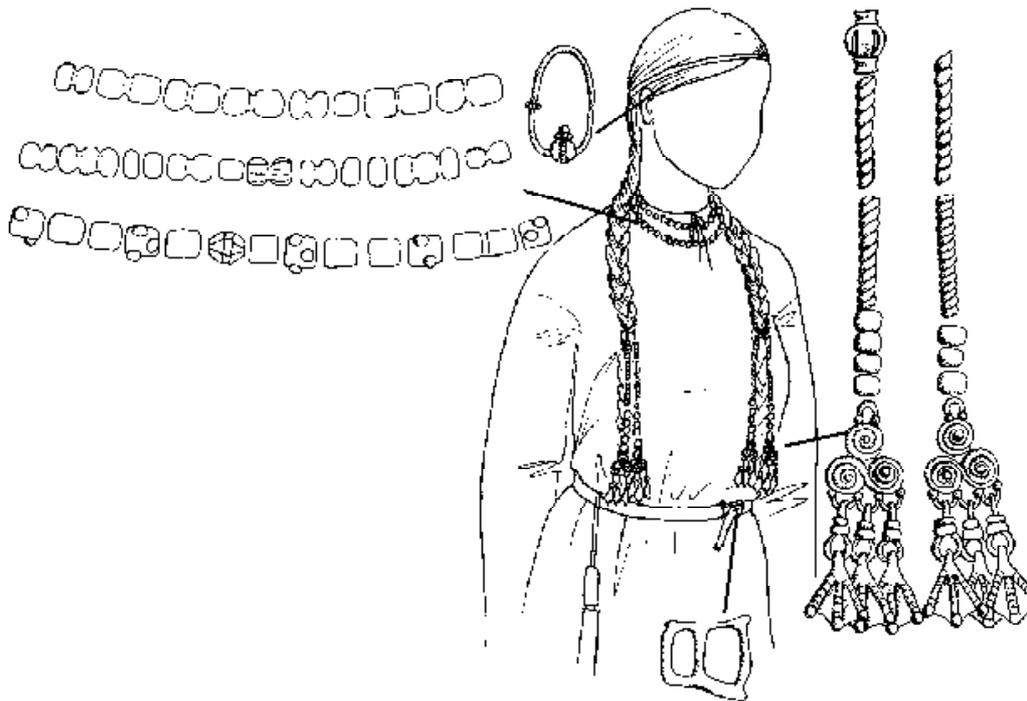

Рис. 64 Умбоновидные подвески-накосники. Костюмный комплекс из погр. № 34 Плесинского могильника

Кроме этих видов подвесок в составе накосных украшений встречаются и другие виды украшений, которые мы отнесли к второстепенным накосникам. Они обычно помещались на правой косе, в то время как на левой находилась подвеска, относящаяся к одному из основных накосников.

Иногда в качестве накосников использовались шумящие пронизки в виде объемных *фигурок утки или лебедя* (рис. 65). Изображения водоплавающей птицы характерны в целом для финно-угорского мира. Это связано с очень глубокими корнями данного образа. В основе возникновения образа утки лежат финно-угорские космогонические мифы - о солнце, о мироздании, о прародительнице - уходящие в далекое прошлое. Легенды различных народов очень похоже рассказывают о происхождении мира. В большинстве случаев водоплавающая птица выступает в качестве основательницы мира - водоплавающая птица, или творец в образе птицы, ныряет на дно первичного океана и приносит крупинку земли, из которой возникает суша. В целом древняя уральская традиция имела общего героя мифов о творении - водоплавающую птицу типа утки, причем эта птица ассоциировалась с миром небесных, добрых духов; она предстает в качестве самостоятельного персонажа, охранителя от злых духов нижнего мира, про-

водника шамана. Утка и другие водоплавающие птицы, совершающие сезонные перелеты на юг: гуси, лебеди, и т. п., принадлежат югу, где на небе обитает подательница жизни (Напольских В.В., 1990, с.6,8-10). Кроме того, птица являлась одной из древних ипостасей богини-матери обских угров - Калтащ. Одним из символов Калтащ был гусь. В число ее важнейших обязанностей входила забота о рождении на земле детей. Богиня-мать была также связана с огнем - универсальным символом очищения, смерти-рождения. Связана она была и с солнцем, причем солнечная символика раскрывалась и через такую деталь, как волосы (лучи) богини. Символом богини-птицы, возможно, являлись орнитоморфные накосные украшения обских угров. В одной из мансийских сказок упоминаются накосники-птички молодой девушки: "Длинные ее косы медными птичками-подвесками украшены. Повернет она голову, подвески звенят, будто птички поют". А женщины божественного происхождения, по представлениям обских угров, вместо металлических орнитоморфных накосников украшали свои волосы живыми птицами. Так в хантыйской сказке "Ими-хиты" девушка-менкв описывается как красавица, "что носит косы живые, как птицы, что ходит в звоне серебра и золота". В мансийском "Священном сказании о возникновении земли" у дочери Южной старухи накосными украшениями служили не металлические изображения птиц, как у обычных женщин, а живые птицы, когда она распускала косы, то садила птиц на колени, и покрывала шелковым платком, чтобы они не улетели. Как видно из приведенных выдержек, накосники в виде птичек везде описываются у молодых девушек. Видимо, они являлись одним из показателей девичьей красоты, так как в угорском эпосе нередко можно встретить описания красавиц, где звучит следующее: "...косы до колен, на концах кос птички сидят, песни поют". К сожалению, в нашем распоряжении очень мало погребений с сохранившимися костяками, а из них лишь единицы имеют антропологическое определение. Поэтому невозможно с полной уверенностью определять возрастные особенности костюма. Из погребений, где встречены накосники-уточки, только одно имеет антропологическое определение, оно принадлежало девочке 12 лет. Можно предположить, что уточки являлись своеобразным девичьим накосником.

В конце VII - VIII вв. в качестве накосников нередко использовались ажурные трапециевидные подвески (рис. 66), имитирующие лапки водоплавающей птицы. Обычно они использовались вместе с подвесками наиболее характерных прикамских типов. Трапециевидные подвески наиболее характерны для неволинской культуры, встречаются они и на средневековых памятниках Западной Сибири, и в караякуповских древностях.

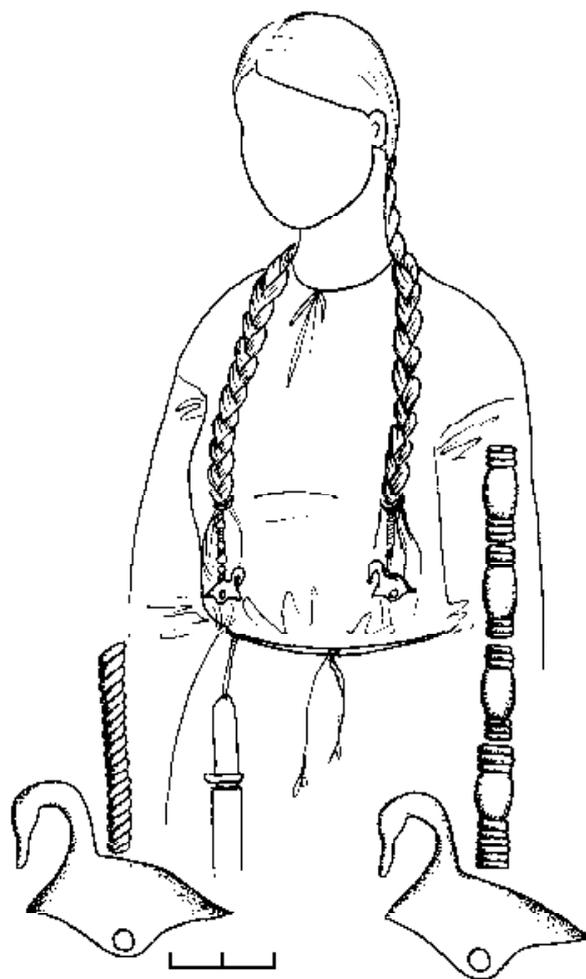

Рис. 65 Накосники в виде фигурок лебедя.
Костюмный комплекс из погр. № 31
Плесинского могильника

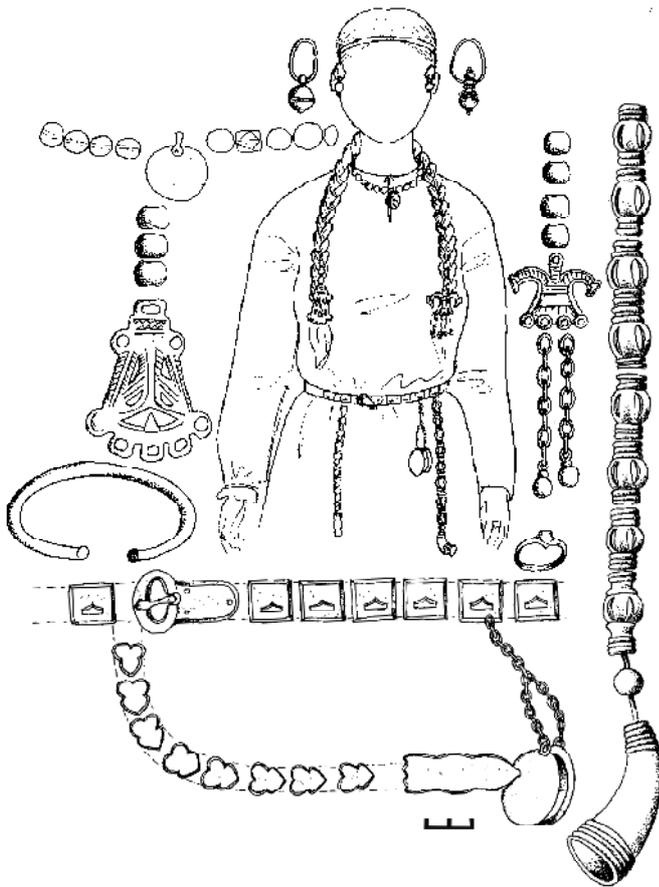

Рис. 66 Трапецевидная подвеска-накосник.
Костюмный комплекс из погр. № 63
Деменковского могильника

Таким образом, данный тип накосников также использовался в угорской среде.

Флаконовидные пронизки (рис. 67) являлись не только украшением, но имели и утилитарное назначение - использовались в качестве игольников, подробнее мы на них еще остановимся.

Накосниками выступали и *гребни* (рис. 68), как настоящие, так и их имитации - амулеты. Гребни могли использоваться не только как подвески, но и для закалывания в прическу. В косы вместе с другими украшениями вплетались костяные или медные копоушки, разного рода амулеты. К последним относятся клыки животных, просверленные рыбы позвонки, раковины каури. Применение раковин каури в качестве накосных привесок сохранялось у финно-угров и в этнографическое время. У обских угров считалось, что они обладают свойством отпугивать злых духов [Клюева, Михайлова, 1988, с.128]. У наро-

дов Саяно-Алтая раковины каури являлись одним из символов Умай - богини матери, покровительницы деторождения. Волосам богини придавали особое значение - они отражают солярную символику, реализуют метафору связи неба и земли и т.д. Детали и атрибуты внешнего облика богини должны были иметь земное отражение, что проявляется в женских накосных украшениях. Так, у теленгитов девушки с достижением брачного возраста вплетали в косы новые украшения, сделанные из бус и раковин каури (символов Умай) [Сагалаев, 1990, с.23-24].

В качестве накосников использовались и *низки бус без подвесок* (рис. 69).

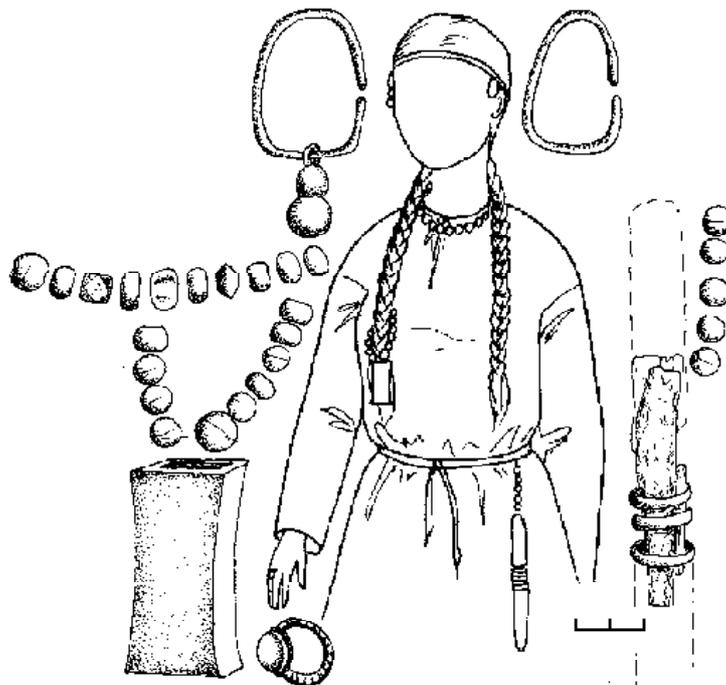

Рис. 67 Накосник – железный игольник-флакончик.
Костюмный комплекс из погр. № 2 Важгортского
могильника

Таким образом, женские накосные украшения отражают, главным образом, идею плодородия, и, вместе с тем, являются оберегами как самой женщины, так и ее будущих детей. Это напрямую связано и с представлениями об особой магии волос женщин детородного периода. Накосникам придавалось в древности разное значение, что подчеркивалось их месторасположением. Основные накосники (этномаркирующие), как правило, использовались парами. Второстепенные накосники, которые, по всей видимости, несли какую-то дополнительную информацию (о возрасте, общине, из которой вышла женщина, и т.п.), помещались на правой косе,

Рис. 68 Накосник-гребень. Костюмный комплекс из погр. № 6 Каневского могильника

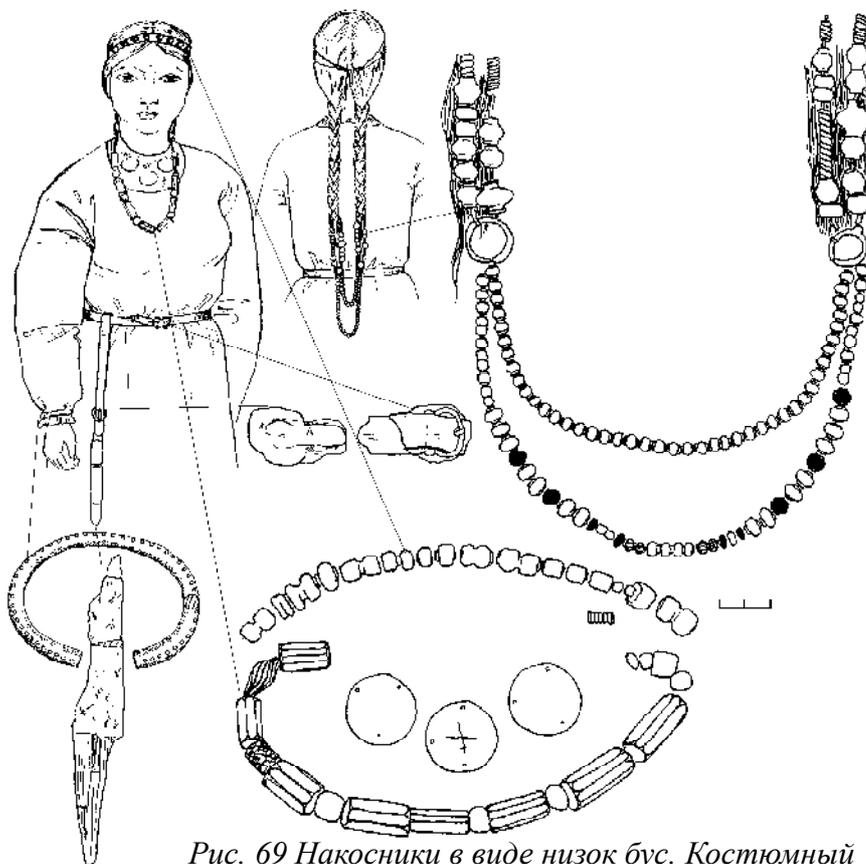

Рис. 69 Накосники в виде низок бус. Костюмный комплекс из погр. № 58 Рождественского могильника

в то время, как на левой использовался один из основных накосников. Арочные и коньковые накосники маркировали этническую (угорскую) принадлежность их носительниц. На втором месте по использованию находятся колесовидные накосники. Эти подвески являлись, скорее всего, маркером не общей этнической, а племенной принадлежности. Они характерны для населения, оставившего Деменковский могильник, а на других могильниках встречаются в единичных экземплярах и, возможно, могут свидетельствовать о направлении

брачных связей. Такую же роль играли умбововидные накосники для населения, оставившего Плесинский могильник, и накосники из бронзовых бус для населения, оставившего Рождественский могильник. Что касается трапециевидных подвесок, то, как уже упоминалось, они являются наиболее типичными для неволинской культуры, и их присутствие в могильниках Пермского Предуралья также может являться показателем брачных связей. Подвески-уточки, возможно, являются маркером возрастного положения (принадлежат девушкам, вступившим в период половой зрелости). Остальные накосники, в первую очередь, выступали как амулеты и использовались, вероятно, когда в них больше всего нуждались, например, в период болезни, на выданье, в период ожидания ребенка.

Рис. 70 Мужские накосники. Костюмный комплекс из погр. № 76 Огурдинского могильника

О мужских накосниках известно гораздо меньше, чем о женских. Лишь в единственном случае, в погр. № 76 Огурдинского могильника, встречены украшения, которые с большой долей уверенности можно соотнести с накосниками (рис. 70). Здесь на уровне плеч по обе стороны от черепа обнаружены: справа - низка из двух бронзовых пронизок, завершающаяся серебряной монетой, а слева - 4 полые бронзовые привески в виде полушарий с петелькой. Накосники представляли собой кожаные ленты с металлическими украшениями, спускавшиеся вдоль кос и обмотанные вместе с ними шнурком. Подобные украшения известны еще в несколь-

ких мужских погребениях. Этнографические материалы обских угров свидетельствуют о том, что обычно мужчины зашнуровывали косы красным шнурком, с украшениями из медных пуговиц на затылке и блестящей медной цепочкой внизу, что не позволяло косам раскачиваться и мешать в работе [Федорова, 1978, с.201]. Нередко косы просто перевивали шнурками или кусочками цветной материи и связывали при концах, если такие накосники существовали в средневековом Пермском Предуралье, в погребениях от них ничего не осталось.

Шейные и нагрудные украшения преобладают в женских погребениях. Причем и в них наблюдаются значительные различия по богатству этих украшений. На наш взгляд, это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, из этнографических источ-

ников известно, что существовали значительные различия между шейно-нагрудными украшениями девочек, девушек вступивших в брачный возраст и замужних женщин. Одной из задач шейно-нагрудных украшений являлась также защита выреза на рубаше от проникновения нечистой силы. Для замужних женщин основной функцией этой категории украшений являлась защита груди от дурного глаза, порчи и болезней. Это подтверждают многочисленные факты из этнографии. Так, например, у удмурток на девичьих рубашках в комплекте "ныл дуськыт" всегда присутствует треугольная нашивка из красной ленты, окруженная скромной мелкой вышивкой, носящей название "гадь котыртэм" ("грудь ограждена"). Судя по названию и расположению, эта нашивка служила оберегом. Девочки обходились лишь небольшой низкой бус или подвеской на ремешке, но по мере вступления девушки в детородный возраст шейно-нагрудные украшения все усложнялись. Наибольшая защита нужна была невесте во время свадьбы, когда совершается момент перехода из одного состояния в другое, и человек оказывается полностью беспомощным и открытым перед сверхъестественными силами. Кроме того, особая защита требовалась беременным и кормящим грудью женщинам.

В мужском костюме шейно-нагрудные украшения играли двойную роль. В первую очередь, они выступали в качестве амулетов, предохраняющих разрез на одежде от проникновения нечистой силы. Но вместе с этим, некоторые подвески являлись знаками высокого социального положения их владельцев. В мужских погребениях иногда встречаются ожерелья, обычно состоявшие из бронзовых пронизок и бус, нанизанных на кожаный ремешок. В IX - XI вв. мужчины носили на шее бронзовые монетовидные подвески или серебряные монеты, переделанные в подвески. Наиболее простое украшение представляло собой одну подвеску, которую носили на шнурке. В наиболее сложном виде это было ожерелье (воротник-ожерелок) с использованием двух и более монет. Такие подвески встречаются обычно в богатых мужских погребениях с оружием. Таким образом, они являлись символом принадлежности к высшим социальным слоям общества. Кроме того, любые подвески круглой формы символизировали солнце и выступали в качестве амулетов с охранительной функцией вообще.

Интересный комплекс мужских шейно-нагрудных украшений обнаружен в погребении № 37 Рождественского могильника (рис. 71). Здесь на уровне груди находились три круглые серебряные пластины с отверстиями для привешивания или пришивания к одежде. Возле них обнаружена серебряная подвеска трапециевидной формы с колечком в верхней части, с помощью которо-

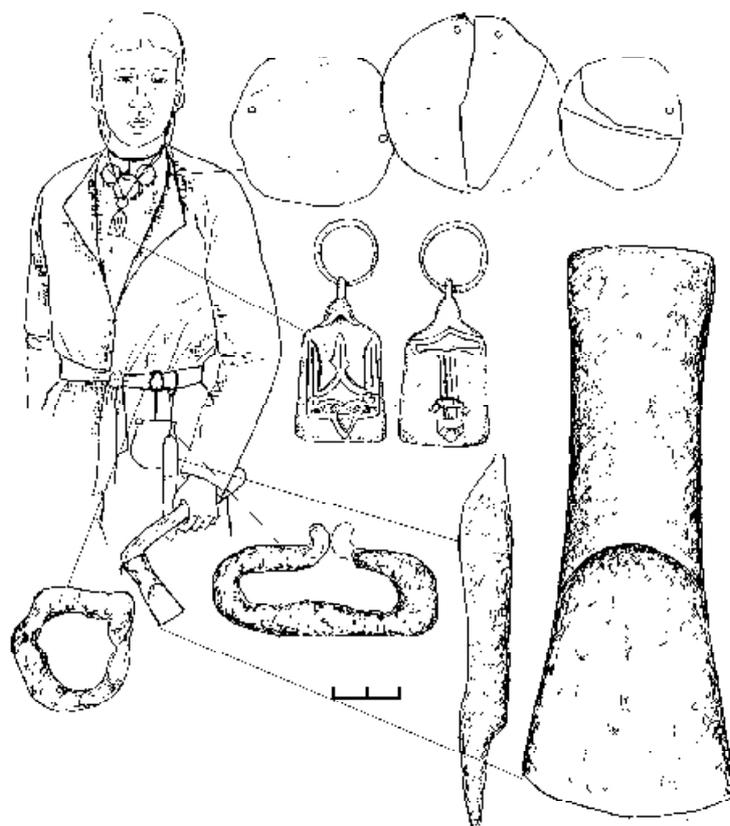

Рис. 71 Мужское шейно-нагрудное украшение. Костюмный комплекс из погр. № 37 Рождественского могильника

го она подвешивалась на шнурке на шею. Находка это подвески уникальна для Пермского Предуралья. На ее лицевой стороне изображен трезубец Владимира Святославовича, а на оборотной стороне - молот бога Тора, совмещенный с изображением меча – личный знак Олава Трюгвассона. Исследователи видят в подобных подвесках *верительные знаки* лиц, уполномоченных для выполнения официальной миссии того или иного рода. Подобные золотые "печати для ношения" вручались послам, а серебряные - купцам. Поскольку жители Верхнего Прикамья играли роль посредников в торговых операциях булгар, то вполне вероятно, что указанное погребение принадлежит знатному купцу из местного населения.

Среди круглых подвесок известны и т.н. "бляхи с сокольничим" (XII -XIV вв.) (рис. 72). Погребения, где они присутствуют, выделяются среди прочих богатством погребального инвентаря, наличием бронзовых котлов. Традиционно "бляхи с сокольничим" оценивались исследователями как предметы, связанные с охотничьей магией, шаманизмом, их признавали также отличительными знаками шаманов.

А.М. Белавин считает, что, поскольку Пермское Предуралье находилось в определенных политических связях и экономической зависимости от Волжской Булгарии, в этих бляхах следует видеть знаки вассальной принадлежности и знаки официальных лиц, имевших полномочия представлять интересы булгарской администрации в определенных областях Приуралья и Приобья. Этот образ во многом схож с изображениями мансийского культурного героя Мир-Мусне-Хума.

С образом сокольничего близко связаны распространенные в X-XI вв. серебряные подвески-всадники (рис. 73). Наиболее массово подобные подвески распространены на территории Среднего Предуралья (Пермский край, Удмуртия),

Рис. 72 Подвески с «сокольничим»: 1, 8 – Искор, 2, 4, 7, 10, 14 – Пермская губерния, 3 – д. Большое поле, 6 – д. Сечице, 5, 9 – могильник Телячий Брод, 11 – Кудымкар, 12 – Антыбарский могильник, 13 – Кишертский могильник, 15 – Купросское городище, 16 – д. Байдары

поэтому в литературе их нередко именуют "пермский всадник/всадница". Образ всадника в металлопластике Приуралья и Западной Сибири имеет глубокую традицию, уходящую корнями в эпоху раннего железного века. Наибольшее развитие он получил в раннесредневековом культовом литье. Истоки подвесок с "всадником на змее/основании" прослеживаются в культовом литье пермского звериного стиля. Среди многообразия культовых плакеток VI-IX вв. имеются экземпляры с изображением наездников на животном, стоящем на змее. По мнению широкого круга исследователей, в этот период у урало-сибирских племен оформляется представление о богатыре-предке, непременно попутчиком которого в его бесконечном странствовании стал боевой конь. Этот мифологический персонаж проходит через устное и декоративное творчество практически всех коренных обитателей указанного региона вплоть до этнографической современности. В угорской мифологии изображения всадника персонифицируются с образом мансийского Мир-Сусне-Хума и хантыйского Эква-Пыргись (Кан-ики, Орт-ики) – культурных героев, которые, по мнению этнографов, имеют много общих черт с иранским Митрой. Основная планка (змея) возникла при переработке скифского (иранского) сюжета с шествующим кошачьим хищ-

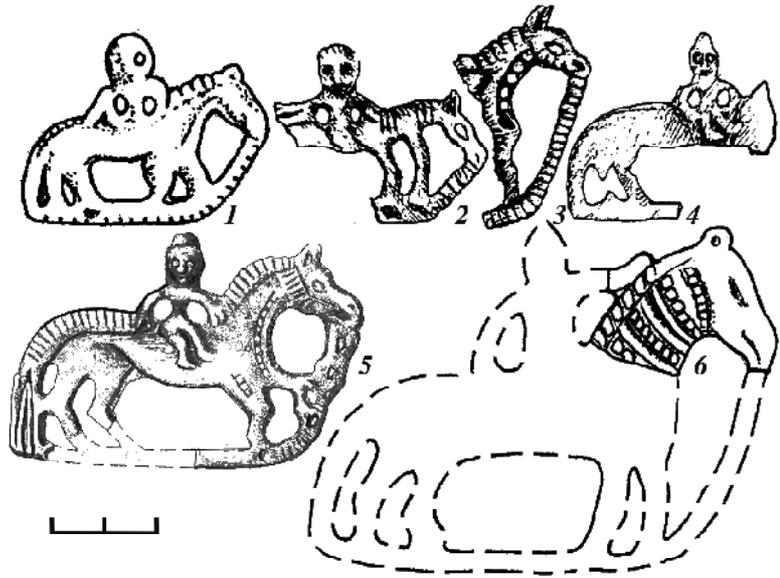

Рис. 73 Подвески с всадником: 1-4 – Степаново плотбище, 5 – Загарский, 6 – Рождественский могильники

Рис. 74: A collection of various metal amulets and pendants from different sites in the Permian Pre-Ural region. The items include various shapes, some with zoomorphic or anthropomorphic features, and some with inscriptions. A scale bar is visible at the bottom right of the collection.

Рис. 74 Амулеты из разных памятников Пермского Предуралья

ником. Заимствование сюжета подвесок из культового литья подчеркивает их особую значимость. Раскопки 2005-2007 гг. Баяновского могильника в Добрянском районе Пермского края (рук. А.В. Данич), где найдено уже 7 экз. подобных предметов, показали, что преимущественно подвески с всадником происходят из богатых мужских захоронений, сопровождающихся мечами, другим оружием, серебряными погребальными масками и пр., и располагались обычно на шее. Т. о., это были не просто украшения, а знаки принадлежности к социальной элите.

Иногда мужчины носили на шее *амулеты* (рис. 74), среди которых известны ожерелья из трубчатых птичьих косточек, просверленные зубы хищников, челюсти пушных животных и пр.

У женщин наиболее распространенным видом шейно-нагрудных украшений были *ожерелья*. Они различны по своему составу и по количеству составляющих их элементов.

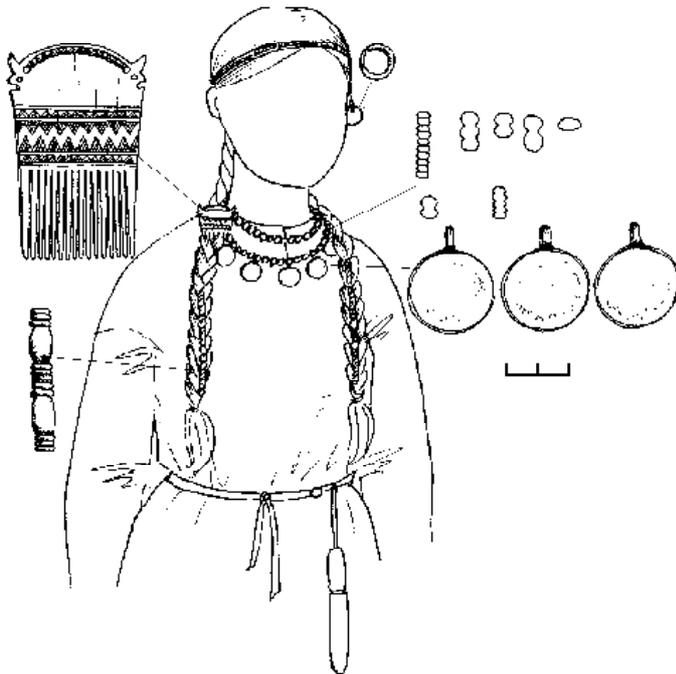

Рис. 75 Женское ожерелье с монетовидными подвесками. Костюмный комплекс из погр. № 14 Плесинского могильника

Большинство ожерелий собрано из стеклянных, пастовых, реже каменных бус. Нередко ожерелья дополнялись бронзовыми литыми или спиралевидными пронизками, бронзовыми бусами, или целиком состояли из них. В состав ожерелий также включались разнообразные металлические привески - чаще всего бронзовые колокольчики, полые шаровидные привески, а также серебряные монеты (рис. 75), напаянные на медную основу с ушком для привешивания. Реже в состав ожерелий входили колесовидные подвески или шумящие подвески - как правило, коньковые. Среди бус, встречающихся на памятниках VIII-XI вв., преобладают бусы средиземноморского и восточного производства, а с конца XI в. появляются бусы русского производства.

Ожерелья, встреченные в погребениях девочек, обычно достаточно простые, иногда собраны исключительно из металлических деталей, что сближает их с мужскими ожерельями. По мере приближения к детородному периоду ожерелья усложнялись. Они могли состоять из 1, 2, 3 и более низок, включать дополнительные украшения. Например, по материалам раскопок могильников с соседних территорий известно, что ожерелья с монетами характерны, в основном, для погребений девушек-невест и молодых.

Ожерелья могли представлять собой не только низки бус и пронизок, но и украшения, нашитые на матерчатую основу. Особенно это касается ожерелий с монетами. Если бусы и монеты в таких ожерельях не закреплены на ткани, они сбиваются и перепутываются, что создает неудобства при их использовании. Присутствие *воротника-ожерелья* характерно для целого ряда народностей, имеющих рубашку с воротом, скрепленным завязками. Чаще всего это ожерелье из овального куска холста или кожи, выкроенного так, чтобы он плотно прилегал к шее. Он украшался монетами, бусами и бисером. Сзади на спине имела застёжка. Поскольку в погребениях Пермского Предуралья

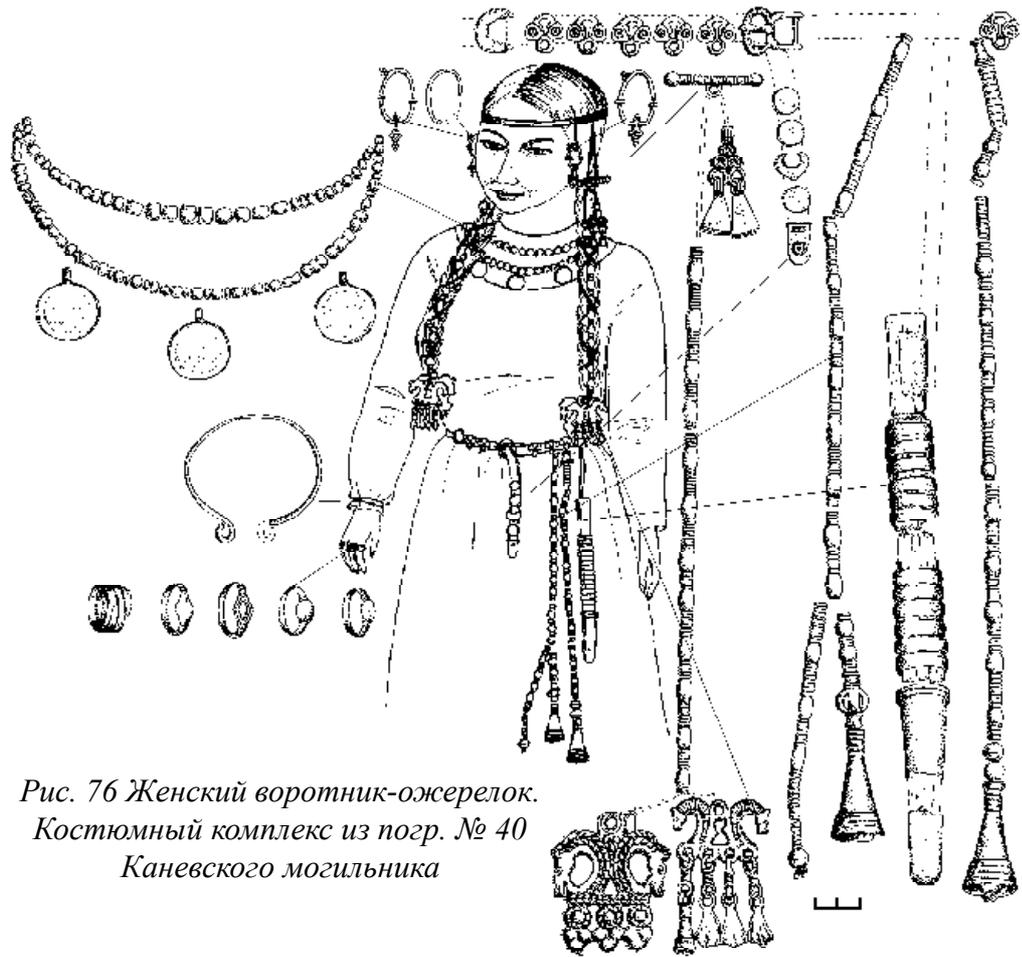

Рис. 76 Женский воротник-ожерелок.
 Костюмный комплекс из погр. № 40
 Каневского могильника

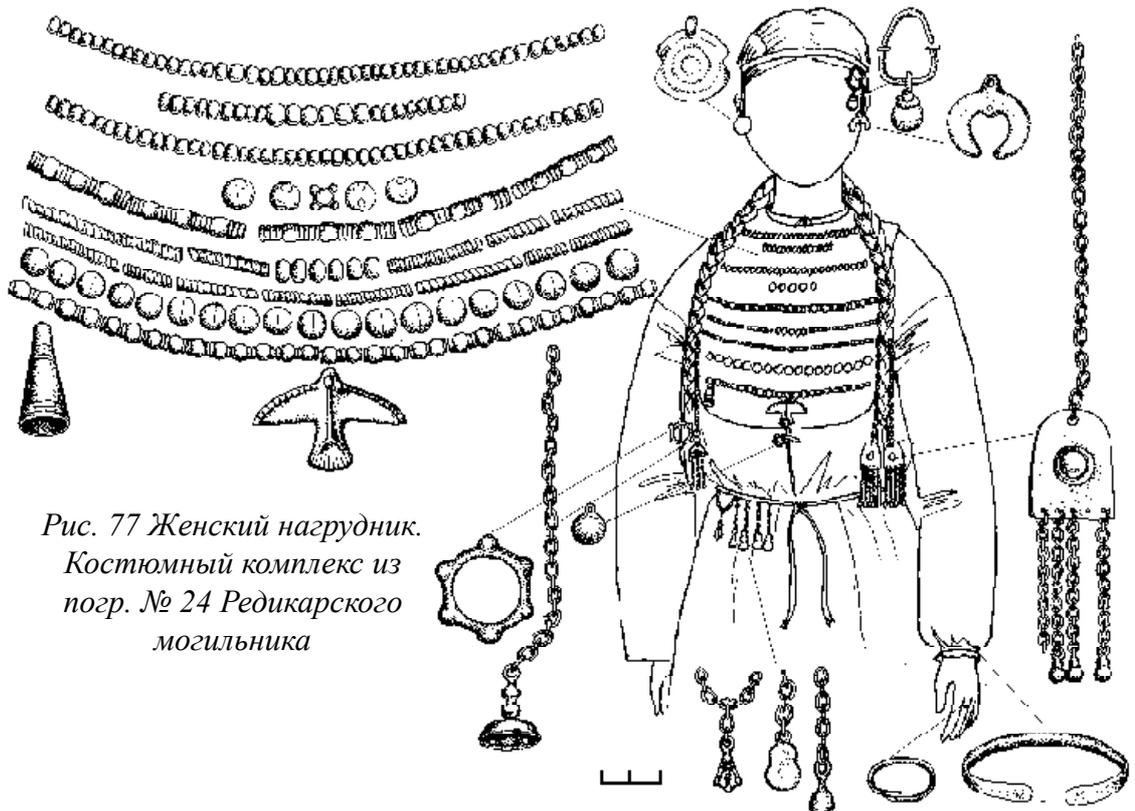

Рис. 77 Женский нагрудник.
 Костюмный комплекс из
 погр. № 24 Редикарского
 могильника

ожерелья далеко не всегда охватывают шею, а иногда представляют собой низки бус и подвесок, расположенные горизонтально только в нагрудной части, можно предположить существование подобных воротников-ожерелий. В Прикамских могильниках иногда удается проследить следы ткани (обычно шелка) на оборотной стороне монет.

Во многих женских погребениях бусы и разнообразные металлические привески располагались в области груди таким образом, что их никак невозможно отнести к ожерельям, охватывающим шею. Иногда число нитей бус доходит до 12, вероятно они нашивались на *съемный нагрудник* (рис. 77), типа распространенного еще недавно у удмурток нагрудника кабачи, представлявшего собой прямоугольный кусок ткани, закрывающий вырез на рубахе и призванный оберегать женскую грудь от порчи, сглаза и болезней. В наиболее простом виде нагрудник - это кусок холщовой ткани, одеваемый под рубаху так, чтобы прикрыть грудь женщины. Его завязывали тесемками сзади на шее и на спине ниже лопаток. Холст покрывали вышивкой. Подобные нагрудники известны у многих народов: удмуртов, бесермян, чуваш, башкир, казанских татар, кряшен, мишарей. Нагрудники, расшитые бусами, бисером и украшенные металлическими подвесками носили поверх рубахи. Основа их изготовлялась из дорогой привозной ткани, например из шелка.

Гривны в могильниках Верхнего Прикамья VIII-XI вв. встречаются в единичных экземплярах. Можно с полной уверенностью утверждать, что гривны не были характерны для костюма жителей Пермского Предуралья.

Среди дополнительных элементов костюма чрезвычайно важную роль играл *пояс*. Как и ряд других деталей костюма, он отличался своей многофункциональностью. Утилитарная функция пояса очевидна. Он был необходимой деталью одежды хотя бы потому, что скреплял ее, освобождал плечи от излишней нагрузки, принимая на себя значительную часть веса одежды. У охотников лесной полосы, также как и у земледельцев, пояс был обязательной деталью костюма. Его практическое значение определялось и тем, что в средневековом костюме отсутствовала такая деталь, как карманы, и к поясу привешивались все необходимые под рукой вещи - ножи, кресало и кремь в кожаном кошельке, ремесленные инструменты, оселок.

Одновременно пояс являлся своеобразным знаком социальной принадлежности. Детям до определенного возраста пояса, по-видимому, не полагались, эта деталь костюма, возможно, имела отличительное свойство при инициациях. Пояса делились на женские и мужские, наборные и без набора. Особое значение играл пояс в снаряжении воина. В эпоху средневековья придание поясу отличительных свойств было распространено в большинстве евразийских обществ, евразийская мода в IV - IX вв. проявлялась в поясных бляшках, украшавших пояс и служивших показателем знатности обладателя пояса. Большинство исследователей происхождения этого обычая связывают с тюрками, у которых число и форма наборных бляшек считались признаком воинской доблести, общественного положения.

Несомненна магическая функция пояса. Он выступал в роли оберега, выполнял какие-то, в настоящее время не совсем понятные, функции при различных магических обрядах. Пояс заключал тело человека в магический круг, надевание пояса служило символом заключения в круг, следовательно, являлось определенным магическим действием. Металлические накладки из меди и бронзы, которые своим блеском должны были отпугивать нечистую силу, тем самым еще более усиливая охранительную функцию пояса. У коми зырян считалось, что человек без пояса мог подвергнуться действию злых магических сил: заблудиться в лесу, встретиться с лешим, заболеть. Пояс считался и символом пути, дороги человека и в этом, и в том, потустороннем мире. Поэтому пояс был

непрерывной принадлежностью погребального костюма. Кроме этого пояс являлся своеобразной границей, отделяющей верхнюю часть тела от нижней, и, видимо, высшее от низшего в человеке. Для мужчин пояс был порой едва ли не единственным украшением и в то же время знаком их достоинства. Почтительное отношение мужчин к поясу сохранилось вплоть до недавнего времени. Для женщин наиболее значимой была роль пояса как оберега. Он оберегал наиболее значительное свойство женщин - их плодородие. Женские пояса дополнялись разнообразными шумящими привесками, которые усиливали их магическую силу. О том, какое значение имели для женщин пояса, свидетельствуют многочисленные этнографические материалы. Так, латыши наделяли пояса особой чудодейственной силой. У старух еще в начале XX в. существовало поверье, что в поясе заключается вся сила женщины, и многие не расставались с ним, даже ложась спать. Поясок на талии, веревка, кусок сети были обязательными оберегами беременных женщин, так как предотвращали возможность подмены и порчи ребенка в материнской утробе. Нередко беременным женщинам не рекомендовалось вообще снимать пояс - он будто бы предохранял ночью от кошмарных снов, воспринимавшихся как удушение домовым [Крыласова, 2001].

Фрагменты поясов в могильниках Пермского Предуралья представлены как в мужских, так и в женских погребениях. Наиболее часто о существовании пояса свидетельствуют лишь наличие бронзовых пряжек или нескольких накладок, которые, очевидно, размещались спереди. Значительно реже встречаются полные поясные наборы. Насколько известно из этнографических источников, пояса являлись для финно-угров необходимым элементом одежды. Например, для обских угров подпоясаться означало завершить облачение. Распоясанность у них (как и в русской культуре) служило признаком распущенности и неряшливости. И, вполне вероятно, что кроме поясов с металлическими деталями пользовались простыми поясами, которые завязывали на талии - плетеными, в виде тесьмы или шнурка.

В VIII-X веках характерным было использование накладок и пряжек салтовского типа. Довольно часто встречаются накладки с колечком, наиболее поздние из которых происходят из погребений Рождественского могильника второй половины X - первой половины XI века. С IX века наряду с салтовскими начинают поступать поясные наборы, характерные для ранних булгар. По их образцу предметы поясной гарнитуры изготавливались и в местных бронзолитейных мастерских. Причем местные изделия иногда имеют особую форму и орнаментацию.

Мужчины носили как кожаные, так и тканые пояса. Пояс мог застегиваться с помощью бронзовой пряжки или просто завязывался на талии. Нередко в мужских погребениях встречаются пояса, украшенные накладками, а наборные пояса представлены в единичных экземплярах.

Рис. 78 Пряжки с изображением медведя: 1 – Редикорский, 2, 4 – Огурдинский, 3, 6 – Рождественский, 5, 7 – Степаново плотбище могильники

Рис. 79 Мужской пояс с пряжкой. Костюмный комплекс из погр. № 48 Огурдинского могильника

Чаще всего мужские пояса снабжались только бронзовой пряжкой и не имели дополнительных украшений (рис. 79). В погребениях, которые, судя по составу инвентаря, принадлежали наиболее знатным членам общества, поясные пряжки иногда отличаются особым богатым оформлением. Это могут быть пряжки с пышным растительным орнаментом или с изображением медвежьей головы, лежащей между лап (рис. 78). На последние следует обратить особое внимание. Разнообразные детали костюма, в том числе и пряжки, с изображением медведя встречаются на широкой территории расселения финно-угров. Но наиболее широко до сравнительно недавнего времени культ медведя сохранялся у народов Сибири, главным образом, у угров. Медведь в воззрении жителей Сибири был связан с миром живых, и в то же время принадлежал к миру мертвых.

И чтобы медведь "признал" человека своим и не причинил вреда, слева у пояса на ремешке носили медвежий зуб. Кроме того, угры носили на пряжке изображение медведя, что повлекло возникновение одного из названий медведя "застежечный зверь". Этот термин сохранялся до недавнего времени у манси [Гемуев, 1985, с.139]. В конце I - начале II тыс. н.э. пряжки с изображением медведя были наиболее широко распространены именно на территории расселения угров.

Иногда один конец пояса заканчивался бронзовой пряжкой, другой - наконечником ремня. Встречаются пояса с бронзовой пряжкой и небольшим количеством накладок, причем несколько накладок обычно украшали только переднюю часть пояса. Погребения с такими поясами сопровождаются топорами, наконечниками копий и стрел и другим инвентарем, позволяющим судить о том, что это были, вероятно, погребения военных дружинников. Иногда несколько накладок с прорезью находились на поясе там, где необходимо было крепить привески, поясной мешочек, ножны и т.п. Сквозь прорези в нижней части накладок пропускались узкие ремешки или шнурки. Таким образом, накладки играли не только роль украшения и своеобразного знака, но чисто утилитарную роль. Наборные пояса встречены лишь в 5 % мужских погребений. Причем наиболее характерны они для Баяновского могильника.

Дополнительным украшением мужских поясов являлись привески в виде ремешка с накладками (рис. 81) или в виде низки из бронзовых бус и пронизок (рис. 80). Привески-низки на мужских поясах, в отличие от женских, всегда состояли только из одной, не очень длинной низки, завершались они колокольчиками.

Очень важное предназначение пояса - быть носителем предметов, без которых невозможно себе представить мужчину ни на охоте, ни у домашнего очага. К поясу крепили и всевозможные нужные под рукой предметы - ножны с ножами или кинжалами, колчаны, сумочки с огнивом и разнообразными орудиями труда. На поясе мужчины носили также амулеты, придающие, по представлениям древних, силу, защищающие от колдовства и болезней. Известны амулеты из челюсти мелкого хищника. Такой амулет у обских угров, например, выступал в качестве личного духа-помощника [Гемуев, 1990, с.169. В свое время особенность таких амулетов объяснил Н.Л. Гондатти: "Если при

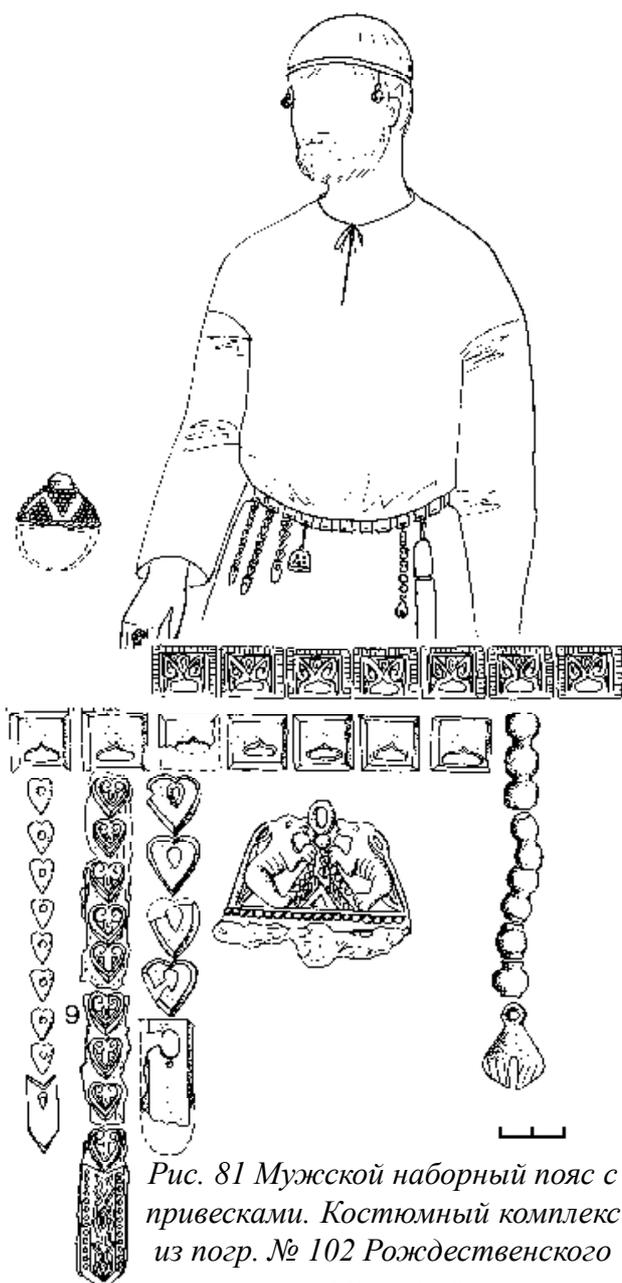

Рис. 81 Мужской наборный пояс с привесками. Костюмный комплекс из погр. № 102 Рождественского могильника

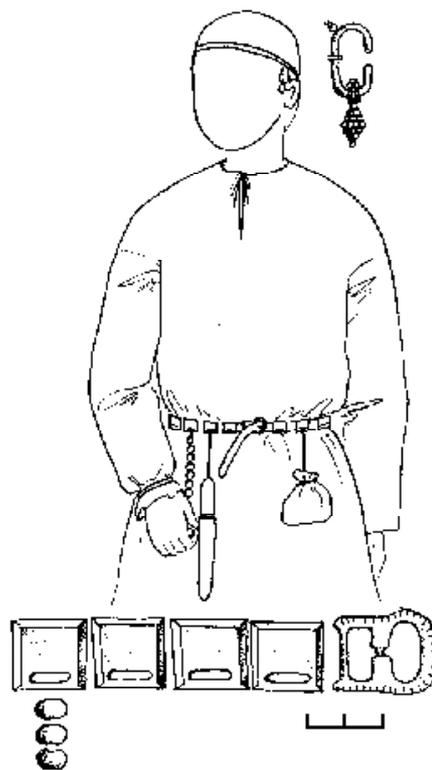

Рис. 80 Мужской пояс с пряжкой, несколькими накладками и привеской в виде низки бус. Костюмный комплекс из погр. №16 Плесинского могильника

себе иметь мордочку лисицы, соболя или горностая, то все будет удаваться" [Гондатти, 1888, с.53]. В качестве амулетов использовались клыки соболя, барсука, росوماхи, резцы лошади и крупного рогатого скота, таранные кости бобра. Одним из наиболее распространенных у финно-угров амулетов, носимых на поясе, был медвежий клык. По мнению Г.Т. Ленц, медвежий клык выступали не только в качестве амулетов, но и использовались как орудия для распутывания узлов на оленьих и собачьих упряжках. Об этом свидетельствуют заполированные от постоянного использования острые концы клыков. Для этих же целей использовались, вероятно, и найденные на Рождественском и Редикарском городищах куски рога, которые имеют отверстия для привешивания. Предмет с Редикарского городища украшен резной головкой

коня. Таким образом, можно сделать вывод о том, что не только большинство предметов утилитарного назначения дополнительно выполняли магические функции, но и предметы магического назначения могли использоваться в практических целях.

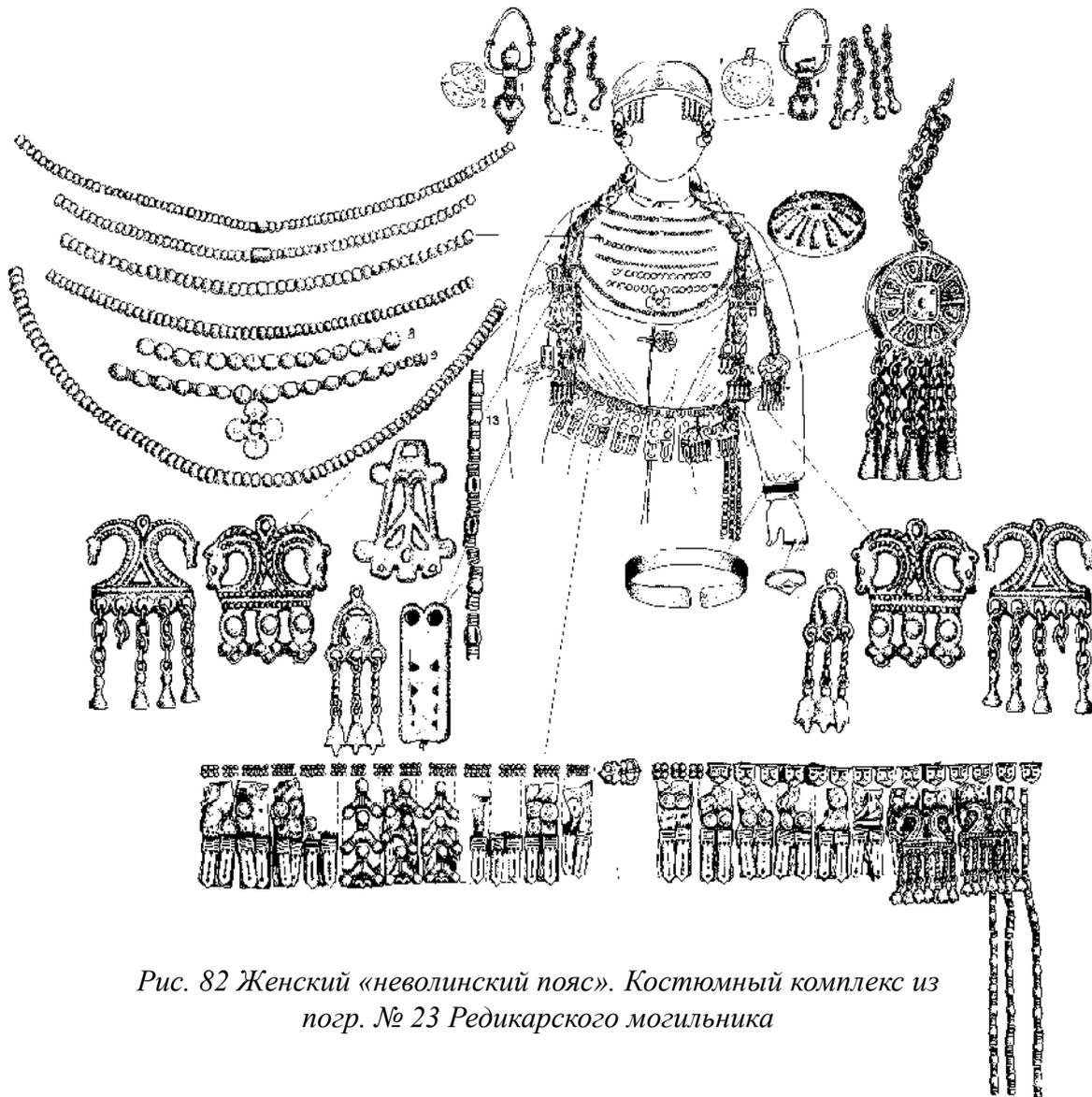

Рис. 82 Женский «неволинский пояс». Костюмный комплекс из погр. № 23 Редикарского могильника

В женских погребениях детали поясного набора в целом встречаются реже, чем в мужских. Среди женских поясов, как и у мужчин, встречаются пояса с бронзовой пряжкой, пояса без пряжки с концевыми украшениями, пояса с пряжкой и несколькими накладками, расположенными спереди. Но наборные пояса у женщин встречаются чаще, чем у мужчин. Основное отличие женских поясов от мужских заключалось в том, что они гораздо чаще дополнялись привесками, и привески эти были значительно богаче. Особенно оригинальны т.н. "неволинские пояса" к. VII - VIII веков (рис. 82). Свое название эти уникальные пояса получили потому, что они преобладают в материалах могильников неволинской культуры в бассейне р. Сылва. Это кожаный пояс шириной 2-2,5 см, длиной до 70 см, украшенный на концах пряжкой и наконечником и многочисленными накладками различных форм. К основному ремню прикреплены обычно 12-16 прямоугольных кожаных привесок размерами 3,5-4 x 10 см. Одна, а чаще три привески, расположенные сзади, украшены тремя тройчатками, остальные - двумя рядами круглых, ж-образных или прямоугольных накладок в верхней части и прямоугольными вытяну-

тыми - в нижней. Пояс снабжался одной или двумя пронизями, состоящими из различных бронзовых пронизок, бус, завершающимися конической или планчатой подвеской. Широко были распространены также пояса с привесками в виде узких кожаных ремешков с накладками, для женских поясов они характерны в гораздо большей степени, чем для мужских. Наиболее широко подобные привески встречаются, начиная с X века. Они могли использоваться как сами по себе, так и в сочетании с низками бронзовых бус и пронизок и разнообразными подвесками. Иногда пояс украшало от 2 до 7 привесок, которые свисали как бахрома. Но особенно характерными для женских поясов были привески в виде низок бронзовых бус и пронизок. В VII-IX веках в составе таких привесок использовались довольно крупные прорезные пронизки, низки завершались рожковой пронизкой. Именно такие привески нередко дополняли неволинские пояса. С VIII в. широко распространены привески, состоящие из нескольких низок литых бронзовых пронизок или спиралек, бронзовых бус. Нередко низки делились на конце на две или три нити. Концы низок обычно завершались колоколовидными пронизками. Иногда в состав низок входили пронизки в виде объемных фигурок птиц или животных. В VII-VIII вв. нередко встречались пронизки в виде крылатого пса-Сенмурва. Но чаще всего в наборах поясных привесок присутствуют пронизки в виде утки или лебедя. К поясу привешивались также медальоны-коробочки, которые, по всей видимости, служили туалетными коробочками. Роль туалетных коробочек могли выполнять и подвески в виде самоварчиков. На поясе носили и игольники. Игольник для женщины, хозяйки и рукодельницы был совершенно необходим. Скорее всего, в каждом женском погребении находился этот предмет, но так как кроме металлических широко были распространены и игольники из органических материалов, мы имеем возможность зафиксировать только единицы из них. Из металлических игольников выше уже упоминались флаконовидные пронизки, которые чаще всего подвешивались на правую косу, но иногда носились и у пояса. Изредка на поясе носили коньковые подвески. В составе поясных привесок встречаются и подвески-ложечки.

Поясные привески, возможно, крепились непосредственно к ремню, а возможно являлись съемными, что наиболее вероятно. В последнем случае для их подвешивания использовались петли на поясе и специальные крепления в виде "костылька", "якорька" или "коромослица". Женские пояса особенно с X века часто дополнялись поясными сумочками или кошельками из кожи, бересты или ткани. Принадлежностью женского пояса, как и мужского, был нож.

Что касается *украшений рук*, то нельзя сказать, что этот вид украшений был очень популярен. *Браслеты* в могильниках Пермского Предуралья встречаются довольно редко. Обычно они сопровождают наиболее богатые погребения. Поэтому можно предположить, что этот вид украшений мог являться знаком высокого социального положения. У мужчин в большинстве случаев браслеты были надеты на правую руку, у женщин - на левую, а иногда и на обе руки. Среди браслетов преобладают прутковые - круглого сечения или граненые, и пластинчатые - узкие и широкие, с прямыми или расширяющимися, иногда закругленными концами. Большинство браслетов - бронзовые, серебряные составляют единицы.

Кольца и перстни также чаще всего сопровождают наиболее богатые погребения. Носили их в равной мере как на правой, так и на левой руке. В мужских погребениях в 50 % - на левой, в 50 % - на правой руке. В некоторых женских погребениях их бывает по несколько штук (до 5). В X в. кольца и перстни стали использоваться несколько реже, чем ранее. Но, в то же время распространился оригинальный вид перстней с серебряным "колпачком" на месте щитка. "Колпачки" в форме серебряного позолоченного по-

лушария, украшенного треугольниками зерни и сканью, а также вставкой из серебра или сердолика, встречены во многих погребениях Рождественского и Огурдинского могильников, известны на Баяновском и других могильниках. Их назначение оставалось неясным пока в погребениях Огурдинского могильника они не были обнаружены на месте ношения, где являлись частью перстней. К "колпачку", напаянному на тонкую медную пластинку, припаивались две медные дужки, в результате чего получалось разъемное кольцо. Такие перстни встречаются в богатых погребальных комплексах, нередко сопровождавшихся погребальными серебряными масками. Таким образом, эти перстни, очевидно, относятся к категории вещей, обозначающих высокое социальное положение.

Кольцу в древности у многих народов придавались сверхъестественные способности. Кольцо - это круг, а идея о круге объединяет в себе идею защиты и овладения. На Кавказе кольцо, как и узел, считались оковами для духа; отсюда возник взгляд, что ношение на руке кольца или перстня препятствует общению с духами. Вместе с тем, кольцо считалось препятствием для проникновения злых духов и, таким образом, являлось амулетом, защищающим от действия злых сил [Чурсин, 1929, с.26]. У коми кольцо наделялось свойствами "способствовать зрению различных, обычно невидимых духов, отражать события будущего, защищать от всех вредных, сверхъестественных существ, предотвращать порчу и болезни, исправлять их" [Сидоров, 1928, с. 144]. Особенно необходимо было кольцо женщине, так как у многих народов она считалась существом нечистым, способным навредить окружающим, кольцо на пальце не только охраняло саму женщину, но и не давало ей возможности нанести кому-нибудь вред. Например, у самаркандских таджиков женщина должна была носить хотя бы один перстень - он очищает ее, ибо у нее руки (от работы) грязные. Причем лучше всего это делает медный или бронзовый перстень. У таджиков обязательным для каждой женщины было ношение кольца, так как считалось, что пища, приготовленная женщиной, не носящей кольца, якобы была поганой. У коми женщинам рекомендовалось доить корову, надевая на свой палец кольцо, чтобы корова не испортилась от дурного слова или дурной мысли. А.С. Сидоров пишет: "Некоторые старые женщины носят на руке кольцо отнюдь не для красоты, а в качестве амулета, причем сила этого амулета заключается, по-видимому, как в материале (кольцо обязательно медное), так и в форме предмета (замкнутое пространство)" [Сидоров, 1929, с.143]. Существовало верование и в магическую силу перстней с камнями-вставками, например, сердолик и бирюза считались отгоняющими нечистую силу.

Разумеется, костюм не являлся однородным, набор декоративных элементов в составе костюмного комплекса зависел от разных обстоятельств – возраста, социального, возможно, и имущественного положения индивидов. К сожалению, крайне плохая степень сохранности костяков в большинстве могильников Пермского Предуралья не позволяет сопоставить выделенные типы с возрастом погребенных, что, на наш взгляд, дало бы весьма интересные результаты, но, тем не менее, анализ выделенных типов позволяет выявить среди них наиболее характерные для указанной территории.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. *Что относится к декоративным элементам костюма? Какие функции они выполняли?*
2. *Чем можно объяснить то, что декоративные элементы на женском костюме обильнее, чем на мужском на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья?*

3. На какие группы, в зависимости от частей тела человека, делятся украшения? Перечислите группы и категории предметов, которые в них входят.
4. В чем заключалась магическая сила украшений?
5. Опишите детально украшения головы. Какую функцию по отношению к голове и волосам несли головные украшения? Почему?
6. Что представляют височные украшения? Какие их разновидности были наиболее излюбленными на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья?
7. Опишите возможные женские и мужские прически на территории Пермского Предуралья. По каким источникам представляется возможным их восстановление? Какое семантическое значение придавали волосам в финно-угорской среде?
8. Охарактеризуйте накошники, функции и способы их ношения.
9. Опишите основные виды накошников, бытовавших на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Какие из них наиболее ранние? Опишите смысловое значение понравившихся накошников.
10. Перечислите и опишите категории вещей, которые использовались в качестве второстепенных накошников.
11. Носили ли мужчины накошные украшения?
12. Охарактеризуйте шейно-нагрудные украшения в женском и мужском костюме. Отличаются ли они составом и функциональностью?
13. В качестве каких украшений встречаются "бляхи с сокольничьем" и "подвески-всадники". Существует ли между ними смысловая связь?
14. Охарактеризуйте многофункциональность пояса.
15. Что представлял из себе поясной набор женского и мужского костюмов? Имеются ли отличия между ними?
16. Опишите представляющие украшения рук и способы их ношения. Каковы, по представлениям древних, сверхъестественные возможности кольца?

§ 4. ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ НОШЕНИЯ В КОСТЮМЕ ОРУДИЙ ТРУДА ПОВСЕДНЕВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Особую роль в костюме средневековых жителей Пермского Предуралья играли приспособления для крепления съёмных деталей.

К этой категории предметов относятся подвески в виде "костыльков" и "якорьков", которые имели, главным образом, не декоративное, а утилитарное значение. "Рога" этих подвесок закреплялись в специальных петлях на поясе или в волосах при подвешивании накошников, ножен и т.п. При этом в составе накошников отмечаются, как правило, бронзовые "костыльки". Но они также нередко служили и для крепления съёмных деталей на поясе. "Якорьки" преимущественно служили для подвешивания различных предметов на пояс. При этом подвеска могла крепиться на поясе, в данном случае кожаная петля находилась на подвешиваемом предмете. Но чаще, вероятно, на поясе имелось несколько петель или колечек, за которые с помощью "костыльков" или "якорьков" зацеплялись ножны и пр.

Костыльки — подвески, представляющие собой вытянутой горизонтально стержень или плоскую планку с петлей в центре. Они бывают в виде прямого прутка или планки (конец IX – середина XI вв.), дугообразные (первая половина XI в. - XIII–XIV вв.), с плавным "М"-образным изгибом (XII–XIV вв.) (рис. 83-84).

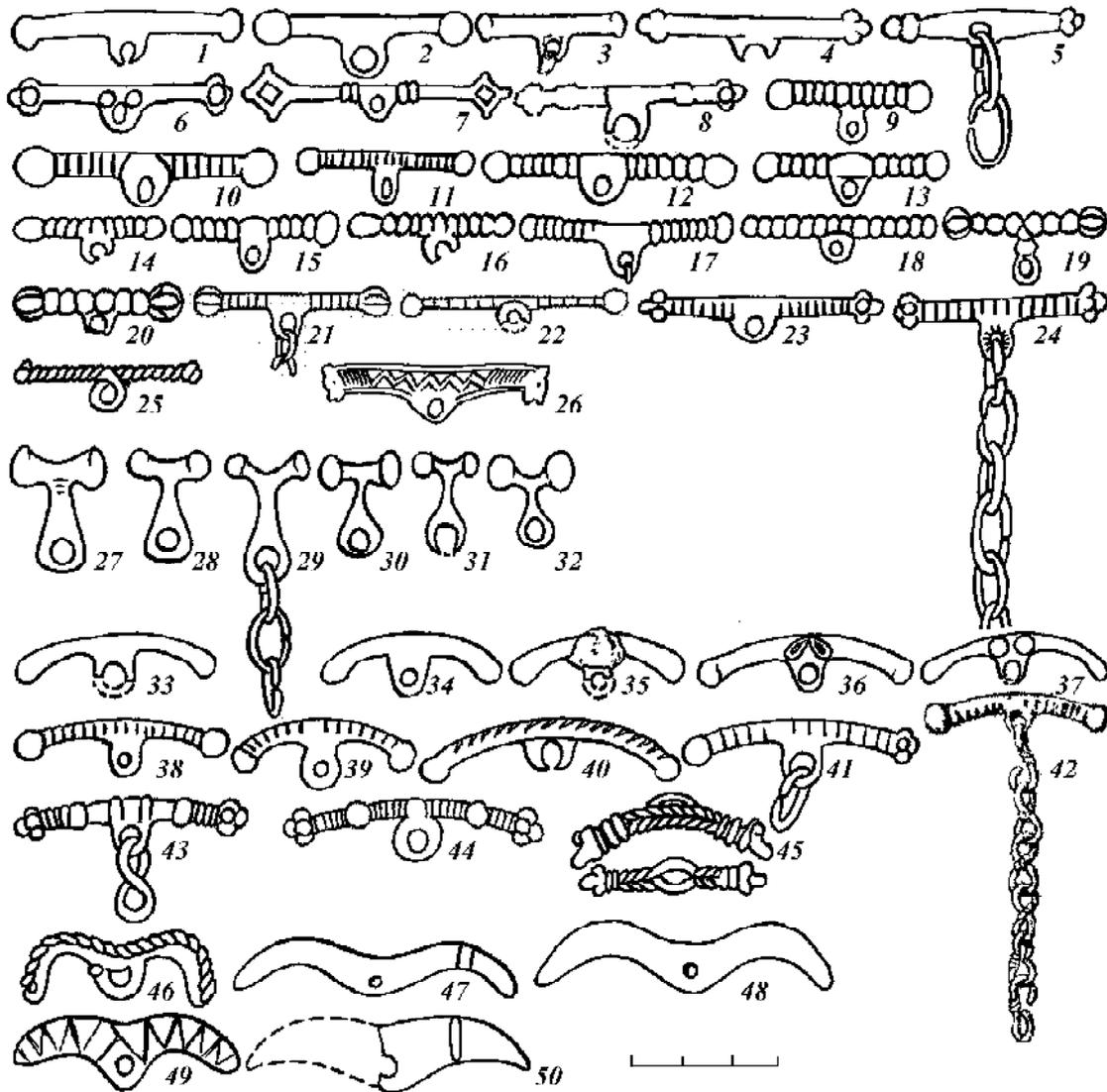

Рис. 83 «Костыльки», 47-50 - рог, остальное - бронза: 1, 49 - Рождественское городище, 2, 12, 23, 27, 29, 31, 33-36, 38-40 - Рождественский, 33 - Урьинский, 4-9, 11, 13, 24-25, 37, 41, 43 - Степаново плотбище, 14 - Каневский, 15-17, 20 - Аверинский, 18 - Важгортский, 19-21 - Плесинский, 22 - Антыбарский, 26 - М.-Аниковский, 28, 30 - Огурдинский могильники, 32 - д. Козьмино, 42 - Роданово городище, 44 - Терикановский могильник, 45 - д. Данилова, 46-47 - селище Телячий Брод, 48 - Анюшкар, 50 - Кудымкарское городище

Якорьковые подвески использовались, главным образом, аналогично костыльковым: якорек закреплялся в петле из шнура на поясе или в другом месте костюма. Но, в отличие от костыльковых, якорьковым подвескам присуща большая декоративность, некоторые кроме отверстия для крепления основного предмета дополнялись боковыми петлями для шумящих привесок. Простые бронзовые и костяные якорьки с короткой шейкой при переходе к петле являются наиболее ранними, они появились с конца IX в., а наиболее характерны для X века. Якорьки с длинной шейкой при переходе к петле датируются рубежом X-XI — серединой XI века. Наиболее выразительны шумящие разновидности якорьковых подвесок. Они имели 3 или 5 петелек для крепления привесок, различаются по особенностям орнаментации. Одноякорьковые подвески, как шумящие, так и без шумящих привесок, безусловно, являются разновидностью вещей, характер-

ных для Пермского Предуралья. На соседних территориях их находки довольно редки. Большинство форм якорьковых подвесок относится к X–XI вв., а к более позднему периоду могут быть отнесены только подвески, украшенные многочисленными "поясками", но и их дата вряд ли позднее начала XII века.

Сумки и кошельки, как составные элементы средневекового костюма в Пермском Предуралье были выделены благодаря масштабным раскопкам, проводившимся на Рождественском, Баяновском и Огурдинском могильниках КАЭЭ ПГПУ. До этого один кошелек был найден на могильнике Пыштайн в Гайнском районе Пермского края, но В.А. Оборин определил ее как фрагмент головного убора, так она и располагается на реконструкции погребения в экспозиции Гайнского краеведческого музея.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют выделить *кошельки* для хранения элементов огнива, которые присутствуют в мужских погребениях, и *женские сумочки для рукоделия* и других мелких предметов, которые необходимо было иметь под рукой. Деление это весьма условно, вполне вероятно, что внешне мужские и женские поясные сумочки различались незначительно, но у них

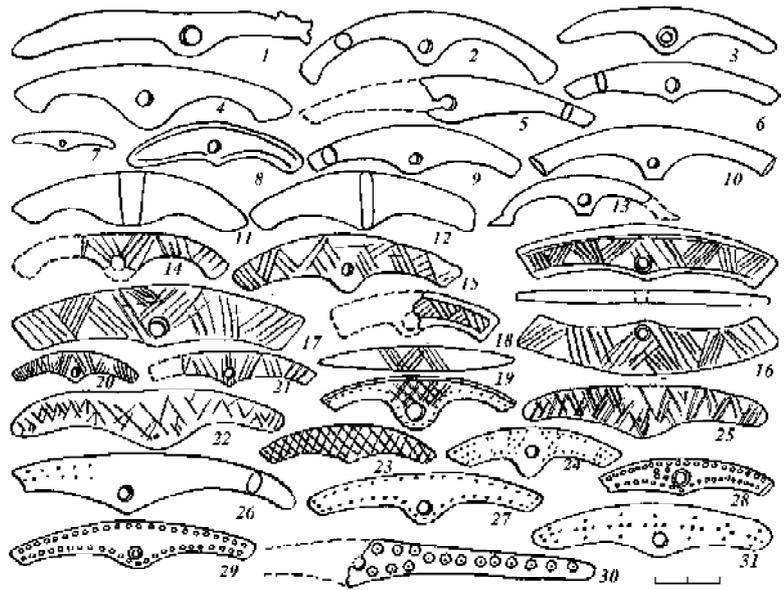

Рис. 84 «Костыльки» роговые: 1 – Аверинский могильник, 2 – Кудымкарское селище, 3, 13-14, 16, 20-21, 25, 31 – Рождественское городище, 18-19, 28 – Кудымкарское городище, 24 – Юсьвенское городище, 26 – селище Телячий Брод

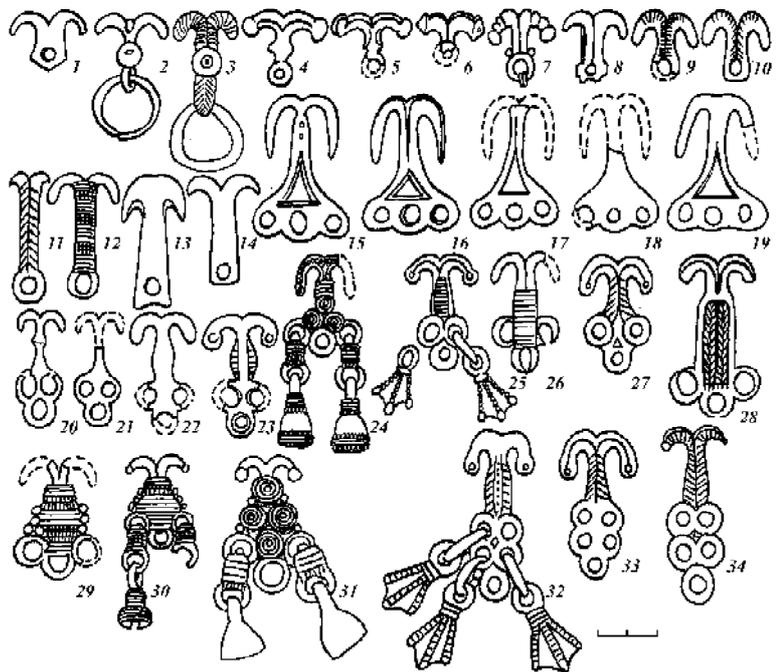

Рис. 85 – «Якорьки»: 1, 12, 21 – Рождественское городище, 2 – М.-Аниковский могильник, 3, 24 – Вакинское селище, 4 – Каневский, 5-8 – Аверинский, 9, 15 – Огурдинский, 10-11, 17-18, 22, 23, 25, 26-27, 29, 33 – Рождественский, 13, 19 – Анюшкар, 14 – Кудымкарское городище, 16 – Загарский, 20 – д. Елева, 28 – с. Архангельское, 30 – д. Харина, 31 – Роданово городище, 32 – д. Михалева, 34 – Гайнская волость

существуют различия в декоративном оформлении.

Сумочки и кошельки подвешивались на пояс с помощью кожаных ремешков или шнурков. В одном случае на поясе в месте крепления сумочки находилось два бронзовых кольца, в другом — две выпуклые накладки-пуговицы.

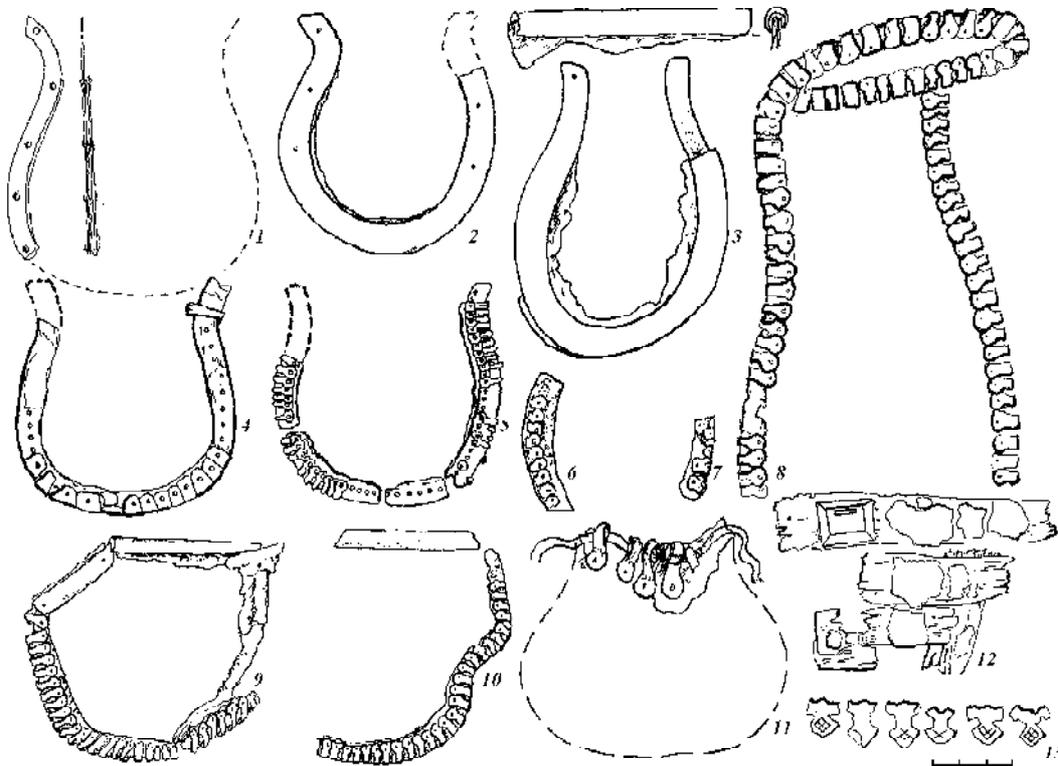

Рис. 86 Поясные кошельки: 1 – Рождественское городище, 2 – Пыштайский, 3, 6-7, 9-11 – Баяновский, 4-5, 8, 12-13 – Рождественский могильники

Кошельки (рис. 86) представляют собой небольшие (шириной 8–10, длиной 11–15 см) плоские мешочки из кожи или ткани, иногда с прокладкой из бересты. Обычно они лировидные, суженные посередине, с овальной нижней и расширяющейся в виде раструба верхней частью. Кожа сохраняется крайне фрагментарно только непосредственно между металлическими пластинками, поэтому судить о ее качестве трудно. Но материалы с соседней территории Удмуртии показывают, что кошельки изготавливались из сыромятной кожи, в Качкашурском могильнике на нее тиснением был нанесен орнамент в виде сот, в погр. № 173 Варнинского могильника кожа кошелька была окрашена в красный цвет. Подобный тисненый ячеистый орнамент наблюдается и на сумочках из Ветлужско-Вятского междуречья [Крыласова, 2006]. По мнению Е.П. Казакова, такая кожа ("булгари") изготавливалась в мастерских булгар [Казаков, 2001, с.173]. Кожаные кошельки известны нам по сохранившимся металлическим деталям. Наиболее распространенными были кошельки с краями, скрепленными мелкими медными обоймочками по краю, заходящими друг на друга наподобие чешуи. В отдельных случаях под обоймочками сохранилась кожа в два слоя. Мелкие обоймочки скрепляли края основной емкости кошелька, а края горловины закреплялись относительно длинными узкими пластинками. Известны и кожаные кошельки с краями, скрепленными парой цельных медных пластин. Кошельки закрывались крышкой-затяжкой в виде полукруглой трубочки. Аналогичное устройство кошельков зафиксировано в Качкашурском I могильнике IX–XIII вв. в Удмуртии. Все подобные кошельки происходят из мужских погребений,

отличающихся относительным богатством инвентаря. В большинстве кошельков или возле них найдены кресала и кремни, что свидетельствует о том, что они предназначались, главным образом, для ношения предметов огнива. Поясные кошельки (сумочки), обрамленные по краям бронзовыми обоймочками, являются довольно характерным элементом волго-уральского раннесредневекового мужского костюма. Как считает Е.П. Казаков, по своему функциональному назначению, технике исполнения и общему виду кошельки обнаруживают большое сходство. На основании этого исследователь предполагает общие истоки их происхождения, и считает, что, вероятнее всего, первоначальным районом, где в конце IX в. появилась "мода" на них, был регион между Волгой и Уралом. Магьяры принесли такие сумочки в Паннонию, а через торговлю волжских булгар в X–XI вв. по волжскому пути они в несколько измененной форме распространились среди поволжских финнов, а отдельные экземпляры дошли и до Скандинавии [Казаков, 1992, с.144].

Кроме кожаных известны поясные кошельки (сумочки) из ткани, из бересты и лыка.

Женские сумочки (рис. 87) стали нам известны за счет того, что для их оформления использовались различные металлические детали. Известны сумочки, украшенные по нижнему краю или по горловине "бахромой". Такая бахрома из узких кожаных ремешков с мелкими гладкими сердцевидными накладками и наконечниками ремней могла располагаться по верхнему краю сумочки. Интересно, что такие накладки и наконечники на Рождественском могильнике встречены, главным образом, именно в составе украшений поясных сумочек. Присутствие подобного рода накладок и наконечников ремней в материалах Огурдинского могильника позволяет предполагать, что и там существовали аналогичные сумочки. Известны также варианты, когда к нижнему краю сумочки прикреплялись петельки из кожаного шнура с нанизанными на него спиралевидными пронизками и грушевидными бубенчиками с крестовидной прорезью. Другой разновидностью поясных сумочек являются те, у которых лицевая сторона украшена шумящими умбоновидными подвесками. Например, в центре помещена крупная умбоновидная подвеска с пятью привесками, по бокам от нее — две меньшие по размеру с тремя при-

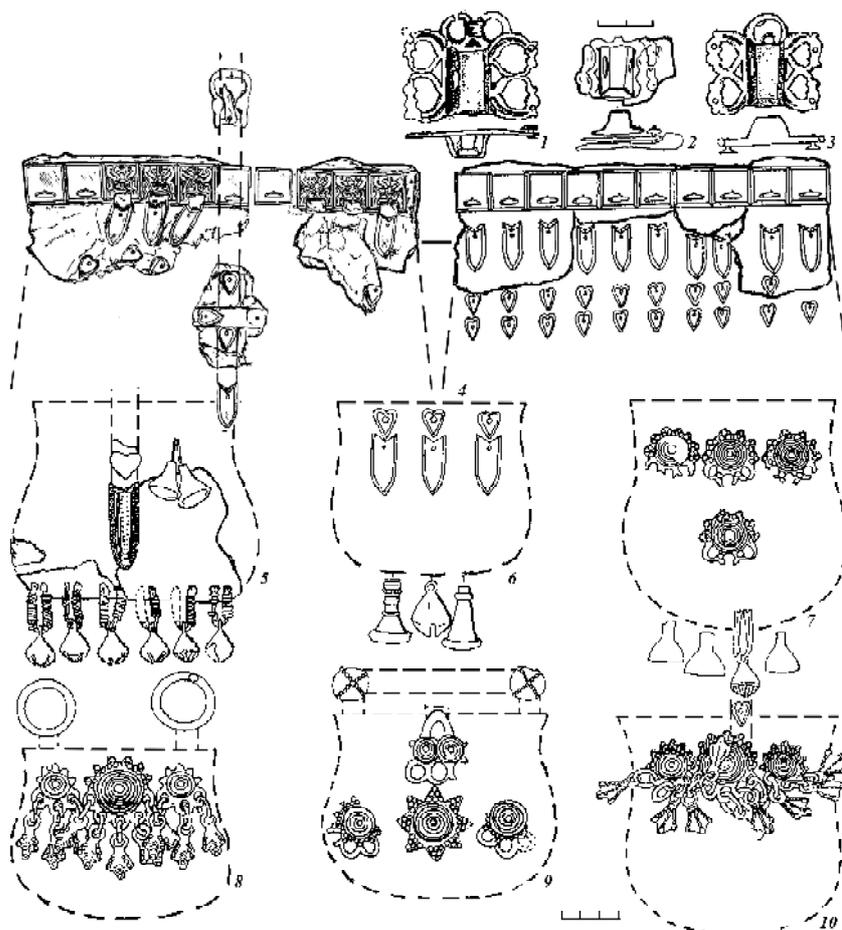

Рис. 87 Поясные сумочки: 1-2, 4-10 – Рождественский, 3 – Огурдинский могильник

весками. Могут использоваться и однотипные умбоновидные подвески. Известны также сумочки с фигурными застежками в виде коробочки трапециевидного сечения с отверстиями сверху и по бокам. Коробочка помещена на ажурной пластине с изображением пары смотрящих друг на друга конских головок с обеих сторон. На месте глаз коньков помещены штифты, с помощью которых застежка крепилась на поверхность сумочки. Такие предметы обнаружены на Рождественском и Огурдинском могильниках. Застежка из погр. №118 Рождественского могильника очень плохой сохранности, но под ней сохранился фрагмент кожи, расположенный между пластиной застежки и железной пластиной, предназначенной, очевидно, для более жесткого крепления на поверхности сумочки. Аналогий подобным застежкам за пределами Пермского края пока не известно.

Судя по этнографическим материалам, женским сумочкам придавалось большое значение. К примеру, у обских угров сумка для хранения швейных принадлежностей (тучан) была наиболее значимым женским предметом. В ней рядом с иглами и нитями женщина хранила амулеты, предметы для очистительного окуривания, пуповины своих детей. В описываемых легендах невеста рисовалась непременно "одетой в хорошую одежду" и "держашей меховую сумку". При переезде в дом мужа невесту укладывали на отдельную нарту, ее приданое — на другую. Лишь один предмет кроме одежды, принято было иметь при себе — тучан. Иногда, по преданиям, зловредную женщину лишали всего ее имущества и гнали прочь. Единственное, что неизменно оставалось с ней, была ее швейная сумка. Женщина была неразлучна со своей сумкой, даже когда ей приходилось отправляться в иной мир. Швейная сумка "переживала" вместе с женщиной все настроения и состояния. Если хозяйку одолевали слезы, она прятала глаза, прильнув к тучан. Если женщина не могла пережить смерть мужа, и желала поскорее уйти вслед за ним в потусторонний мир, она оставляла в его могиле свою швейную сумку, "чтоб быстрее найти друг друга в стране мертвых, ведь у мужа и жены одна сумка на двоих" [Мифологическое время 2003, с.47]. Возможно, именно с таким обычаем связано наличие женских сумочек в двух жертвенных комплексах на Рождественском могильнике.

Необходимой принадлежностью пояса являлся *нож*. Ножи представлены в большинстве погребений всех поло-возрастных категорий. Такая их популярность объяснима двумя обстоятельствами: во-первых, нож — это основное универсальное орудие, которое могло использоваться и для различных хозяйственно-производственных нужд, и как столовый прибор, во-вторых, как показывают данные этнографии, нож являлся важным оберегом от нечисти и колдунов, и, вероятно, именно это было определяющим для средневековых жителей Пермского Предуралья, помещавших нож в состав костюма наряду с другими амулетами. Ножи, находимые в погребениях, обычно имеют небольшие размеры, в среднем 10–15 см в длину, и относятся к категории универсальных. Как правило, нож располагается в области левого бедра, что может свидетельствовать о его нахождении в ножнах на поясе. Судя по следам древесины, нередко сохраняющейся на железных ножах, ножны и рукояти изготавливались преимущественно из дерева. В период IX — начала XI вв. в Пермском Предуралье получили относительно широкое распространение деревянные ножны, обложенные металлическими пластинами (медными, бронзовыми или серебряными). Обычно в мужских погребениях ножны не сохраняются. Вероятно, они были из простого дерева или из кожи. Деревянная рукоять у перехода к лезвию иногда перетягивалась бронзовой или серебряной обоймой. *Ножны с металлическими обкладками* характерны обычно для "богатых" женских захоронений (рис. 88). Сохранившиеся ножны имеют в большинстве случаев длину 20–25 см, ширина их со-

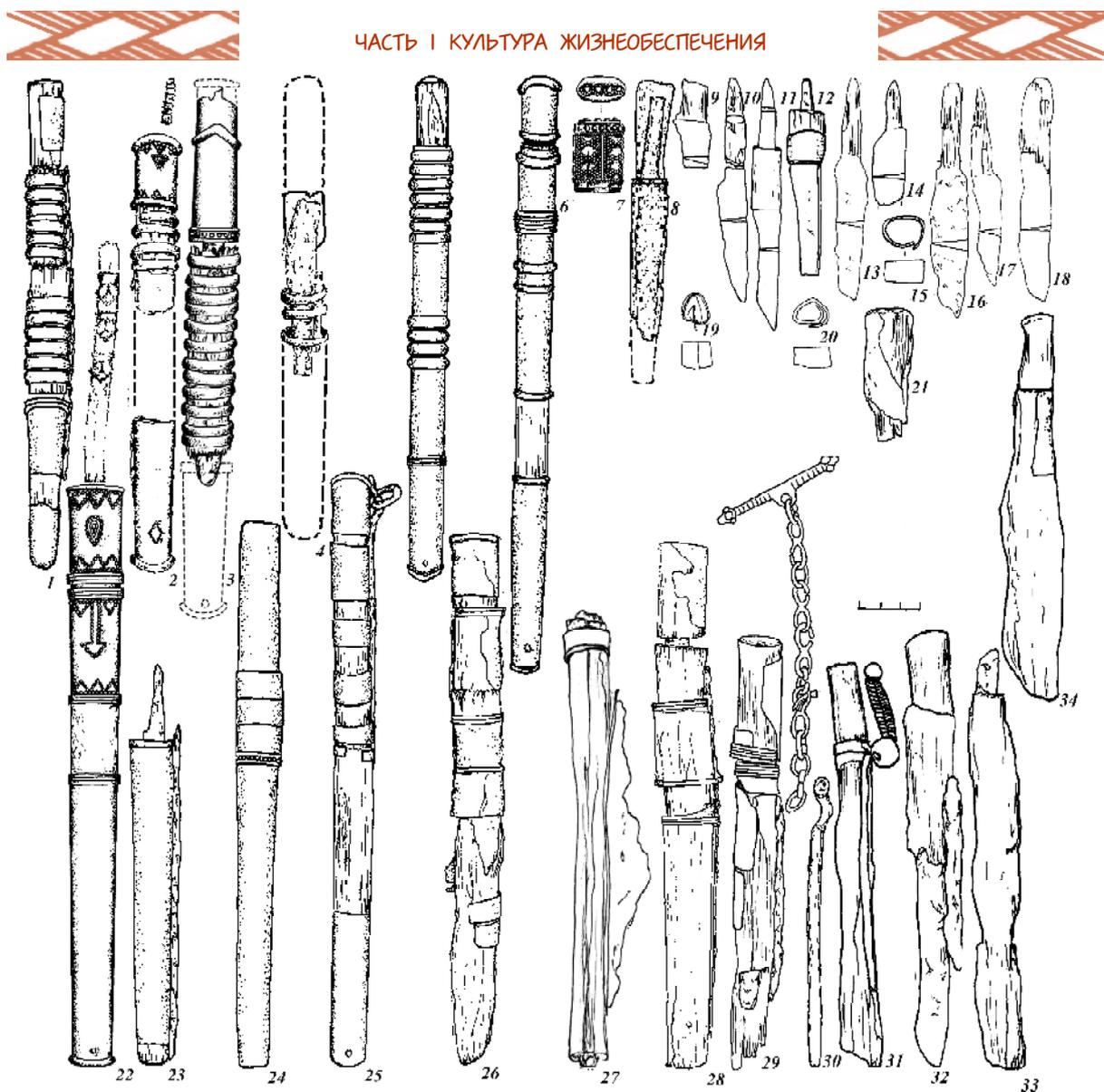

Рис. 88 Ножны: 1, 8, 22 – Каневский, 2 – Редикарский, 3-4 – Важгортский, 5-6 – Урынский, 7, 9-11, 21 – Огурдинский могильники, 12 – Роданово городище, 13-14, 16-18, 29 – Рождественский могильник, 15 – селище Запоселье, 19-20 – Рождественское городище, 23 – Агафоновский, 24 – Аверинский, 25 – Плесинский, 26-28, 30-34 – Баяновский могильники

ставляет около 2 см. Помещавшийся внутри нож имел узкое лезвие, что побудило ранних исследователей отнести их к кинжалам. Однако, как показывают материалы поселений, это основной вид бытовых универсальных ножей IX–XI веков. Обращает на себя внимание то, что рукоять ножей чаще всего очень короткая (3–5 см). Ножны и рукояти обкладывались металлическими пластинами или многочисленными кольцевидными обоймами. В большинстве случаев рукоять и наконечник ножен завершались выпуклым дугообразным валиком. Наконечник ножен закреплялся внизу маленькой заклепкой. Серебряная обкладка наконечника ножен из погр. № 51 Редикорского могильника закреплялась декоративной бронзовой заклепкой в виде выпуклого ромба. Зачастую вдоль ножен сохраняются остатки железного стержня. В одном из разрушенных погребений Баяновского могильника в 2005 г. был обнаружен подобный стержень, сохранившийся целиком. В верхней части на нем имеется петля, за которую ножны с помощью узкого ремешка, кожаного шнура, бронзовых или железных цепочек, крепились к поясу. Нож-

ны, которые датируются IX – первой половиной X вв., характеризуются тем, что верхняя часть ножен покрывалась многочисленными выпуклыми бронзовыми кольцами-обоймами. Наконечник ножен и рукоять обложены цельными бронзовыми или серебряными пластинами, иногда с украшением из зерни. На рукоять ножен из погр. № 51 Редикорского могильника, обтянутую серебром, припаяны треугольники крупной серебряной и мелкой золотой зерни. Ко второй половине X — рубежу X–XI вв. относятся ножны, обтянутые верхней части 2–3 металлическими пластинами шириной 1,5–5 см, нередко украшенными по краям рядами горизонтальных узких валиков, рукоять и наконечник покрыты цельной пластиной. Позднее, как показывают материалы, к примеру, Рождественского и Огурдинского могильников, изменились как сами ножи (они стали несколько крупнее и шире, зачастую с закругленным концом), так и рукояти, которые, судя по сохранившимся остаткам древесины, значительно удлинились. Ножны с металлическими обкладками в период с середины XI в. и позже уже не встречаются. Кроме деревянных в конце XI–XII вв. получили распространение костяные цельные и наборные рукояти ножей. К примеру, на городище Анюшкар найдено 52 цельных и наборных рукояти, 80 % которых происходит из слоев XII–XIV веков [Ленц, 2002, с.227].

Большой популярностью, как универсальное орудие труда, пользовалось *шило*. Об этом свидетельствует большое количество шильев в материалах средневековых поселений Пермского Предуралья, а также частое присутствие их среди сопровождающего инвентаря мужских погребений. При этом шильям, входившим в состав снаряжения мужского пояса, придавался характер амулетов, о чем может свидетельствовать богатая декоративная отделка их рукоятей. Например, у коми, как и в других традиционных культурах, было широко распространено поверье об охранительной роли ножа, иглы, шила, топора, стрелы и других острых и просто заостренных предметов [Сидоров, 1928, с. 27, 123–124]. Зачастую шилья, носившиеся на поясе, помещались в специальные футляры. *Роговые футляры* с конусовидной емкостью внутри для помещения шила найдены на Вакинском селище и городище Анюшкар. По бокам футляра в его верхней части имеются два выступа со сквозными отверстиями. Такие же отверстия просверливались в рукоятях шильев. При помощи кожаных шнурков, продеваемых в отверстия, футляр и рукоять скреплялись вместе и подвешивались к поясу. Рабочую часть шила извлекали, сдвигая рукоять вверх по шнурам (рис. 89/29). Подобная конструкция может считаться характерной для Пермского Предуралья. Она применялась в туалетных коробочках — "самоварчиках", в бронзовых игольниках с крышками. Сами футляры для шильев, вероятно, чаще всего изготавливались из дерева, поскольку роговых футляров пока известно всего два. Но о широком распространении футляров подобной конструкции свидетельствует массовость находок роговых рукоятей с отверстиями для продевания шнурков. Кроме роговых, встречено два экземпляра бронзовых рукоятей подобной формы, а, судя по сохранившимся следам древесины на отдельных экземплярах шильев, существовали и деревянные рукояти.

Все *рукояти шильев* имеют "Т"-образную форму (рис. 89). Отверстия просверливались в выступах по краям рукояти. Наиболее ранними являются рукояти X в., форма которых близка к треугольнику, лишь отдельные экземпляры имеют "Т"-образные очертания, спинка прямая, длина спинки почти равна высоте рукояти (6–7 см). Характерной особенностью таких рукоятей является наличие на большинстве из них орнаментации. Преобладает точечный и циркульный орнамент, у одного экземпляра выступы рукояти покрыты резными линиями, у одной роговой рукояти и у бронзовой по контуру располагается орнаментальная полоса, покрытая насечками, на ряде изделий имеется тамга. К особенностям данного типа можно также отнести частое оформление втулки гори-

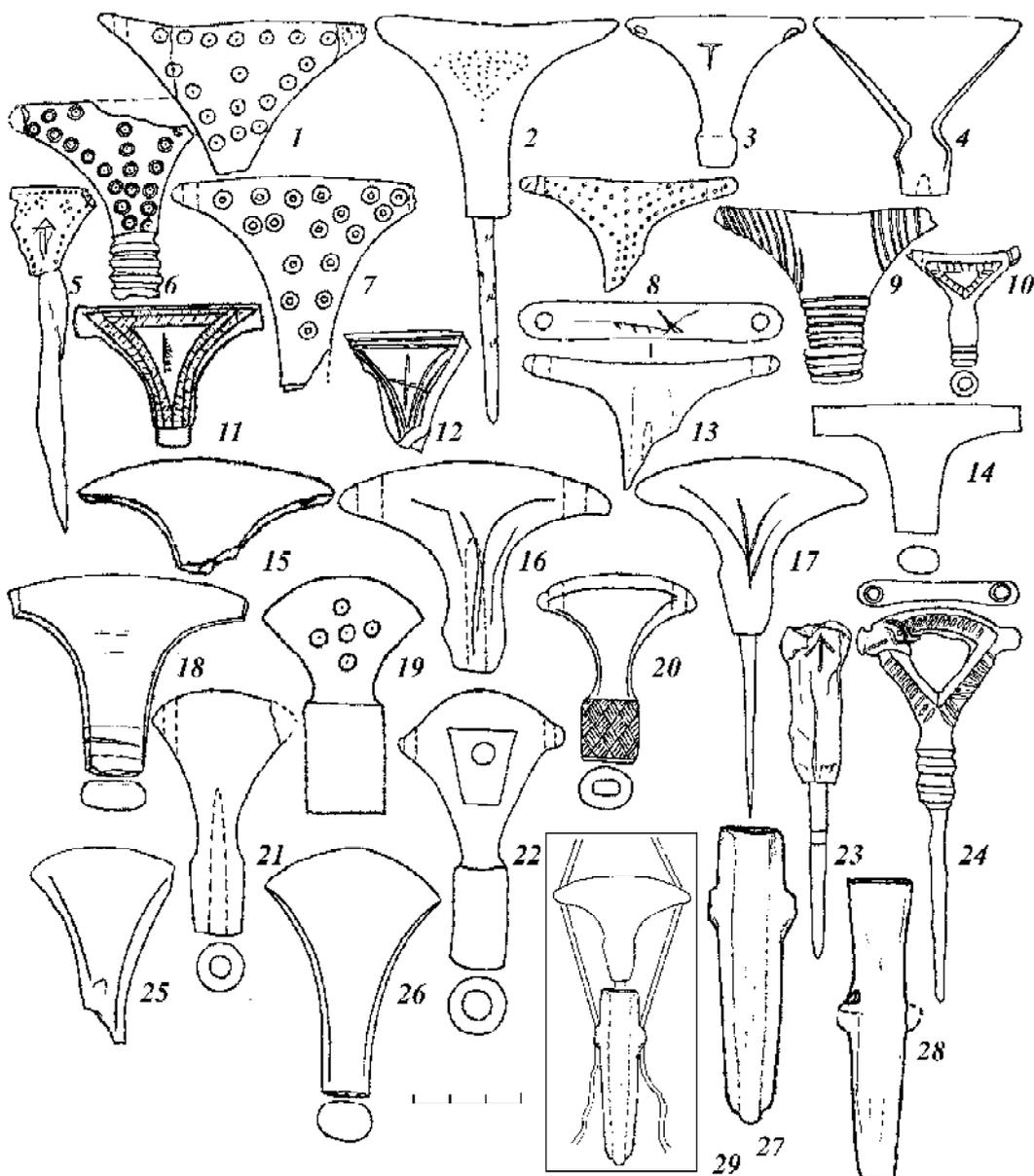

Рис. 89 Рукояти и футляры шильев: 1-2 – Плесинский могильник, 3-4, 9, 14, 16-17, 19, 21-22, 25, 28 – Анюшкар, 5, 23 – Шудьякар, 6 – Лаврятское, 7-8, 12-13, 18, 26 – Рождественское городища, 10 – д. Загарье, 15 – Роданово городище, 20 – Кудымкарское селище, 24 – Пермская губерния, 27 – Вакинское селище, 29 – схема соединения рукояти и футляра шила

зонтальными рельефными поясками. В XI–XII вв. появился переходный тип рукоятей, которые отличает дугообразная спинка и более выраженная "Т"-образная форма. Орнаментация отсутствует, лишь на отдельных экземплярах прочерчена тамга. Наконец, в XII–XIV вв. распространились роговые и бронзовые рукояти вытянутой подтреугольной формы с дугообразной спинкой, длина спинки в 1,5–2 раза короче высоты рукояти.

Подобные рукояти были распространены преимущественно у финно-угорских народов на обширных территориях вплоть до Норвегии и Дании. Но, не смотря на такое широкое распространение этих изделий, исследователи связывают истоки роговых рукоятей шильев "Т"-образной формы с территорией Прикамья. Возможно, причиной их популярности было удобство использования в условиях охоты и военного похода. Эта точка зрения является вполне обоснованной, учитывая, что в Пермском Предуралье

имеются свидетельства наиболее раннего использования подобных рукоятей шильев.

Выше уже отмечалось, что женщины часто на косе или на поясе носили игольники. Игольник — один из древнейших элементов материальной культуры. Поскольку в странах умеренного и холодного климата первостепенной необходимостью являлась теплая одежда, иглы и футляры для них — игольники — известны еще с эпохи палеолита. Как известно по этнографическим материалам, игольники обычно входили в состав женских принадлежностей для шитья, но ими могли пользоваться и мужчины, надолго покидая дом в сезон охоты.

Л.А. Голубева проанализировав игольники X–XIV вв., распространенные на территории севера Восточной Европы, пришла к выводу, что среди них выделяется вертикальные, характерные для всего Севера Европы, и горизонтальные, которые присущи, прежде всего, населению Приладожья, Белозерья, Костромского Поволжья. Накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет в некоторой степени уточнить эти выводы. К примеру, в отношении территории распространения вертикальных и горизонтальных игольников сейчас нет сомнения, что горизонтальные игольники можно считать "западными", а вертикальные — "восточными", характерными, в основном, для населения Урала и Сибири, где они сохранялись вплоть до недавнего времени. Исключение составляют, пожалуй, только вертикальные игольники в виде конусовидной трубочки со своеобразным щитком сбоку (игольники в виде ножен), которые имеют прибалтийско-финское происхождение [Голубева, 1978, с.200]. Вертикальные игольники наиболее древние, почти повсеместно с глубокой древности известны игольники из трубчатых костей или остья пера птиц. Д. Анучин зафиксировал особенность использования вертикальных игольников. Он приводит описание чукотских игольников из обрезков трубчатых костей животных, а в более совершенной форме — в виде медных цилиндров. Через такую трубочку пропускался мягкий ремешок с узлом внизу, который не позволял ей соскочить с ремешка; в узел втыкались иголки, и когда иголка понадобится — чукчанка берет за трубочку, вытягивает узел и достает иголку, после чего снова вдергивает ремешок в трубочку, которая и прикрывает, таким образом, иголки [Анучин, 1899, с.249-250]. Вертикальные игольники, изготовленные из трубчатой кости животных, реже из бронзы, были широко распространены и у удмуртов в XVI–XIX веках. Использование их было таким же, как и у сибирских народов (энцев, нганасан, обских угров, ненцев и т.д.): удмуртки подвешивали вертикальный игольник к поясу, сквозь него продевали кожаный шнурок или тесьму, в которую втыкали иголки. Трубочка могла свободно скользить по ремешку вверх и вниз. Для того чтобы игольник удерживался на ремешке, к его нижнему концу иногда прикрепляли кольцо или ажурную бляху. В иных случаях нижний конец ремешка завязывали толстым узлом или по аналогии с игольниками сибирских народов затыкали пробкой из кусочков дерева или комочков березовых стружек [Шутова, 1992, с.40].

У финно-угров *игольник*, как и многие другие утилитарные бытовые предметы (кресала, копоушки, гребни и пр.), со временем приобрел характер важного магического предмета. В составе элементов убранства женского костюма, игольники играли роль амулетов заклинательной магии. Представление об особых свойствах игольников сохранились в какой-то степени вплоть до этнографического времени. Возможно, особое значение игольника определялось тем, что у большинства финно-угорских народов одним из самых распространенных универсальных оберегов являлись швейные иглы. Коми, например, использовали иглы-обереги, чтобы гарантировать себя от случайностей [Сидоров, 1928, с.126]. У обских угров в игольнице был запечатлен женский "дух". У трюмьеганских хантов приношением на святилище игольницы отмечалось рождение каждой

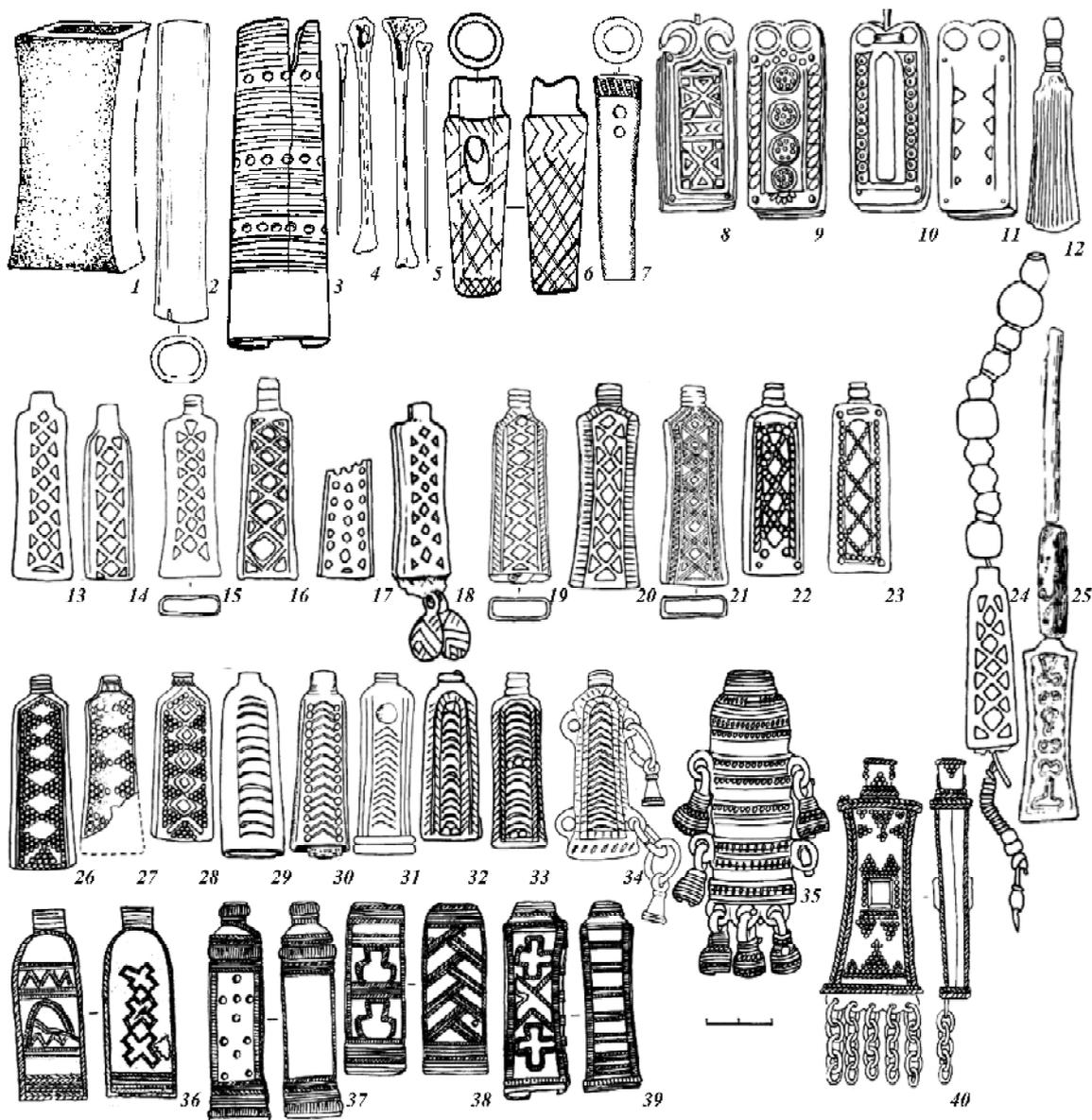

Рис. 90 Игольники: 1 – Важгортский могильник, 2, 4, 6 – Анюшкар, 3 – Кудымкарское, 5, 27, 29, 34 – Рождественское, 7 – Саломатовское городища, 8 – коллекция Теплоуховых, 9-10 – Деменковский, 11 – Редикарский, 12, 25 – Урьинский, 13 – Огурдинский, 14 – д. Харина, 15, 19, 21, 30 – Рождественский, 16 – Майкор, 17, 23, 26, 31 – Анюшкар, 18 – Баяновский, 20, 32 – Вакинское селище, 22 – д. Мальцева, 24 – д. Загарье, 28, 36 – Антыбарский, 33 – Степаново плотбище могильники, 35 – с. Калино, 37 – д. Трошата, 38 – д. Трапезникова, 39 – Аннинская волость на р. Весляне, 40 – Лекмартовский клад

девочки. В угорских мифах с ее помощью героини нередко приобретали сверхъестественные способности. Игольница, принесенная в жертву, связывала хантыйских женщин с богиней Эвыт ими [Головнев, 1995, с.282-283].

Вероятно, именно особое сверхъестественное значение футляров для игл обусловило распространение у финно-угров игольников из цветных металлов, которые занимали определенное место в женском костюме, и наряду с утилитарной, выполняли магическую и эстетическую функции.

Вертикальные игольники довольно широко представлены в средневековых древно-

стях Пермского Предуралья. Среди них известны игольники в виде полого железного бруска (рис. 90/1), игольники в виде простой трубочки из кости, иногда покрытые орнаментом. Но наиболее широкое распространение в Пермском Предуралье получили флаконовидные пронизки-игольники (рис. 90). Впервые мысль о том, что такие пронизки являлись не просто украшением, а использовались в качестве футляров для игл, высказал Д.Н. Анучин [Анучин, 1899, с.249–250]. И действительно, наличие внутри многих из них спекшегося железа (напр., Рождественский могильник), свидетельствует о том, что внутри могли находиться стальные иглы. Иногда нижний край заполнен окислившимся кусочком древесины (пробка?). Флаконовидные пронизки распространены повсеместно на ломоватовско-родановских памятниках с конца VII по XIV век. Они имеют форму пустотелого приплюснутого флакона в виде прямоугольника или вытянутой трапеции. Эти пронизки использовались преимущественно в женском костюме. По способу изготовления они делятся на литые из бронзы (изготавливались из двух половинок, отлитых в двусторонней форме) и выполненные в ювелирной технике. В конце VII–VIII вв. бытовали флаконовидные пронизки прямоугольной формы размерами 2–3 x 5,5–7,5 см. Отлитые отдельно половинки пронизок соединены штифтами. Сохранившиеся кожаные шнуры на некоторых экземплярах показывают, что для их подвешивания использовались сомкнутые или несомкнутые кольца в верхней части изделия, а шнур, проходивший внутри пронизки, вероятно, служил для крепления игл. Позднее распространились флаконовидные пронизки подтрапециевидной формы размерами 2–2,5 x 6–6,5 см. Устье их выполнено в виде короткой трубочки, чаще всего покрытой гладкими горизонтальными поясками. Тулово пронизок имело декоративное оформление в виде продольных линий, решетчатого орнамента, образованного ромбами и треугольниками, "елочки", но наиболее типичными были ажурные флаконовидные пронизки с решетчатым орнаментом. В к.Х – XI вв. появляются флаконовидные пронизки с шумящими привесками. У пронизок, выполненных в ювелирной технике, тулово изготовлено из гладкой серебряной пластины и оформлено в технике филигрании. Среди них также выделяются шумящие и нешумящие.

Флаконовидные пронизки-игольники можно считать характерными исключительно для Пермского Предуралья. На других территориях они встречаются в единичных экземплярах, и, вероятнее всего, их присутствие может расцениваться как маркер брачных связей.

На территории Пермского Предуралья известны также игольники из полых необработанных костей мелких животных или птиц. Например, на Рождественском, Родановом, Анюшкар городищах обнаружены полые косточки птиц и пушных зверьков с отверстием для привешивания, внутри некоторых из них находились костяные иглы (рис. 90/4-5). Изредка встречаются игольники в виде конусовидного футляра с крышкой, которые скреплялись друг с другом посредством ремешков, продернутых в отверстия футляра и крышки (рис. 90/6-7).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Назовите категории предметов, служивших в качестве приспособлений для ношения орудий труда в повседневности. Когда они появляются на территории Пермского Предуралья, и каковы их хронологические особенности?
2. Охарактеризуйте кошельки и сумочки средневекового населения Пермского

Предуралья и их предназначение. С чем связано появление данных вещей на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья?

3. *Подумайте, почему нож относят к поясному набору костюма Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Каково его предназначение в погребальном обряде?*

4. *Почему шило использовалось, прежде всего, как мужской амулет? Как оно носилось?*

5. *Где в костюме чаще всего находились игольники? Опишите игольники, пользовавшиеся популярностью у прикамского населения в эпоху средневековья, и их хронологические особенности. Охарактеризуйте игольник как магический предмет.*

* * *

В целом костюм средневековых жителей Пермского Предуралья имел богатое декоративное убранство, что объясняется их своеобразным стремлением придавать даже самым обыденным вещам особые сверхъестественные свойства. Костюм является наиболее ярким свидетельством этого, он по своей сути является набором разного рода амулетов, которые должны были предохранять от воображаемых опасностей и приумножать природные способности человека. Например, семантический анализ ряда украшений показал, что в женском костюме были сконцентрированы украшения-амулеты, призванные усиливать детородные функции, охранять саму женщину и ее будущих детей от сглаза и порчи. С другой стороны, известно, что женщина, связанная в представлениях древних с нечистой силой, могла сама нанести вред, особенно чужой для нее семье мужа, поэтому украшения являлись и своеобразной преградой, защищающей окружающих от вредного воздействия со стороны женщины.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что наиболее значительно по составу украшений выделяется харинский этап, на котором еще не начался процесс формирования характерных типов прикамских украшений, возникают лишь отдельные идеи — использование в наконечниках коньков, медведей, уток, редких арочных подвесок. Особо показательным является период с VII до середины XI вв., когда формируется наиболее характерный для Пермского Предуралья комплекс украшений и разного рода амулетов. Наивысшей точки развития украшения-амулеты достигают на рубеже X–XI вв., когда даже предметы быта и орудия труда, входившие в состав костюма (гребни, копоушки, туалетные коробочки, ложки, игольники), почти полностью лишаются своей практической роли, дополняясь шумящими привесками, что существенно затрудняет их использование по прямому назначению. В это же время получают распространение бронзовые подвески-амулеты, имитирующие гребни. Кресала с бронзовыми рукоятками, как показали исследования специалистов, также не годились для практического использования, и были, в первую очередь, амулетами. Со второй половины XI в. ситуация коренным образом меняется. Вместо типичных украшений, которые вошли в историографию как украшения "прикамского типа", с присутствием большого количества достаточно реалистичных зооморфных и орнитоморфных образов, получают распространение украшения, выполненные в технике имитации косоплетки. В этот период сохраняются только отдельные орнитоморфные пронизки, которые отличаются значительной стилизацией, биконьковые подвески, многочисленные привески в виде лапок водоплавающих птиц, которыми прежде дополнялись почти все типы шумящих подвесок, выходят из употребления. В женском костюме используется значительно меньше бус, но взамен распространяется совершенно новый вид нагрудных украшений, которые подвешивались на шею на шнуре или цепочке — биякорьковые, подковообразные и иные типы шумящих подвесок. Вполне вероятно, что это связано если не с полной сменой населения, то со значительным влиянием со стороны финских культур с запада.

ТЕМА 7. ПРЕДМЕТЫ ГИГИЕНЫ

Гигиенические приемы — важная часть ухода за телом, под которым понимаются социально предписанные, ритуально оформленные или побуждаемые представлением о самом себе формы обращения со своим собственным телом. В древности уход за телом охватывал гораздо более широкую область, чем комплекс современных понятий о гигиене. В традиционно-бытовых культурах телесная внешность и физическая полноценность имели особое ритуальное значение. Гигиенические правила у всех этносов отличались большой устойчивостью, и играли особую роль в этническом самосознании. И, в соответствии с этим, гигиенические принадлежности, в том числе, копоушки и гребни, широко распространенные в Пермском Предуралье, воспринимались не просто как банальные утилитарные предметы, а как магические участники важного ритуального действия.

§1. ГРЕБНИ

В толковом словаре Ожегова "*гребень, гребенка*" определяются как продолговатая пластинка с рядом зубцов для расчесывания волос, для скрепления прически; синонимом слову "гребенка" является слово "расческа". В археологическом словаре гребни определяются как зубчатые деревянные, костяные или металлические предметы многоцелевого назначения, которые могли употребляться для расчесывания волос, обработки шерсти и растительных волокон, уплотнения материала при ткачестве, украшения керамики [Брей, Трамп, 1990, с.66]. Таким образом, гребни относятся к предметам утилитарного назначения, и выступают, в первую очередь, в качестве предмета гигиены.

Гребни впервые появились еще в неолитическое время, были широко распространены в древних цивилизациях. Известно, что расчесывание волос являлось одной из древнейших культурных потребностей славян, но в землях, заселенных славянами, лишь начиная с I в. н.э. известны односторонние гребни, импортированные из Рима. Позже, с IX в., распространились односторонние и двусторонние гребни собственного изготовления, но производные по образцу римской продукции.

Но на территории Прикамья наиболее ранние из известных гребней относятся еще к ананьинскому времени (VIII–V вв. до н.э.). А наиболее широкое распространение различные изделия из кости и рога, в том числе и гребни, получили здесь с конца VIII в. н.э. Появление предметов из кости и рога, и в целом косторезного дела, на полоумско-чепецких и ломоватовско-родановских памятниках обычно связывается с проникновением сюда во второй половине VIII — начале IX в. угро-самодийских групп.

Гребни, известные на территории пермского Предуралья, подразделяются на *цельные односторонние, составные односторонние, цельные двусторонние, составные двусторонние*.

Цельные односторонние гребни наиболее характерны для местного населения. Среди них особо выделяются *гребни с зооморфным изображением на спинке*. Такие гребни всегда цельные, односторонние, изготовлены из плоской роговой пластины. Верхний конец пластины (ручка гребня) орнаментирован, имеет отверстие для подвешивания. Форма гребня вытянута по вертикали: прямоугольная или трапециевидная. Размеры варьируют от 6,5 x 4 до 4,5 x 2,5 см.

В изображениях на спинке гребня выделяется несколько основных композиций.

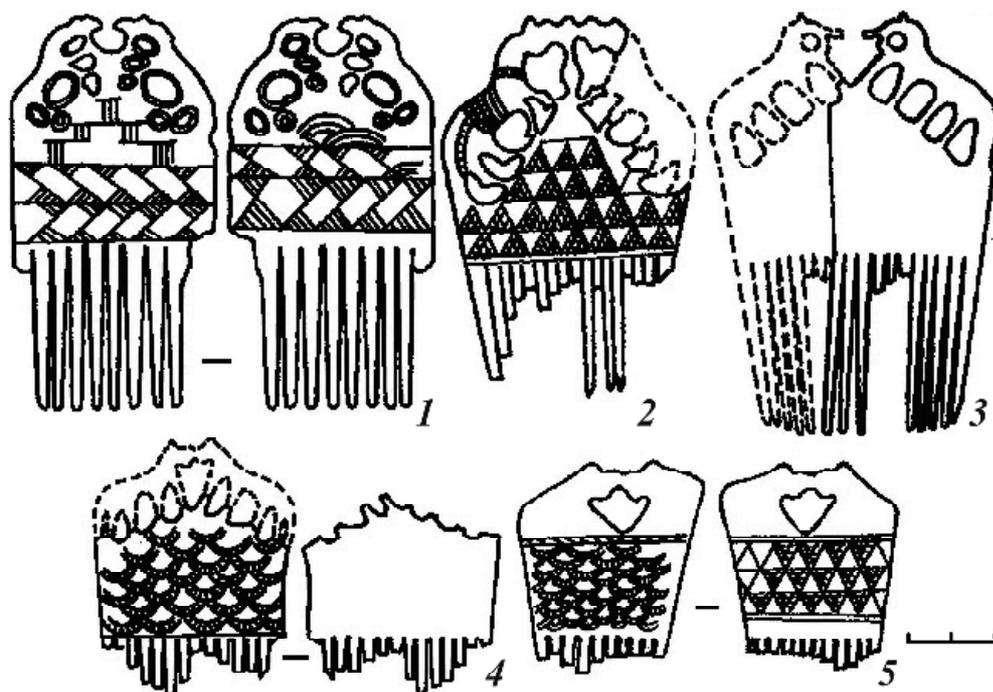

Рис. 91 Гребни с изображением пары коней в полный рост: 1 – Саломатовское городище, 2-4 – Плесинский, 5 – Редикарский могильники

Известна композиция в виде пары прорезных фигурок животных в рост, обращенных навстречу друг к другу (сходящихся). Все гребни с подобной композицией (рис. 91) индивидуальны, имеют свои особенности как по характеру изображенных животных, так и по дополнительной орнаментации. Что касается животных, то в ряде случаев, несомненно, изображены кони, на гребне из погр. № 26 Плесинского могильника на фигурке коня даже обозначено седло и подпружные ремни, в других случаях фигуры животных настолько стилизованы, что трудно определить их вид. Например, в животных с саломатовского гребня в равной степени можно усматривать как коней, так и иных животных, например, собольков. В более массивных фигурах определяют медведей, лосей. Большинство подобных гребней имеет дополнительную орнаментацию, размещенную в центральной части пластины между фигурной рукоятью и зубьями с одной или обеих сторон гребня. Причем, не смотря на наличие индивидуальных различий, орнаментация относительно стандартна: орнаментальное поле сплошь покрыто "чешуйчатым" орнаментом или кривой решеткой — простой, образованной из чередующихся заштрихованных и не заштрихованных треугольников, или из элементов "флажков". Причем в некоторых случаях на одной стороне гребня помещен чешуйчатый орнамент, на другой — решетка. На одной из сторон саломатовского гребня над орнаментальной зоной решетки прочерчено несколько дуг чешуйчатого орнамента. Аналогично на гребне из Старой Ладogi над "решеткой", образованной зоной плетенки и зоной из чередующихся заштрихованных и гладких треугольников, изображена дуга. Интересен знак в виде тамги, помещенный на одной из сторон саломатовского гребня также над орнаментальной зоной решетки — в виде трехступенчатой пирамиды.

Вероятно, в древности придавалось какое-то значение взаиморасположению фигур в парных изображениях. Этот вопрос пока не находит точного ответа, но тем не менее, можно предположить, что направление фигур по отношению друг к другу являлось знаком половой дифференциации. Например, в шумящих биконьковых подвесках, являвшихся,

несомненно, исключительно женским украшением, головы животных всегда развернуты в противоположные стороны, а в биметаллических кресалах, которые являлись преимущественно мужским предметом, животные обращены друг к другу. Гребни со сходящимися фигурами в рост на памятниках Пермского Предуралья были в половине случаев встречены в мужских погребениях, в половине – в девичьих. Причем мужские погребения с гребнями отличались наличием разнообразного вооружения, и их можно расценивать как погребения воинов-дружинников. Гребни для людей эпохи средневековья являлись престижным предметом. В частности, О.А. Кондратьева отмечает, что на территории Северо-Западной Руси иногда наряду с оружием и украшениями гребни

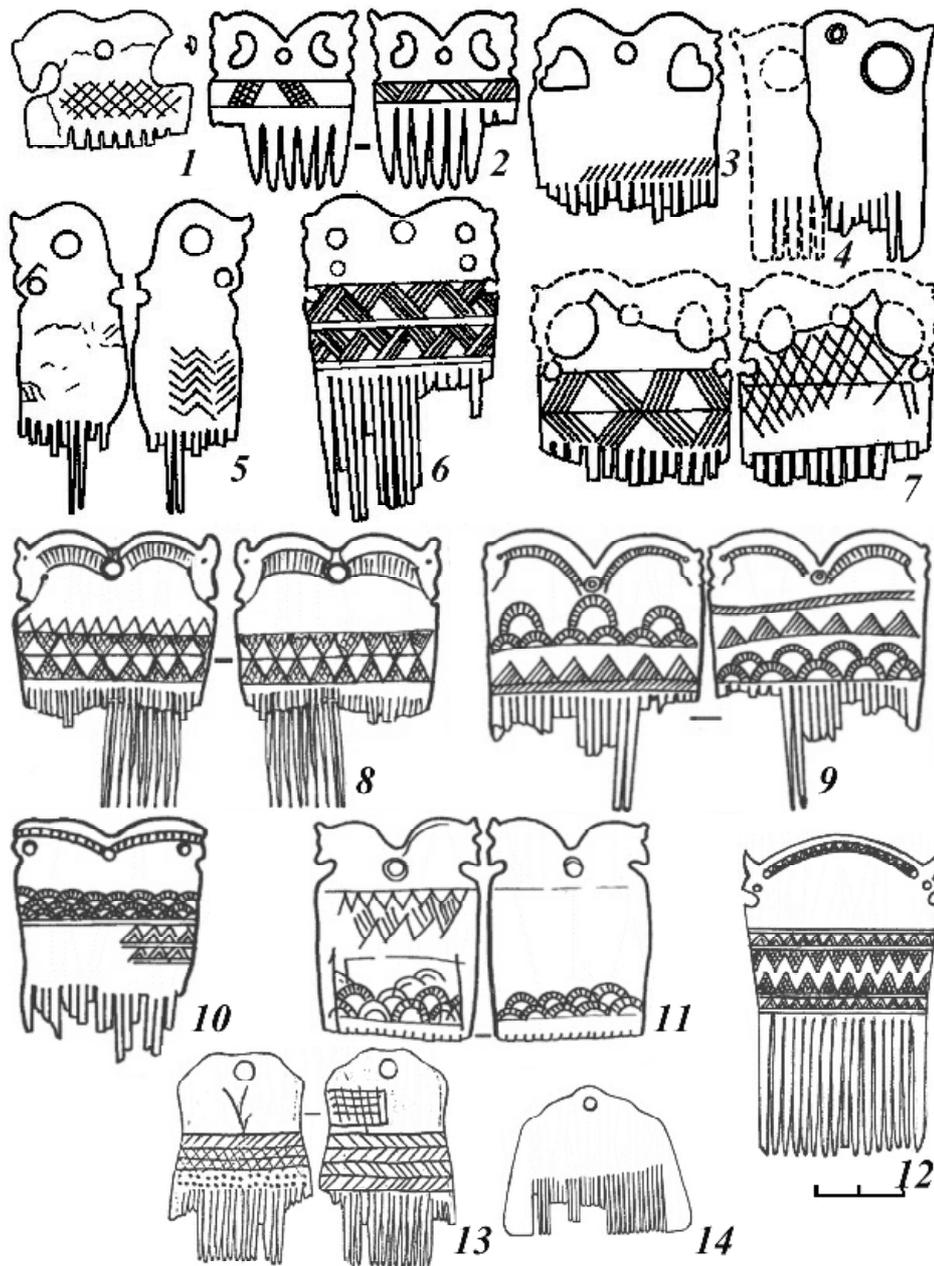

Рис. 92 Зооморфные (биконьковые) роговые гребни и гребни переходной формы к арочным: 1 – Важгортский, 2 – Урынский, 3, 6 – Каневский могильник, 4 – Рождественское городище, 5, 12 – Плесинский могильник, 7 – Кудымкарское селище, 8 – Баяновский могильник, 9, 11 – Лавратское городище, 10 – Аверинский могильник, 13-14 – Анюшкар

входили в состав инвентаря богатых дружинных захоронений, а в захоронениях средневековых воинов-литовцев встречаются янтарные гребнеобразные подвески-амулеты [Кондратьева, 1999, с.86]. Т.о., использование гребней мужчинами-воинами фиксируется не только в Пермском Предуралье, но и в западных культурах.

Вторая распространенная композиция: *две обращенные в противоположные стороны (расходящиеся) головки коней*, шеи коней срошены, в центре — отверстие для пришивания (рис. 92). Подобные гребни имеют свои особенности по степени стилизации изображений животных, по дополнительной орнаментации. Они являются наиболее массовыми. Обычно такие гребни происходят из женских погребений, где они находились в составе наконечников справа.

По мнению большинства исследователей, фигурные односторонние гребни с зооморфными спинками следует рассматривать как яркое проявление финно-угорской средневековой художественной культуры в целом. Картографирование находок зооморфных гребней с расходящимися фигурами в рост показало их концентрацию на территориях Северо-запада восточной Европы (Старая Ладога, Псков, Вологодская область), в Волго-Окском междуречье (Ярославское Поволжье, Суздальское Ополе), но наиболее широко они представлены в Удмуртском и Пермском Предуралье. Их наличие в Старой Ладоге расценивается исследователями как результат присутствия здесь финно-угров, приехавших на ладожское торжище со своим товаром. Кроме финно-угорских гребней здесь присутствуют западноевропейские, скандинавские, балтские и другие по этническому происхождению формы костяных изделий. Это объясняется тем, что Ладога с момента своего возникновения и до XI в. являлась важным пунктом на главной торговой магистрали Восточной Европы — Балтийско-Волжском пути, связывающем страны Запада с арабским Востоком, и при этом была не просто перевалочным пунктом в транзитной торговле: здесь производилась торговля (обмен) товарами. Сравнительное обилие прикамских предметов в Приладожье заставляет предполагать, что где-нибудь не очень далеко должно находиться промежуточное историческое звено между Пермью и Ладожским озером. Таким "историческим звеном", вероятно, было Волго-Окское междуречье, которое имело прямые и тесные связи с Прикамьем, что подтверждают археологические исследования. Одним из факторов, способствовавших проникновению в Ярославское Поволжье иноземных изделий, является то, что здесь проходил отрезок Волжского пути — главной для того времени торговой магистрали, связывающей Запад и Восток. Важным опорным пунктом, играющим существенную роль в системе Волжского пути, было и Сарское городище, где также найден зооморфный гребень. Не удивительным является присутствие таких гребней и еще на одном отрезке Волжского пути — в Ветлужско-Вятском междуречье. Таким образом, зооморфные роговые гребни, несомненно, являлись принадлежностью населения Среднего Предуралья, и, вероятнее всего, на запад вдоль по Волжскому торговому пути эти предметы попадали не как товар, а как личные вещи выходцев из Прикамья. Есть все основания предполагать, что жители Среднего Предуралья, союзники волжских булгар, держали вдоль торгового пути форпосты, обеспечивающие безопасность и места отдыха булгарским купцам. Существуют также данные, свидетельствующие, что в эпоху раннего средневековья происходили миграции групп населения Прикамья на запад, появление прикамского населения в родственной финской среде фиксируется в Ярославском Поволжье и в других районах Северной Руси. Поскольку зооморфные гребни принадлежали, прежде всего, женщинам, есть основание предполагать, что женщин использовали в качестве живого товара (невесты). Может быть, именно поэтому вдоль по Волжскому торговому пути на многих памятниках встречаются типичные прикамские вещи, среди которых

множество амулетов - магических вещей, значимых только для определенного круга людей, поэтому не использовавшихся в качестве товара. И большинство из этих вещей относится именно к женским принадлежностям.

Большинство исследователей отмечают, что наиболее распространенным образом в декоре зооморфных гребней является конь, но усматривают в изображениях также медведей, лосей, собольников, птиц. На наш взгляд, на всех гребнях изображались кони, но одни мастера с успехом передали их характерные черты, а другим это удалось в меньшей степени. Культ коня развит у многих народов. Сюжет парных коней является общим славянско-финно-угорским сюжетом. В основе этого образа, судя по всему, лежат идеи индоевропейской мифологии, которая, как показывают новейшие археологические и этнографические исследования, оказала значительное влияние на формирование мифологической системы уральского населения. Истоки биконьковых изображений, вероятно, следует искать в индоевропейском близнечном мифе о братьях Ашвинах. Появление в Прикамье зооморфных биконьковых украшений вполне могло иметь в своей основе индоевропейскую мифологию, поскольку его население имело давние прочные связи с югом Восточной Европы, откуда вместе с потоком импортных изделий могли проникать и отдельные религиозные идеи. М.Ф. Косарев выделяет, по крайней мере, шесть волн мощного культурного воздействия, двигавшихся с юга на север, и существенно повлиявших на мировоззрение и исторические судьбы древнего урало-сибирского населения [Косарев, 2003, с.303-304]. Пятая из этих волн совпала с периодом раннего железного века, она связана с интенсивным влиянием со стороны савромато-сармато-сакского степного мира, что выражается в "скифоидности" ряда черт материальной культуры таежного ананьинского, кулайского и усть-полуйского населения, в широком проникновении на Урал и в Западную Сибирь парфянских и бактрийских вещей. Именно в этот период в материальной культуре уральского и западносибирского населения впервые появился сюжет противостоящих конских головок. В частности, роговые гребни с таким сюжетом известны в материалах ананьинской культуры.

Идея близнечности пронизывает индоевропейскую мифологию, начиная с исходной неразделенности неба и земли. Именно идея этой неразделенности, вероятно, отражена в орнаментации зооморфных гребней. У большинства из них основу орнаментальной композиции составляет косая решетка, образованная различными элементами (простыми линиями, чередованием простых и заштрихованных треугольников, ромбами, "флажковыми" элементами), и "чешуйчатый" орнамент. Причем во многих случаях наблюдается сочетание этих двух композиций. Косая решетка, возможно, обозначала землю, чешуйчатый орнамент у удмуртов трактуется как изображение водной глади, волны [Кондратьева, 1999, с.82; Арматынская, 1995, с.91; Иванова, Куликов, 2001, с.139-140]. В аналогичных по смысловому значению прикамских бронзовых биконьковых подвесках, по мнению ряда исследователей, привески в виде лапок водоплавающих птиц в представлении древнего населения были связаны с водной стихией, ее животворными свойствами, и со стихией небесной воды — дождя, от которого зависит плодородие полей. Иначе говоря, чешуйчатый орнамент можно в какой-то степени расценивать как изображение неба, и, таким образом, сочетание решетки и чешуек на биконьковых гребнях расценивать как воплощение идеи неразделенности неба и земли. К.И. Куликов и М.Г. Иванова полагают, что в древности гребень представлялся как священный предмет, означающий небо и дождь [Куликов, Иванова, 2001, с.30]. Мотив с двумя конями, идущими навстречу друг другу, эти исследователи считают иллюстрацией мифа о Мировом Древе — два вздыбленных коня мощными копытами поддерживают Древо жизни, Ось Земли. В мифах о Мировом Древе, распространенным почти во всех культурах,

повествуется о том, что было время, когда мировое пространство представляло собой хаос и беспорядок. Но великие боги направили силы на установление миропорядка, и теперь в Мироздании есть атланты и кариатиды, поддерживающие его постоянно. Иногда мировое древо поддерживается двумя противопоставленными кентаврами, символизирующими, так же, как и само древо, соединение неба и земли [Куликов, Иванова, 2001, с.34–35]. Циркульный орнамент, использовавшийся в оформлении ряда зооморфных гребней, расценивается исследователями как солярный знак, а культ близнецов, как известно, был связан и с солнечным культом.

Значимость гребня как магического предмета подтверждает и распространение металлических амулетов, изображающих коньковые гребни. Для Пермского Предуралья характерны гребни-амулеты с имитацией зубьев — нижняя часть основы представляет собой сплошную пластину, на которой с помощью желобков изображены зубья гребня. Количество "зубьев" в большинстве случаев — 9. На всех амулетах группы изображены противопоставленные головы коней, как на основах шумящих биконьковых подвесок. Три подобных амулета, встреченные на территории Волжской Булгарии, безусловно, попали туда с прикамским населением.

Другой разновидностью цельных односторонних гребней, характерных для Пермского Предуралья, являются *арочные гребни*. Г.Т. Ленц считает, что зооморфная форма гребней сменилась более простой и удобной в изготовлении арочной формой, что произошло, главным образом, по причине смены материала — вместо роговых пластин стали использоваться костяные трубки. Ремесленники-косторезы упростили зооморфное оформление спинки гребня, придав ей сначала арочную, а затем подпрямоугольную со скругленными углами форму, более удобную для массового ремесленного производства [Ленц, 2004, с.64]. Как происходил процесс перехода от зооморфной формы спинки к арочной, можно наблюдать по отдельным экземплярам гребней, в которых еще сохранялся намек на прежнюю зооморфную форму. Это гребень из погр. № 14 Плесинского могильника - удлиненных пропорций с дугообразной арочной спинкой, по бокам которой обозначены ушки, и с помощью подтреугольных вырезов выделены очертания морд животных, что сближает данный образец с зооморфными гребнями. Гребень имеет тщательно выполненную богатую орнаментацию. Второй гребень переходного типа происходит из нижнего слоя XI в. городища Анюшкар - широкий укороченных пропорций гребень со скошенными боками и с высокой горбатой, почти сходящейся на угол, спинкой, в плавных фигурных очертаниях которой сохранился намек на изображение сходящихся мордами конских головок. Еще один гребень переходного типа обнаружен на границе верхнего и нижнего слоев городища Анюшкар, и может датироваться началом XII века. Это высокий с вогнутыми боками и фигурной спинкой гребень, на выпуклой лицевой стороне которого помещена трехъярусная композиция: нижний ярус — два ряда точек, средний — косая решетка, верхний — косые насечки с наклоном вправо; ярусы разделены горизонтальными линиями. На оборотной стороне орнаментальная композиция составлена из четырех горизонтальных рядов косых насечек, чередующихся по наклону, что создает впечатление горизонтальных колосьев. Кроме орнамента на гребне присутствует два тамгообразных знака: на лицевой стороне в виде ветки, на оборотной — в виде расчерченного на квадраты прямоугольника, который можно расценивать как изображение распаханного поля, согласующегося по смыслу с орнаментом в виде колосьев. Г.Т. Ленц считает, что данный гребень мог использоваться только в культовой практике, о чем свидетельствуют слишком тонкие и частые зубья [Ленц, 2004, с.63].

Гребни с арочной спинкой (рис. 93) имеют стандартную форму — простой полуовал с небольшим расширением к концам зубцов, с отверстием для подвешивания. Размеры:

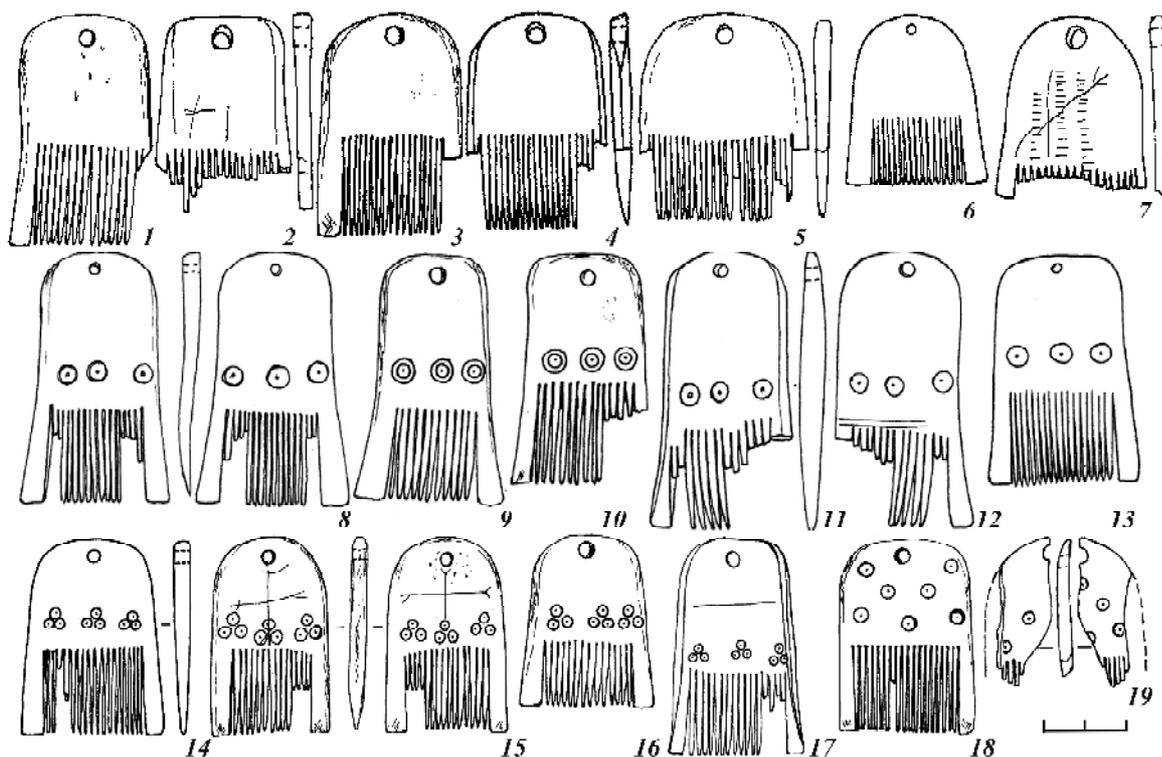

Рис. 93 Арочные гребни: 1-18 – Алюшкар, 19 – Кудымкарское селище

ширина от 3 до 5,2 см, высота от 4,5 до 6,8 см. Изготовлены из равномерно плоских ровных пластин толщиной 2–4 мм или из слегка изогнутых, сужающихся кверху и книзу пластин с максимальной толщиной в центральной части 3–5 мм. Длина зубьев разная в зависимости от общей высоты гребня, и составляет примерно $\frac{1}{3}$ высоты. Зубья, как правило, частые, шириной 1–2 мм. Анализируя эту многочисленную группу гребней, мы пришли к выводу, что их форма не является ни хронологическим, ни этническим признаком, вряд ли отражала особенности стилистики, присущей отдельным мастерам-ремесленникам, а определялась исключительно выбранным участком костной трубки, из которой изготавливался гребень. Форма подпрямоугольных гребней, по определению Г.Т. Ленц, обусловлена заготовкой из срединного ровного по ширине участка кости, а заготовки для трапециевидных гребней выпиливались из нижнего или верхнего расширяющегося к эпифизу участка костной трубки [Ленц, 2004, с.63–64]. Таким образом, изготавливая партию гребней, ремесленник из одной кости получал изделия разной формы. Для большинства гребней характерен циркульный орнамент из кружков с точкой в центре, который наносился особым резцом. В циркульном орнаменте не заложено каких-либо характерных этноопределяющих особенностей. Эта орнаментация нейтральна к искусству не только отдельных регионов, но и целых стран, поэтому, не вызывая неприятия со стороны местных художественных стилей, она достаточно легко воспроизводится косторезами как на востоке Европы, так и в странах Балтийского бассейна. Популярности гребней с кружковым орнаментом способствовала не представляющая каких-либо технических или художественных трудностей ремесленная отделка. Кроме того, циркульный орнамент имеет "открытую" семантику: кружок — древний соляной символ, символ неба и солнца.

В прикамских материалах не фиксируется одновременного бытования арочных и зооморфных гребней. Зооморфные гребни хорошо известны по материалам могильни-

ков, где они занимали определенное место среди деталей костюма. Но арочные гребни, также предназначенные для ношения в костюме, о чем свидетельствует наличие специального отверстия, в могильниках не встречены ни разу. Причина, вероятно, заключается в том, что во второй половине X–XI вв. на территории Пермского Предуралья преобладающим становится обряд погребения на помостах, при котором органика, в том числе и кости, сохраняется очень плохо. Можно предположить и то, что со временем гребни попросту перестали входить в состав погребального инвентаря, хотя в обычном повседневном костюме продолжали использоваться. Арочные гребни появились не ранее середины X века. Судя по тому, что они встречаются как в нижних, так и в верхних культурных слоях городищ, они бытовали до XII века. Отсутствие таких гребней на поздних памятниках (например, селище и могильнике Телячий Брод XII–XIV вв.), свидетельствует, что они вышли из употребления.

Арочные гребни можно считать характерными для Пермского Предуралья, так как здесь они представлены наиболее массово. Единичные гребни подобной формы встречались на этой территории еще в ананьинскую эпоху, и могут считаться традиционными для местного населения. Встречаются они и на соседних территориях (в Удмуртии, Татарстане), но значительно реже. Довольно странным представляется тот факт, что если зооморфные гребни в течение конца IX–X вв. распространялись вдоль по Великому Волжскому пути далеко на Запад, то арочные гребни присутствуют, главным образом, в Пермском Предуралье и Волжской Болгарии. Распространение этих гребней на болгарской территорией не вызывает удивления, поскольку можно считать абсолютно доказанным факт, что в XI в. практически все Прикамье (за исключением бассейна Средней Вятки) становится частью Волжской Болгарии, ее своеобразной финно-угорской периферией. Здесь возникают болгарские торгово-ремесленные фактории, Кама становится оживленной транспортной магистралью, связывающей центральные районы Волжской Болгарии с ее северными областями [Белавин, 2000, с. 7]. Логично предположить, что в такой ситуации не только болгары посещали Пермское Предуралье и поселялись на его территории, но и местные жители часто ездили со своими товарами в Булгарские центры, а некоторые переезжали туда на постоянное жительство. Вероятно, именно переселенцам из Пермского Предуралья, а точнее, их женам, принадлежали встречающиеся на болгарских памятниках арочные гребни. Тот факт, что арочные гребни не распространялись, как зооморфные, на Запад по Волжскому пути, может объясняться уже сточением правил торговли, монополизацией обеспечения торговых операций между Востоком и Западом ограниченным кругом купцов, которые не допускали в свои ряды выходцев с Камы ("купцов чулыманских"), которым была отведена роль торгового посредничества во взаимоотношениях Булгарии с Севером.

На памятниках Пермского Предуралья собрана также значительная серия *составных односторонних гребней*, точнее — *наборных расчесок с футлярами*. Основу представленных здесь расчесок составляет плоская роговая пластина, на которой пропилены довольно частые тонкие зубья. Поскольку длина расчесок обычно не превышает 7–9 см, все пластины с зубьями цельные, тогда как на древнерусских памятниках наибольшее распространение имели расчески, собранные из нескольких, двух-трех, иногда четырех пластин, скрепленных орнаментированной накладкой. Расчески с помощью металлических (медных) штифтов соединены с парой выпуклых дугообразных накладок [Ленц, 2004, с. 59]. У всех наиболее хорошо сохранившихся экземпляров на пластине с зубьями сбоку имеется отверстие для шарнира. Все футляры расчесок являются откидными, на более полно сохранившихся экземплярах наблюдаются отверстия на нижней срединной пластине-вставке, которые служили для скрепления футляра с расческой. Преоб-

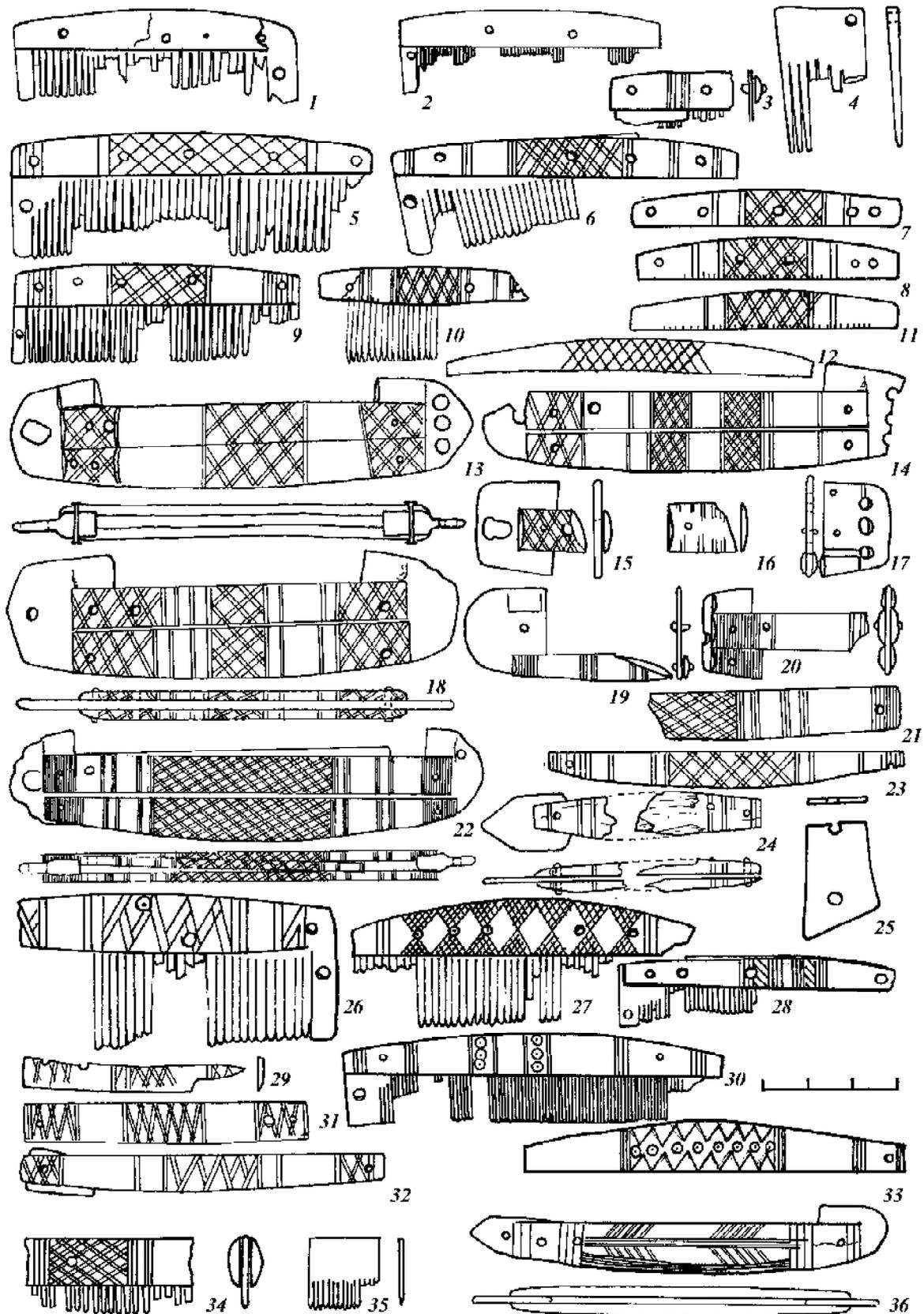

Рис. 94 Односторонние наборные гребни-расчески с футлярами: 1, 4-9, 11, 14-24, 26-27, 29-30, 32 – Анюшкар, 2, 10, 12-13, 33 – Роданово городище, 3, 34 – Острая грива, 25 – Кудымкарское городище, 28, 31, 35-36 – Рождественское городище

ладали расчески относительно небольших размеров, с узкими дугообразными накладками полукруглого сечения, длина зубьев больше ширины накладок. Подобному типу расчесок соответствуют футляры, состоящие из шести пластин, скрепленных металлическими штифтами. Основой для скрепления срединных пластин служили две боковые плоские полуовальные пластины-вставки с округлым или фигурным оформлением спинки. К ним крепились четыре длинные выпуклые пластины — по паре с каждой стороны. У крайних пластин внешняя сторона дугообразная, внутренние пластины — прямоугольные. На боковых пластинах-вставках с одной стороны имеется отверстие для пришивания. По характеру орнамента накладки и футляры различаются: не орнаментированные; с орнаментом в виде решетки из пересекающихся двойных или одинарных линий, орнаментальные зоны решетки выделены группами вертикальных линий; с орнаментом в виде зигзага из парных линий; с орнаментом из треугольников, покрытых плотной кривой решеткой.

Составные гребни-расчески характерны для древнерусских и западноевропейских древностей IX — первой половины XI веков. Наиболее ранние их образцы попадали на территорию Северной Руси в качестве импорта из Дании, Северной Польши, Швеции. Позднее началось их производство в древнерусских центрах. Вполне вероятно, что такие расчески проникли в Пермское Предуралье вместе с другими предметами древнерусского импорта, которые начинают появляться с XI в., или в более раннее время опосредовано через болгарских купцов. При этом, однако, представляется несколько странной массовость расчесок в составе импорта, поскольку вывоз костяных и роговых предметов вряд ли мог приносить большие прибыли, тем более что на территории Пермского Предуралья в достаточном количестве представлены свои собственные типы гребней. В связи с этим интересна точка зрения В.Е. Нахапетяна, который считает, что деятельность гребенщиков, судя по крайне незначительным остаткам производства, носила "коробейный" характер, свойственный для стадии перехода этого ремесла от домашнего к специализированному производству, являясь, по сути, частью импорта готовых изделий, а не собственно местным производством [Нахапетян, 1995, с.59]. Действительно, при таком способе распространения составные расчески могли получить ту массовость, которую мы наблюдаем на памятниках Пермского Предуралья. С этим согласуется и тот факт, что составные гребни-расчески на указанной территории встречены исключительно на крупных городищах, которые являлись опорными пунктами торговли и ремесленными центрами.

Г.Т. Ленц, не отрицая в целом возможности импорта составных расчесок с футлярами, отмечает, что в древнерусских центрах нет расчесок с абсолютно аналогичной формой футляров и орнаментацией. Расчески с футлярами подобной конструкции в славянских землях встречаются достаточно редко. Подобные расчески найдены лишь в Никольском III курганном могильнике IX — первой половины X вв., курганном могильнике Залющик 4 X–XI вв., в юго-восточном Приладожье, на Сарском городище. Схожие с прикамскими расчески в футляре были обнаружены в Белоозере в жилище резчика по кости и янтарю, датированном концом XI века. Л.А. Голубева отмечала, что односторонние гребни, встреченные в данном объекте, совершенно непохожи на узкие изящные гребенки X–XI веков. Они широкие и короткие, с грубо пропиленными плоскими зубьями, накладки орнаментированы кривой сеткой [Голубева 1973, с.171, рис.62/15-16]. По мнению Г.Т. Ленц, образцами для верхнекамских расчесок могли быть небольшие расчески из средневековых мастерских Ютландии VIII–X вв. Помимо общей формы об этом свидетельствует оформление некоторых боковых пластинок-вставок футляров и наличие на отдельных экземплярах неясных тройных отверстий, которые могли яв-

ляться результатом стилизации фигурных вставок, где отверстия играли роль элементов декора [Ленц, 2004, с.61]. Т.о., исследовательница не исключает возможности местного производства расчесок, о чем, по ее мнению, свидетельствует наличие явно некачественных копий. Кроме того, если в Новгороде и Старой Ладогe для изготовления расчесок использовался только рог лося, то в Пермском Предуралье — еще и рог северного оленя, что характерно для северо-западных косторезных мастерских [Ленц, 2004, с.71–72].

Со второй половины XI в. в Пермском Предуралье получили также распространение *цельные двусторонние гребни*. Они подразделяются на: *прямоугольные узкие*, которые являются наиболее ранними, и в славянских древностях датируются с конца X до

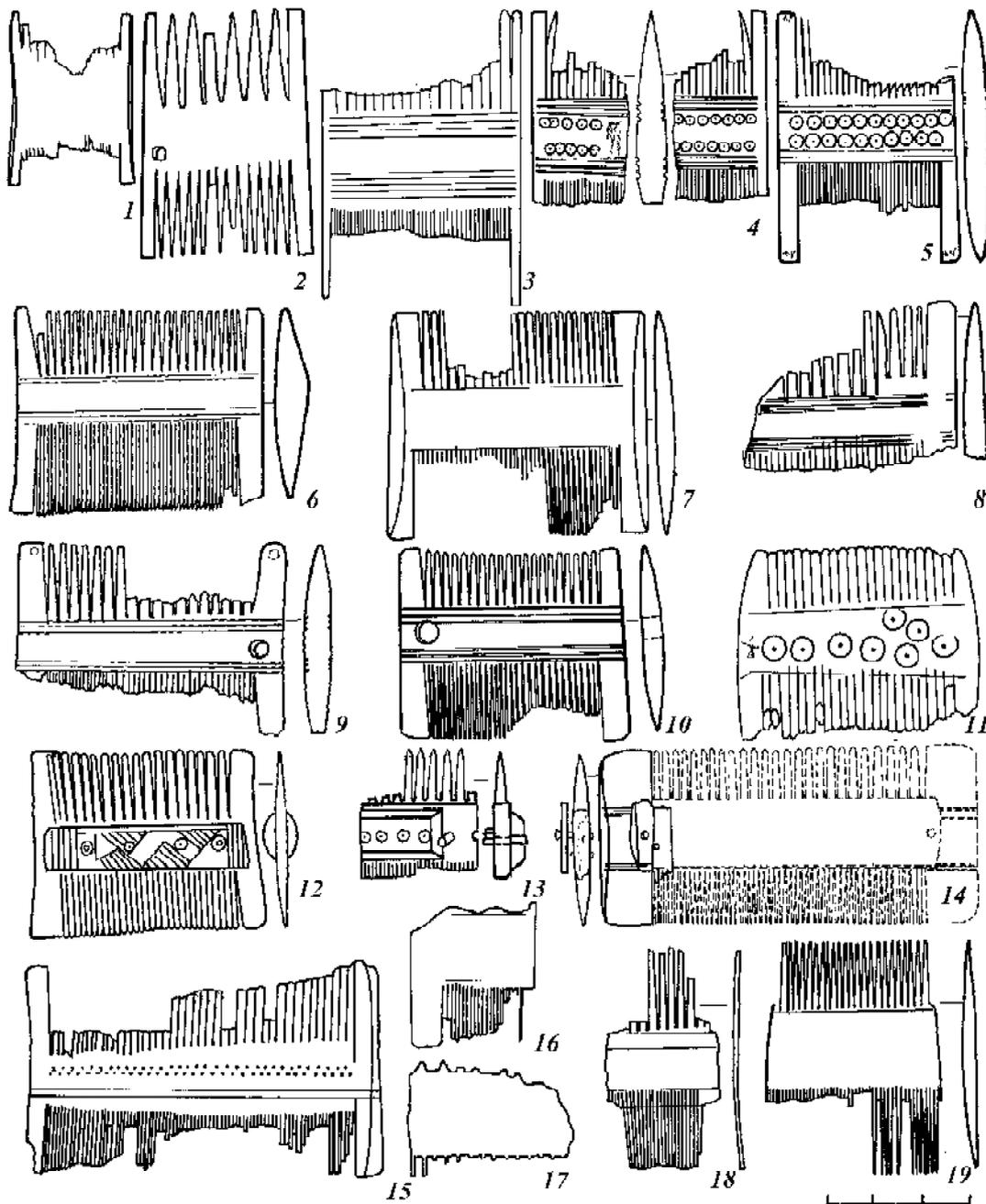

Рис. 95 Двусторонние прямоугольные цельные и наборные гребни: 1, 14 – Рождественское, 2-5, 7-9, 12 – Анюшкар, 6, 10, 14 – Роданово, 11, 13 – Кудымкарское городища, 15-17 – Нижние Чусовские городки, 18-19 – Орел-городок

начала XIII в.; *прямоугольные*, у которых ширина незначительно превышает высоту, они, по мнению Г.Т. Ленц, могли являться подражанием древнерусским наборным гребням, появившимся в начале XII в., имитацией накладки служат три прочерченные вдоль краев зубьев линии [Ленц, 2004, с. 70]; гребни правильной прямоугольной формы, у которых ширина значительно превышает высоту, которые датируются XVI–XVIII вв. (рис. 95); *трапецевидные гребни* со слабо скошенными, иногда слегка вогнутыми боками, которые бытовали со второй половины XI в. до конца XIII в.; высокие относительно крупные гребни с резко наклоненными вогнутыми сторонами, их форма напоминает треугольник со срезанной вершиной, которые появились в начале XII в. и просуществовали до конца XIV века (рис. 96).

Цельные двусторонние гребни чаще всего имели орнаментацию в виде прочерченных линий, иногда дополненную циркульным орнаментом. Довольно часто на таких гребнях встречается тамга. Особенно интересен рисунок с анюшкарского гребня, на котором схематично изображены лошадка с плугом и пахарь, а на обороте — распаханное поле.

Составные двусторонние гребни, которые были распространены на Руси с начала XII до начала XIV в., в Пермском Предуралье представлены единичными экземплярами (рис. 95/12-14).

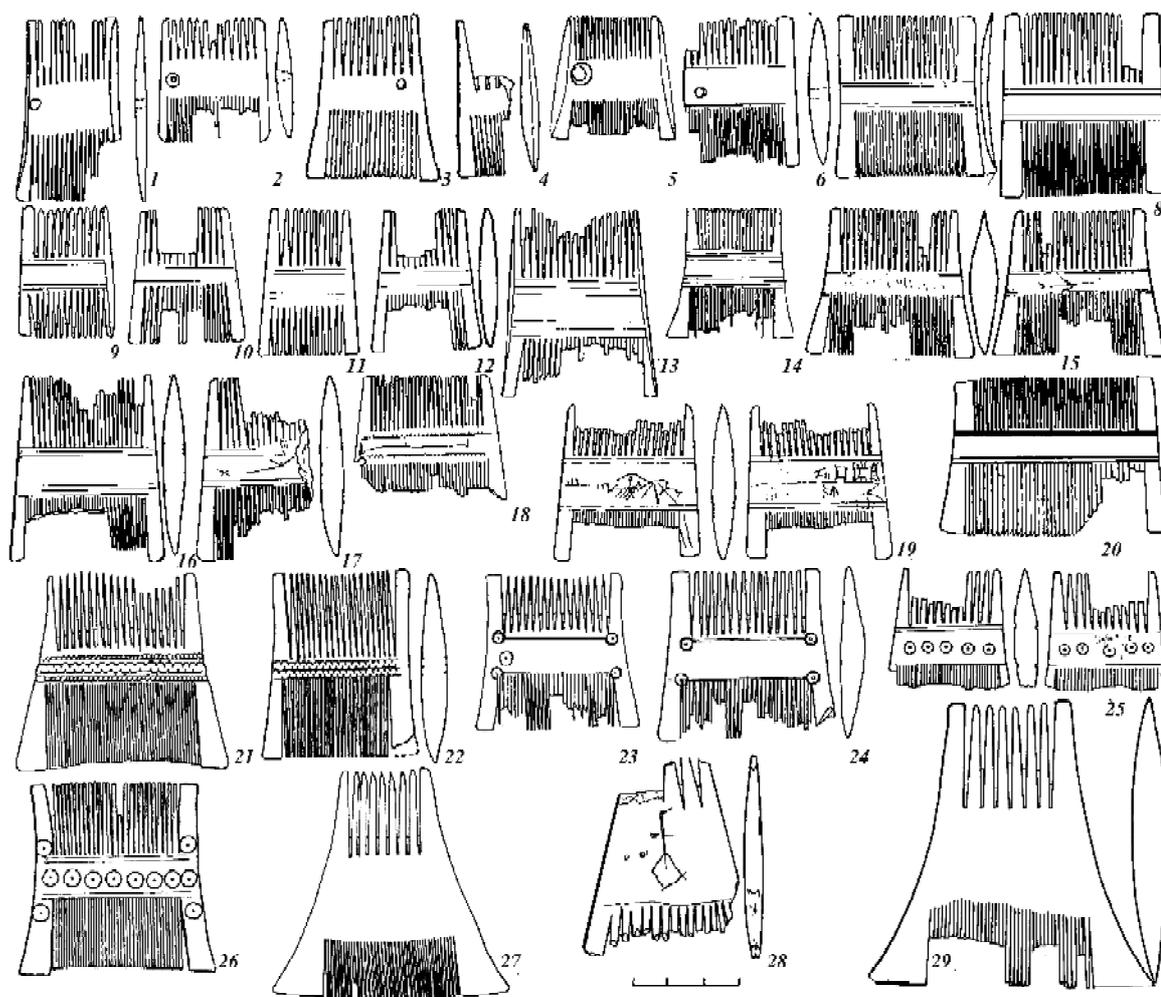

Рис. 96 Двусторонние трапецевидные гребни: 1, 15 – Рождественское, 2-4, 6, 11, 13, 16-17, 19, 22-26, 28-29 – Анюшкар, 5, 7-8, 14, 20 – Роданово, 9-10, 12 – Кудымкарское, 18, 21, 27 – Городищенское городище

Гребни являются предметом массового обихода. Сфера их практического применения была довольно обширной — от использования в качестве вспомогательного инструмента при прядении и ткачестве, и орнамента при гончарном производстве, до повседневного употребления в гигиенических целях.

Как предмет гигиены гребень был особо важен, поскольку с его помощью приводили в порядок волосы, а также вычесывали паразитов, что носило характер оздоровительного мероприятия. Учитывая, насколько трепетно финно-угры относились к волосам, можно понять, как важен был для них гребень.

Гребни составляли необходимую индивидуальную принадлежность людей эпохи средневековья. Но костяные и роговые гребни нельзя отнести к категории массового инвентаря. Вероятно, в обыденной жизни для расчесывания волос использовались деревянные гребни, не дошедшие до нас. Об их безусловном существовании свидетельствуют находки на территории Западной Сибири деревянных гребней VIII–IX вв. с бронзовым зооморфным навершием [Угорское наследие, 1994. № 103], на основании чего можно догадываться и о наличии простых повседневных деревянных гребней.

Распространившиеся в эпоху средневековья гребни из рога и кости были, по мнению исследователей, показателями уровня состоятельности и, одновременно, уровня развития косторезного ремесла. Ряд признаков, фиксируемых по археологическим материалам, позволяет судить о том, что костяные гребни являлись для жителей Пермского Предуралья весьма ценным предметом личного обихода. Когда гребень ломался, его обычно не выбрасывали, а продолжали использовать. Известны примеры, когда после поломки зубья гребней были аккуратно срезаны, и предмет продолжал использоваться в качестве орнамента (зооморфный гребень с Лаврятского городища, арочные не орнаментированные гребни с Семинского городища и Анюшкара). Иногда сломанные гребни подвергались починке, например, у одного из цельных двусторонних гребней с городища Анюшкар после выкрашивания частых зубьев нижний край был срезан и подшлифован, у второго, сломанного вдоль, край слома был выпрямлен и подшлифован [Ленц, 2004, с. 71].

За редким исключением зооморфные гребни имеют ушко для подвешивания. Являясь в средневековье элементом костюма, гребень выступал в качестве амулета-оберега, и зооморфные изображения усиливали данную функцию гребня. В X в. фиксируется также дополнение зооморфных гребней шумящими привесками, что являлось безусловной помехой при практическом использовании гребня, но магические свойства амулета от этого должны были усиливаться. А вот об утилитарном использовании таких гребней можно только догадываться на основании того, что у многих экземпляров сломаны зубья. Значимость гребня как магического предмета подтверждает и распространение металлических амулетов, изображающих как коньковые, так и арочные гребни. Причем, у распространенных в Пермском Предуралье и Волжской Булгарии амулетов-гребней имеется только изображение зубьев на сплошной пластине, т.е. практического назначения эти амулеты не имели. Возможно, именно особые магические свойства, приписываемые зооморфным гребням, способствовали их распространению на обширных территориях севера Восточной Европы. Прикамье, будучи центром меховой торговли, в древности далеко не являлось тем "медвежьим углом", каким его представляли позднее русские. Активные международные связи, основанные на экономических интересах, способствовали и "культурному импорту", что, вероятно, привело к формированию на Урале своеобразного центра языческой культуры, развивающейся под значительным воздействием индо-иранской мифологии. Очевидно, не случайно мы наблюдаем здесь в материальной культуре обилие всевозможных амулетов. Многие из них, вероятно,

в силу богатого смыслового значения, пользовались большой популярностью в финно-угорском мире (биметаллические кресала, костяные и металлические копоушки, биконьковые шумящие подвески и пр.), и среди этих предметов особое место занимали костяные гребни.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Охарактеризуйте практическое назначение гребня.
2. Когда на территории Пермского Предуралья появляются первые гребни? Кратко опишите их виды на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья.
3. Охарактеризуйте цельные гребни с зооморфными изображениями. Какие изображения встречаются чаще всего, и какую смысловую нагрузку они могли нести?
4. Вспомните, какие виды гребня можно считать местными, а какие – импортными. Приведите доказательства.
5. Опишите гребень как предмет, наделенный сверхъестественными свойствами.

§ 2. КОПОУШКИ

К распространенным категориям предметов туалета у средневекового населения Пермского Предуралья можно отнести также *копоушки*, которые по своей прямой (утилитарной) функции *предназначались для чистки ушных раковин от естественного загрязнения серой*. Утилитарное назначение определяло форму этих вещей: чаще всего это бронзовый или костяной стерженок с подобием крошечной ложечки на конце. Наделение этих предметов дополнительными функциями амулета-украшения способствовало снабжению их обязательным приспособлением для привешивания в costume, декоративному оформлению, а иногда и дополнению шумящими привесками.

Предметы схожей конструкции с аналогичным назначением известны по этнографическим материалам хантов, манси, коми, туркмен, бурят и китайцев. Во всех имеющихся этнолингвистических названиях предмета отражена его санитарно-гигиеническая утилитарная функция (например: "копоушка" или "уховертка" русских, "пель су-зяньлс" удмуртов, "пельгодьян" коми) [Салангина, 2004, с.171].

Копоушки были хорошо известны у народов Евразии с давних времен. Самые ранние предметы этой категории относятся еще к концу II — началу I тыс. до н.э. Однако наиболее массовое использование копоушек начинается в I тыс. н.э. В Пермском Предуралье этот вид предметов гигиены получил распространение не ранее рубежа IX–X веков.

По оформлению центральной части предмета (рукояти) копоушки, встреченные на территории Пермского края, подразделяются на пластинчатые и стержнеобразные, бронзовые и костяные. Пластинчатые копоушки, по классификации С.В. Салангиной, отнесены к "прикамскому" этнокультурному типу, распространенному на обширных территориях, но наиболее характерному для полемско-чепецких и ломоватово-родановских памятников. Исследовательницей отмечена близость металлических копоушек прикамского типа аланским парадным изделиям, на основании предполагается возникновение копоушек в Прикамье при "салтовском" участии [Салангина, 2004, с. с.187-193, 199].

Уплотненная рукоять копоушек, характерных для Пермского Предуралья, имеет разную

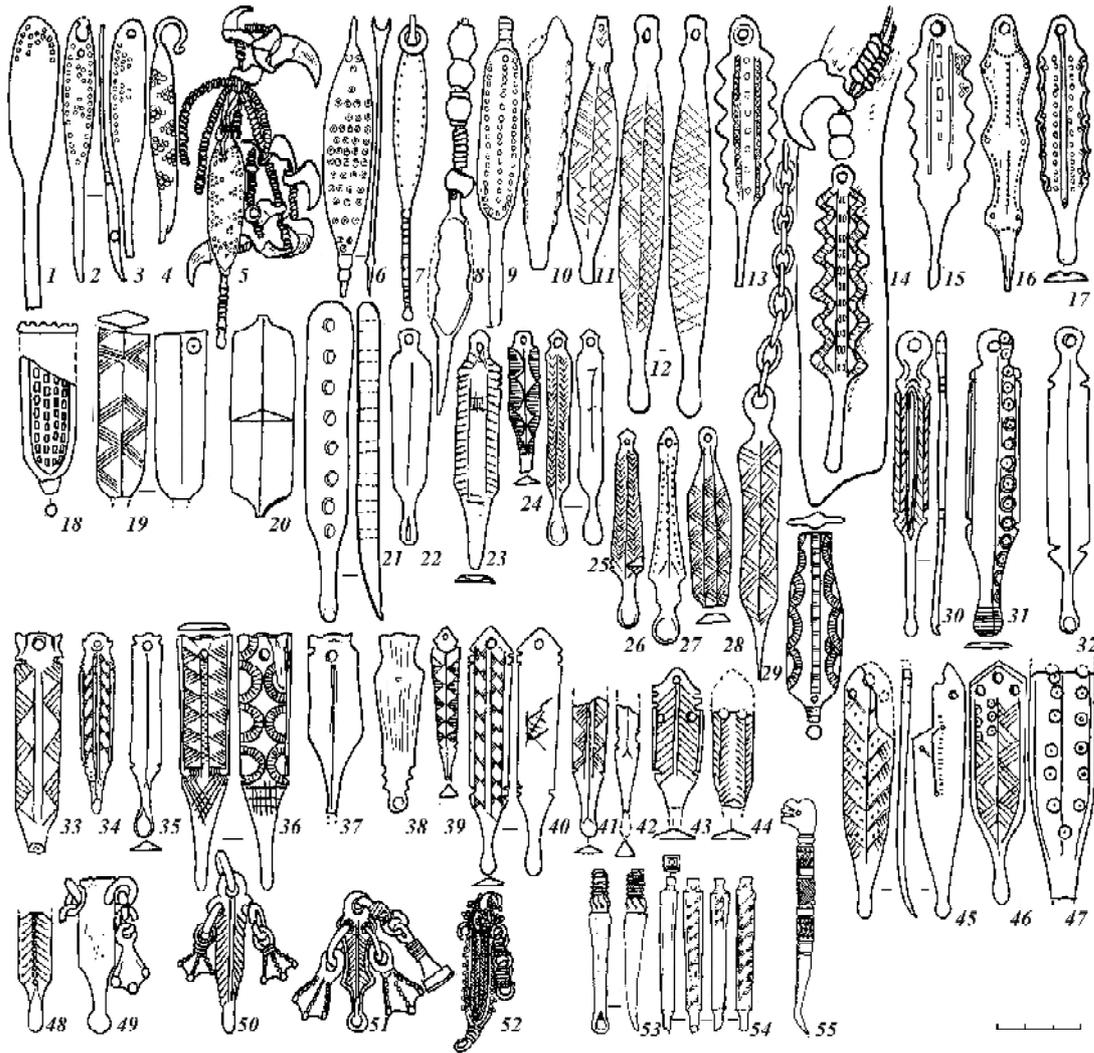

Рис. 97 Копоушки костяные и бронзовые: 1, 3, 6 – могильник Степаново плотбище, 2, 4, 22 – Чашкинское II селище, 5 – Кочергинский могильник, 7 – Редикарский клад, 8-10, 14, 29 – Баяновский, 11 – Редикарский могильник, 12 – Чердынский район, 13 – Пермская губерния, 15 – д. Козьмино, 16, 23, 25, 28, 49, 53, 55 – Анюшкар, 17 – Искор, 18, 20-21, 45 – Кудымкарское селище, 19 – Плесинский могильник, 24, 31, 33-35, 39-44, 48, 54 – Рождественское городище, 26-27, 46 – Кудымкарское городище, 30 – р. Иньва, 32 – Горт-Кушет, 36 – Каневский могильник, 37-38, 47 – Шудьякар, 50-52 – Рождественский могильник

форму (рис. 97). Известны копоушки с рукоятью в форме вытянутого овала. Орнаментация таких рукоятей чаще всего состоит из маленьких прочерченных кружков. Довольно широко представлены копоушки, имеющие продолговатую пластинчатую рукоять с зубчатыми краями. Орнаментированы они довольно стандартно — в центре двумя желобками выделена вертикальная полоса, внутри которой расположены прямоугольные или округлые выпуклины. Самыми массовыми являются копоушки с подпрямоугольной пластинчатой рукоятью. Среди них наибольший интерес представляют экземпляры, у которых верхняя часть оформлена в виде стилизованной звериной головы с "ушками", а в верхней и нижней части пластины по краям треугольные вырезы, обозначающие лапки животного. В целом форма таких копоушек передает вид шкурки пушного животного. Копоушки с подпрямоугольной пластинчатой рукоятью широко представлены в полемско-чепецких древностях в Удмуртском Предуралье, на территории Ветлуж-

ско-Вятского междуречья, на территории Волжской Булгарии и Древней Руси. Но копоушки, изображающие шкурку пушного зверька, типичны исключительно для Пермского Предуралья.

В X – первой половине XI вв. в Пермском Предуралье получили распространение *шумящие копоушки*. Среди них известны костяные с двумя дополнительными отверстиями по бокам, которые, судя по позеленевшим краям на некоторых экземплярах, служили для крепления шумящих привесок из бронзы. Но наиболее характерны бронзовые литые копоушки, выполненные в традиционной для Пермского Предуралья технике. Они дополнены двумя петлями для крепления привесок-лапок, которые присоединены с помощью одного звена простой цепочки.

Как показали исследования С.В. Салангиной, копоушки "прикамского" этнокультурного типа характерны, в основном, для полемско-чепецких и ломоватово-родановских памятников. Аналогичные копоушки известны также в поволжско-ветлужско-вятском междуречье, достаточно широко представлены на территории Волжской Болгарии, к западу от Прикамья распространены вплоть до районов Приладожья [Салангина, 2004, с.189], в основном на тех же памятниках, где представлены зооморфные роговые гребни прикамского происхождения. По мнению С.В. Салангиной, распространение в IX–XIII вв. копоушек на столь обширную территорию связано с двумя историческими процессами. Во-первых, это могла быть инфильтрация прикамского населения в прилегающие и отчасти родственные культуры. Во-вторых, это события X–XI вв., связанные с формированием и ранней историей Древней Руси — походами древнерусских князей на Волжскую Булгарию, вероятно, затронувшие Прикамье. "В результате последних, возможно, часть прикамских финнов была выведена на древнерусскую территорию, где они были расселены в северо-западных районах Приладожья и восточной Руси — Ростовской и Суздальской землях" [Салангина, 2004, с.204].

Относительно редкими на памятниках Пермского Предуралья являются стержнеобразные копоушки, относящиеся к древнерусскому этнокультурному типу. Стержень рукояти может быть квадратный или круглый в сечении. Для крепления подобных копоушек имелась небольшая прямоугольная петля или навершие в виде стилизованной птичьей головы ("петушок") с небольшим круглым отверстием.

Копоушки можно рассматривать как источник по изучению быта, культуры и верований древнего населения. Сравнение этих предметов с этнографическими не оставляет сомнений в том, что средневековые копоушки, в первую очередь, являлись утилитарным предметом, выполняющим санитарно-гигиеническую функцию. Но, как совершенно справедливо отмечает С.В. Салангина, большинство копоушек имеют избыточность внутренней и внешней структуры для выполнения своей прямой функции (относительно дорогой материал — кость, цветные металлы; наличие декора) [Салангина, 2004, с.174–176]. Значительное количество копоушек из Пермского Предуралья имеет абсолютно излишнюю с практической точки зрения деталь — шумящие привески, которые усиливают значение предмета как амулета. Таким образом, как это было и с другими бытовыми вещами, копоушки представляли собой полифункциональный предмет, который наряду с практическим назначением был наделен магической и эстетической функциями.

Копоушки, как и многие другие бытовые предметы, являлись украшением-амулетом. Месторасположение копоушек в средневековом женском костюме Пермского Предуралья было стандартным. Копоушки обычно находились в составе накосников, и использовались всегда по одной, либо вплетаясь в правую косу, либо свисая поверх нее.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Что представлял собой такой предмет, как копоушка, каково его практическое назначение?
2. Какие виды копоушек бытовали на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья? Какие из них были наиболее распространенными, а какие менее?

§ 3. КОСМЕТИЧЕСКИЕ ЩИПЧИКИ (ПИНЦЕТЫ)

Еще одной категорией, относящейся к предметам гигиены, являются *косметические щипчики или пинцеты*. Эта категория средневековых вещей еще ни разу специально не рассматривалась исследователями, и не существует даже понятия того, как различаются между собой косметические и ювелирные щипчики, обычно авторы определяют их в соответствии с решением задач собственного исследования.

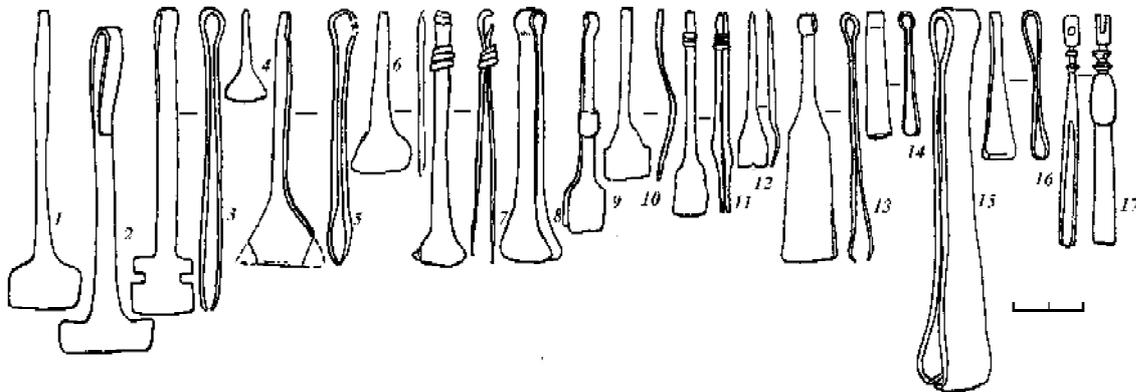

Рис. 98 Щипчики: 1 – д. Зобачево, 2 – селище пеньки, 3 – Бродовский могильник, 4 – Лисья Курья, 5 – Курманаевский могильник, 6-7 – Мокинский могильник, 8 – Опутятское городище, 9 – Харинский могильник, 10 – Коновалытское селище, 11 – Аверинский могильник, 12 – Шудьякар, 13 – Горт-Кушет, 14 – Пыштаинский могильник, 15 – Б.-Висимский могильник, 16 – селище Запоселье, 17 – У.-Бубинское городище

В настоящее время трудно однозначно определить и функциональное назначение косметических щипчиков (рис. 98). Несомненно, что они могли использоваться с целью извлечения заноз или удаления заусенец, или для подобных процедур медицинского характера. По предположению К.А. Руденко, их могли использовать для стрижки ногтей, что также вполне вероятно, в случае, когда края "губ" щипчиков заострены. Самое логичное с современной точки зрения объяснение использования щипчиков для удаления излишних волос с лица, возможно только при наличии у древнего населения определенного стандарта красоты, при котором, к примеру, красивыми считались тонкие брови.

Судя по материалам ранних погребений, косметические щипчики обладали двумя характерными особенностями — расширением рабочей части и, как правило, изогнутыми навстречу друг другу, смыкающимися "губами". В отличие от них ювелирные щипчики, встреченные в безусловных металлургических комплексах, имеют вид простой упругой бронзовой пластины равномерной ширины, согнутой пополам.

Наиболее ранние щипчики появились в Пермском Предуралье на харинском этапе ломоватовской культуры в V–VI вв. н.э. Они присутствуют в погребальных комплексах курганных могильников. В более позднее время обычай снабжать погребенных косметическими щипчиками был утрачен, но наличие их в ранних слоях селищ и городищ (до X–XI вв.) свидетельствует об их использовании в повседневном быту. Вероятно, в отличие от иных видов предметов гигиены, щипчики в Пермском Предуралье не приобрели статуса магического предмета в дополнение к своей основной практической функции, чем и объясняется их отсутствие в погребальном инвентаре. А по соседству, на территории Удмуртского Предуралья, косметические щипчики нередко встречаются в женских и мужских погребениях, где они находились в составе убранства костюма, как амулеты, которые были элементами составных поясных украшений [Шутова, 1999, с.215; Генинг, 1962, с.52].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. В чем заключаются основные отличия косметических и ремесленных щипчиков?
2. Когда косметические щипчики появляются на территории Пермского Предуралья?

§ 4. ТУАЛЕТНЫЕ КОРОБОЧКИ

Среди разнообразных украшений, встреченных на средневековых памятниках Пермского Предуралья, выделяется два вида предметов, которые представляют собой небольшие закрытые емкости, безусловно, предназначенные для помещения чего-либо вовнутрь них.

В настоящее время мы не обладаем специальными анализами, позволяющими судить о том, что могло находиться в данных емкостях. Некоторые исследователи расценивают их как амулетницы. Однако, как показывает анализ убранства костюма, весь набор украшений представлял собой комплекс разнообразных амулетов, которые носили напоказ, традиции иметь какие-то скрытые от посторонних глаз амулеты не прослеживаются. Створки коробочек обычно спекшиеся, и без помощи специалиста-реставратора открыть их невозможно. Одна коробочка из Редикорского могильника была случайно расколота, в результате чего удалось рассмотреть, что внутри нее никаких предметов не находилось, но отмечаются следы пеннистого железного окисла, который мог образоваться от какого-то органического вещества. Можно предположить, что в коробочках содержалось что-то, пропитанное ароматическими маслами, в таком случае их можно рассматривать как *туалетные коробочки-ароматницы*.

Наиболее широко распространенными являются *круглые коробочки*. К самым ранним из них может быть отнесена "*бубенчикообразная*" коробочка из двух створок (рис. 99/1), найденная в погр. № 148 Неволинского могильника. Она датируется VII–VIII веками. Аналогичные коробочки для благовоний известны в материалах салтово-маяцкой культуры.

Но особенно характерными для Пермского Предуралья стали *медальоны-коробочки*. Своеобразие этой категории родановских украшений отмечал еще В.А. Оборин [Обо-

Рис. 99 Медальоны-коробочки: 1-2, 4 – Неволинский, 3 – В.-Саинский, 5 – Деменковский, 6, 10, 12-13, 15, 18-19, 24-25 – Редикарский, 7-8 – Плесинский, 9 – д. Козьмино, 11 – Каневский, 14 – М.-Аниковский, 16 – Урынский, 17 – Степаново плотбище, 20, 22 – Баяновский, 21 – Аверинский, 23 – д. Харина, 26 – Рождественский могильники, 27 – д. Сартаково

рин, 1970, с.22]. Это цилиндрические коробочки, стенки которых изготовлены из согнутых в кольцо медных пластин, которые припаяны к крышечкам в виде литого бронзового медальона. В VI – начале IX вв. использовались коробочки без шумящих привесок (рис. 99/2-5). Среди них есть не орнаментированные и с геометрическим орнаментом. Коробочки с шумящими привесками появились в VIII — начале IX вв. (рис. 99/6-27). Наиболее ранние их образцы не орнаментированные.

Позднее распространились медальоны-коробочки с достаточно стандартной геометрической орнаментацией: двухъярусная розетка; центральная часть с крестообразно расположенными выпуклыми кружками или крестом, обрамлена выпуклыми овалами; центральная часть в виде гладкого круга или круга с геометрическим орнаментом из расположенных крестообразно зигзагов, обрамлена рядом выпуклых колечек и валиком

с насечками; центральная часть, заполненная выпуклыми кружками, обрамлена двумя валиками с насечками. Особый интерес представляют медальоны-коробочки с зооморфным орнаментом. Среди них известны варианты коробочек с изображением на медальоне многофигурной композиции, в центре которой — лось с хищной птицей на спине, под ногами лося — фигурки пушных животных, над ним — водоплавающие птицы, а также с изображением на медальоне двух птичек, обращенных навстречу друг другу. Орнаментированные шумящие подвески-коробочки датируются IX – началом XI века. Этот вид изделий можно считать характерным исключительно для Пермского Предуралья, так как за его пределами пока известно только две находки в Западной Сибири.

Кроме круглых медальонов-коробочек на могильниках Пермского Предуралья довольно широко встречаются т.н. "самоварчики" — подвески-коробочки из двух половинок, стянутых тонким ремешком. Они использовались в качестве туалетных коробочек для благовоний в салтовомаяцкой культуре, позднее такие изделия присутствовали в раннебулгарских древностях VIII–IX вв. и более поздних материалах Волжской Булгарии. От булгар, вероятно, эта категория предметов была заимствована жителями Пермского Предуралья.

Самоварчики использовались достаточно широко, но бытовали на протяжении ограниченного периода — конец X — начало XI веков. Характерно, что этот вид туалетных коробочек никогда не встречается вместе с медальонами-коробочками. Это позволяет сделать вывод о том, что "самоварчики" пришли на смену вышедшим из обихода шумящим медальонам-коробочкам. Среди коробочек самоварчиков, известных на территории Пермского Предуралья, большинство составляют литые из бронзы. Наиболее часто каждая половинка

"самоварчика" состоит из тех частей, отлитых отдельно и припаянных друг к другу: полушария тулова с двумя ушками по бокам, конусовидной шейки и плоской круглой площадки с двумя отверстиями для продевания ремешка. Среди таких предметов известны неорнаментированные, с гофрированным туловом и со сложным орнаментом из дуг. Существуют и экземпляры самоварчиков, у которых тулово и ножка составляют единое целое, а круглая площадка отлита отдельно. Центральная часть половинки тулова у таких самоварчиков украшался поясом с полушарными выпуклостями или выпуклой зигзагообразной линией. Реже встречаются серебряные "самоварчики", изготовленные в ювелирной технике, декорированные зернью и сканью и с позолоченным фоном.

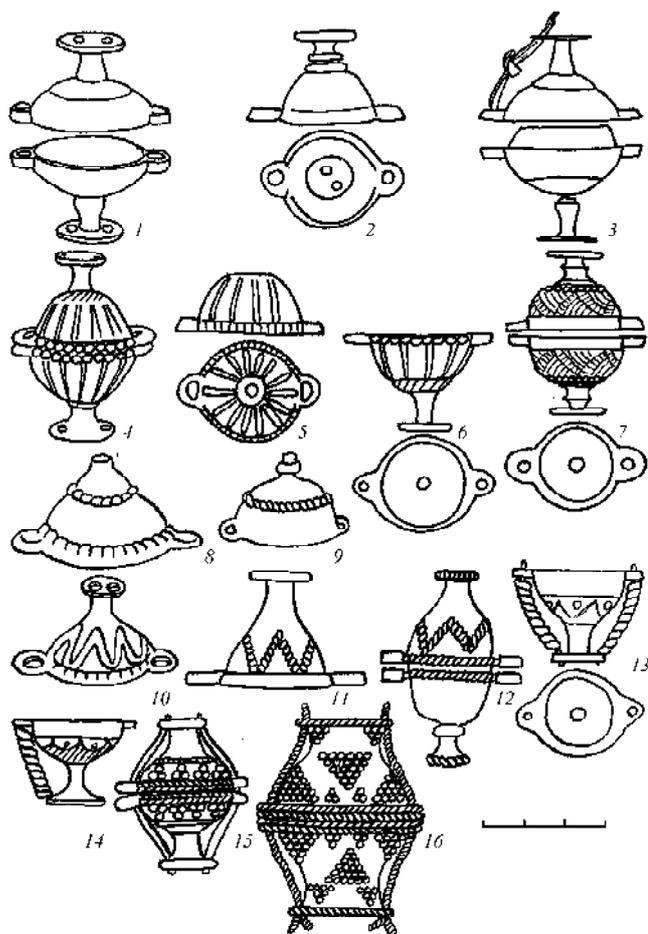

Рис. 100 Туалетные коробочки «самоварчики»: 1 – д. Загарье, 2, 5 – Огурдинский, 3, 15 – Баяновский, 4 – Рождественский, 6-7, 13-14 – Степаново плотбище могильники, 8 – Майкор, 9-10 – М.-Аниковский могильник, 16 - Анюшкар

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. *Какие виды туалетных коробочек использовались в эпоху средневековья на территории Пермского Предуралья?*
2. *Каково их происхождение и хронологические особенности?*

* * *

Таким образом, на основании проведенного анализа предметов гигиены, распространенных в эпоху средневековья на территории Пермского Предуралья, можно сделать вывод о том, что уходу за телом уделялось особое внимание. В комплекс предметов для ухода за внешностью входили гребни, копоушки (реже — ногтечистки), пинцеты-щипчики, туалетные коробочки. Традиция использования гребней имела местные корни, а остальные предметы гигиены, очевидно, были заимствованы у носителей салтово-маяцкой культуры (как и многие виды украшений, утвари и пр.). Однако зеркала, которые были обязательной принадлежностью степняков-кочевников, населением Пермского Предуралья почти не использовались (здесь известно всего 6 находок зеркал).

Процесс ухода за телом, вероятно, не просто составлял обыденную ежедневную процедуру, а был возведен в ранг особого ритуального действия. Подтверждением этому может служить тот факт, что предметы гигиены, в большинстве своем, были наделены дополнительной функцией амулетов, что выражается в их особом художественном оформлении, не рациональном, с точки зрения практического назначения рассматриваемых предметов. А дополнение многих вещей (зооморфных гребней, копоушек, туалетных коробочек) шумящими привесками и вовсе затрудняло бытовое использование предметов гигиены. Однако именно тот глубокий внутренний смысл, который был заложен в, казалось бы, обыденные вещи, был, вероятно, определяющим фактором для распространения многих предуральских изделий (как в готовом виде, так и в качестве идеи), на значительные территории, главным образом, на запад, в лесную зону Восточной Европы.

ТЕМА 7. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ

Определяющее значение в системе бытового уклада средневекового населения Пермского Предуралья имеют основные составляющие бытовой материальной культуры (культуры жизнеобеспечения): пища, жилище, одежда. Характер всех этих элементов определяется, в первую очередь, природно-климатическими условиями, особенностями хозяйства и традиционным этническим стереотипом.

Состав компонентов питания обусловлен особенностями хозяйственного уклада. В этот состав входили продукты земледелия и скотоводства, значительную долю в рационе питания составляли рыба, вероятно, дикорастущие растения (орехи, ягоды, травы, корень, возможно, грибы), доля охоты в обеспечении продуктами питания была относительно невелика. Традиционным способом приготовления пищи являлась варка, причем, среди основных видов блюд, вероятно, преобладали густые похлебки и каши, о чем свидетельствует характер кухонной посуды и столовых приборов.

Изменения в питании начали происходить с X–XI веков. Несомненно, значительную роль в этом процессе сыграло культурное влияние со стороны мощного соседа — Волжской Булгарии. Во-первых, произошел переход к пашенному земледелию, за счет чего значительно возросло количество выращиваемого зерна, что позволило использовать его не только в качестве компонента для похлебок, но и для выпечки хлеба (получают распространение жернова для помола зерна на муку, встречаются обугленные кусочки хлеба). Кроме того, из Волжской Булгарии были заимствованы новые виды зерновых и огородных культур, что расширило ассортимент продуктов питания. С этого же времени отмечаются изменения и в кулинарных традициях. Свидетельством тому является появление множества новых специализированных форм кухонной и столовой посуды. Вероятно, к этому же периоду можно отнести начало употребления в пищу молока и молочных продуктов, что подтверждают такие факты, как увеличение возраста забиваемых животных, и распространение специализированной посуды для отстаивания сливок, приготовления сыра и творога, употребления сырого молока.

Что касается жилища, то, нужно отметить, что средневековое население унаследовало проверенную временем форму наземного прямоугольного бревенчатого дома, который появился в Пермском Предуралье еще с периода раннего железного века. Для возведения таких домов на протяжении всей эпохи средневековья использовались два основных строительных приема: сооружение сруба и закрепление горизонтально уложенных бревен между вертикальными столбами, врытыми в землю. Длительное сохранение последнего конструктивного приема, который определяется специалистами, как более простой и примитивный, объясняется несовершенством срубной техники, что подтверждается многочисленными фактами укрепления бревенчатых стен подпорками из кольев. Лишь для наиболее поздних жилищ можно предполагать наличие настоящих крепких срубов. Крыша была односкатной или двускатной (последнее преобладало). Поскольку стены были недостаточно прочными, чтобы выдержать серьезную нагрузку, в качестве распространенного конструктивного элемента присутствовали опорные столбы, которые располагались двумя рядами вдоль осевой линии жилища. Исчезновение подобных столбов в жилищах верхних слоев городищ может являться косвенным свидетельством распространения на позднем этапе самцовой крыши. Основным видом

покрытия кровли, вероятно, являлась кора или береста, хотя имеются и свидетельства использования теса.

Довольно суровые климатические условия Пермского Предуралья способствовали использованию дополнительных средств для утепления жилищ. Среди них наибольшее распространение получили обустройство закрытого тамбура у входа и сооружение завалинки (засыпки стен снаружи землей), для утепления кровли, возможно, использовался дерн.

Интерьер жилища был довольно прост и стандартен на протяжении длительного времени. Основными его элементами были очаг и хозяйственная яма, расположенные в центральной части жилища. Вдоль стен располагались нары. Свободное пространство между нарами (пол) чаще всего покрывалось глиной, нередко для утепления пола использовалось покрытие из тонких бревен или теса. Можно предположить, что для достижения тепла и уюта широко использовались плетеные из соломы и прутьев маты, шкуры и ткань, которыми могли застилать пол и нары. На нарах, вероятно, существовали перегородки или пологи для выделения отсеков для семейных пар.

Изменения в интерьере фиксируются с XI века. Они выражаются в переносе отопительного устройства из центра к одной из стен или в угол, что объясняется необходимостью выделения свободного пространства в доме в связи с распространением ремесленной деятельности, а также и из-за уменьшения площади жилищ; в возникновении предметов мебели (столов, полок), о чем косвенно свидетельствует появление специальных подставок, предназначенных для установки круглодонных сосудов на плоскую поверхность, а позднее — переход к посуде с уплощенным или плоским дном.

Особую роль в культуре жизнеобеспечения играл очаг, который имел отношение как к пище, поскольку являлся средством для ее приготовления, так и к жилищу, так как служил основным источником тепла и света. Следует отметить, что открытый очаг у жителей Пермского Предуралья имел относительно прогрессивную конструкцию, которая зародилась задолго до начала эпохи средневековья. Для лучшей аккумуляции тепла его основание выкладывали толстым слоем глины, нередко с добавлением камней. Со временем наблюдается тенденция к увеличению толщины глиняной "подушки", фиксируется наличие деревянного короба, препятствовавшего ее разрушению. Такой очаг, поднятый над землей до уровня нар, способствовал лучшему обогреву помещения. Наряду с простым очагом, очевидно, существовали и отопительные устройства типа камина (чувала). К позднему этапу родановской культуры исследователи относят появление в Пермском Предуралье глинобитных печей, хотя, вероятно, это произошло опять же в XI в., когда среди керамического материала появляются валики-подставки для круглодонных сосудов, служившие не только на столе, но и на печи, о чем говорят следы длительного пребывания в огне на многих предметах этой категории. Возможно, эти валики выполняли на печи функцию конфорок. Именно печи наилучшим образом отвечают и новому кулинарному обычаю выпечки хлеба. Тот факт, что подобные печи не фиксировались исследователями во время раскопок, объясняется отсутствием существенных различий между развалом очага на толстой многослойной глинобитной подушке, и развалом глинобитной печи.

И, вероятно, именно появление глинобитных печей, которые, в отличие от открытого очага, давали меньше света, способствовало распространению в быту масляных светильников болгарского типа, а с XIII в. — железных светцов-лучинодержателей. Светильники-жирники, вероятно, существовали и раньше, в качестве таковых могли использоваться маленькие керамические плошки, известные в керамических комплексах поселений на протяжении всей эпохи средневековья. Они служили не только для освещения, но и для обогрева небольших помещений, например, пространства, ограниченного на на-

рах пологом. Однако специализированные светильники, как ремесленного производства, так и подражания им, появились только в XI веке.

Одежда жителей Пермского Предуралья также определялась как климатическими условиями, так и спецификой хозяйственной деятельности. Суровый климат требовал теплой одежды. Материалами для ее изготовления служили как шкуры, так и ткани из шерсти овец и коз, а также из растительных волокон. Основным видом одежды была рубаха, которая дополнялась в период межсезонья халатом (кафтаном), а зимой — меховой шубой. Особенность жизни в лесу, хозяйственные занятия не способствовали использованию слишком длинной одежды, и она, судя по изобразительным источникам, была примерно до щиколоток. Своеобразие костюма достигалось за счет использования разнообразных декоративных элементов, которые одновременно выполняли различные функции (дифференцирующую, магическую, эстетическую, а нередко, и утилитарную).

Кроме основных составных элементов материальной бытовой культуры в работе дан анализ разнообразных бытовых предметов, использовавшихся средневековым населением Пермского Предуралья. По функциональному назначению их можно объединить в такие группы, как посуда и столовые приборы, предметы для добывания огня, футляры и емкости, предметы гигиены. Отдельно рассмотрены детские игрушки, поскольку дети зачастую играли во взрослую жизнь, и игрушки, соответственно, являются миниатюрной копией реальных бытовых предметов. Поскольку исследователи, как правило, мало внимания уделяют характеристике бытовых предметов, и нередко ограничиваются в публикациях их простым перечислением, потребовалось проведение подробного морфологического анализа этих вещей, определение времени их бытования, территории распространения, функционального назначения. Отдельные категории предметов выделены и введены в научный оборот впервые.

В целом необходимо отметить, что некоторые бытовые предметы, представленные на территории Пермского Предуралья, имели широкое распространение либо по всей Европе, либо среди финно-угорских племен, но имеются и вещи, свойственные исключительно местному населению. Среди них флаконовидные пронизки-игольники, шумящие медальоны-коробочки, "якорьки" для крепления к костюму съемных вещей и прочее.

Важнейшей отличительной особенностью населения Пермского Предуралья было стремление придавать бытовым вещам дополнительные функции магических помощников-амулетов. Костюм, по своей сути, являлся комплексом украшений-амулетов, которые дополнялись роговыми зооморфными гребнями или бронзовыми амулетами, изображающими гребни; кресалами с бронзовой фигурной рукоятью; декоративными сумочками (у мужчин и женщин); костяными или бронзовыми копоушками, игольниками, подвесками-ложечками, туалетными коробочками, богато украшенными ножнами (у женщин), шильями в костяных футлярах (у мужчин). Все перечисленные бытовые предметы, которые носили в составе костюма, имеют декоративное оформление, изготовлены из относительно дорогого материала с использованием трудоемкой технологии, что является нецелесообразным с точки зрения практического назначения данных предметов (к примеру, для шила вполне достаточными были бы рукоять и футляр из дерева, роговая рукоять, да еще и с орнаментацией, является избыточной). Но и этого показалось недостаточно, и на рубеже X–XI вв. большинство амулетов - бытовых вещей (ложки, копоушки, туалетные коробочки, игольники, даже роговые гребни) было снабжено дополнительными шумящими привесками (преимущественно в виде утиных лапок), что совсем не согласуется с их практическим использованием, а напротив, является серьезной помехой. Вероятно, создавая свои амулеты-украшения, амулеты - бытовые вещи, жители Пермского Предуралья вкладывали в них настолько глубокий и много-

гранный смысл, что данные предметы становились значимыми и ценными далеко за пределом Пермского края. К примеру, мы проследили территорию распространения зооморфных гребней и биметаллических кресал. Полученные результаты не оставляют сомнения в том, что родиной этих категорий бытовых вещей было Среднее Предуралье (Пермское и Удмуртское), откуда гребни распространялись на запад по основным пунктам Великого Волжского пути, а биметаллические кресала, помимо этого, еще и на восток — в Приобье. При этом вещи прикамского происхождения, вероятно, пользовались основным спросом среди финно-угорского населения.

Подобная привлекательность вещей "магического" характера из Пермского Предуралья может объясняться особым имиджем Урала, как некой таинственной волшебной страны, и отсюда, особой значимостью и силой всех распространенных там вещей. Подобное отношение к этой территории зафиксировано, к примеру, у индоиранцев, у которых в памятниках религиозной литературы и эпических сказаниях говорится о том, что на далеком севере простираются величественные горы, достигающие небес. Вокруг вершины Северных гор движутся планеты, их обходит со всех сторон Солнце, над ними высоко стоит созвездие Большой Медведицы. С великих Северных гор в море ниспадают воды священной реки Ардвиг, с них текут земные реки, среди которых др.иран. Rathg, отождествляемая с Волгой. Там располагается чудесная страна счастливого, "блаженного" народа. Там теплый климат, лишенный морозов и зноя. В Авесте говорится, что когда страной правил царь Йима, то не было ни болезней, ни голода, ни холода, и люди ходили молодыми, как пятнадцатилетние. Описанные горы исследователи отождествляют с Уральскими горами, священную реку Ардвиг — с Северной Двиной, где берет начало р. Кама, если принимать ее за исток Волги, как считали древние [Лушникова, 2004, с.174], т.е. описание вполне соотносится если не с территорией Пермского Предуралья, то с более северными территориями, где у побережья Ледовитого океана располагались крупные святилища, активно посещавшиеся носителями родановской культуры (Хэйбидя-Пэдар, святилища на о-ве Войгач).

Большинство из перечисленных амулетов - бытовых вещей вышло из употребления или было заменено более прагматичными формами со второй половины XI века.

И вообще, если говорить в целом о системе быта, то можно констатировать, что наиболее значимые перемены во всех сферах приходятся именно на XI век. Этому есть ряд объяснений. С одной стороны, именно в этот период жители Пермского Предуралья вступают в активное взаимоотношение с Волжской Булгарией. Есть многочисленные свидетельства не просто массового употребления в быту продукции болгарских ремесленников, но и их непосредственного проживания на городищах Пермского Предуралья (например, Рождественское, Анюшкар), где они производили продукцию, ориентированную на конкретного местного потребителя. Наряду с болгарскими ремесленниками активно развивать собственное дело начали и ремесленники-профессионалы из местной среды (ювелиры, кузнецы, бондари, гончары и пр.). Совместно с болгарскими купцами начали вести свою деятельность и местные торговцы. У этих представителей местного населения, которые проживали, в основном, на городищах, все более ослабевали связи с семейной общиной, а рост индивидуальной собственности, для сохранности которой получили широкое распространение сундуки с железными навесными замками, и желание делиться ею, и вовсе привел к отрыву от общины. У таких "индивидуалов" происходил не просто разрыв с коллективом, а отрыв от традиционных культурных ценностей и правил, определяющих предпочтения и запреты во всех сферах жизни, в том числе, и в быту. В результате они получили определенную свободу в выборе предпочтений, и начали вносить новые элементы комфорта в жилище, пробовать непривычные

продукты и блюда, отказываться от использования традиционных этнических украшений, заменяя их продукцией массового ремесленного производства и дорогими ювелирными украшениями престижного характера. Поскольку в жилище теперь обитала парная семья, площадь его стала меньше. Еще одной вероятной причиной сокращения площади жилищ было то, что территория городища, ограниченная с одной стороны обрывом, с другой — валом и стеной, не позволяла строиться вширь, а желающих поселиться здесь было немало. Поэтому и приходилось коренным образом менять как конструкцию жилища, так и его внутреннюю планировку.

Другой причиной, дающей картину резких изменений в быту, мог стать активный приток на городища разного рода переселенцев как с территории Волжской Булгарии, так и с запада (представители финских этносов, ранние славянские переселенцы), либо даже частичная смена населения.

К сожалению, по позднему этапу родановской культуры мы почти не имеем информации о жизни сельской округи. Вполне вероятно, что изменения, которые четко фиксируются в быту средневекового населения Пермского Предуралья, относятся исключительно к городищам (к примеру, только на городищах найдены костяные гребни ремесленного производства, валики-подставки для круглодонной посуды, масляные светильники, развалы глинобитных печей и пр.). О жилищах позднего времени, существовавших на селищах, не известно ничего. Мы вполне имеем основания предполагать, что у сельчан традиционная семейная община сохранялась еще на протяжении длительного времени, что фиксируется даже по этнографическим материалам.

Особенность бытовой культуры населения городищ, его более высокий уровень жизни, может использоваться как дополнительный довод в пользу правомерности точки зрения о наличии в Пермском Предуралье в период позднего средневековья населенных пунктов протогородского типа. В настоящее время вопрос о существовании протогородов является основным предметом дискуссии среди пермских археологов.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. *На основе пройденного попытайтесь вспомнить, в какой период эпохи средневековья произошли наиболее значимые перемены в системе быта населения Пермского Предуралья. Приведите примеры изменений.*
2. *Какие происходившие в это время явления повлияли на изменение системы быта средневекового человека Пермского Предуралья в целом.*
3. *На основе пройденного вспомните, какие предметы быта использовались людьми в эпоху средневековья? Какие из них были местными, а какие заимствованными?*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алисов, Б.П., 1936.* Географические типы климатов // Метеорология и гидрология. № 6.
- Анучин, Д.Н., 1899.* О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // МАВГР, т. III. М. С.237–259.
- Анучин, Д.Н., 1923.* Открытие огня и способы его добывания. – М.–Пг.: Государств. изд-во – 40 с.
- Арматынская, О.В., 1995.* Орнамент резной кости чепецких городищ // Материалы исследования городища Иднакар IX–XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН – С.84–97
- Артюнов, С.А., 1989.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. – М.: Наука. – 248 с.
- Бадер, О.Н., Оборин, В.А., 1958.* На заре истории Прикамья. – Пермь: Пермск. кн. изд-во. – 244 с.
- Белавин, А.М., 2000.* Камский торговый путь. – Пермь: ПГПУ. – 200 с.
- Белавин, А.М., 2008.* Археологические данные о начале пчеловодства в Пермском Предуралье // Пчеловодство - XXI век: материалы международной конференции. - М. - С.94-99
- Белавин, А.М., Бординских, Г.А., Мельничук, А.Ф., 1989.* Археологические памятники Соликамского района: Каталог. – Соликамск: СКМ. – 36 с.
- Берх, В.Н., 1921.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск: Для изыскания исторических древностей. – СПб.: Воен. Типогр. Гл.Штаба его Имп. велич-ва. 234 с.
- Богаткина, О.Г., 2002.* Рачевское городище: анализ остеологических остатков животных // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья: Материалы вторых халиковских чтений. – Казань: Нац. центр арх. иссл. АНРТ. – С.203-206.
- Богданова, Е.В., Белавин, А.М., 2006.* Булгарская посуда Рождественского городища // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. - Пермь: ПГПУ. - С.37-73
- Брей, У., Трамп, Д., 1990.* Археологический словарь. – М.: Прогресс. – 368 с.
- Волкова, Л.А., 1988.* Удмуртские женские украшения XIX - начала XX вв. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск. - С.153-172.
- Гаген-Торн, Н.И., 1960.* Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). – Чебоксары.
- Гемуев, И.Н., 1985.* Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-алтаистика. - Новосибирск: "Наука". - С.137-144.
- Гемуев, И.Н., 1990.* Мироззрение манси. Дом и космос. - Новосибирск.
- Гемуев, И.Н., Сагалаев, А.М., 1986.* Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука. – 190 с.
- Генинг, В.Ф., Голдина, Р.Д., 1970.* Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ. В.9. Памятники ломоватовской культуры. – Свердловск: УрГУ. – С.30–56.
- Голдина, Р.Д., 1985.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Иркутский университет. – 280 с.
- Голдина, Р.Д., Кананин, В.А., 1989.* Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Уральский университет. – 215 с.
- Головнев, А.В., 1995.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН. – 606 с.
- Голубева, Л.А., 1964.* Огнива с бронзовыми рукоятками // СА, № 3. – С.115–132.
- Голубева, Л.А., 1965.* К истории пластинчатых огнив Восточной Европы / Новое в советской археологии. МИА. № 130. – М.: Наука. – С.257–260.
- Голубева, Л.А., 1966.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. № 3. – С.80–99.
- Голубева, Л.А., 1973.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. – М.: Наука. – 212 с.
- Голубева, Л.А., 1978.* Игольники восточно-европейского Севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука. – С.199–204.

- Голубева, Л.А., 1978. Символы солнца в украшениях финно-угров // Древняя Русь и славяне. – М.: Наука. – С.68–75.
- Голубева, Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. В. Е1-59. – 112 с.
- Голубева, Л.А., Варенов А.Б., 1993. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятками // РА. № 4. – С.94–109.
- Гондатти, Н.Л., 1888. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.
- Грибова, Л.С., 1975. Пермский звериный стиль. – М.
- Даркевич, В.П., 1976. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. Произведения восточной торевики на территории Европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука. – 200 с.
- Долдина, А.Г., 1999. Коми-пермяцкая кухня. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во. – 510 с.
- Завьялов, В.И., 2005. История кузнечного ремесла пермян. Археометаллографическое исследование. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 244 с.
- Зыков, А.П., Пархимович, С.Г., 1988. Изделия из железа и стали городища Погребенное I // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ. – С.152–160
- Иванов, С.В., 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX - н.ХХ вв.). – М.-Л.
- Иванова, М.Г., Куликов, К.И., 2001. Древнеудмуртская мифология и Ригведа // Древности Поволжья и Прикамья. – Йошкар-Ола. – С.136–149
- Йовков, С.М., 1978. Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука. – С.219–233.
- Казаков, Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука. – 335 с.
- Казаков, Е.П., 2001. О некоторых группах деталей поясного набора волжских болгар IX-XI вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т.2. – Самара: Сам. обл. ист.-краев. музей. – С.170–179.
- Кананин, В.А., 1985. Средневековые поселения верховьев р. Камы // Новые источники по древней истории Приуралья. – Устинов: УдГУ. – С.30–45.
- Карачаров, К.Г., 2002. Некоторые аспекты бытования бронзовой зооморфной пластики на севере Западной Сибири в IX – XIV вв. // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: ИИиА УрО РАН. – С.127–129.
- Клюева, Н.И., Михайлова, Е.А., 1988. Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири. - Л.: "Наука" - С.105-128.
- Козлов, А.И., 2005. Пища людей. – Фрязино: Век 2. - 270 с.
- Козловская, М.В., 2002. Пищевые новации производящего хозяйства // OPUS. № 2. – М: ИА РАН. – С.26–42.
- Кокорина, Н.А., 2002. Керамика Волжской Болгарии второй половины XI — начала XV вв. – Казань: ИА РАН, ИИ АНТ. – 383 с.
- Колчин, Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М: Наука. – С.156-177
- Коми-пермяцкий автономный округ на рубеже веков, 2000. – Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во. – 392 с.
- Конаков Н.Д., 1996. Традиционное мировоззрение народов коми: пространство и время. – Сыктывкар.
- Конаков, Н.Д., 2002. Ви// Мифология коми / Н.Д. Конаков. www.komi.com
- Кондратьева, О.А., 1981. Зооморфные гребни IX-X вв. // Средневековые древности. КСИА. № 166. – М.: Наука. – С.103–109
- Кондратьева, О.А., 1999. "Язык" гребня. К вопросу о семиотическом статусе вещи // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. – СПб. – С.80–88
- Корзухина, Г.Ф., 1977. Об Одине и кресалах Прикамья // Проблемы археологии Евразии и Се-

- верной Америки. – М.: Наука.
- Корона, О.М., Косинцев, П.А., Терехова, Л.М., 2002.* Растительные продукты в погребальном обряде средневекового населения Сургутского Приобья // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: ИИиА УрО РАН. – С.170–172.
- Косарев, М.Ф., 2003.* Основы языческого миропонимания. – М.: Ладога. – 350 с.
- Косменко, А.П., 1984.* Народное изобразительное искусство вепсов. – Л.: Наука. – 200 с.
- Крыласова, Н.Б., 1988.* Особенности печей Лысьвенского района Пермской области // Областная отчетная студенческая научная конференция: Тезисы докладов (секция исторических наук). – Пермь: ПГУ. – С.34–36.
- Крыласова, Н.Б., 2001.* История прикамского костюма. – Пермь: ПГПУ. – 260 с.
- Крыласова, Н.Б., 2003.* Элементы огня Рождественского археологического комплекса // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. В. III. – Пермь: ПГПУ. – С.79–103.
- Крыласова, Н.Б., 2006.* Об интерпретации кресал с сюжетом, известным в историографии как "Один и вороны" // Российская археология, № 4. С.64-74
- Крыласова, Н.Б., 2007.* Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. - Пермь: ПГПУ. - 352 с.
- Куликов, К.И., Иванова, М.Г., 2001.* Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 64 с.
- Куприянова, З.Н., 1965.* Эпические песни ненцев. – М.
- Латина, М.А., 1995.* Традиционный хантыйский этикет // Узловые проблемы современного финно-угроведения. - Йошкар-Ола.
- Ленц, Г.Т., 2002.* Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки по археологии Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ. – С.217–243.
- Ленц, Г.Т., 2004.* Гребни городища Анюшкар // Путиями средневековых торговцев. – Пермь: ПГПУ. – С.58–77.
- Липина, Л.И., 2006.* Семантика бронзовых зооморфных украшений костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.): Автореф. канд. дис. – Ижевск. – 24 с.
- Лихачева, Л.Л., 1997.* Социально-возрастные особенности одежды бесермян // История и культура финно-угорских народов. – Глазов. - С.47-51.
- Лушников, А.В., 2004.* Модель универсума древних календарей. – М.: ИЯ РАН. – 260 с.
- Матвеева, Н.П., и др., 2005.* Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке) / Н.П. Матвеева, Н.С. Ларина, С.В. Берлина, И.Ю. Чукунова. – Новосибирск: СО РАН. – 227 с.
- Материалы по фольклору хантов, 1978.* – Томск.
- Материальная культура, 1989.* Свод этнографических понятий и терминов / Под редакцией С.А. Арутюнова – М.: Наука. – 224 с.
- Мерцалова, М.Н., 1972.* История костюма. - М.
- Мифологическое время, 2003.* – М.: "Эпифания". – 216 с.
- Мифология манси, 2001.* Энциклопедия уральских мифологий. Т. II. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН. – 196 с.
- Мифы народов мира, 1980. Т.1.* – М.: Советская энциклопедия. – 672 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990.* – М.: Главная редакция восточной литературы. – 568 с.
- Нахапетян, В.Е., 1995.* Некоторые особенности степного ремесла по данным рогообработки // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. – Самара: СОИК им.Алабина. – С.59–62.
- Оболенская, С.В., 1990.* "История повседневности" в современной историографии ФРГ // Одиссей. – М. – С.182–198
- Оборин, В.А., 1956.* Памятники родановской культуры у с. Таборы // КСИИМК. В. 56. – М.: Наука.

- Оборин, В.А., 1957а.* Коми-пермяки в IX-XV вв.: (Родановская культура): Автореф. канд. дис. – М. – 26 с.
- Оборин, В.А., 1970.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. В.9. Памятники ломоватовской культуры. – Свердловск: УрГУ. – С.3–29
- Оборин, В.А., 1997.* Взаимодействие природы и общества у древних коми-пермяков // Коми-пермяки и финно-угорский мир. – Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во. – С.155–157
- Оборин, В.А., 1999.* Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, МарНИИ. – С.255–298
- Оборин, В.А., Балащенко, Л.А., 1968.* Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // УЗ ПГУ. № 191. Труды камской археологической экспедиции. – Пермь: ПГУ. – С.28–48
- Ожегова М.Н., 1971.* Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. – Пермь: ПГПИ. 132 с.
- Перевалова, Е.В., 1992.* Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург. - С. 85-97.
- Пермская область, 1959.* Природа. История. Экономика. Культура. Пермь: Пермск. кн. изд-во. 407 с.
- Полидович, Ю.Б., 2002.* Природное и мифологическое в скифских изображениях (на примере позиций хвоста хищников) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.1. – Донецк. – С.149-206.
- Путешествие Абу Хамида ал Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153), 1971 /* Публикация Большакова О.Г., Монгайта А.Л. – М. – 136 с.
- Розенфельдт, Р.Л., 1997.* Керамика // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. – М.: Наука. – С.22–28.
- Розенфельдт, Р.Л., 1997а.* Ложки // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. – М.: Наука. – С.41–42.
- Руденко, К.А., 2000.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. – Казань: НМРТ. – 155 с.
- Руденко, С.И., 1914.* Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. Т.П. - СПб. - С.35-56.
- Сагалаев, А.М., 1990.* Птица, дающая жизнь // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: “Наука”. - С.21-34.
- Салангина, С.В., 2004.* Копоушки как исторический источник: Канд. дис. Рукопись. – Ижевск. – 430 с.
- Сидоров, А.С., 1928.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми. - Л.
- Сорокин, Н., 1873.* Путешествие к вогулам. - Казань.
- Спицин, А.А., 1902.* Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. №26. – СПб.: Имп. Арх. комиссия. – 110 с.
- Старцев, Г., 1928.* Остяки. - Л.
- Талицкий, М.В., 1951.* Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА. №22. – М.: АН СССР. – 192 с.
- Тарабукин, Н.М., 1994.* Очерки по истории костюма. – М.: ГИТТИС. – 158 с.
- Токарев, С.А., 1970.* К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ, N 4. С. 9-10.
- Томсинский, С.В., 1985.* Жилище населения Верхнего Поволжья в I тыс. н.э. // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар: ПГУ, СГУ. – С.50–65.
- Угорское наследие, 1994.* Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгидат. – 160 с.
- Федорова, Е.Г., 1988.* Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л.: Наука. – С.81–84.

- Федорова, Е.Г., 1996.* Система питания манси: взаимодействие различных культурных традиций // Историческое познание: традиции и новации. Ч.1. – Ижевск: УдГУ. – С.106–113
- Хорошев, А.С., 1997.* Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. – М.: Наука. – С.14–17.
- Худяков, М.Г., 1933.* Культ коня в Прикамье // ИГАИМК. В.100. - М.-Л.
- Чернецов, В.Н., 1959.* Представления о душе у обских угров // Нов. Серия ТИЭ. - М. - С. 136-160.
- Черных, Е.М., 1990.* Средневековые жилища верхнего Прикамья // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья 1 тыс. до н.э. – 1 тыс.н.э. Межвузовский сборник. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет. – С.101–114
- Черных, Е.М., 1992.* Жилища племен Прикамья I тыс. до н.э. – первой половины II тыс. н.э.: Канд. дис. Рукопись. – М. – 360 с.
- Черных, Е.М., 1992а.* Жилища племен Прикамья I тыс. до н.э. – первой половины II тыс. н.э.: Автореферат канд. дис. Рукопись. – М. – 24 с.
- Черных, Е.М., 1998.* Домостроительство древних коми-пермяков (по материалам родановской культуры Верхнего Прикамья) // Исследования по археологии и истории Урала. – Пермь: ПГУ. – С.83–95.
- Чурсин, Г.Ф., 1929.* Амулеты и талисманы кавказских народов. - Махач-Кала.
- Штернберг, Л.Я., 1893.* Сахалинские гилеяки // Этнографическое обозрение. Издание этногр. отдела Императорского об-ва любит. Естествознания, антропологии и этнографии при Моск. Ун-та. №4. – М.: Ком. Имп. об-ва Любит. Естествознания.
- Шутова, Н.И., 1992.* Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 264 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук
 АО – Археологические открытия
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 БИХМ – Березниковский историко-художественный музей им. Коновалова
 БНЦ – Башкирский научный центр
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ДТ – Дневник Теплоуховых
 ИА – Институт археологии
 ИИиА – Институт истории и Археологии
 ИИМК – Институт истории материальной культуры
 ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы
 ИЭ – Институт этнографии
 ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
 КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
 КПОКМ – Коми-пермяцкий окружной краеведческий музей им. Субботина-Пермяка
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КТ – коллекция Теплоуховых
 МАВГР – Материалы по археологии Восточных губерний России
 МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
 МАЭ ПГПУ – Музей археологии и этнографии ПГПУ
 МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
 МИА – материалы и исследования по археологии СССР
 НМРТ – Национальный музей республики Татарстан
 ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
 ПГУ – Пермский государственный университет
 ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей (ныне ПКМ - Пермский краевой музей)
 РА – Рукописный архив
 РАН – Российская академия наук
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СКМ – Соликамский краеведческий музей
 ТИЭ – Труды института этнографии
 УЗ – Ученые записки
 УрО – Уральское отделение
 ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
 ЧКМ – Чердынский краеведческий музей

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕМА 1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ КАК ПОДСИСТЕМА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	3
§ 1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ, ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	3
§ 2. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ	4
ТЕМА 2. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ. ТЕРРИТОРИЯ, ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРИОД, ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ	7
§ 1. ТЕРРИТОРИЯ, ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА	7
§ 2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРИОД	8
§ 3. ИСТОЧНИКИ	9
§ 4. ИСТОРИОГРАФИЯ	9
ТЕМА 3. СИСТЕМА ПИТАНИЯ И УТВАРЬ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ	12
§ 1. СИСТЕМА ПИТАНИЯ	12
§ 2. УТВАРЬ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ	25
§ 3. СТОЛОВАЯ ПОСУДА	38
§ 4. СТОЛОВЫЕ ПРИБОРЫ	43
§ 5. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ УТВАРИ	53
ТЕМА 4. ЖИЛИЩЕ	56
§ 1. КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖИЛИЩА ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	56
§ 2. ДЕТАЛИ ИНТЕРЬЕРА ЖИЛИЩ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	64
§ 3. ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ	68
ТЕМА 5. ОГОНЬ В БЫТУ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	73
§ 1. КУЛЬТОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОГНЯ У ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ	73
§ 2. ОРУДИЯ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ	75
§ 3. ОЧАГ	93
§ 4. ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ	98
ТЕМА 6. КОСТЮМ И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ	102
§ 1. ФУНКЦИИ КОСТЮМА	102
§ 2. ОДЕЖДА	106
§ 3. ДЕКОРАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА	108
§ 4. ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ НОШЕНИЯ В КОСТЮМЕ ОРУДИЙ ТРУДА ПОВСЕДНЕВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	137
ТЕМА 7. ПРЕДМЕТЫ ГИГИЕНЫ	150
§ 1. ГРЕБНИ	150
§ 2. КОПОУШКИ	163
§ 3. КОСМЕТИЧЕСКИЕ ЩИПЧИКИ (ПИНЦЕТЫ)	166
§ 4. ТУАЛЕТНЫЕ КОРОБОЧКИ	167
ТЕМА 7. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ	171
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	176
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	181

Учебное издание

**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРЕДУРАЛЬЯ**

В 2 частях

Часть I

**Крыласова Наталья Борисовна
Подосенова Юлия Александровна
КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Учебное пособие

Издание 2-е, стереотипное

Технический редактор: Е.Е. Покровская

ИБ № 304

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001

Свидетельство о государственной аккредитации вуза

№ 1806 от 11.03. 2009

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного педагогического университета

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,

тел. (342) 238-63-12

Подписано в печать 26.05.2010. Формат 60x90 1/8
Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс»
Усл. печ. л. 23. Уч.-изд. л. 12,6. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии

*Камская археолого-этнографическая экспедиция исторического факультета Пермского
государственного педагогического университета
тел (342) 238-64-10
e-mail: belavin@pspu.ru*